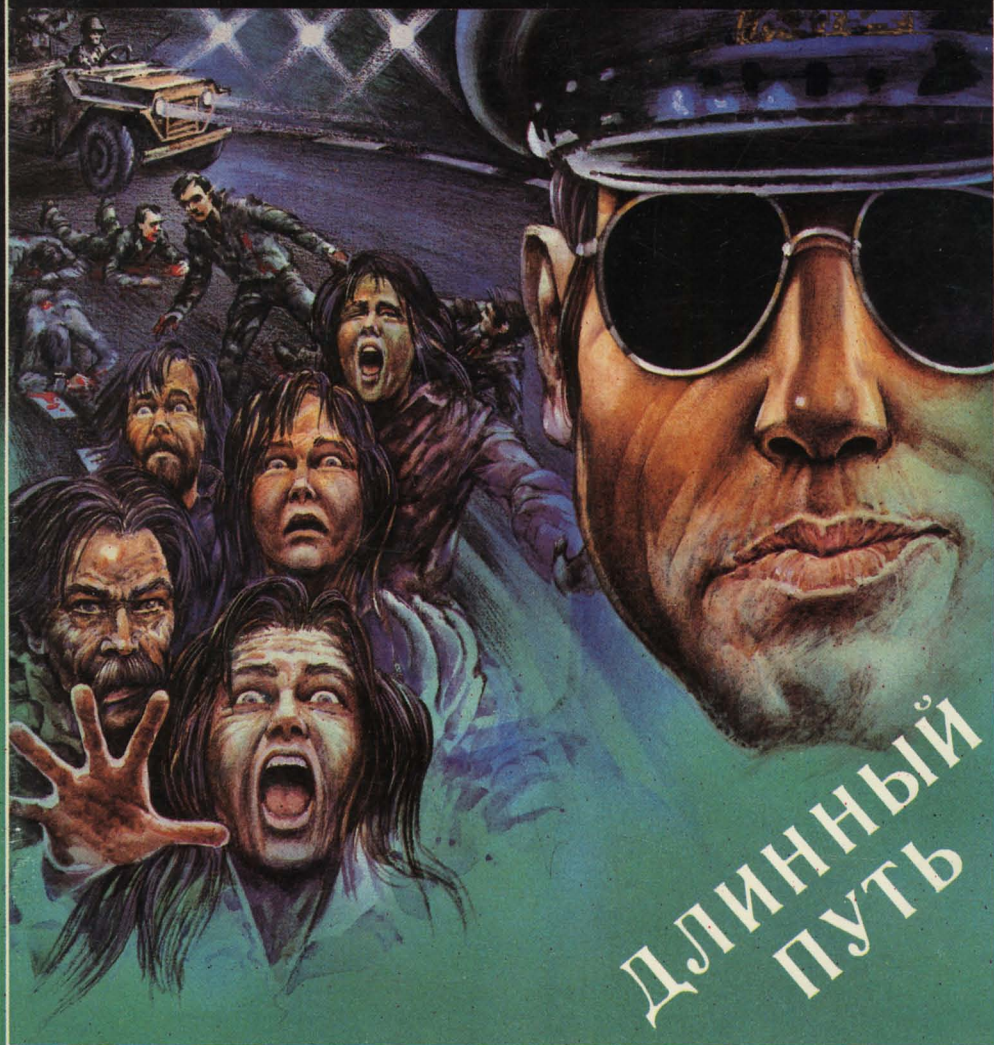

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг
ДЛИННЫЙ
ПУТЬ

Львов
СИГМА
1995

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 25

Stephen King

THE LONG WALK

Стивен Кинг

ДОЛГИЙ ПУТЬ: роман, рассказы

Copyright © 1979 by Stephen King

ISBN 0-451-14736-7

ДЛИННЫЙ ПУТЬ

Часть первая

Старт

«Вселенная для меня лишена и жизни, и воли, и целесообразности — это всего лишь громадная, мертвая, неизмеримая паровая машина, раздавливающая меня сустав за суставом. О гигантская мрачная Голгофа, Мельница Смерти! Почему смертный обречен идти туда один, без спутников? Почему, если не по воле Дьявола — или Дьявол является Богом?»

(Томас Карлейль)

«Я призываю всех американцев как можно больше ходить пешком. Это не только полезно для здоровья; это весело».

(Джон Ф.Кеннеди)

*«Насос не работает —
вандалы оторвали рукоятку».*

(Боб Дилан)

Глава 1

«Отгадай слова, и выиграешь тысячу долларов! Джордж, так кто же наши первые участники? Джордж?.. Джордж, ты где?..»

(Гручо Маркес)

Старый голубой «форд», заехавший тем утром на охраняемую автостоянку, был похож на запыхавшуюся от быстрого бега собачонку. Один из охранников, молодой солдат с безучастным выражением лица, попросил показать удостоверение, и парень на заднем сиденье протянул синюю пластиковую карточку матери. Та передала ее охраннику, который сунул карточку в компьютер, выглядевший довольно странно в этом захолустье. Компьютер заглотил карточку, и на его экране высветилось:

ГЭРРЕТИ РЭЙМОНД ДЭВИС
РД 1 ПАУНЭЛ МЭН
ГРАФСТВО АНДРОСКОГГИН
НОМЕР УДОСТОВЕРЕНИЯ 49-801-89
ВЕРНО ВЕРНО ВЕРНО

Охранник нажал кнопку, и все исчезло. Экран засветился ровным зеленоватым светом. Он махнул рукой, чтобы они проезжали.

— А они не отдадут карточку? — спросила миссис Гэррети.

— Нет, ма, — терпеливо ответил Гэррети.

— Мне это не нравится, — заметила она, выезжая на свободное место. Она говорила это с тех пор, как они встали в два часа ночи. Вернее, стонала.

— Не беспокойся, — сказал он в который раз, сам себя не слыша.

Он был слишком погружен в свои ощущения — смесь возбуждения и страха. С последним астматическим выдохом мотора он выбрался из машины — высокий, стройный парень в поношенной армейской куртке.

Его мать была тоже высокой, но чересчур худой. Грудь у нее почти отсутствовала. Глаза ее безучастно уставились куда-то в одну точку, как у тяжелобольной. Стального оттенка волосы косо сбились под тяжестью клипс, а платье висело, как на вешалке, — она словно разом потеряла солидную часть веса.

— Рэй, — проговорила она заговорщическим шепотом, от которого он вздрогнул. — Рэй, послушай...

Он мотнул головой и стал заправлять в штаны выбившуюся рубашку. Один из охранников ел что-то из консервной банки, одновременно разглядывая комикс. Гэррети смотрел на него и, наверно, в десятитысячный раз думал: *«Все это на самом деле»*.

Теперь впервые эта мысль находила подтверждение.

— Еще есть время изменить решение...

И возбуждение, и страх подпрыгнули еще на одно деление.

— Уже нет, — сказал он. — Отсчет начался со вчерашнего дня.

Тем же заговорщическим шепотом, который он терпеть не мог:

— Они поймут, я уверена. Майор...

— Майор... — при этом слове, повторенном им, мать вздрогнула. — Ты знаешь, что сделает Майор.

Еще одна машина завершила краткий ритуал у ворот и подъехала к ним. Из нее вышел парень с темными воло-

сами. За ним последовали его родители, и на какое-то мгновение все трое застыли в напряжении, как бейсбольные игроки на поле. У парня, как и у всех остальных, был с собой легкий рюкзак. Гэррети подумал, найдется ли идиот, который отправился в путь с чем-нибудь другим.

— Так ты не хочешь?

Он почувствовал вину. Рей Гэррети в свои шестнадцать уже знал кое-что о чувстве вины. Но она, в свою очередь, знала, что он слишком устал, слишком напуган или слишком далек от ее взрослых страхов, чтобы остановиться, прежде чем заработает громоздкая безжалостная машина государства с ее охранниками в хаки и компьютерными терминалами.

Он положил руку ей на плечо.

— Это мое решение, мама. Я.., — он оглянулся. Никто не обращал на них никакого внимания. — Я люблю тебя, но мне придется это сделать, так или иначе.

— Неправда, — всхлипнула она. — Рей, это неправда, если бы твой отец был здесь, он бы помешал...

— Но его же нет? — он спешил остановить ее слезы даже таким жестоким способом... что если они отташат ее прочь? Он слышал, что такое случалось. От одной мысли об этом его пробрала дрожь. Уже мягче он сказал:

— Пускай все идет, как идет. Ладно, мама? — он заставил себя улыбнуться. — Ладно, — ответил он за нее.

Ее подбородок еще дрожал, но она кивнула. Просто было уже слишком поздно, и она тоже это понимала.

По кронам сосен прошелестел легкий ветерок. Небо было безмятежно голубым. Впереди лежала дорога, и каменный столбик на ней обозначал границу между Америкой и Канадой. Внезапно его возбуждение превозмогло страх, и ему захотелось пойти, захотелось увидеть себя на этой дороге.

— Вот, я испекла. Ты ведь можешь их взять? Они не тяжелые, — она протянула ему пакетик с печеньем.

— Спасибо, — он взял пакет и неловко обнял ее, пытаясь этим объятием внушить ей то, что она хотела, — что все кончится хорошо.., хотя он сам в это не верил. Он поцеловал ее в щеку — ее кожа напоминала старый шелк.

Вдруг ему самому захотелось плакать. Потом он вспомнил усатое, смеющееся лицо Майора и быстро шагнул назад, засовывая печенье в карман куртки.

— Счастливо, мама.

— Счастливого пути, Рэй. Будь хорошим мальчиком.

Она постояла возле него еще минуту — легкая, почти невесомая, и весенний ветерок, казалось, мог подхватить ее, как пух одуванчика. Потом она села в машину и завела мотор. Гэррети остался стоять. Она помахала ему, и теперь он ясно видел на ее глазах слезы. Он помахал в ответ, стараясь выглядеть бодро; но как только машина отъехала и скрылась за воротами, одиночество и страх снова навалились на него.

Он повернулся к дороге. Темноволосый парень смотрел, как уезжают его родители. На щеке у него розовел шрам. Гэррети поздоровался.

— Привет, — сказал парень.

— Я Рэй Гэррети.

— А я Питер Макфрис.

— Готов?

Макфрис пожал плечами:

— Готов бежать. Это не очень-то хорошо.

Гэррети со знающим видом кивнул.

Они вдвоем пошли к пограничному столбу на дороге. Сзади подъезжали еще машины. Какая-то женщина внезапно начала кричать. Ни Гэррети, ни Макфрис не обернулись. Инстинктивно они сошлись ближе, а перед ними лежала дорога, темная и широкая, как река.

— Днем покрытие будет горячим, — сказал Макфрис.

Гэррети опять кивнул. Макфрис задумчиво посмотрел на него.

— Ты сколько вешишь?

— Сто шестьдесят.

— А я сто шестьдесят семь. Говорят, те, кто тяжелее, быстрее устают, но я считаю, что я в хорошей форме.

Гэррети тоже так показалось. Он хотел спросить, кто это сказал, что те, кто тяжелее, устают быстрее, но

раздумал. Путь давно оброс легендами и апокрифами, автора которых было не отыскать.

Макфрис присел в тени рядом с несколькими парнями, после минутного колебания Гэррети сел рядом. Макфрис, казалось, забыл о его существовании. Гэррети посмотрел на часы — пять минут девятого. Старт через пятьдесят пять минут. Нетерпение и тревога нарастали, и, чтобы сопротивляться им, он стал вглядываться в своих будущих попутчиков.

Все они сидели, группами и поодиночке; один забрался на нижнюю ветку сосны и ел что-то вроде сэндвича с яйцом, глядя на дорогу. Он был тощим и светловолосым, в красных штанах и зеленом свитере, протершемся на локтях. Гэррети подумал: интересно, тощим легче идти или они сдадут первыми?

Там, где сидели они с Макфрисом, завязался разговор.

— Я не собираюсь спешить, — сказал один парень. — Ну, получу предупреждение, что с того? Это только для порядка. Порядок здесь — ключевое слово, запомните это.

Он оглянулся и заметил Гэррети и Макфриса.

— О, еще ягнята на бойню! Привет, парни. Меня зовут Хэнк Олсон, и ходить — мое хобби, — он сказал это без улыбки.

Гэррети назвал себя; Макфрис пробормотал свое имя еле слышно, не отрывая глаз от дороги.

— Я Арт Бейкер, — сказал еще один тихо, с легким южным акцентом. Они обменялись рукопожатиями.

На минуту повисло молчание, потом Макфрис сказал:

— Страшно немного, правда?

Все кивнули, кроме Хэнка Олсона, который пожал плечами и усмехнулся. Гэррети смотрел на парня в красных штанах, который доел сэндвич, скатал бумагу в шарик и неловко бросил за плечо. «Этот накроется раньше», — подумал он, и от этой мысли ему почему-то стало легче.

— Видите вон то место возле границы? — спросил Олсон.

Они все взглянули. Ветер играл тенями в разросшейся траве, и Гэррети не мог увидеть ничего определенного.

— Это осталось от прошлогоднего Пути, — с мрачным удовлетворением пояснил Олсон. — Один так испугался, что застыл там ровно в девять.

Гэррети представил это и похолодел.

— Не мог двинуться, понимаете? Ему вlepили три предупреждения и через две минуты выписали пропуск. Прямо тут, у старта.

А что, если *его* ноги не смогут сдвинуться с места? Гэррети такого не предполагал, но заранее не мог быть уверен. Эта мысль сводила с ума, и зачем этот Хэнк рассказывает такие жуткие вещи?

Внезапно Арт Бейкер резко привстал.

— Вот он!

Песочного цвета джип подъехал к пограничному столбу и остановился. За ним ползла странная гусеничная машина, похожая на вездеход, по бокам которого торчали тарелочки радаров. Наверху машины сидели двое солдат, и Гэррети при виде их почувствовал холод в желудке. В руках они держали тяжелые армейские карабины.

Некоторые вскочили, но Гэррети остался сидеть. Так же, как Олсон и Бейкер, а Макфрис вообще был так погружен в свои мысли, что, казалось, ничего не замечал.

Из джипа вылез Майор — высокий, загорелый мужчина с военной выправкой. Загар очень подходил к его выгоревшему защитному костюму. На поясе у него была кобура, а на лице — темные очки. Ходили слухи, что глаза Майора не выносят яркого света, и он появляется на людях исключительно в очках.

— Сидите, ребята, — сказал он. — Помните пункт 13.

Это пункт гласил: «Сохраняй энергию по мере возможности».

Те, кто успел встать, снова сели. Гэррети опять посмотрел на часы и решил, что они немного спешат. Было 8.16, а Майор никогда не опаздывал. Он хотел перевести часы на минуту назад, а потом забыл.

— Не буду произносить речей, — сказал Майор, глядя на них черными пустыми линзами. — Просто поздравляю

того из вас, кто победит, и выражаю сожаление проигравшим.

Он отвернулся к джипу. Все молчали. Гэррети глубоко вдохнул свежий весенний воздух. День будет теплым, для ходьбы в самый раз.

Майор опять повернулся к ним. В руках он держал папку.

— Когда я назову вашу фамилию, выйдите, пожалуйста, вперед и возьмите ваш номер. Потом вернитесь на место и стойте, пока я не дам знак начинать.

— Вот мы и в армии, — с ухмылкой шепнул Олсон, но Гэррети не обратил внимания. Майором нельзя было не восхищаться. Отец Гэррети, пока его не забрали люди из Эскадрона, часто говорил, что Майор — самый гнусный и опасный монстр, какого нация когда-либо производила. Но он никогда не видел Майора так, лицом к лицу.

— Ааронсон.

Низкорослый крепыш деревенского вида с обожженной солнцем шеей неуклюже шагнул вперед, явно сконфуженный присутствием Майора, и взял свой номер — большую пластиковую единицу. Он прикрепил ее к рубашке и получил от Майора поощрительный хлопок по спине.

— Абрахам.

Высокий рыжий парень в джинсах и ковбойке. Куртка у него была по-школьному обвязана вокруг пояса и хлопала по ногам при каждом шаге. Олсон фыркнул.

— Бейкер Артур.

— Это я, — Бейкер встал с нарочитой медлительностью, что заставило Гэррети понервничать. «Тянет время, — подумал он. — Или строит из себя смельчака».

Бейкер вернулся, прицепляя на ходу номер три к рубашке.

— Он что-нибудь тебе сказал? — спросил Гэррети.

— Он спросил, не жарко ли у нас дома. Да... Майор так спросил.

— Не так жарко, как будет здесь, — хихикнул Олсон.

— Бейкер Джеймс, — продолжил Майор переключку.

Она продолжалась до 8.40 и прошла успешно. Никто не отказался. Позади, на стоянке, стали разъезжаться оставшиеся машины — парни из списка запасных уезжали домой, чтобы посмотреть Длинный путь по телевизору. «Началось, — подумал Гэррети, — в самом деле началось».

Когда пришла его очередь, Майор протянул ему номер 47 и пожелал удачи. Вблизи от Майора веяло чем-то очень мужским — силой, должно быть, и властью. Гэррети вдруг захотелось потрогать его и убедиться, что он настоящий.

Питер Макфрис получил номер 61, Хэнк Олсон — 70. Он пробыл у Майора дольше остальных. Майор засмеялся чему-то, что сказал Олсон, и хлопнул его по спине.

— Я посоветовал ему приберечь побольше денег для меня, — рассказал он, вернувшись. — А он сказал мне: «Давай, попробуй их взять». Сказал, что любит таких остряков. «Возьми их, парень», — так он сказал.

— Ну-ну, — сказал Макфрис, подмигнув Гэррети. Гэррети не мог понять, что он имел в виду. Смеялся над Олсоном?

Тощий парень, который сидел на дереве, оказался Стеббинсом. Он взял свой номер молча, потупив глаза, и тут же вернулся на свое место. Почему-то он заинтересовал Гэррети.

Номер 100 дали здоровенному рыжему парню по фамилии Зак. После этого они все сели и стали ждать.

Потом трое солдат из вездехода принесли им широкие ремни с карманами. В карманах лежали тюбики с высококалорийными концентратами. Другие солдаты раздали фляжки с водой. Все опоясались ремнями. Олсон нацепил свой на самые бедра, как ковбой, выудил плитку шоколада и захрустел ей.

— Неплохо, — заметил он, ухмыляясь.

Он запил шоколад водой из фляжки, и Гэррети спросил себя: то ли Олсон просто храбрится, то ли он знает о жизни что-то такое, чего не знает он, Гэррети.

Майор оглядел их. Часы Гэррети показывали 8.56 — насколько они все-таки спешат? В животе неприятно урчало.

— Ладно, парни, станьте по десяткам. Не надо строгого порядка. Становитесь со своими друзьями, если хотите.

Гэррети встал, ощущая нереальность происходящего. Его тело словно перешло к кому-то другому, и он наблюдал все это со стороны.

— Вот мы и пошли, — сказал сбоку Макфрис. — Желаю удачи.

— И тебе тоже, — ответил удивленный Гэррети.

Макфрис выглядел бледным и озабоченным. Он попытался улыбнуться и не смог. Шрам горел на его лице, как странный восклицательный знак.

Стеббинс встал и подошел к последней десятке. Олсон, Бейкер, Макфрис и Гэррети оказались вместе в третьей. Рот у Гэррети пересох, но он решил пока не пить. Никогда еще он так не беспокоился о своих ногах. Вдруг он застынет на месте и получит свой пропуск прямо на старте? Он подумал о том, когда это случится со Стеббинсом — Стеббинсом, который носил красные штаны и ел сэндвич с яйцом.

Получит ли он пропуск первым? И как это выглядит со стороны?

На его часах было 8.59.

Майор держал в руке сияющий стальной хронометр. Сто взглядов внимательно смотрели, как он медленно поднимает руку. Нависло неопишемое молчание.

Часы Гэррети показывали 9.00, но рука оставалась неподвижной.

Ну, давай же! Почему он медлит?

Гэррети едва не закричал.

Потом он вспомнил, что его часы на минуту спешат. Нужно было перевести их, но он забыл.

Рука Майора резко упала.

— Удачи вам всем, — сказал он без выражения. Глаза его все так же прятались за темными очками.

Они пошли, стараясь не спешить.

Гэррети пошел вместе со всеми. Он не застыл на месте, и никто не застыл. Ноги послушно пронесли его мимо пограничного столба рядом с Макфрисом и Олсоном. Звук шагов казался очень громким.

Вот так, вот так, вот так.

Внезапно его охватило острое желание остановиться. Посмотреть, не шутка ли все это. Он быстро прогнал эту безумную мысль.

Они вышли из тени на солнце, теплое весеннее солнце. Это успокоило Гэррети, и он сунул руки в карманы и пристроился к Макфрису. Десятки начали рассыпаться — каждый подбирал собственный ритм и скорость. Мимо протасился вездеход, поднимая пыль. Тарелки радаров деловито вращались, фиксируя скорость каждого участка на компьютере. Низший предел допустимой скорости был что-то около четырех миль в час.

— Предупреждение! — Предупреждение 88-му!

Гэррети оглянулся. 88-м был Стеббинс. Конечно, он был уверен, что Стеббинсу выпишут пропуск прямо здесь, у старта.

— Чудесно, — голос Олсона.

— Что? — Гэррети пришлось совершить усилие, чтобы пошевелить языком.

— Он получил предупреждение, когда еще не устал и может подумать о том, как себя вести. И он может легко избавиться от этого — пройди час без предупреждения, и с тебя снимут предыдущее. Ты знаешь.

— Знаю, — сказал Гэррети. Это было в правилах. Ты получаешь три предупреждения, а на четвертый раз, когда твоя скорость упадет ниже четырех миль в час, тебя... ну, ты сходишь с дистанции. Но если ты после трех предупреждений проходишь три часа, то можешь считать себя заново родившимся.

— И он знает, — сказал Олсон. — Так что ровно в 10.20 он будет оправдан.

Гэррети чувствовал себя прекрасно. Пограничный столб исчез из виду, когда они перевалили холм и начали спуск в длинную, поросшую соснами долину. Там и тут виднелись аккуратные поля со свежевскопанной землей.

— Картошка, что ли? — спросил Макфрис.

— Лучшая в мире, — автоматически ответил Гэррети.

— Ты из Мэна? — поинтересовался Бейкер.

— Да, только с побережья.

Он посмотрел вперед. Несколько участников оторвались от остальных, делая около шести миль в час. На двоих были одинаковые кожаные куртки с чем-то вроде орла на спине. Гэррети захотелось догнать их, но он твердо помнил: спешить не надо. «Сохраняй энергию по мере возможности» — пункт 13.

— И дорога проходит рядом с твоим городом? — спросил Макфрис.

— В семи милях. Я думаю, моя мать и подружка выйдут меня встретить, — он прервался и добавил, — если, конечно, я еще буду идти.

— Ну, к побережью где-то двадцать пять из нас уже сойдут, — бросил Олсон со своим обычным видом знатока.

Наступило молчание. Все знали, что в этом Олсон прав.

Еще двое участников получили предупреждение, и чтобы там ни говорил Олсон, сердце Гэррети каждый раз екало. Он оглянулся на Стеббинса — тот по-прежнему плелся позади, доедая очередной сэндвич с яйцом. Это был уже третий сэндвич, извлеченный им из кармана зеленого свитера. Гэррети подумал о том, кто их дал ему — должно быть, мать, — и вспомнил о печенье, которое дала ему его мать, настойчиво, словно пытаясь отпугнуть от него злых духов.

— Почему они не пускают людей посмотреть на старт? — спросил Гэррети.

— Чтобы не отвлекать внимания участников, — сказал чей-то резкий голос.

Гэррети повернул голову. Это был невысокого роста темноволосый парень с номером пять на куртке. Гэррети не помнил его фамилии.

— Внимание?

— Ну да. Майор говорил, что для участников Длинного пути очень важно сконцентрироваться с самого начала, — он почесал свой острый нос большим пальцем. На носу багровел солидных размеров прыщ. — И я с ним согласен.

Люди, телевидение — все это очень отвлекает. А нам нужно сосредоточиться, — он посмотрел на Гэррети маленькими карими глазками и повторил. — Сосредоточиться!

— Все, на чем я сосредоточен — это поднимать и опускать ноги, — заметил Олсон.

Номер пять поморщился.

— Так не пойдет. Нужно сосредоточиться на себе, на своем плане. Кстати, я Гэри Баркович из Вашингтона, округ Колумбия.

— А я — Джон Картер из Барсума, Марс, — сказал Олсон.

Баркович недовольно скривился и отстал.

— Да, в любых часах сидит своя кукушка, — заметил Олсон, но Гэррети этот Баркович показался не таким уж глупым — во всяком случае, пока один из солдат не крикнул пять минут спустя: «Предупреждение! Предупреждение пятому!»

— Мне попал камень в ботинок! — крикнул в ответ Баркович.

Солдат не ответил. Он спрыгнул с вездехода и остановился на обочине напротив Барковича, глядя на такой же стальной хронометр, как у Майора. Баркович совсем остановился, сдернул с ноги ботинок и потряс его. Его смуглое лицо блестело от пота, и он не обратил внимания, когда солдат сделал ему второе предупреждение. Он заботливо подтягивал носок.

— Ого, — сказал Олсон. Они все разом обернулись и шли теперь задом наперед, следя за развитием событий.

Стеббинс прошел мимо Барковича, не взглянув на него. Теперь Баркович остался один посреди дороги. Он уже надевал ботинок.

— Третье предупреждение пятому! Последнее предупреждение.

Что-то зашевелилось в желудке Гэррети, как комок липкой слизи. Он не хотел смотреть и знал, что ходьба задом наперед не способствует сбережению энергии, но не мог ничего поделать. Он физически ощущал, как последние секунды Барковича падают куда-то в пустоту.

— О Господи, — сказал Олсон. — Сейчас этот болван получит свой пропуск.

Но тут Баркович пошел. Он задержался на секунду, чтобы отряхнуть грязь с коленей, и скоро догнал впереди идущих. Обогнав Стеббинса, который по-прежнему не глядел на него, он приблизился к Олсону. Он ухмыльнулся, карие глаза блеснули.

— Видел? Я сумел отдохнуть. Это входит в мой план.

— Можешь так думать, — ответил Олсон чуть громче, чем обычно. — Я вижу только то, что ты получил три предупреждения. За паршивую минуту тебе придется идти три гребаных часа. И зачем тебе отдых? Мы же только начали.

Баркович сверкнул глазами.

— Еще посмотрим, кто раньше получит пропуск, ты или я, — огрызнулся он. — Это тоже мой план.

— Твой план что-то очень похож на то, что выходит из моей задницы, — заметил Олсон, и Бейкер прыснул.

Баркович фыркнул и ушел вперед.

— Смотри не споткнись, парень, — бросил ему вслед Олсон. — Больше они не станут с тобой разговаривать.

Баркович шел, не оглядываясь.

В 9.13 по часам Гэррети (он так и не перевел их на минуту назад) сзади появился джип Майора. Подъехав к ним, Майор высунулся из машины и поднес ко рту громкоговоритель.

— Рад сообщить ребята, что вы одолели первую милю пути. Напоминаю, что самой длинной дистанцией, которую участники когда-либо одолели в полном составе, было семь и три четверти мили. Надеюсь, что вы улучшите этот результат.

Джип уехал вперед. Олсон смотрел ему вслед неподвижным, испуганным взглядом. «Даже до восьми миль не дотянули», — подумал Гэррети. Он думал раньше, что никто, даже Стеббинс, не получит пропуск по крайней мере до конца дня. Тот же Баркович — ему ведь нужно было всего лишь идти три часа, не снижая скорости.

— Рэй! — это был Арт Бейкер. Он снял куртку и перекинул ее через руку. — А почему ты решил участвовать в Длинном пути?

Гэррети достал фляжку и отхлебнул глоток воды. Она была холодная и вкусная. На губах остались капли, и он слизнул их.

— Сам не знаю, — честно признался он.

— Я тоже, — Бейкер на миг задумался. — Может, тебя обижали в школе или еще где-нибудь?

— Нет.

— Меня тоже. Но сейчас это, наверное, не имеет значения.

— Наверное, — согласился Гэррети.

Разговор заглох сам собой. Они миновали деревеньку с магазином и бензоколонкой. У бензоколонки сидели на садовых стульях два старика и глядели на них стариковскими ящеричьими глазами. Молодая женщина на ступеньках магазина подняла своего маленького сына, чтобы он мог видеть их. Рядом стояли двое ребят постарше, кто-то заговорил о том, с какой скоростью они идут. Один утверждал, что семь миль в час, другой — что десять. Кто-то авторитетно заметил, что парень впереди получил уже три предупреждения. Гэррети подумал, что будь это правдой, он бы уже не был впереди.

Олсон доел плитку шоколада, начатую на старте, и запил ее водой. Другие тоже ели, но Гэррети решил подождать, пока не проголодается по-настоящему. Он слышал, что эти концентраты хорошо утоляют голод, когда-то их ели космонавты.

Вскоре после десяти они миновали указатель «*Лайм-стоун 10 мл*».

Гэррети вспомнил единственный Длинный путь, который он видел вместе с отцом. Тогда они поехали во Фрипорт и смотрели, как участники проходили по улице — усталые, с пустыми глазами, не обращая внимания на приветствия и аплодисменты, которыми их награждала толпа. Отец сказал потом, что люди стояли вдоль дороги до самого Бангора. Выше дорога была окружена кордо-

ном — должно быть, чтобы участники могли сконцентрироваться, как говорил Баркович. Но с тех пор, похоже, интерес к Длинному пути немного упал.

К тому времени, когда участники достигли Фрипорта, они находились в дороге уже 72 часа. Гэррети было десять лет, но он хорошо помнил все. Когда участники были еще в шести милях от города, Майор обратился к собравшимся с речью — начал с Духа Состязания, продолжил Патриотизмом и закончил каким-то Валовым Национальным Продуктом. Гэррети тогда рассмеялся — слово «валовый» показалось ему чем-то противным, вроде тараканов. Он съел шесть хотдогов и к моменту встречи участников намочил штаны.

Один из них кричал — это было самое яркое воспоминание. Каждый раз, поднимая и опуская ноги, он кричал: «Не могу! Не могу! Не могу-у-у!!!» Но он все равно шел, и все они шли, и скоро скрылись за зданием универмага. Гэррети был слегка разочарован тем, что никому из них не выписали пропуск. Больше они не видели Длинного пути. В тот же вечер, перед сном, Гэррети слышал, как его отец кричит на кого-то по телефону, как он всегда делал, когда был пьян или говорил о политике, а мать шепотом уговаривала его замолчать и не губить себя, пока кто-нибудь его не подслушал.

Гэррети отпил еще воды. Они прошли еще дома, возле которых целые семьи махали им, улыбаясь и попивая кока-колу.

— Гэррети, — позвал Макфрис. — Ты погляди!

Симпатичная девушка лет шестнадцати в белой блузке и красных шортах держала плакат: «Гэррети, номер 47, давай — давай! Ты из Мэна, не забывай! *Мы любим тебя, Рэй!*»

Сердце Гэррети забилось сильнее. Внезапно он понял, что выиграл — незнакомая девушка обещала ему это.

Олсон свистнул и принялся совать свой потный указательный палец в кулак. «Грязная шутка», — подумал Гэррети.

Черт с ним, с пунктом 13! Гэррети подбежал к обочине, девушка увидела его номер, кинулась к нему и поцеловала в губы. Внезапно Гэррети почувствовал возбуждение. Девушка впилась в него, осторожно облизывая его рот. С

трудом сознавая, что делает, он обхватил ее круглую попку и притянул к себе.

— Предупреждение! Предупреждение 47-му!

Гэррети шагнул назад и усмехнулся.

— Спасибо.

— О...О, извини! — она, расширив глаза, смотрела на него. Он хотел сказать еще что-нибудь, но солдат уже открывал рот для второго предупреждения. Он потрусил на свое место, чувствуя себя немного виноватым перед пунктом 13.

Олсон ухмыльнулся ему.

— За такое не жалко получить и три предупреждения.

Гэррети не ответил, но повернулся и помахал девушке. Когда она скрылась из виду, он пошел вперед решительно и твердо. Через час предупреждение снимут, а новых он не получит. Он чувствовал в себе силы идти хоть до самой Флориды.

— Рэй! — это был Макфрис. — Куда ты так спешишь?

Да, правда. Пункт 6: «Не торопись».

— Спасибо.

— Не благодари. Победу я тебе не уступлю.

Гэррети в недоумении посмотрел на него.

— Я к тому, что нечего разыгрывать из себя мушкетеров. Ты мне нравишься, и я рад, что к тебе липнут хорошенькие девчонки, но если ты упадешь, поднимать я тебя не стану.

— Да, — он улыбнулся в ответ, но улыбка вышла кривой.

— И в то же время, — вмешался Бейкер. — Мы все в одинаковом положении и можем хотя бы не портить друг другу настроение.

— Верно, — сказал Макфрис, улыбаясь.

Они начали подниматься на очередной холм. Гэррети снял куртку и перекинул ее через плечо. У обочины лежал старый свитер — кто-то решил позаботиться о них. Гэррети автоматически поднимал и опускал ноги. Он все еще чувствовал себя хорошо. Он чувствовал себя сильным.

Глава 2

«Теперь у вас есть деньги, Элен, можете взять их себе. Если, конечно, не захотите отдать их за то, что спрятано за занавеской».

(Монти Холл)

— Я Гаркнесс, номер 49. А ты Гэррети, номер 47, правильно?

Гэррети посмотрел на очкастого парня, стриженного под ежик. Лицо Гаркнесса было красным и блестело от пота.

— Правильно.

Гаркнесс достал блокнот и записал фамилию и номер Гэррети. Подчерк сильно прыгал, поскольку приходилось писать на ходу. Он налетел на парня по имени Колли Паркер, который посоветовал ему глядеть, на какой хер он суется. Гэррети с трудом подавил улыбку.

— Я всех записываю, — похвастался Гаркнесс. Утреннее солнце блестело на его очках, и Гэррети пришлось сощуриться, чтобы разглядеть его лицо. Было 10.30, до Лаймстоуна оставалось 8 миль, и всего через полторы мили они перекроют рекордную дистанцию, пройденную всеми участниками Длинного пути.

— Вам, наверное, интересно, зачем я это делаю? — спросил Гаркнесс.

— Ты из Эскадрона, — бросил через плечо Олсон.

— Нет. Я хочу написать книгу, когда все это закончится.

Гэррети улыбнулся.

— Если ты выживешь, хочешь сказать.

Гаркнесс пожал плечами.

— Ну да. Только подумайте: книга о Длинном пути, написанная его участником! Она сразу сделает меня богачом.

Макфрис засмеялся.

— Если ты выиграешь, ты станешь богачом без всякой книги, разве не так?

— Ну... наверное. Но все равно это будет интересная книга.

Они шли дальше, и Гаркнесс продолжал записывать имена и номера. Большинство охотно говорили ему и расспрашивали о будущей великой книге. Они прошли уже шесть миль. Скоро рекорд будет побит. Гэррети подумал о том, почему им так хочется побить этот рекорд, и решил, что потом... тогда и начнется настоящее соревнование. Разнесся слух, что ожидается дождь, — похоже у кого-то был транзистор. Эта новость не порадовала Гэррети — дожди в начале мая не из теплых, во всяком случае в Мэне.

Они шли.

Макфрис ступал твердо, подняв голову и стараясь не размахивать руками. Если рюкзак и мешал ему, он не подавал виду. Глаза его были устремлены вперед, а когда им встречались люди, он улыбался своими тонкими губами и махал им. Он не выказывал признаков усталости и не получил пока ни одного предупреждения.

Бейкер шел отдельно от других, скользящей походкой опытного ходока. Он рассеянно помахивал курткой и иногда начинал насвистывать какую-нибудь мелодию. Гэррети казалось, что он может идти так вечно. Олсон больше не болтал. Похоже, он с трудом сгибал ногу — Гэррети несколько раз слышал, как шелкала коленная чашечка. Олсон явно устал, и фляжка его почти опустела. Скоро ему нужно будет помочиться.

Баркович то появлялся в авангарде, то вдруг оказывался сзади, рядом с Стеббинсом. Он лишился одного из своих трех предупреждений, но получил его снова через пять минут. Гэррети решил, что ему нравится балансировать на грани.

Стеббинс продолжал плестись позади всех. Он ни с кем не разговаривал — то ли устал, то ли просто не хотел. Гэррети все еще казалось, что он выйдет из игры первым. Стеббинс стянул свой зеленый свитер и дожевывал еще один сэндвич с яйцом — по всей видимости, последний. Лицо его напоминало маску.

Они шли.

Дорогу пересекала еще одна дорога, и полицейские перекрывали движение, пока они проходили. Каждому участнику полицейские отдавали честь, а Гэррети улыбался и кивал в ответ, и думал, что со стороны они кажутся сумасшедшими.

Машины загудели, и тут на дорогу выбежала женщина. Она выскочила из машины, где, очевидно, поджидала своего сына.

— Перси! *Перси!*

Это был 31. Он залился краской, махнул ей, и пошел дальше — торопливо опустив голову. Женщина пыталась подбежать к нему, но один из полицейских поймал ее за руку. Потом дорога сделала поворот, и сцена пропала из виду.

Они прошли по деревянному мосту через маленький, лениво журчащий ручеек. Гэррети поглядел вниз и успел разглядеть в воде искаженное отражение собственного лица.

Он миновали указатель «*Лаймстоун 7 мл.*» и развешенный транспарант с надписью «Лаймстоун рад приветствовать участников Длинного пути». Гэррети подсчитал, что меньше чем через милю они побьют рекорд.

Потом начались неприятности с парнем по фамилии Кэрли, номер 7. Он натер мозоли и уже получил первое предупреждение. Гэррети поравнялся с Олсоном и Макфрисом.

— Где он? — спросил он.

Олсон ткнул пальцем в худого парнишку в джинсах. На его узком лице, на котором он безуспешно пытался отрастить бакенбарды, отражалось ужасное напряжение, и он смотрел на свою правую ногу.

— Предупреждение! Предупреждение 7-му!

Кэрли поспешил вперед, пыхтя не то от страха, не то от удивления. Гэррети не замечал вокруг ничего — теперь он смотрел только на Кэрли, на его борьбу со смертью. Он сознавал, что через час или через день это будет и *его* борьба.

Он никогда не видел более завораживающего зрелища.

Кэрли медленно терял скорость, и другие получили несколько предупреждений прежде, чем поняли, что нужно спешить вперед. Это значило, что Кэрли близок к своему концу.

— Предупреждение! Третье предупреждение 7-му!

— У меня мозоли! — хрипло крикнул в ответ Кэрли. — Вы бы тоже не смогли идти, если бы натерли мозоль!

Он был рядом с Гэррети. Гэррети видел, как его кадык двигался вверх и вниз, когда он кричал. Паника исходила от него волнами, как запах свежерезанного лимона.

Тем не менее он продолжал идти. Гэррети почувствовал разочарование. Конечно, это нехорошо и неспортивно, но он хотел увидеть, как кто-нибудь получит пропуск *раньше* него.

На часах было пять минут двенадцатого. Гэррети предположил, что они уже побили рекорд, если шли со скоростью четыре мили в час. Скоро Лаймстоун. Он видел, как Олсон растирает одно колено, потом другое. Он пощупал собственное колено и удивился тому, насколько оно онемело, но ноги у него еще не болели.

Они миновали грязный поселок, у выезда с которого стоял молочный фургон. Молочник, сидящий на капоте, жизнерадостно помахал им.

— Давай, ребята!

Гэррети внезапно охватила злость. Ему захотелось крикнуть: «Эй, почему бы тебе не поднять свою жирную задницу и не пройти с нами?» Но молочнику было больше восемнадцати; точнее, ему было за тридцать. Он был старый.

— Эй, держи пять! — крикнул Олсон, проходя мимо. Кто-то рассмеялся.

Фургон скрылся из виду. Появились новые проселки, новые и новые полицейские и толпы людей. Кто-то разбрасывал конфеты. Гэррети почувствовал прилив сил. Это приветствовали его — ведь он из Мэна!

Внезапно Кэрли закричал. Гэррети оглянулся — Кэрли шел согнувшись, обхватив ногу руками. Он шел все медленнее.

И все затем произошло так же медленно, будто примерялся к его шагу. Солдаты на броне вездехода медленно поднимали карабины. Толпа выдохнула, словно не знала, что сейчас произойдет, и участники Длинного пути тоже выдохнули, и Гэррети с ними, но, конечно, он знал, и они все знали. Все просто — Кэрли предстояло получить пропуск.

Щелкнули затворы. Все отшатнулись, и Кэрли остался один посреди омытой солнцем дороги.

— Это нечестно! — закричал он. — *Нечестно!*

Идущие вошли в тень деревьев. Некоторые из них оглянулись, другие продолжали смотреть вперед. Гэррети оглянулся. Он не мог не смотреть. Толпа зрителей хранила молчание, словно ее просто отключили.

— Это не...

Четыре карабина разом выстрелили. Звук был очень громкий. Он долетел до окружающих холмов и отразился от них.

Стриженная голова Кэрли исчезла в вихре крови, мозгов и осколков черепа. То, что от него осталось, шлепнулось на белую линию, как мешок с мукой.

«Еще 99, — подумал Гэррети, — 99 бутылок пива на полке, и если одной из них суждено упасть... о Господи, Господи...»

Стеббинс прошел мимо трупа. Одной ногой он наступил в кровь, и следующий его шаг оставил кровавый след, как фотография в детективном журнале. Стеббинс даже не посмотрел на то, что осталось от Кэрли, и лицо его не изменилось. «Стеббинс, ублюдок, — подумал Гэррети, — это должен был быть ты, ты это знаешь?» Потом он отвернулся: он не хотел, чтобы его вырвало.

Женщина, стоявшая у автобуса «фольксваген», закрыла лицо руками; она всхлипывала, и Гэррети вдруг обнаружил, что видит сквозь платье ее панталоны. Голубые. Как ни странно, он опять почувствовал возбуждение. Лысый толстяк испуганно смотрел на Кэрли и чесал бородавку за левым ухом. Он все еще смотрел и чесал бородавку, когда Гэррети потерял его из виду.

Они шли. Гэррети опять оказался рядом с Олсоном, Бейкером и Макфрисом. Все они теперь глядели прямо перед собой, стараясь сохранить спокойное выражение лица. Эхо выстрелов, казалось, еще висело в неподвижном воздухе. Гэррети думал о кровавом следе, оставленном теннисной туфлей Стеббинса. Он думал, оставлял ли Стеббинс еще такие следы, потом обругал себя, но не мог удержаться от этих мыслей. Он думал, было ли Кэрли больно. Думал, чувствовал Кэрли, как его тело распадается, или он просто был в одну секунду жив, а в следующую уже мертв.

Конечно, думать об этом было страшно. Особенно было страшно сознавать, что без него, как и без Кэрли, мир будет все также кружиться в пустоте, равнодушный и ничего не знающий.

Разнесся слух, что к моменту гибели Кэрли они прошли уже девять миль, и что Майор очень этим доволен. Но кто мог знать, чем на самом деле доволен Майор?

Гэррети быстро оглянулся, чтобы еще раз посмотреть на тело Кэрли, но они уже зашли за поворот.

— Что у тебя в рюкзаке? — неожиданно спросил Бейкер у Макфриса. Он старался говорить обычно, но голос его был неестественно высоким и каким-то деревянным.

— Чистая рубашка, — ответил Макфрис. — И сырой гамбургер.

— Сырой гамбургер, — Олсон скривился.

— В нем очень много энергии.

— Ты с ума сошел. Ты же все выблюешь.

Макфрис только улыбнулся.

Гэррети самому захотелось сырого гамбургера. Это лучше, чем шоколад и концентраты. Он вспомнил о своем печенье, но после Кэрли ему не очень-то хотелось есть. Как еще после этого он мог думать о своем гамбургере?

Зрители, похоже, знали уже, что один из участников получил пропуск, иначе с чего бы они стали аплодировать еще сильнее? Аплодисменты трещали, как попкорн. Гэррети подумал о том, каково это быть застреленным перед целой толпой народа, — потом решил об этом не думать.

Стрелки его часов застыли на полудне. Они прошли по ржавому железному мосту через пересохший ручеек, и их встретил транспарант: *«Вы входите в город Лаймстоун. Привет участникам Длинного пути!»*

Кое-кто закричал «Ура», но Гэррети берег дыхание.

Дорога расширилась, и участники привольно расположились на ней, поодиночке и группами. Кэрли остался уже почти в трех милях позади.

Гэррети достал печенье и некоторое время смотрел на обертку из фольги. Внезапно ему захотелось домой, потом он подавил это чувство. Он увидит мать и Джен во Фрипорте. Съев печенье, он почувствовал себя лучше.

— Знаешь, о чем я думаю? — спросил Макфрис.

Гэррети покачал головой. Он отпил из фляжки и помахал пожилой паре, стоявшей у обочины с плакатом «ГЭРРЕТИ».

— Я не знаю, что будет, если я вдруг выиграю, — признался Макфрис. — Мне ничего особенно не нужно. Я имею в виду, у меня нет больной матери или отца-инвалида. Нет даже маленького брата, умирающего от лейкемии, — он засмеялся.

— Но у тебя есть какая-то цель?

— У меня цель выиграть. Но вся эта штука в целом — она *бесцельна*.

— Ты сейчас не можешь так говорить. Если бы все уже кончилось...

— Да, я знаю. Все еще продолжается, но...

— Смотри! — крикнул идущий впереди парень по фамилии Пирсон. — Что делается!

Они наконец вошли в город. Вдоль улиц возвышались нарядные дома, окруженные зелеными лужайками, и на этих лужайках собрались толпы людей. Почти все они сидели, как показалось Гэррети, на садовых стульях или прямо на траве, смеясь и маша руками. Его охватили зависть и гнев.

«Поднимите свои задницы, сволочи! Будь я проклят, если помашу в ответ! Пункт 13: сохраняй энергию».

Но потом он решил не думать. Люди могут подумать, что он устал. Он же все-таки из Мэна! Он решил махать всем, кто держит плакат с его фамилией, и всем хорошеньким девушкам.

Улицы и перекрестки медленно проплывали мимо. Сикомор-стрит и Кларк-авеню, Иксченч-стрит и Джунипер-лэйн. Они прошли магазин, в витрине которого были выставлены портреты Майора — рядом с рекламой «Наррагансет».

Народу было много, но не слишком. Гэррети знал, что настоящие толпы начнутся ближе к побережью, но был слегка разочарован. А бедный старый Кэрли не увидел даже этого.

Внезапно откуда-то вынырнул джип Майора.

Разразилась буря аплодисментов. Майор, улыбаясь, кивал и махал рукой толпе и участникам. Потом он поднес к губам громкоговоритель:

— Я горжусь вами, ребята!

Кто-то за спиной Гэррети отчетливо произнес:

— Чертово дерьмо.

Гэррети оглянулся, но сзади него было лишь четверо парней, во все глаза глядевших на Майора (один вдруг

заметил, что отдает честь, и быстро убрал руку), и Стеббинс. Стеббинс, казалось, вовсе не заметил Майора.

Джип рванулся вперед и скрылся из виду.

Они прошли Лаймстоун в половине первого. Это оказался типичный провинциальный городишко: «деловой центр» из двух улиц, «Макдональдс», «Пицце-Хат» и «Бургер-Кинг». Вот и весь Лаймстоун.

— Не очень-то он большой, — заметил Бейкер.

— Зато здесь хорошо жить, — слегка обиженно отозвался Гэррети.

— Упаси Бог от такой жизни, — сказал Макфрис, но с улыбкой.

К часу Лаймстоун стал уже историей. Какой-то мальчик шел с ними почти милую, потом сел и долго смотрел им вслед.

Местность стала холмистой. Гэррети впервые с начала пути по-настоящему вспотел. Рубашка прилипла к спине. Где-то впереди собирались грозные облака, но они были еще далеко.

— А какой следующий город, Гэррети? — спросил Макфрис.

— Карибу, я думаю, — на самом деле он думал о Стеббинсе. Стеббинс засел в его голове, как заноза. Часы показывали 13.30, и они прошли уже восемнадцать миль.

— И далеко это?

Гэррети подумал, сколько участники когда-либо проходили только с одним выбывшим. Восемнадцать миль казались ему достаточно внушительной цифрой. Этим можно было гордиться. «Я прошел восемнадцать миль».

— Я спрашиваю...

— Миль тридцать отсюда.

— Тридцать, — повторил Пирсон. — О Боже!

— Этот город больше, чем Лаймстоун, — сказал Гэррети. Он как будто оправдывался, неизвестно почему. Может, потому, что многие из них умрут здесь. Может, все. Только шесть Длинных путей в истории пересекли границу Нью-Хэмпшира, и лишь один добрался до Мас-сачусетса...

Эксперты считали, что это рекорд из разряда невероятных, который никогда не будет превзойден. Может, и он здесь умрет. Но для него это другое. Родная земля. Он представлял, как Майор скажет: «Он умер на родной земле».

Он отпил из фляжки и обнаружил, что она пуста.

— Фляжку! — крикнул он. — Фляжку 47-му!

Один из солдат прыгнул с вездехода и дал ему фляжку. Когда он повернулся, Гэррети дотронулся до карабина на его спине. Он сделал это почти бессознательно, но Макфрис заметил.

— Зачем ты это сделал?

Гэррети сконфуженно улыбнулся.

— Не знаю. Может, это — как постучать по дереву.

— Ты прелесть, Рэй, — и Макфрис ускорил шаг, оставив Гэррети одного и еще более сконфуженного.

Номер 93 — Гэррети не знал его фамилии, — прошел мимо. Он смотрел под ноги, и его губы беззвучно шевелились в такт шагам.

— Привет, — сказал Гэррети.

93-й ослабилась. В глазах его была пустота, как у Кэрли. Он устал, и знал это, и боялся. Гэррети вдруг почувствовал, как у него сжался желудок.

Их тени удлиннились. Было без четверти два. С девяти, казалось, прошла целая вечность.

Около двух Гэррети получил наглядный урок психологии слухов. Кто-то обронил слово, и оно пошло гулять, обрастая подробностями. Скоро пойдет дождь. Парень с транзистором сказал, что скоро польет, как из ведра. И так далее, причем чем хуже слух, тем больше шансов, что он окажется правдой.

Так случилось и на этот раз. Прошел слух, что Эвинг, номер 9, натер мозоли и получил уже два предупреждения, многие получили предупреждения, но для Эвинга это — по слухам — было плохо. Он передал новость Бейкеру.

— Это черный? — спросил Бейкер. — Такой черный, что аж синий?

Гэррети не знал, черный Эвинг или нет.

— Да, черный, — подтвердил Пирсон и показал им Эвинга. Гэррети с ужасом увидел на ногах Эвинга спортивные туфли.

Правило три: никогда, повторяем, *никогда* не надевайте спортивные туфли на Длинном пути.

— Он приехал с нами, — сказал Бейкер. — Он из Техаса.

Бейкер подошел к Эвингу и некоторое время говорил с ним. Потом он замедлил шаг, рискуя получить предупреждение.

— Он натер мозоли еще две мили назад. А в Лаймстоуне они полопались. Сейчас его ноги все в гное.

Они слушали молча. Гэррети опять подумал о Стеббинсе и его теннисных туфлях. Может, он тоже натер ноги?

— Предупреждение! Последнее предупреждение 9-му!

Солдаты теперь внимательно следили за Эвингом, участники тоже. Белая рубашка, особенно выделяющаяся на фоне его черной кожи, стала на спине серой от пота. Гэррети видел, как перекачивались мускулы. Эти мускулы и вся тренировка бессильны против мозолей. О чем этот болван думал, когда надевал спортивные туфли?

К ним подошел Баркович. Он тоже смотрел на Эвинга.

— Мозоли? — он произнес это так, будто говорил, что Эвинг — сын шлюхи. — Чего еще ожидать от тупого ниггера!

— Заткнись, — тихо сказал Бейкер, — или сейчас получишь.

— Это против правил, — хитро усмехнулся Баркович. — Запомни это, парень, — но он отошел, унося с собой облако яда.

После двух наступила половина третьего. Они поднялись на длинный холм, и с него Гэррети разглядел вдали грузные голубые горы. Тучи на западе сгустились, подул резкий ветер, от которого высох пот и по коже побежали мурашки.

Несколько мужчин, собравшихся на дороге вокруг старого пикапа, бешено махали им. Все они были пьяны. Им махали в ответ — даже Эвинг.

Гэррети отвинтил колпачок тюбика с концентратом и попробовал. Что-то вроде ветчины. Он вспомнил о гамбургере Макфриса. Потом подумал о большом шоколадном торте с вишенкой наверху. Потом — об оладьях. И ему страшно захотелось холодных оладьев с яблочным повидлом. Их всегда давала мать им с отцом, когда они ездили в ноябре на охоту.

Эвинг получил пропуск десять минут спустя.

Он затесался перед этим в группу участников — должно быть, думал, что они защитят его, когда он в последний раз сбавил скорость. Солдаты сделали свое дело на совесть. Они оттащили Эвинга на обочину, и один из них в упор застрелил его. Эвинг упал, одна нога его конвульсивно дергалась.

— А кровь у него такого же цвета, — сказал внезапно Макфрис, очень громко в наступившей тишине. В горле у него что-то перекатывалось.

Уже второй. Интересно, что они делают с трупами?

«Слишком много вопросов?» — закричал он на себя.

И понял, что устал.

Часть вторая

ВДОЛЬ ПО ДОРОГЕ

Глава 3

«У вас тридцать секунд, и помните, пожалуйста, что ваш ответ должен быть в форме вопроса».

(Арт Флеминг)

В три часа первые капли дождя, большие и темные, упали на дорогу. Небо вверху потемнело, стало чужим и застораживающим. Где-то хлопнул в ладоши гром. Потом впереди врезалась в землю голубая вилка молнии.

Гэррети надел куртку вскоре после того, как Эвингу выписали пропуск, а теперь он застегнул ее и поднял воротник. Гаркнесс, будущий писатель, заботливо спрятал блокнот. Баркович нацепил желтую непромокаемую шапочку. Он выглядывал из-под нее, как старый злой смотритель маяка.

Ударил сильнейший раскат грома.

— Вот оно! — крикнул Олсон.

Пошел дождь. Временами он был таким сильным, что Гэррети ничего не видел за водяной завесой. Он моментально промок насквозь, но продолжал идти, подняв лицо навстречу дождю и улыбался. Интересно, видят ли их солдаты? И что они думают?

Пока он размышлял об этом, дождь немного стих, и он снова мог видеть. Прежде всего он посмотрел назад — Стеббинс шел согнувшись, прижав руку к животу. Гэррети

сперва подумал, что у него спазмы, и испугался гораздо сильнее, чем когда видел Кэрли и Эвинга. Ему уже не хотелось, чтобы Стеббинс накрылся первым.

Потом он разглядел, что Стеббинс закрывает от дождя остатки сэндвича с яйцом, и он отвернулся с облегчением. Ну и дура мать этого Стеббинса — не догадалась завернуть сэндвичи в фольгу, хотя бы на случай дождя.

Опять грянул гром. Гэррети чувствовал возбуждение, и усталость, казалось, смыло с его тела вместе с потом. Дождь лил то сильнее, то слабее, пока не превратился в унылую морось. Тучи вверх стали рассеиваться.

Рядом с ним шел Пирсон, подтягивая штаны. Джинсы были ему велики, и он уже не в первый раз их подтягивал. Он носил толстые очки в роговой оправе, и теперь он снял их и начал вытирать о рубашку. Вид у него при этом был растерянный и незащитный, как у всех людей с плохим зрением, когда они снимают очки.

— Ну как душ, Гэррети?

Гэррети только кивнул. Впереди Макфрис мочился. Он повернулся спиной, пока это делал, и еще отгородился от других плечом.

Гэррети взглянул на солдат. Они тоже, конечно, промокли, но не показывали виду. Лица у них были совершенно деревянными. Интересно, что они чувствуют после того, как застрелят кого-нибудь? Наверное, это дает им ощущение силы. Он вспомнил девушку с плакатом, ее губы, ее мягкую попку. Ему *это* придавало силу.

— Этот сзади не очень-то разговорчив, — Бейкер ткнул в сторону Стеббинса. Красные штаны того были теперь черными от дождя.

— Точно.

Макфрис получил предупреждение за то, что слишком замедлил скорость, застегивая ширинку. Он нагнал их, и Бейкер повторил то, что сказал про Стеббинса.

— Он одиночка, — Макфрис пожал плечами.

— Эй, — окликнул их Олсон. Он заговорил впервые за долгое время, и голос его звучал жалко. — У меня что-то с ногами.

Гэррети взглянул на Олсона и увидел панику в его глазах. Вся бравада исчезла.

— А что такое?

— Мускулы как-то отмякли.

— Ничего, — сказал Макфрис. — У меня такое было пару часов назад. — В глазах Олсона мелькнуло облегчение.

— Правда?

— Конечно, правда.

Олсон ничего не сказал, только губы его двигались. Гэррети подумал сперва, что он молится, но потом понял, что он просто считает шаги. Внезапно грянули два выстрела. Следом крик, и еще один выстрел.

Они оглянулись и увидели парня в свитере и грязных белых брюках, лежащего лицом вниз в большой луже. Одна из его туфель слетела, и Гэррети увидел белый спортивный носок — рекомендовано пунктом 12.

Гэррети отвернулся. Прошел слух, что этот парень шел слишком медленно. Никаких мозолей — просто часто замедлял скорость и получил пропуск.

Гэррети не знал ни его фамилии, ни номера. Может быть, и никто их не знал. Может, он был одиночка, как Стеббинс.

Теперь они прошли уже 25 миль. Вокруг них тянулись, чередуясь, мозаики лесов и полей с вкраплениями домиков и дорог, где собравшиеся люди весело махали им, несмотря на дождь. Одна старуха под черным зонтиком стояла и смотрела на них глазами-буравчиками, не двигаясь и не улыбаясь. На пальце у нее блестело кольцо с красным камнем.

Они пересекли заброшенную железную дорогу, ржавые перила которой поросли травой. Кто-то споткнулся, упал, получил предупреждение и поспешил дальше с разбитой коленкой.

До Карибу оставалось всего 19 миль, но стемнеть должно было раньше. «Нет отдыха для проклятых», — подумал Гэррети и отчего-то рассмеялся.

— Устал? — спросил Макфрис.

— Нет. Я устаю постепенно, а ты?

— О, я готов танцевать так вечно, и никогда не устану. Мы еще повесим наши ботинки на звезды, так и знай.

Он послал Гэррети воздушный поцелуй и отошел.

Без четверти четыре небо прояснилось, и на западе, там, где солнце золотило тучи, показалась радуга. Лучи, идущего к закату солнца, высвечивали каждую деталь пейзажа.

Звук вездехода был тихим, почти убаюкивающим. Гэррети позволил себе немного вздремнуть на ходу. Где-то впереди был Фрипорт. Еще не скоро. А у него еще так много вопросов. Весь Длинный путь — один большой знак вопроса. И ответ на этот вопрос может многое прояснить. Ведь если...

Он ступил в лужу, промочил ногу и проснулся. Пирсон с любопытством поглядел на него и поправил очки:

— Помнишь того парня, что разбил коленку на дороге?

— Да. Это Зак?

— Точно. Говорят, у него все еще идет кровь.

— Эй, Маньяк, далеко до Карибу? — спросил кто-то.

Это оказался Баркович, который уже снял свою шапочку-маяк и сунул ее в карман.

— Откуда я знаю?

— Ты ведь здесь живешь.

— Миль семнадцать, — сказал Макфрис. — А теперь чеши отсюда, малый.

Баркович злобно посмотрел на него и отошел.

— Вот сволочь, — заметил Гэррети.

— Не позволяй ему влезть под кожу, — посоветовал Макфрис. — Думай о дороге.

— Ладно.

Макфрис похлопал Гэррети по плечу.

— Похоже, что мы будем идти так вечно, правда?

— Правда.

Гэррети облизал губы, не зная, как сказать то, о чем он думает.

— Ты слышал когда-нибудь о том, что перед глазами тонущего проплывает вся его жизнь?

— Что-то читал. Или видел в кино, не помню.

— А как ты думаешь, с нами тут может такое случиться?

— Господи, я ни о чем таком не думал.

Гэррети помолчал немного и сказал:

— Как ты думаешь... Хотя ладно. Ну его к черту.

— Давай-давай. О чем ты?

— Как ты думаешь, увидим ли мы остаток нашей жизни на этой дороге? То, что было бы, если бы мы не... понимаешь?

Макфрис порылся в кармане и вытащил пачку сигарет.

— Куришь?

— Нет.

— Я тоже, — он сунул сигарету в рот, зажег ее и затянулся. Гэррети вспомнил пункт 10: береги дыхание. Если ты обычно куришь, не кури на Длинном пути.

— Но я научусь, — сказал Макфрис, выпуская дым и кашляя.

К четырем радуга исчезла. К ним подошел Дэвидсон, номер 8, — красивый парень, если не считать созвездия прыщей на лбу.

— Этому Заку все хуже и хуже, — сообщил он. Когда Гэррети в последний раз видел Дэвидсона, у него был рюкзак, но он уже его выкинул.

— Что, у него все идет кровь?

— Как у зарезанной свиньи, — Дэвидсон покачал головой. — Странно. Упал, простая царапина и вот... Ему нужна перевязка, — он показал на дорогу. — Вот, смотри.

Гэррети пригляделся и увидел темные пятна на мокром асфальте.

— Кровь?

— Да уж не варенье, — мрачно сказал Дэвидсон.

— Он испугался? — спросил Олсон.

— Он говорит, что ему плевать, но я боюсь, — его глаза были застывшими и серыми. — Боюсь за нас всех.

Они продолжали идти. Бейкер заметил еще один плакат с именем Гэррети и показал ему.

— Черт с ним, — буркнул Гэррети. Он следил за пятнами крови Зака, как Дэниел Бун за следами раненого индейца. Цепочка пятен виляла туда-сюда вдоль белой линии.

— Макфрис, — позвал Олсон. Его голос стал еще тише. Гэррети нравился Олсон, несмотря на его напускную грубость, и ему не хотелось видеть его испуганным. А он был испуган.

— Что?

— Оно не проходит. Эта дряблость, о которой я говорил. Не проходит.

Макфрис ничего не сказал. Шрам на его лице казался совсем белым в лучах заходящего солнца.

— Я чувствую, что мои ноги вот-вот развалятся. Как плохой фундамент. Но этого ведь не может быть, правда?

Макфрис снова ничего не сказал.

— Можно мне взять сигарету? — спросил Олсон еще тише.

— Бери. Хоть пачку.

Олсон зажег сигарету, затянулся и погрозил кулаком солдату, следящему за ним с вездехода.

— Они с меня глаз не сводят уже больше часа. У них на счет этого шестое чувство, — он повысил голос. — Вам это нравится? Нравится, сволочи?!

Кое-кто посмотрел на него и быстро отвернулся. Гэррети тоже хотел отвернуться. В голосе Олсона слышалась истерика. Солдаты смотрели на него бесстрастно.

К 16.30 они прошли тридцать миль. Солнце почти село и алело кровавым пятном на горизонте. Тучи ушли на восток, и небо над ними было темно-голубым. Гэррети опять подумал о воображаемом утопающем, впрочем не таком уж утопающем. Идущая ночь скоро накроет их, как вода.

Паника росла. Внезапно он испытал уверенность, что видит последний закат в своей жизни. Он хотел продлить его, хотел, чтобы закат длился часы.

— Предупреждение! Третье предупреждение 100-му! Последнее предупреждение!

Зак непонимающе осмотрелся. Его правая штанина ссохлась от запекшейся крови, потом внезапно он побежал, виляя между идущих, как футбольный нападающий с мячом. На лице его застыло то же непонимающее выражение.

Вездеход увеличил скорость. Зак услышал это и побежал быстрее. Кровь у него опять пошла, Гэррети видел, как ее капли падают на дорогу. Зак взбежал на подъем и на миг четко вырисовывался на фоне багряного неба черным застывшим силуэтом. Потом он исчез. И вездеход уехал за ним. Двое соскочивших с него солдат шли рядом с участниками все с теми же каменными лицами.

Никто не сказал ни слова. Все слушали. Долго, очень долго до них не доносилось ничего. Только птичьи голоса, ранние майские сверчки да где-то вдалеке гудение самолета. Потом — резкий окрик, пауза и еще один.

— Готов, — сказал кто-то.

Когда они взошли на холм, они увидели стоящий у обочины вездеход. Зака нигде не было.

— Где Майор? — заорал кто-то паническим голосом. Это был Гриббл, номер 48. — Я хочу видеть Майора! Где он?

Солдаты, идущие рядом, молчали. Все молчали.

— Может, он скажет нам еще речь? — продолжал кричать Гриббл. — Он убийца! Я... скажу ему это! Скажу *прямо в лицо!* — в возбуждении он замедлил шаг, почти остановился и солдаты впервые заинтересовались им.

— Предупреждение! Предупреждение 48-му!

Гриббл на мгновение замер, потом быстро, опустив голову, пошел вперед. Скоро они дошли до вездехода, и он, не торопясь, пополз за ними.

В 16.45 Гэррети поужинал — протертое мясо тунца из тюбика, несколько крекеров с сыром и вода. Он заставил себя остановиться. Воды можно попросить всегда, но концентраты раздадут только в девять утра. А ночью ему тоже может понадобится еда. Обязательно понадобится.

— Пускай это вопрос жизни и смерти, — заметил Бейкер, — но я не могу ограничивать аппетит.

— Знаешь, мне не очень хочется упасть утром в обморок от голода, — сказал Гэррети.

Хотя это была не такая уж неприятная идея: ничего не видишь, ничего не чувствуешь, очнулся — и ты уже в вечности.

— Думаешь о чем-то? — тихо спросил Бейкер.

Его лицо в меркнувшем свете дня было очень молодым и красивым.

— Да. О многом.

— Например?

— Например, о нем, — Гэррети махнул головой в сторону Стеббинса, который шел точно так же, как в начале пути. Штаны его высохли. В руке он все еще держал сэндвич.

— А что с ним такое?

— Ну, почему он здесь и почему он ни с кем не говорит. И умрет ли он.

— Гэррети, мы все умрем. Кроме одного.

— Может, хоть не этой ночью, — сказал Гэррети. Он сказал это легко, но внезапно его охватила дрожь. Он не знал, заметил ли это Бейкер. Он повернулся задом, расстегнул молнию и помочился.

— А что ты думаешь о призе? — спросил Бейкер.

— Не вижу смысла думать об этом, — Гэррети застегнулся и повернулся опять, слегка удивленный, что выполнил всю операцию, не получив предупреждения.

— А я думал. Не о самом призе, а о деньгах.

— Богачи не войдут в Царствие небесное, — сказал Гэррети. Он смотрел на свои ноги — то единственно, что могло ему помешать узнать, существует Царствие небесное или нет.

— Аллилуйя, — сказал Олсон. — После проповеди будут поданы прохладительные напитки.

— Ты верующий? — спросил Бейкер у Гэррети.

— Не особенно. Просто я не жадный до денег.

— Ты был бы, если бы вырос на картофельном супе и капусте. Мясо только по праздникам.

— Может быть, — согласился Гэррети, думая, что бы еще сказать. — Но это, наверное, не самое важное.

— Да, с собой деньги все равно не заберешь, — сказал Макфрис. Он опять улыбался своей кривой улыбкой. — Так ведь? Мы ничего не приносим сюда и, конечно, ничего не уносим.

— Да, но промежуток лучше прожить в комфорте, — сказал Бейкер.

— Комфорт! — сказал Гэррети. — Если один из этих болванов тебя пристрелит, тебе уже будет все равно.

— Но сейчас-то мне не все равно, — не унимался Бейкер.

— А если ты выигрываешь? Представь себе, ты месяц думаешь, как ты распорядишься деньгами, а потом выходишь из дома и — бац! — попадаешь под такси!

С ними поравнялся Гаркнесс.

— Со мной это не пройдет, — сообщил он. — Как только я получу деньги, я куплю целый парк машин. Никогда не буду ходить пешком.

— Вы не поняли, — Гэррети эта тема почему-то взволновала.

— Картофельный суп или черепаховый, особняк или хижина, — все равно потом тебя положат в ящик, как Зака или Эвинга, и все. Нужно просто принимать все, как есть, вот что я хочу сказать.

— Какое красноречие! — иронически сказал Макфрис.

— А ты? — повернулся к нему Гэррети. — Что ты планируешь?

— Сейчас лично я планирую почесать яйца.

— Так вот, — продолжил Гэррети мрачно. — Вся разница в том, что мы можем умереть прямо сейчас.

Наступило молчание. Гаркнесс опять принялся протирать очки. Олсон еще больше побледнел. Гэррети начал жалеть, что сказал это.

Тут кто-то сзади позвал:

— Слушайте! Эй!

Гэррети оглянулся, уверенный, что это Стеббинс, хотя он никогда не слышал его голоса. Но Стеббинс шел, все так же смотря вниз.

— Что-то я отключился, — сказал Гэррети, зная, что отключился на самом деле не он, а Зак. — Хотите печенья?

Он раздал печенье, и наступили пять часов. Солнце повисло над горизонтом. Земля будто перестала вращаться. Те трое или четверо, кто еще шел впереди, замедлили шаг и смешались с остальными.

Гэррети чуть не споткнулся о брошенный пояс. С удивлением он поднял глаза. Олсон держался за талию.

— Я... уронил. Хотел съесть что-нибудь и уронил, — он засмеялся, чтобы показать, как это глупо, но резко оборвал смех. — Я голоден.

Никто ему не ответил. Все уже ушли вперед, и подобрать пояс было некому. Он лежал на белой линии, как свернувшаяся змея.

— Я голоден, — повторил Олсон.

«Майор сказал, что любит остряков», — сказал Олсон когда-то. Теперь он уже не выглядел остряком. Гэррети осмотрел свой пояс. У него осталось три тюбика концентратов, крекеры и сыр — довольно плохой.

— Держи, — он протянул сыр Олсону.

Олсон взял его, ничего не сказав.

— Мушкетер, — сказал Макфрис с той же кривой улыбайкой.

К половине шестого стало темнеть. В воздухе закружились первые светляки. В низинах клубился молочно-белый туман. Кто-то впереди спросил, что будет, если туман заволочет дорогу.

Ответил голос Барковича:

— А ты как думаешь, балда?

«Четыре выбыли, — думал Гэррети. — Восемь с половиной часов в пути, и выбыли только четверо. Но всех я все равно не переживу. Хотя почему бы и нет? Ведь кто-то...»

Разговор замолк, и воцарилась тяжелая тишина. Их окружала темнота, в которой таинственно плавали островки тумана. Гэррети вдруг до смерти захотелось прижаться к матери, или к Джен, или к любой другой женщине, и

он удивился, зачем он здесь и что он здесь делает. Впрочем, он был не один — рядом блуждали в темноте еще девяносто пять таких же болванов.

В горле у него опять застрял слизистый шар, мешая глотать. Впереди кто-то тихо всхлипывал, потом все опять затихло.

До Карибу оставалось десять миль. Эта мысль немного успокаивала. Он жив, и незачем думать о том, чего пока еще нет.

Без четверти шесть донесся слух об одном из предыдущих лидеров по имени Трэвин. Теперь он медленно, но верно отставал, и кто-то сказал, что у него диарея. Гэррети не мог в это поверить, но, увидев Трэвина своими глазами, понял, что это правда. Бедный парень все время подтягивал штаны и каждый раз получал предупреждения. Гэррети удивился, почему он вообще не снимет штаны. Лучше идти с голым задом, чем вальсировать мертвым.

Трэвин согнулся, как Стеббинс с его сэндвичем, и каждый раз, когда он вздрагивал, становилось ясно, что у него снова схватило желудок. Гэррети сам почувствовал тошноту. В этом не было никакой тайны, никакого ужаса — просто парень, которого прохватывал понос. Ужасными были только последствия.

Солдаты внимательно следили за Трэвином. Они ждали. Наконец бедняга присел, не смог встать, и они пристрелили его со спущенными штанами. Он перекатился на спину, устремив оскалившееся лицо к небу. Кого-то тошнило, и ему вlepили предупреждение.

— Вот и следующий, — сказал Гаркнесс.

— Заткнись! — прошептал Гэррети. — Просто заткнись.

Все молчали. Гаркнесс с пристыженным видом снова стал протирать очки. Того, кого тошнило, не застрелили.

Они миновали компанию веселящихся тинэйджеров, попивающих коку. Юнцы узнали Гэррети и наградили его овацией. У одной из девушек были потрясающие груди, и ее приятель жадно смотрел, как они трясутся, когда она

прыгала. Гэррети решил, что из него вырастет настоящий маньяк.

— Глянь, какие у них сиськи! — сказал Пирсон. — Ух ты!

Гэррети подумал о том, девушка ли она.

Потом они прошли мимо большого круглого пруда, затянутого туманом.

Среди тумана виднелись таинственные заросли водных растений, в которых хрипло квакала лягушка. Гэррети подумал, что этот пруд — одна из самых красивых вещей, какие он когда-либо видел.

— Какой большой штат, — заметил Баркович откуда-то спереди.

— Как он меня достал, — ни к кому не обращаясь, сказал Макфрис. — Так хочется его пережить!

Олсон шептал молитву. Гэррети с тревогой посмотрел на него.

— Сколько у него предупреждений? — спросил Пирсон.

— Ни одного.

— Но вид у него не очень-то добрый.

— Как у нас у всех, — сказал Макфрис.

Опять тишина. Гэррети впервые принял, что у него заболели ноги. Не только бедра и колени, но и ступни — наступая на них, он чувствовал боль. Он застегнул куртку и поднял воротник.

— Эй, глядите! — крикнул Макфрис.

Они все посмотрели налево. Так раскинулось маленькое сельское кладбище, обнесенное каменной оградой. Ангел со сломанным крылом смотрел на них пустыми глазами.

— Наше первое кладбище, — весело сказал Макфрис. — На твоей стороне, Рэй. Ты теряешь все накопления. Помнишь эту игру?

— Слишком много болтаешь, — неожиданно сказал Олсон.

— А что такого, старина? Дивное место, последний приют, как сказал поэт. Уютная гробница...

— Заткнись!

— Тебе что, не по вкусу мысль о смерти, Олсон? — осведомился Макфрис. — Как сказал другой поэт, пугает не смерть, а то, что придется так долго лежать под землей. Ты этого боишься, Чарли? Ничего, не дрейфы! Придет и наш...

— Оставь его в покое, — сказал Бейкер.

— С чего это? Он тут храбрился и уверял, что всех нас с говном съест. Так что, если он теперь ляжет и помрет, я не собираюсь его от этого удерживать.

— Если он не помрет, помрешь ты, — сказал Гэррети.

— Да, я помню, — Макфрис опять улыбался, но на этот раз совсем невесело, сейчас Гэррети почти боялся его. — Это он забыл.

— Я больше не буду так делать, — хрипло сказал Олсон.

— Остряк, — Макфрис повернулся к нему. — Так ты себя называл? Что ж ты теперь не остришь? Можешь лечь и сдохнуть здесь, это сойдет за шутку!

— Оставь его, — сказал Гэррети.

— Слушай, Рэй...

— Нет, это ты послушай. Хватит с нас одного Барковича. Незачем ему подражать.

— Ладно. Будь по-твоему.

Олсон молчал. Он только поднимал и опускал ноги.

Полная темнота наступила в половине седьмого.

Карибу, теперь уже в шести милях, слабо мерцал на горизонте. Людей у дороги было мало — все ушли домой ужинать. Туман призрачными лентами развеялся по холмам. Над головой замерцали звезды. Гэррети всегда хорошо разбирался в созвездиях. Он показал Пирсону Кассиопею, но тот только хмыкнул.

Он подумал о Джен и испытал укол вины, вспомнив о девушке, которую поцеловал утром. Он уже не помнил, как выглядела та девушка, но помнил свое возбуждение. Если прикосновение к ее заду так его возбудило, то что было бы, просунь он ей руку между ног? Он почувствовал спазм внизу живота и поморщился.

Джен было шестнадцать. Волосы у нее спускались почти до талии. Грудь у нее была не такая большая, как у той девушки. Ее грудь он хорошо изучил; это занятие сводило его с ума. Он хотел заняться с ней любовью, и она хотела, но он не знал, как ей об этом сказать. Были парни, которые могли добиться *этого* от девушек, но ему никогда не хватало воли. Он подумал о том, сколько среди них девственников. Гриббл, который назвал Майора убийцей, — девственник ли он? Наверное, да.

Они вошли в город Карибу. Там собралась большая толпа, приехала машина с журналистами. Проекторы осветили дорогу ярким белым светом, сделав из нее теплую солнечную лагуну в море тьмы.

Толстый журналист в тройке бегал вдоль дороги, подсовывая микрофон под нос участникам. За ним двое запыхавшихся техников перетаскивали шнур от микрофона.

— Как вы себя чувствуете?

— Отлично. Да, отлично.

— Устали?

— Да, конечно. Но пока чувствую себя отлично.

— Что вы думаете о ваших шансах?

— Ну... не знаю. У меня еще достаточно сил.

Он спросил быкообразного детину по фамилии Скрамм, что он думает о Длинном пути. Скрамм, ухмыляясь, сказал, что это самая большая херня, какую он когда-нибудь видел. Репортер торопливо кивнул техникам, и один из них тут же метнулся куда-то назад.

Толпа бесновалась, взволнованная присутствием телевидения не меньше, чем самой встречей. Там и сям размахивали портретами Майора на свежевытесанных кольях, с которых еще капала смола. Когда мимо проезжали камеры, люди прыгали еще активней, чтобы их увидели тетя Бетти и дядя Фред.

Они прошли магазинчик, владелец которого выставил на дорогу автомат с прохладительными напитками, украсив его транспарантом: «Участникам *Длинного пути* — от Эва!» Рядом стояла полицейская машина, и блюстите-

ли порядка терпеливо объясняли Эву — как, без сомнения, делали это каждый год, — что населению запрещено оказывать какую-либо помощь участникам.

— Он тебя спрашивал? — спросил кто-то Гэррети. Это, конечно же, был Баркович. Гэррети почувствовал, что его усталость растет.

— Кто и что?

— Репортер, балда. Спрашивал, как ты себя чувствуешь?

— Нет, — он молился, чтобы Баркович куда-нибудь исчез вместе с болью в ногах, становящейся нестерпимой.

— А меня спросили, — похвастался Баркович. — Знаешь, что я им сказал?

— Нет.

— Сказал, что чувствую себя превосходно, — агрессивно сказал он. — Что могу идти хоть целый год. И знаешь, что еще?

— Заткнись, а? — устало попросил Пирсон.

— А тебя кто спрашивает, уродина? — окрылся Баркович.

— Уйди, — сказал и Макфрис. — У меня от тебя башка болит.

Оскорбленный Баркович чуть отошел и пристал к Колли Паркеру:

— Хочешь знать, что я им...

— Пошел вон, пока я не оторвал тебе нос и не заставил съесть, — рывкнул тот. Баркович ретировался.

— На стенку хочется лезть от этого типа, — пожаловался Пирсон.

— Он бы порадовался, услышав это, — сказал Макфрис. — Он сказал репортеру, что станцует на могилах нас всех. Это и дает ему силы идти.

— В следующий раз, когда он подойдет, я ему врежу, — слабым голосом сказал Олсон.

— Ага, — сказал Макфрис. — Пункт 8 запрещает вступать в ссоры с товарищами по состязанию.

— Плевал я на пункт 8, — отозвался Олсон с кривой улыбкой.

— О, я вижу, ты понемногу оживаешь, — сказал Мак-фрис.

К семи они снова пошли быстрее: так можно было немного согреться. Мимо проплыл магазин на перекрестке. Покупатели изнутри махали им и что-то беззвучно кричали, похожие на рыб в аквариуме.

— Мы выйдем где-нибудь на шоссе? — спросил Бейкер.

— В Олдтауне, — ответил Гэррети. — 120 миль отсюда.

Гаркнесс тихо присвистнул.

Скоро Карибу кончился. Они прошли уже сорок четыре мили.

Глава 4

«Абсолютным шоу было бы такое, где проигравшего участника убивают».

(Чак Беррис)

Карибу все были разочарованы.

Он оказался точь-в-точь похожим на Лаймстоун.

Людей было побольше, но в остальном то же самое — деловой центр, бензоколонка, «Макдональдс» и парк с памятником героям войны. Школьный оркестр неподражимо плохо исполнил национальный гимн, попури из маршей Союзы и под конец, совсем уж фальшиво, «Янки-дудл».

Снова появилась та женщина, которую они видели на дороге. Она все еще искала своего Перси. На этот раз ей удалось в суматохе прорваться через полицейских, и она стала бегать вдоль дороги, высматривая Перси. Солдаты насторожились, и было уже похоже, что мамаше Перси сейчас выпишут внеочередной пропуск. Потом полицейские схватили ее и стали запихивать в машину. Маленький мальчик с хотдогом в руке задумчиво наблюдал это зрелище. Больше в Карибу ничего примечательного не случилось.

— А что после Олдтауна, Рэй? — спросил Макфрис.

— Я не дорожная карта, — ответил Гэррети сердито. — По-моему, Бангор. Потом Огаста. Потом Киттери и граница штата, в 330 милях отсюда. Доволен?

Кто-то ахнул:

— Три сотни миль?

— И еще тридцать, — мрачно добавил Гаркнесс. — Невозможно представить.

— Это все невозможно представить, — сказал Макфрис. — Интересно, где сейчас Майор?

— Укатил в Огасту, — предположил Олсон. — Греть жопу.

Все улыбнулись, а Гэррети подумал, что Майор для них прошел эволюцию от Бога до Маммоны за какие-нибудь десять часов.

Их осталось девяносто пять. Но это еще не самое худшее. Хуже всего — представить, когда это случится с Макфрисом. Или с Бейкером. Или с писателем Гарнессом. Он попытался отогнать эти мысли.

За Карибу дорога стала пустынной. На перекрестках одиноко горели фонари, в свете которых проходящие участники отбрасывали причудливые черные тени. Где-то далеко пропыхтел поезд. Взошедшая луна пронизала туман нежным опаловым мерцанием.

Гэррети отхлебнул воды.

— Предупреждение! Предупреждение 12-му! Это ваше последнее предупреждение, 12-й!

Двенадцатым был парень в яркой ковбойке по фамилии Фентер. Похоже, одна нога плохо его слушалась. Когда через десять минут его застрелили, Гэррети едва обратил на это внимание. Он слишком устал. Когда он обходил труп Фентера, в руке у того что-то блеснуло. Медальон Святого Христофора.

— Если я отсюда выберусь, — сказал Макфрис, — знаешь, что я сделаю?

— Что?

— Буду трахаться, пока член не посинеет. Никогда мне так не хотелось, как сейчас, без четверти восемь первого мая.

— Ну ты даешь!

— Точно! Знаешь, Рэй, меня бы даже ты устроил, не будь ты такой небритый.

Гэррети засмеялся.

— Чувствую себя принцем, — Макфрис потер свой шрам. — Мне бы теперь Спящую Красавицу. Уж я бы так поцеловал ее, что сумел бы разбудить. А потом мы с ней поехали бы на поиски приключений. Во всяком случае, до ближайшей гостиницы.

— Пошли, — еле слышно поправил Олсон.

— Что?

— Пошли на поиски приключений.

— А-а. Ну пошли. В любом случае, это настоящая любовь. Ты веришь в настоящую любовь, Хэнк?

— Я верю в хороший трах, — сказал Олсон, и Арт Бейкер рассмеялся.

— А я верю в любовь, — сказал Гэррети и тут же пожалел. Слишком наивно это прозвучало.

— Хочешь знать, почему я не верю? — Олсон улыбнулся болезненной ухмылкой. — Спроси Зака. Или Фен-тера. Они знают.

— Мертвых никто не любит, — сказал из темноты откуда-то взявшийся Пирсон. Он прихрамывал — еле заметно, но прихрамывал.

— Эдгар Аллан По любил, — возразил Бейкер. — Я делал сообщение о нем в школе и вычитал, что он тяготел к некро...

— Некрофилии, — сказал Гэррети.

— Точно.

— А что это? — спросил Пирсон.

— Это значит, что ему хотелось спать с мертвой женщиной, — ответил Бейкер.

— Слушайте, зачем мы об этом говорим? — возмутился Олсон. — Спать с мертвецами! Дрянь какая!

— Ну почему же? — спросил чей-то низкий голос. Это был Абрахам, номер 2, высокий парень, всю дорогу идущий какой-то разболтанной походкой. — Я думаю, нам всем стоит поразмыслить о том, как обстоит дело с сексом на том свете.

— Я выбираю Мэрилин Монро, — сказал Макфрис. — А ты можешь взять себе Элеонору Рузвельт, Эйб.

Абрахам показал ему фигу. Впереди кому-то пролаяли предупреждение.

— Вы все спятили тут, — медленно выговорил Олсон. — Все.

— Лекция о любви, — сказал Макфрис. — Читает знаменитый философ и легкоатлет Генри Олсон, автор «Что есть женщина без дырки» и других трудов о...

— Стой! — голос Олсона звенел, как разбитое стекло. — Подожди одну секунду! Это ведь все ерунда! Ничто! Разве ты не понимаешь?

Никто не ответил. Гэррети посмотрел вперед, где бурные холмы соединялись с усыпанной звездами чернотой неба. Ему вдруг показалось, что левую ногу начинает сводить судорога. «Мне хочется сесть, — подумал он. — О Господи, мне хочется сесть».

— Дерьмо эта ваша любовь! — не унимался Олсон. — В мире есть всего три настоящих вещи: хороший трах, хорошая жрачка и хорошая выпивка! И все! Когда вы ляжете тут, как Фентер и Зак...

— Заткнись, — сказал чей-то скучный голос, и Гэррети знал, что это был Стеббинс. Но когда он повернулся, Стеббинс все так же молча глядел вниз.

Вверху пролетел самолет, достаточно низко, чтобы можно было разглядеть его желто-зеленые бортовые огни. Бейкер снова что-то засвистел. Гэррети закрыл глаза и попытался отключиться.

Мысли его лениво переползали с одного на другое. Он вспомнил, как мать в детстве пела ему ирландскую колыбельную... что-то о рыбках и ракушках. Вспомнил ее большое прекрасное лицо, как у актрисы на экране, и как ему хотелось любить ее всегда-всегда а когда вырастет — жениться на ней.

Потом перед ним встало добродушное польское лицо Джен, ее каштановые волосы, спускающиеся до талии. Он вспомнил ее в купальнике на пляже Рейд-бич, куда они ездили вдвоем.

Потом лицо Джен превратилось в лицо Джимми Оуэнса, мальчишки из соседнего квартала. Им было по пять лет, и

они играли в песочнице за домом Джимми и показывали друг другу член. Мать Джимми застукала их и пожаловалась его матери, и его мать пригрозила выставить его на улицу голым. Это было очень стыдно, и он плакал и умолял ее не выгонять его голым на улицу. И не говорить отцу.

Потом он вспомнил себя в семь лет — как они с Джимми Оуэнсом заглядывали через окно в офис фабрики Бэрра, где висел календарь с голыми женщинами. Особенно долго они разглядывали одну блондинку с синей тряпицей на бедрах, чувствуя непонятное, но сладкое возбуждение. Они спорили, что у нее под тряпицей, и Джимми сказал, что он видел это у своей матери — там волосы и как будто разрезано. Он не поверил, настолько это было отвратительно.

Но он тоже знал, что у женщин там все устроено по-другому, и они долго спорили об этом, отгоняя moskitov и урывками смотря за ходом бейсбольного матча на соседней площадке. Он до сих пор помнил жар и возбуждение их тогдашних споров.

На следующий год он нечаянно двинул Джимми в подбородок стволом духового ружья, и Джимми наложили четыре шва. Это было случайно, и так же случайно он увидел собственную мать голой и узнал, что Джимми был прав — там действительно волосы и какой-то разрез. А потом они переехали.

«Тссс, дорогой, это не тигр, это только твой плюшевый мишка... Mamochka тебя любит... Тссс... Рыбки с ракушками плавают в море, а-а-а... спи...»

— Предупреждение! Предупреждение 47-му!

Кто-то грубо толкнул его локтем под ребра.

— Эй, это тебе. Проснись и пой, — Макфрис ухмыльнулся.

— Который час? — тупо спросил Гэррети.

— Восемь тридцать пять.

— Но мне показалось...

— ... что ты спишь часа два. Знакомое чувство.

Гэррети ничего не сказал. Он подумал, что память — это как линия в песке. Чем дальше, тем труднее ее

разобрать. Память похожа на дорогу. Тут она реальная, твердая, но та дорога, что была в девять часов, уже неощутима.

Они прошли уже почти пятьдесят миль. Распространился слух, что когда они в самом деле их пройдут, придет Майор на своем джипе и скажет речь. Гэррети не очень-то в это верил.

Они одолели длинный ступенчатый подъем, и Гэррети уже подумывал снова снять куртку. Но он только расстегнул ее и немного прошел задом наперед. Сзади мерцали огоньки Карибу, и он вспомнил жену Лота — как она оглянулась и превратилась в соляной столб.

— Предупреждение! Второе предупреждение 47-му!

Гэррети не сразу понял, что это относится к нему, а когда понял, испугался. Второе предупреждение за десять минут. Он подумал о безымянном парне, который умер лишь потому, что часто замедлял скорость.

Он осмотрелся. Олсон, Макфрис, Бейкер — все смотрели на него. Особенно внимательным был взгляд Олсона. Он пережил уже шестерых и хотел, чтобы Гэррети стал счастливым седьмым. Он хотел, чтобы Гэррети умер.

— Я что, зеленый? — недовольно осведомился Гэррети.

— Нет, — Олсон отвел глаза. — Что ты!

Гэррети пошел быстрее, энергично двигая ногами. Было без двадцати девять. Без двадцати одиннадцать он опять будет свободен. Он почувствовал истерическое желание доказать, что он может сделать это, что он не получит пропуск... пока еще.

Туман тонкими полосками наползал на дорогу. Силуэты идущих проплывали в нем, как темные острова. Они миновали темный гараж, запертый ржавым засовом, — призрачный силуэт в море тумана.

Майора не было. Никого не было.

Дорога сделала поворот, открывая светящийся дорожный знак: «Подъем. Грузовикам снизить скорость». Раздались стоны. Впереди Баркович весело крикнул:

— Давай, ребята! Спорим, не обгоните!

— Заткнись, ублюдок! — тихо сказал кто-то.

— Ну, иди сюда! — взвизгнул Баркович. — Иди и заставь меня заткнуться!

— Он спятил, — сказал Бейкер.

— Нет, — ответил Макфрис. — Просто издевается. Такие, как он, очень любят издеваться.

Голос Олсона был леденяще спокойным:

— Я не поднимаюсь на этот холм. Не на такой скорости.

Холм возвышался перед ними. Его вершина пряталась в тумане. Казалось, что они все не поднимутся на него.

Но когда подъем начался, Гэррети обнаружил, что идти не так уж трудно, если немного нагнуться вперед. Тогда кажется, что идешь по ровной дороге. Конечно, дыхание этим не обмануть.

Тут же поползли слухи — что этот холм длиной четверть мили, что он длиной две мили, что в прошлом году тут троим выписали пропуск.

— Не могу, — монотонно твердил Олсон. — Больше не могу.

Он дышал хрипло, как больная собака, но шел. Все они шли, тяжело дыша, сопя и шаркая ногами. Все молчали, слышалось только нытье Олсона и рокот вездехода сбоку.

Гэррети почувствовал, как страх вновь сдавливает его желудок. Он и вправду мог умереть здесь. Ведь у него уже два предупреждения. Теперь стоит ему замедлить темп, и он получит третье. А потом...

— Предупреждение! Предупреждение 70-му!

— Это по твою душу, Олсон, — сказал Макфрис. — Давай, шевели ногами. Я хочу видеть, как ты станцуешь на этом холме чечетку.

— Тебе-то что? — злобно спросил Олсон.

Макфрис промолчал. Олсон пошел быстрее, но было видно, что это его последние силы. Гэррети подумал о Стеббинсе, который, как всегда, тащился сзади. Интересно, устал ли он.

Впереди парень по фамилии Ларсон, номер 60, неожиданно сел на дорогу. Тут же он получил предупреждение.

Другие поспешно отошли от него, как Красное море от сынов Израиля.

— Я только отдохну немного! — крикнул Ларсон с идиотской улыбкой. — Отдохну и пойду, ладно? — он продолжал улыбаться солдату, который спрыгнул с брони и подошел к нему с хронометром и карабином наизготовку.

— Второе предупреждение 60-му, — сказал солдат.

— Послушайте, — продолжал Ларсон. — Я не могу идти все время. Это же невозможно, правда, парень? — Олсон, проходящий мимо, застонал и увернулся, когда Ларсон попытался дернуть его за штаны.

У Гэррети застучало в висках. Ларсон получил третье предупреждение... вот сейчас он встанет и пойдет.

И Ларсон наконец понял.

— Эй! — встревоженно крикнул он. — Эй, подождите, не надо! Я встаю! Не надо! Не...

Выстрел.

— Девяносто три бутылки на полке, — тихо сказал Макфрис.

Гэррети промолчал. Он сосредоточился на том, чтобы добраться до вершины без третьего предупреждения. Он ведь не будет тянуться вечно, этот чертов холм.

Впереди кто-то хрипло закричал. Потом залпом выстрелили.

— Это Баркович, — сказал Бейкер. — Я уверен, что это был Баркович.

— Хрен тебе, краснокожий! — завопил из темноты Баркович. — Ошибся на все сто!

Они так и не узнали, кого застрелили после Ларсона. Он шел в авангарде, и его быстро оттащили. Гэррети посмотрел вперед и тут же пожалел. Теперь вершина холма была видна. Казалось, до нее еще сто миль. Все молчали, замкнутые в своей боли и надежде.

У самой вершины от дороги отходил грязный проселок, на котором стоял фермер со своей семьей. Они смотрели на проходящих — старик с низким морщинистым лбом, женщина в сером мешковатом пальто и трое детей дебильного вида.

— Эй, папаша! — окрикнул кто-то.

Ни фермер, ни его домочадцы ничего не ответили. Они не улыбались, не делали никаких знаков. Просто смотрели. Гэррети это напомнило вестерны, которые он смотрел в детстве каждую субботу, где герой умирает в пустыне, а вокруг собираются грифы и ждут. Он представил, что этот фермер и его дети-дебилы приходят сюда каждый год. Сколько смертей они видели? Десять? Двадцать? Чтобы отвлечься от этих мыслей, Гэррети отхлебнул воды и прополоскал рот.

Холм все поднимался. Впереди Тоулэнд упал в обморок и был застрелен после того, как солдат трижды предупредил его бесчувственное тело. Гэррети казалось, что подъем длится чуть не месяц. Да, месяц, потому что всего они идут уже не меньше трех лет. Он усмехнулся этой мысли и отхлебнул еще воды. Только никаких судорог. Судорога сейчас — это смерть. А она может случиться, потому что в туфли ему словно залили свинец.

Девяти уже нет, а из оставшихся треть погибнет прямо здесь, на этом холме. И среди них...

Внезапно Гэррети показалось, что он вот-вот упадет в обморок. Он поднял руку и ударил себя по лицу.

— Что с тобой? — спросил Макфрис.

— Теряю сознание.

— Полей, — прерывистое дыхание, — из фляжки на голову.

Гэррети так и сделал. «Крещу тебя, Рэймонд Дэвис Гэррети во имя Господа». Вода была очень холодной, часть ее ручейком затекла под рубашку.

— Фляжку 47-му! — крикнул он, истощив этим криком все силы.

Солдат принес ему новую фляжку. Гэррети ощутил на себе взгляд его мраморных, лишенных выражения глаз.

— Пошел вон, — сказал он грубо. — Тебе платят, чтобы ты стрелял в меня, а не пялился.

Солдат молча отошел. Гэррети заставил себя пойти чутьчку быстрее.

Наконец они добрались до вершины. Было девять часов, и они находились в дороге уже двенадцать часов, но это ничего не значило. Значили что-то только холодный ветерок, дующий с вершины, пение птицы да мокрая рубашка, липнущая к коже. И еще воспоминания, которые Гэррети так и не смог отогнать.

— Пит?

— Что?

— Хорошо, что мы живы.

Макфрис не отвечал. Они шли теперь вниз. Это было легче.

— Я постараюсь выжить, — добавил Гэррети почти извиняющимся тоном.

Дорога слегка извивалась. До Олдтауна, где начиналась равнина, оставалось еще 115 миль.

Еще долго никто ничего не говорил. Бейкер шагал ровно, засунув руки в карманы, кивая головой в такт шагам. Он еще не получил ни одного предупреждения. Олсон опять молился; его лицо выделялось в темноте белым пятном. Гаркнесс что-то ел.

— Гэррети? — позвал Макфрис.

— Я тут.

— Ты видел когда-нибудь конец Длинного пути?

— Нет. А ты?

— Нет. Я просто подумал — ты тут живешь и...

— Мой отец этого терпеть не мог. Однажды он показал мне, но только один раз.

— Я видел.

От звука этого голоса Гэррети подпрыгнул. Это был Стеббинс. Он подошел к ним, так же нагнув голову. Его светлые волосы топорщились над головой, как корона.

— Ну, и как это было? — спросил тревожно Макфрис.

— Тебе не понравится.

— Я спросил.

Стеббинс молчал. Гэррети еще больше заинтересовался им. Он шел без жалоб и не получил ни одного предупреждения с момента старта.

— Так как это было? — спросил он.

— Я видел это четыре года назад, — сказал Стеббинс. — Мне тогда было тринадцать. Тогда все кончилось в 16 милях от границы Нью-Хэмпшира. Туда стянули национальную гвардию и Эскадрон в помощь полиции. Люди стояли на пятьдесят миль вдоль дороги. Больше двадцати человек было задавлено насмерть. Все потому, что люди пытались протолкнуться к дороге и увидеть, чем все кончится. Я был в первом ряду с отцом.

— А кто твой отец? — спросил Гэррети.

— Он... в Эскадроне. И он точно рассчитал. Длинный путь кончился прямо напротив меня.

— И что? — тихо спросил Олсон.

— Я слышал, как они идут, задолго до того, как они появились. Звуковая волна, все ближе и ближе. И только через час появились они. Они ничего не видели и не слышали, и смотрели они только на дорогу. Их было двое, и шли они очень странно. Будто их сняли с креста и заставили идти, не вынув из них гвозди.

Теперь все слушали Стеббинса. Полное ужаса молчание накрыло их ватным одеялом.

— Толпа кричала. Одни выкрикивали фамилию одного парня, другие — другого, но слышно было только «давай! давай!» Один из них блондин в расстегнутой рубашке. Одна туфля у него расстегнулась или развалилась и все время хлопала. Другой был вообще без туфель, в высоких носках, но они доходили только до лодыжек... понимаете, он долго так шел. Ниже его ноги были красные, и все видели, как из них лилась кровь. Но он, похоже, ничего не чувствовал.

— Прекрати. Ради Бога, прекрати, — взмолился Макфрис.

— Ты хотел знать, — возразил Стеббинс. — Так ведь?

Все молчали. Только пыхтел невдалеке вездеход, и кто-то еще получил предупреждение.

— Первым сдался блондин. Я это хорошо видел. Он вскинул руки вверх, будто собирался улететь, но вместо этого упал лицом вниз и через тридцать секунд получил

пропуск — он шел с тремя. А потом толпа начала кричать. Они кричали, пока не увидели, что победитель пытается что-то сказать. Тогда они замолчали. Он встал на колени, как будто хотел помолиться, и из глаз его полились слезы.

Потом он подполз к тому, другому, и уткнулся лицом в его рубашку. Он что-то говорил, но мы не слышали, — он все говорил в рубашку тому парню. Беседовал с ним. Потом солдаты подняли его и сказали, что он выиграл приз, и спросили, что он хочет.

— И что он сказал? — спросил Гэррети. Ему вдруг показалось, что в ответе на этот вопрос для него заключена вся жизнь.

— Он ничего им не ответил. Он продолжал говорить с мертвецом, но мы ничего не слышали.

— А потом? — спросил Пирсон.

— Не помню, — равнодушно ответил Стеббинс.

Все по-прежнему молчали. Гэррети сдавило горло, будто его засунули в тесную яму. Впереди кто-то, получив третье предупреждение, отчаянно каркнул, как умирающий ворон. «О Боже, не дай им убить его прямо сейчас, — подумал Гэррети. — Я сойду с ума, если услышу это. О Боже, пожалуйста».

Карабины взорвали ночь своей музыкой. Это оказался низенький парень в красных брюках и белой футболке. Гэррети уже решил, что матери Перси больше не о ком беспокоиться, но это был не Перси. Сказали, что его фамилия Квинси или Квентин — что-то вроде этого.

Гэррети не сошел с ума. Он повернулся, чтобы что-то спросить у Стеббинса, но тот уже отступил на привычное место в хвосте, и Гэррети снова остался один.

Девяносто продолжали путь.

ГЛАВА 5

«Не говорите правду, и тогда вы не будете отвечать за последствия».

(Боб Баркер)

Без двадцати десять этого бесконечного дня первого мая Гэррети избавился от одного из двух своих предупреждений. Еще двое получили пропуск после парня в футболке — Гэррети едва это заметил. Он изучал себя.

Голова — немного кружится, но в целом в порядке. Два глаза. Шея. Руки. Туловище — с ним все нормально, только бурчит в животе, не удовлетворенном концентрациями. И две чертовски уставших ноги. Он подумал — как далеко ноги могут унести его сами по себе, прежде чем мозг, опомнившись, начнет командовать ими, приводить их в чувство, спасаясь от пуль, грозящих разнести его костяное вместилище? Как скоро после этого ноги начнут протестовать и в конце концов остановятся?

Ноги устали, но не так сильно, как могли бы. Ведь он был довольно тяжелым, и ногам приходилось выносить сто шестьдесят фунтов. Левая ступня протерла носок (он вспомнил историю, рассказанную Стеббинсом, и испытал укол ужаса) и начала раздражающе тереться о подошву. Но ноги еще шли, он не натер мозолей и был в хорошей форме. Двенадцать уже выбыли из игры, и столько же,

если не вдвое больше, готовы были к ним присоединиться, но он в порядке. В полном порядке. Он жив.

Разговор, прекратившийся после рассказа Стеббинса, завязался снова. Янник, номер 98, обсуждал с Уаймэном, номер 97, происхождение солдат на вездеходе. Оба согласились, что они ублюдки с большой примесью цветной крови.

— Тебе ставили когда-нибудь клизму? — неожиданно спросил Пирсон.

— Клизму? — Гэррети задумался. — Нет, по-моему.

— А вам? — спросил Пирсон остальных. — Признавайтесь.

— Мне ставили, — смущенно признался Гаркнесс. — Один раз на Хэллуин, когда я сожрал целую коробку конфет.

— И тебе понравилось?

— Черт, нет! Кому понравится, когда в тебя вливают квартиру теплой воды?

— Моему брату, — грустно сказал Пирсон. — Я спросил этого маленького засранца, жалеет ли он, что я иду, а он сказал, что мама обещала поставить ему клизму, если он не будет плакать. Он их обожает.

— Какая гадость, — поморщился Гаркнесс.

— Вот и я так думаю, — так же грустно согласился Пирсон.

Через несколько минут к ним присоединился Дэвидсон и рассказал, как он однажды напился на пикнике, ввалился в палатку и наблевал чуть не на голову какой-то толстой тетке, на которой не было ничего, кроме трусов. Она, по его словам, не рассердилась и даже позволила ему «за себя подержаться», как он выразился.

Потом Бейкер рассказал, как они в детстве «пускали ракеты», и один парень по имени Дэви Попхэм спалил себе все волосы на заднице. «Вонял, как свинья», — сказал Бейкер. Гаркнесс так смеялся, услышав это, что получил предупреждение.

После этого начался подъем. Истории передавались по цепочке идущих, пока Бейкер (не тот — Джеймс) не получил пропуск. После этого всякое желание шутить

пропало. Некоторые заговорили о своих подружках. Гэррети ничего не сказал о Джен, но сейчас, в этом угольном мешке ночи, она казалась ему лучшим в мире из всего, что он когда-либо видел и знал.

Они прошли через спящий городок, вдоль шеренги мертвенно-бледных фонарей, продолжая переговариваться шепотом. У одного из домов на скамейке сидела молодая пара, прижавшись друг к другу. Девушке было не больше четырнадцати. Их тени, сливаясь, падали на дорогу, и идущие перешагивали через них в наступившей вдруг тишине.

Гэррети обернулся, уверенный, что рычание вездехода разбудит их. Но они все так же сидели, безразличные ко всему на свете. Он доел остаток концентратов и почувствовал себя немного лучше. Олсону ничего не осталось. Странный этот Олсон — Гэррети еще шесть часов назад был уверен, что ему крышка. Но он все еще шел и больше не получал предупреждений. Человек на многое способен, когда на кону оказывается его жизнь. Они прошли уже 54 мили.

За безымянным городком разговор умолк. Они прошли в молчании около часа, и к Гэррети снова начал подкрадываться сон. Он доел печенье матери и зашвырнул фольгу в кусты на обочине.

Макфрис извлек из своего рюкзака зубную щетку и чистил зубы — без пасты. «Распорядок дня, — подумал Гэррети. — Ужин, чистка зубов, здоровый сон. Люди машут тебе, и ты им машешь — так принято. Никто не ссорится (кроме Барковича) — тоже потому, что так принято».

Или нет? Он вспомнил, как Макфрис крикнул Стеббинсу, чтобы тот заткнулся. И как Олсон жадно, не поблагодарив, схватил сыр, который он дал ему. Эти фрагменты выглядели ярче, острее на тусклом распорядке дня.

В одиннадцать вечера одновременно произошло несколько событий. Прошел слух, что мост впереди смыло во время грозы, и Длинный путь будет временно приостановлен. По рядам идущих прошла волна оживления, и Олсон спекшимися губами пробормотал: «Слава Богу».

Тут же Баркович начал кричать что-то идущему рядом парню с дурацкой фамилией Ранк. Тот попытался ударить его, что было строжайше запрещено, и тут же получил предупреждение. Баркович легко увернулся от удара, продолжая кричать:

— Ну, сукин сын, давай! Я еще спляшу на твоей могиле! Давай, балда, шевели ногами! Все равно сдохнешь здесь!

Ранк ударил еще раз. Баркович отскочил и налетел на парня, идущего сзади, и они оба получили предупреждения. Теперь солдаты смотрели на них внимательно, хотя и спокойно, — как люди на муравьев, волокущих крошку хлеба.

Ранк пошел быстрее, не глядя на Барковича. Тот, взбешенный полученным предупреждением (он налетел на Гриббла, того самого, что хотел сказать Майору, что он убийца), заорал:

— Эй, Ранк, твоя мать брала в рот на 42-й улице!

Тут Ранк повернулся и вцепился в Барковича.

Раздались крики «Эй, хватит!» и «Брось это дерьмо!», но Ранк как будто не слышал. Он побежал за Барковичем, которому удалось вырваться, споткнулся и упал на асфальт, раскинув ноги. Он получил третье предупреждение.

— Давай, балда! — вопил Баркович. — Шевели жопой!

Ранк попытался встать и упал назад.

Третьим, что случилось в одиннадцать, была смерть Ранка. Сначала щелкнули затворы, и в повисшем молчании прозвучал голос Бейкера:

— Ну вот, Баркович. Теперь ты убийца.

Грянул залп. Тело Ранка подпрыгнуло и безжизненно вытянулось на дороге.

— Он сам виноват! — взвизгнул Баркович. — Ты видел, он ударил меня! Пункт восьмой!

Все молчали.

— Хрен вам! Вам всем!

— Вернись и спляши на нем, Баркович, — посоветовал Макфрис. — Повесели нас. Тебе же хочется, я знаю.

— Твоя мамаша тоже брала в рот, меченый! — хрипло прошипел Баркович.

— Не терпится увидеть, как твои мозги разлетятся по дороге, — спокойно сказал Макфрис. Он дотронулся до шрама и тер его, тер. — С большим удовольствием погляжу на это, убудок.

Баркович бормотал еще что-то, но все отвернулись от него и продолжали идти, нагнув головы.

Они прошли уже 60 миль, а никакого моста так и не было. Гэррети начал думать, что его и нет, когда они перевалили небольшой холм и окунулись в озеро электрического света — фары нескольких грузовиков, сгрудившихся перед остатками деревянного моста.

— Как я люблю этот мост, — прошептал Олсон, закуривая одну из сигарет Макфриса.

Но когда они подошли ближе, Олсон выругался и отбросил сигарету прочь. Часть моста уцелела, и люди из Эскадрона быстро восстанавливали остальное. Времени не хватало, поэтому рядом с мостом они навели понтонную переправу из тяжелых армейских грузовиков, связанных проводом.

— Мост короля Людовика Святого, — мрачно заметил Абрахам. — Может, если кто впереди топнет, он опять обвалится.

— Мало надежды, — сказал Пирсон. — А, черт!

Трое идущих впереди ступили на мост и, не оглядываясь, перешли на другую сторону. Их ботинки гулко стучали по доскам. Солдаты прыгнули с вездехода и пошли вперед вместе с участниками. Двое дорожных рабочих в комбинезонах и зеленых резиновых сапогах стояли у обочины и смотрели, как они идут. Один из них вдруг хлопнул товарища по плечу и сказал:

— Вот он, Гэррети.

— Давай, парень! — крикнул другой. — Я поставил на тебя десять баксов! Двадцать к одному.

Гэррети помахал им и ступил на мост. Доски жалобно заскрипели под ногами, и он оказался на другой стороне. Скоро дорога сделала поворот, и свет грузовиков померк позади.

— А Длинный путь когда-нибудь останавливали? — спросил Гаркнесс.

— Не думаю, — ответил Гэррети. — Что, материал для книги?

— Нет, — Гаркнесс выглядел уставшим. — Просто так.

— Его останавливают каждый год, — сказал сзади Стеббинс. — Но только раз.

Никто ничего не сказал.

Через полчаса к Гэррети подошел Макфрис и некоторое время шел молча. Потом очень тихо спросил:

— Ты надеешься выиграть, Рэй?

Гэррети долго думал.

— Нет, — сказал он наконец.

Осознание этого напугало его. Он снова подумал о том, как получит пропуск, — нет, получит *пулю*. О последних секундах беспощадной ясности, о черных дулах карабинов, смотрящих в лицо. Ноги на миг окоченели. Кровь, казалось, застыла в жилах, обволакивая мозг, сердце, гениталии липкой красной коркой.

— А ты?

— Тоже нет, — ответил Макфрис. — Я перестал в это верить где-то около девяти. Видишь ли, я, — он откашлялся, — мне трудно говорить об этом, но я не думал, что это будет так тяжело. Похоже, все они, — он махнул рукой в сторону идущих, — думали, что, когда станет неумоготу, в них прицелятся, крикнут «пах! пах!», — и все пойдут по домам. Понимаешь, о чем я?

Гэррети вспомнил свой собственный шок, когда кровь и мозги Кэрли брызнули на дорогу.

— Да, — сказал он. — Понимаю.

— Я сам не сразу в это вник, но теперь знаю. Это не гонки на выживание, как я сперва думал. Здесь победит не тот, кто сильнее — тогда у меня был бы шанс, — а тот, кто сможет идти, несмотря ни на что. Ни на кого. Это не в ногах, а в мозгу.

Вдалеке закричал козодой.

— Были парни, которые продолжали идти вопреки всем законам физики. В прошлом году один шел с судорогой

обеих ног, помнишь? Посмотри на Олсона — он вымотан до предела, но идет. Этот сучонок Баркович держится на ненависти, и она дает ему силы. А я так не могу. Я еще не устал, как следует, но устану, — шрам резко выделялся на его осунувшемся лице. — И я думаю... когда я устану... я просто сяду и останусь сидеть.

Гэррети промолчал, но ему было плохо. Очень плохо.

— Впрочем, Барковича я переживу, — добавил Макфрис. — Клянусь Богом.

Гэррети посмотрел на часы — было 11.30. Они прошли перекресток с дремлющей на нем полицейской машиной. Движение на дороге отсутствовало, и констебль, видимо, спокойно спал. Они миновали круг света от фар и снова окунулись в темноту.

— Мы можем убежать в лес, и они нас никогда не найдут, — задумчиво сказал Гэррети.

— Как же! — хмыкнул Олсон. — У них сверхчувствительное оборудование. Они слышат все, что мы говорим, слышат удары наших сердец. И видят, как днем.

Словно в подтверждение его слов кто-то впереди получил второе предупреждение.

Макфрис куда-то отошел. Темнота разъединила их, и в Гэррети зашевелился страх одиночества. В лесу кто-то пыхтел и трещал сучьями. Гэррети внезапно понял, что путь ночью через мэнский лес — это вовсе не пикник для таких городских парней, как он. Где-то таинственно заухала сова. С другой стороны завозилось что-то тяжелое, и кто-то нервно крикнул: «Что это?»

Наверху стайками проносились легкие весенние тучи, обещая дождь. Гэррети поднял воротник, вслушиваясь в звук собственных шагов. Утром он их не слышал, они терялись в стуке еще девяноста девяти пар ног. Но теперь он отчетливо различал их особый звук и ритм, и то, как левый туфель чуть-чуть шаркал при каждом шаге. Ему казалось, что звук шагов звучит так же громко, как удары сердца. Биение жизни — и смерти.

Глаза его закрывались. Казалось, их энергия втягивается внутрь тела, в какую-то таинственную воронку.

Предупреждения раздавались с усыпляющей монотонностью, но выстрелов не было. Баркович заткнулся. Стебинс опять потерялся сзади, еле видимый в тумане.

На часах было 11.40.

«Приближается час ведем, — подумал он, — когда могилы раскрываются и выпускают своих сгнивших обитателей. Когда послушные дети сидят дома. Когда жены и любовницы ведут нелегкую схватку в постелях. Когда пассажиры дремлют в нью-йоркском «грейхаунде». Когда по радио играют Гленна Миллера, а бармены начинают поднимать стулья на столы...»

Перед ним появилось лицо Джен. Он вспомнил, как целовался с ней на Рождество, полгода назад, под пластиковой веткой омелы, что его мать всегда вешала на кухне. Губы ее были удивленно-мягкими, покорными. В первый раз он целовался по-настоящему. Потом они снова поцеловались, когда он проводил ее до дома, и они стояли перед ее дверью, глядя на падающий рождественский снег. Но это был не просто поцелуй — что-то еще. Его руки на ее талии. Ее руки, обвившиеся вокруг его шеи; ее закрытые глаза (он подглядывал); ее теплая грудь под тканью пальто. Он чуть не сказал ей, что любит ее, но... нет, не так быстро.

Потом они учили друг друга тому, что знали. Она рассказывала ему о книгах, которые прочла, — эта маленькая хохотушка, оказывается, любила читать. Он научил ее вязать — это была мужская традиция у них в семье. Дед Гэррети научил вязать отца, а тот — самого Гэррети, пока... пока его не забрал Эскадрон. Джен была зачарована мельканием спиц и очень скоро превзошла его, продвинувшись от шарфов к свитерам и салфеткам с прихотливыми узорами.

Еще он научил ее румбе и ча-ча-ча — его обучили этому в школе современного танца миссис Амелии Дордженс, куда он ходил по настоянию матери. К счастью, педагогический пыл матери остыл, иначе Бог знает, куда бы она зашла.

Теперь он вспоминал овал лица Джен, едва заметные модуляции ее голоса, плавное покачивание бедер при

ходьбе. Он хотел ее, и, если бы она была сейчас здесь, он сделал бы все по-другому. Зачем он тут, на этой темной дороге? Он вспомнил загорелое лицо Майора, его усы, его непроницаемые темные очки, и задохнулся от ужаса. «Зачем я здесь?» — спрашивал он себя снова и снова. Ответа не было.

В темноте раздался залп, и следом — тяжелый стук упавшего тела. Страх опять схватил его, побуждая бежать в кусты, не разбирая дороги, пока он не добежит до спасения... до Джен.

Макфрис хотел пережить Барковича. Он хотел дойти до Джен. Родственникам участников оставляют места в передних рядах. Он должен дойти и увидеть Джен.

Он вспомнил, что целовал ту, другую девушку, и ему стало стыдно.

Но откуда он знает, что дойдет? Мозоли... судорога...

Кровь из носа... слишком высокий или слишком длинный холм. Как он может на что-то надеяться?

Может. Знает.

— Поздравляю, — сказал сзади Макфрис.

— А? Что?

— Полночь. Мы дожили до следующего дня, Гэррети.

— До Олдтауна еще сто пять миль, — устало сообщил Олсон.

— Кому какое дело? Гэррети, ты бывал в Олдтауне?

— Нет.

— А в Огасте? Черт, я всегда думал, что это в Джорджии.

— В Огасте я был. Это ведь столица штата. Там резиденция губернатора, кинотеатры, рестораны...

— Смотри-ка, в Мэне и такое есть, — ухмыльнулся Макфрис.

— Ну, если хочешь зайти в шикарный ресторан, потерпи до Бостона, — заметил Абрахам.

Кто-то сзади застонал.

Впереди раздались приветственные крики, и Гэррети насторожился услышав свое имя. Там стояла обшарпанная ферма, на стене которой был прикреплен большой плакат, окаймленный лампочками и сосновыми шишками:

*«Длинный путь
Мы за Гэррети!
Родительская ассоциация
графства Арустук».*

— Эй, Гэррети, где твои родители? — крикнул кто-то.

— Дома сидят, — ответил Гэррети. В последние пятнадцать часов он вдруг обнаружил, что не так уж приятно, когда тысячи людей, столпившихся вдоль дорог, выкрикивают его имя и делают на него ставки («двадцать к одному» — сказал тот рабочий... интересно, много это или мало?). Это пугало его.

Толпа оказалась небольшой, и скоро дорога опять опустела. Они прошли еще один мост, на этот раз бетонный. Вода струилась вниз, как черный шелк. С опаской подали голос сверчки, а минут через пятнадцать пошел дождь.

Впереди кто-то заиграл на губной гармошке. Недолго (пункт 6: береги дыхание), но Гэррети узнал мелодию. Добрый старый Стивен Фостер. «Черный Джо» или еще что-то из расистской классики. Упился до смерти, бедняга. Как Эдгар По, если верить слухам. Еще По был некрофилом и хотел жениться на своей четырнадцатилетней кузине. Интересно, что он написал бы, если бы дожил до наших дней и увидел Длинный путь?

Впереди кто-то начал кричать. Без слов, пронзительным детским голосом. Темный силуэт метнулся к обочине за вездеходом (Гэррети и не заметил, когда вездеход нагнал их) и скрылся в лесу. Залп. Кусты ежевики затрещали под тяжестью упавшего в них тела. Солдаты выволокли за ноги невезучего беглеца — темнота скрыла его имя.

Гармошка заиграла что-то насмешливое, потом голос Колли Паркера велел ей заткнуться. Стеббинс сзади засмеялся. Гэррети вдруг почувствовал ненависть к Стеббинсу. Как он смеет смеяться над смертью? Этого можно ожидать разве что от Барковича. Баркович обещал сплестись на могилах, и в его распоряжении уже шестнадцать.

«Сомневаюсь, что у него хватит на это сил», — подумал Гэррети. Острая боль пронзила правую ногу. Мускулы

свело, потом отпустило. С бьющимся сердцем он ждал повторения судороги, но она не повторилась.

— Я больше не могу, — простонал Олсон. Его лицо висело в темноте, как белая маска. Никто ему не ответил.

Темнота. Проклятая темнота. Они все похоронены в ней заживо. До рассвета целая вечность, и многие из них его не увидят. Может быть, все. Все они задохнутся здесь, под шестью футами темноты, крича и царапая сломанными ногтями крышки своих гробов. Священник наверху будет монотонно бубнить молитвы, а скорбящие родственники — шаркать ногами, торопясь на свежий майский воздух. И скоро они услышат шелест мириадов червей и жуков, спешащих к ним...

«Я схожу с ума», — подумал Гэррети.

Ветерок прошелестел по ветвям сосен.

Гэррети повернулся задом и помочился. Гаркнесс сопел на ходу: похоже, уснул. Гэррети вдруг стал слышать все, самые тихие звуки окружающей его жизни. Кто-то жевал; кто-то сморкался; кто-то тихо кого-то о чем-то спрашивал. Янник еле слышно напевал.

— Зачем я ввязался в это? — безнадежно спросил Олсон, вторя недавним мыслям Гэррети. — Зачем я согласился?

Никто не ответил. Как будто Олсон уже был мертв.

Еще одно пятно света. Они прошли кладбище, темную церковь и ступили на улицу еще одного городка. В деловой части собрались посмотреть на них человек десять. Они приветствовали проходящих, но непривычно тихо, словно боясь разбудить соседей. Самым молодым среди них был мужчина лет сорока в очках без оправы. Гэррети развеселило, что ширинка у мужчины была почему-то расстегнута.

— Давай-давай! Молодцы! — тихо выпевал он, маша им пухлой белой ладонью.

Они прошли мимо перекрестка, где сонный полицейский удерживал громадный грязный трейлер, и городок кончился — как прочитанный рассказ Ширли Джексон.

— Посмотри на этого типа, — тронул его за плечо Макфрис.

«Тип» оказался высоким парнем в зеленом плаще. Он шел, все время раскачиваясь и держась руками за голову. Раньше они почему-то его не видели... или это темнота так изменила лица.

Парень запутался в собственных ногах и едва не упал. Гэррети и Макфрис зачарованно следили за ним минут десять, забыв про собственную усталость. В конце концов он упал и получил предупреждение. Гэррети не думал, что парень сможет встать, но он встал и пошел. На плаще у него был номер 45.

— Что с тобой? — прошептал Олсон, но парень, казалось, не слышал. Гэррети уже заметил, что многие из них ничего не видят и не слышат. Ничего, кроме дороги. Как будто идут по канату над черной бескрайней бездной.

— Как тебя зовут? — спросил он, но парень опять не ответил. Внезапно Гэррети начал спрашивать его снова и снова, повторяя одно и то же, лишь бы не оставаться наедине с этой молчащей пустотой. — Как тебя зовут? Как тебя зовут? Кактебязовуткакте...

— Рэй, — Макфрис потянул его за рукав.

— Он не отвечает. Пит, я хочу знать его имя — пусть скажет...

— Не трогай его, — тихо сказал Макфрис. — Он умирает.

Парень под номером 45 упал снова, на этот раз лицом вниз. Когда он поднялся, лицо его было в крови. Все услышали, как ему объявили последнее предупреждение.

Они прошли через проем еще большей темноты — железнодорожный переезд. Когда они вышли, Гэррети с радостью увидел впереди длинный, пологий спуск.

45-й упал в последний раз. Прогрохотали выстрелы. Гэррети решил, что его имя уже не имеет никакого значения.

ГЛАВА 6

«Теперь соревнующиеся находятся в изолированных кабинах».

(Джек Берри)

Полчетвертого утра.

Рэю Гэррети это время показалось самой длинной минутой самой длинной в его жизни ночи. Это была мертвая точка, пик отлива, когда море отступает, оставляя на песке разбитые бутылки, ржавые жестянки из-под пива, использованные презервативы и поросшие зеленым мхом скелеты в клочьях одежды.

После парня в зеленом плаще выписали пропуск еще семерым. Около двух часов трое выбыли почти одновременно — как сухие листья, сдутые осенним ветром. Они прошли 75 миль и лишились двадцати четырех участников.

Но это было неважно. Важным была мертвая тишина. Снова прогремели выстрелы, и кто-то упал. На этот раз лицо было знакомым — Дэвидсон, номер 8, тот самый, что когда-то на пикнике «подержался» за толстую тетку.

Гэррети только миг смотрел на бледное, залитое кровью лицо Дэвидсона и быстро отвел глаза. Теперь он почти все время смотрел на дорогу. Иногда белая полоса была четкой, иногда казалась разорванной, а иногда двоилась, как лыжный след. Он удивлялся, как люди могут

весь год ездить по этой дороге и не видеть этих выписанных белым иероглифов жизни и смерти. Или они видят?

Асфальт зачаровывал его. Как, должно быть приятно сесть на него. Сначала присесть, слыша хруст в коленях. Потом протянуть вперед руки и коснуться прохладной шершавой поверхности. Потом сесть на задницу, чувствуя, как ноги освобождаются от тяжести твоих ста шестидесяти фунтов... а потом лечь, глядя на колышущиеся вокруг деревья и на волшебные огоньки звезд... лежать, не обращая внимания на предупреждения, и ждать... ждать...

Да.

Слышать, как участники проходят мимо, расступаясь в священном ужасе. Слышать их шепот: «Это Гэррети, смотрите, сейчас ему выпишут пропуск!» Может быть, смех Барковича. Потом лязгнут затворы карабинов...

Он заставил себя оторвать взгляд от дороги и посмотрел на горизонт, выискивая там лучи рассвета. Конечно же, там было темно.

Они миновали еще два или три городка, пустых и темных. С полуночи им встретилось не больше трех десятков людей, того типа, что каждый Новый год мрачно ждут, когда стрелка часов достигнет двенадцати. Остальные три часа были сплошным полусном-полубдением, полным кошмаров.

Гэррети вгляделся в лица окружающих, не узнавая их. Его охватила иррациональная паника.

— Пит, это ты? — он коснулся плеча идущего рядом. Тот недовольно сбросил его руку, не оглядываясь. Обычно слева от него шел Олсон, а справа Арт Бейкер, но теперь слева не было вообще никого, а парень справа выглядел гораздо круглее Бейкера.

Он сошел с дороги, и его окружили какие-то подростки-хулиганы. Они охотились за ним специально, вместе с солдатами, собаками и Эскадроном...

Облегчение волной накатило на него. Это Абрахам там, впереди. Конечно, это он. Как его можно с кем-то спутать?

— Абрахам! — прошептал он. — Ты что, спишь?

Абрахам что-то прошептал.

— Я спрашиваю, ты спишь?

— Да, чертов Гэррети, отстань...

Все-таки он здесь, с ними. Чувство потери ориентации исчезло.

Кто-то впереди получил третье предупреждение, и Гэррети подумал: «У меня ведь их нет! Я могу посидеть полминуты! Или даже минуту! Я могу...»

Да. Ты можешь умереть.

Он вспомнил, что обещал матери, что они с Джен увидят его во Фрипорте. Тогда он дал это обещание легко, почти машинально. В девять часов вчерашнего дня Фрипорт казался чем-то далеким, из другого мира. Но теперь это была уже не игра, и ужасающе реальной выглядела перспектива отправиться во Фрипорт на паре кровотокающих обрубков, вместо ног.

Застрелили еще кого-то... На этот раз впереди. Плохо целились, и несчастный какое-то время хрипло кричал, пока следующая пуля не заткнула ему рот. Без всякой причины Гэррети подумал о ветчине и едва не захлебнулся от тяжелой, вязкой слюны. Он думал — много это или мало, двадцать шесть выживших на семьдесят пятой миле Длинного пути.

Голова его медленно склонилась на грудь, и ноги понесли его вперед сами по себе. Он думал о похоронах, на которых побывал в детстве. Хоронили Урода д'Алессио. Конечно, его звали вовсе не Урод, а Джордж, но так его называли все мальчишки за то, что у него были выпученные, как у рыбы, глаза...

Он помнил, как Урод топтался возле бейсбольной площадки — вечный запасной, — пытаясь попасть в команду. Его выпученные глаза безнадежно метались от одного капитана к другому, как у зрителей на теннисном матче. Когда его все же брали, его ставили туда, где он не мог особенно помешать: один глаз у него почти не видел. Однажды он не смог даже поймать мяч, который врзался ему точно в лоб с хрустким звуком дыни, разрезаемой ножом. След от мяча потом неделю не сходил с его лба.

Урод погиб на шоссе №1 недалеко от Фрипорта. Один из приятелей Гэррети, Эдди Клипстейн, видел, как это случилось: автомобиль сбил его велосипед, и ноги Урода еще какое-то время крутили педали «швинна» в то время, как его тело совершило недолгий полет до каменного бордюра, о который и разбилась его бедная пучеглазая голова.

Он ходил на похороны Урода и по пути туда чуть не вытошнил ланч, представляя разбитую голову в гробу, но все было чинно-благородно — Урод лежал в костюме и в галстуке, и глаза его наконец были закрыты. Похоже было, что он готов выскочить из гроба, как только его позовут играть в бейсбол.

Это был единственный мертвец, которого Гэррети видел до вчерашнего дня, и он был таким чистым и аккуратным, совсем не похожим на Эвинга, или на парня в зеленом плаще, или на Дэвидсона с бледным, залитым кровью лицом.

Без четверти четыре он получил первое предупреждение, и ему пришлось дважды с силой хлопнуть себя по лицу, чтобы проснуться. После этого ему стало холодно. Может быть, это ему мерещилось, но звезды на востоке стали чуть бледнее. С удивлением он подумал, что вчера в это же время спал в машине, пока они с матерью ехали к границе. Он ясно вспомнил, как лежал там, вытянувшись, *не двигаясь*. Как он хотел сейчас вернуться туда, на сутки назад!

Без десяти четыре.

Он оглянулся, испытывая странное удовлетворение от того, что многие выглядели гораздо хуже, чем он, — более усталыми, более сонными. Стало светлее, и можно было разглядеть лица идущих. Бейкер шел впереди — его он узнал по рубашке в красную полоску. Слева шел Олсон, и Гэррети удивился. Он был уверен, что Олсона застрелили ночью. Но он шел, хоть медленно, и голова его болталась в такт ходьбе, как голова тряпичной куклы.

Перси, которого так хотела увидеть мать, шел теперь позади Стеббинса, качающейся походкой бывалого моря-

ка. Он разглядел еще Гриббла, Гаркнесса, Уаймэна и Колли Паркера. Большинство знакомых еще шли.

К четырем на горизонте появилась светлая полоса, и Гэррети почувствовал радость. Он оглянулся назад, в бесконечный туннель ночи — как он только смог его пройти?

Он немного ускорил шаг и подошел к Макфрису, который шагал, опустив подбородок на грудь. Из рта у него стекала тонкая струйка слюны, высвеченная рассветом с неправдоподобной четкостью. Гэррети долго зачарованно смотрел на этот феномен. Он не хотел будить Макфриса.

Они миновали каменистый луг, где пять коров задумчиво жевали, провожая их печальным взглядом. Собачонка фермера кинулась на дорогу с сердитым тывканьем, и солдаты на вездеходе подняли ружья, готовые пристрелить ее. Но собака благоразумно не выбегала на асфальт, выражая служебное рвение с безопасного расстояния. Кто-то завопил на нее, требуя заткнуться.

Гэррети, не отрываясь, смотрел на светлеющее небо — сперва оно окрасилось нежно-розовым, потом красным, потом золотым. Кого-то опять застрелили, но он не заметил. Над горизонтом поднялся ослепительно красный бок солнца, и Гэррети полубессознательно подумал: «Слава Богу, я могу умереть при свете».

Сонно пропела птица. Они прошли еще одну ферму, где им долго махал бородатый мужчина.

В лесу зловеще каркнула ворона. Первые теплые лучи коснулись лица Гэррети, и он благодарно потянулся к ним, улыбаясь.

Макфрис по-собачьи тряхнул головой и осмотрелся вокруг:

— Господи, свет! Свет, Гэррети! Который час?

Гэррети посмотрел на часы и удивился. Было уже без четверти пять.

— Сколько миль, как ты думаешь?

— Около восьмидесяти. И двадцать семь было. Мы прошли четверть пути, Пит.

— Да, — Макфрис улыбнулся.

— Тебе лучше?

— В тысячу раз.

— Мне тоже. Думаю, это из-за солнца.

— Скоро мы увидим людей. Ты читал статью в «Обзрении»?

— Конечно. В основном, искал там свое имя.

— Там писали, что каждый год на Длинный путь делаются ставки на два миллиарда долларов. Представляешь?

В разговор вмешался Бейкер:

— Мы в школе тоже сбрасывались по четвертаку, и тот, кто называл число ближе всего к последней миле пути, получал все деньги.

— Олсон! — весело крикнул Макфрис. — Только подумай о таких деньгах! Подумай, сколько народу ставит на твою тощую задницу!

Олсон устало сказал, что все, поставившие на его тощую задницу, могут проделать сами с собой два противоестественных акта, из которых второй является прямым продолжением первого. Все рассмеялись.

— Сегодня увидим красивых девчонок, — сказал Бейкер.

— Черт с ними, — сказал Гэррети. — Моя девчонка ждет меня. Буду теперь хорошим мальчиком.

— Без греха делом, словом и помышлением, — добавил Макфрис.

— Именно так.

— Сто к одному, что ты успеешь в лучшем случае помахать ей, — сказал Макфрис.

— Уже семьдесят три к одному.

— Все равно много.

Но хорошее настроение Гэррети было непоколебимо.

— Я чувствую себя так, будто готов идти вечно, — заявил он.

Кое-кто из услышавших его скривился.

Они прошли бензоколонку, и владелец долго махал им, в особенности приветствуя Уэйна, номер 94.

— Гэррети, — тихо позвал Макфрис.

— Что?

— Я не помню всех, кому выписали пропуск.

— Я тоже.

— Баркович здесь?

— Здесь. Вон, впереди Скрамма. Видишь?

— Вижу.

— Стеббинс тоже здесь.

— Неудивительно. Станный он парень, правда?

— Правда.

Макфрис замолчал, порывшись в рюкзаке и достал миндальное печенье. Они с Гэррети взяли по штуке.

— Хочу, чтобы это поскорее кончилось, — сказал Макфрис. — Хоть как-нибудь.

Они молча съели печенье.

— Мы на полпути до Олдтауна? — спросил Макфрис. — Восемьдесят прошли, восемьдесят осталось?

— Вроде бы.

— До ночи пройдем.

Упоминание о ночи заставило Гэррети вздрогнуть. — Откуда у тебя шрам, Пит? — поспешил он сменить тему.

Рука Макфриса непроизвольно потянулась к щеке. — Долгая история, — сказал он, как отрезал.

Гэррети взгляделся в него получше. Волосы всклокочены и слиплись от пота и пыли. Одежда измята. Лицо бледное, глаза глубоко запали.

— Ну и видок у тебя! — внезапно его разобрал смех.

Макфрис улыбнулся:

— Ты тоже не похож на рекламу дезодоранта, Рэй.

Они оба долго, истерически смеялись, стараясь при этом не сбавлять скорости. Наконец оба получили предупреждения и дальше шли молча.

Около пяти появились первые зрители — четверо ребяташек, сидящих по-индейски, скрестив ноги, возле палатки. Один из них был еще запакован в спальный мешок, как эскимос. Они мерно махали руками, не улыбаясь.

Потом появился перекресток и рядом с ним — закусочная, возле которой стояли и смотрели на них три молоденькие официантки. Все свистели и махали им, но

только Колли Паркер сумел извлечь из себя что-то членораздельное.

— В пятницу вечером! — крикнул он. — Слышите? Жду вас! В пятницу вечером!

Официантки, казалось, не слышали. Гэррети просто помахал им. Участники рассыпались по дороге, постепенно просыпаясь и приходя в себя. Гэррети поискал взглядом Барковича — тот выглядел неплохо. Ничего удивительного: нет друзей, нет и проблем.

Потом Брюс Пастор затеял игру в «тук-тук».

— Тук-тук, Гэррети!

— Кто там?

— Майор.

— Какой Майор?

— Майор, который на завтрак трахает свою матушку, — сказал Пастор и рассмеялся. Гэррети передал это Макфрису, тот — Бейкеру, а по второму кругу оказалось, что майор на завтрак трахает свою прабабушку. На третий раз он уже трахал Шейлу, своего терьера, с которым его часто фотографировали.

Гэррети еще смеялся, когда Макфрис неожиданно посерьезнел. Он смотрел на каменные лица солдат на вездеходе.

— Думаете, это смешно? — крикнул он внезапно. Его лицо потемнело от прихлынувшей крови. На какой-то момент Гэррети показалось, что сейчас его хватит удар.

— Майор трахает *себя*, вот оно что! — закричал Макфрис. — И все мы здесь трахаем себя! Смешно, правда? Смешно, сукины дети? СМЕШНО?

Внезапно он побежал к вездеходу. Солдаты подняли ружья, но Макфрис остановился, потрясая над головой кулаками.

— Спускайтесь, суки! Положите ружья и спускайтесь! Я покажу вам, что это смешно!

— Предупреждение, — сказал один из солдат деревянным голосом. — Второе предупреждение 61-му.

«О Господи, — подумал Гэррети. — Он так близко к ним... он сейчас отлетит, как Урод д'Алессио...»

Макфрис сорвался с места, побежал за едущим вездеходом и плюнул на него. Слюна прочертила мокрый след на пыльном борту.

— Слезайте! — кричал он. — Слезайте! По одному или все сразу, плевать!

— Предупреждение! Последнее предупреждение, 61-й!

— *Ебал я ваши предупреждения!*

Внезапно Гэррети повернулся и побежал назад, не обращая внимания на то, что ему тоже влепили предупреждение. Он схватил Макфриса за руку, когда солдаты уже слезали вниз.

— Пошли, Пит!

— Уходи, Рэй. Я им сейчас покажу.

Гэррети резко встряхнул его.

— Тебя пристрелят, идиот!

Мимо них прошел Стеббинс.

Макфрис взглянул на Гэррети, словно только что узнал его. Через секунду Гэррети получил собственное третье предупреждение. От смерти их отделяло несколько мгновений.

— Иди к черту, — бесцветным голосом сказал Макфрис. Он снова пошел.

Гэррети шел рядом с ним.

— Я уже думал, что тебе сейчас выпишут пропуск.

— Но не тут-то было. Спасибо другу-мушкетеру, — Макфрис тер рукой шрам. — Черт, нам все равно его выпишут.

— Кто-то же победит. Почему не один из нас?

— Чушь это все, — голос Макфриса дрожал. — Здесь нет победителей. Они просто отводят последнего куда-нибудь за сарай и пристреливают.

— Что ты несешь? — свирепо закричал Гэррети. — Ты не мо...

— Все проигрывают, — глаза Макфриса выглядели из запавших глазниц, как затравленные звери. Они шли одни — другие участники ушли вперед, чтобы не видеть того, что должно было случиться, если бы... если бы он не вмешался.

— Все проигрывают, — повторил Макфрис. — Можешь мне поверить.

Олсон получил предупреждение.

Кто-то тронул Гэррети за плечо. Это оказался Стеббинс.

— Твой друг недоволен Майором?

— Я думаю, — сказал Гэррети. — Я и сам не хочу приглашать его к себе на чай.

— Посмотри назад.

Гэррети оглянулся. К ним ехал второй вездеход, следом третий.

— Это Майор, — сказал Стеббинс, — и сейчас все будут кричать «Ура», — он улыбнулся всезнающей улыбкой ящерицы.

— Они пока только думают, что ненавидят его. Думают, что худшее уже наступило. Но подождите до вечера. Подождите до *завтра*.

Гэррети поднял глаза на Стеббинса:

— А что если они будут кричать на него и швырять фляжками?

— Ты будешь это делать?

— Нет.

— И никто не будет. Вот увидишь.

— Стеббинс?

Стеббинс поднял брови.

— Ты думаешь, что выиграешь?

— Да, — спокойно сказал Стеббинс. — Я в этом уверен, — и он отступил на свое обычное место.

В 5.25 Яннику выписали пропуск. А в 5.30, как предсказывал Стеббинс, прибыл Майор.

Послышался рокот мотора, и впереди показался джип. Майор стоял в нем навытяжку и отдавал им честь. Гэррети почувствовал дурацкую гордость.

Никто не кричал «ура». Колли Паркер сплюнул на землю. Баркович показал нос. Макфрис только смотрел, беззвучно шевеля губами. Олсон, казалось, вовсе не заметил Майора.

Гэррети помахал ему. То же сделали Перси, и писатель Гаркнесс, и Арт Бейкер, и Абрахам, и Следж, который только что получил второе предупреждение.

Потом Майор уехал. Гэррети было немного стыдно. К тому же, машина, он израсходовал энергию.

— Тебе лучше? — спросил он Макфриса.

— Ага. Замечательно. Теперь буду идти и смотреть, как все падают вокруг меня. Ужасно весело. Я уже сосчитал — все кончится, когда мы пройдем миль триста двадцать. Это даже не рекорд.

— Пит, если тебе хочется так говорить, иди куда-нибудь в другое место, — сердито сказал Бейкер.

— Простите, миссис, — протянул Макфрис, но все же замолчал.

Становилось жарко. Гэррети расстегнул куртку. Лес вокруг кончился, уступив место полям, усеянным маленькими фермами и бензоколонками. На многих фермах красовалась надпись «Продается». В двух окнах Гэррети увидел знакомую надпись «Мой сын погиб в Эскадроне».

— Далеко до океана? — спросил Колли Паркер. — Похоже, будто я опять в Иллинойсе.

— Иди-иди, — ответил Гэррети. — Еще миль сто.

— Черт, — сказал Паркер. — Ну и штат! Кругом деревья. Ни одного приличного города.

Он был мускулистым блондином с дерзким выражением лица, не исчезнувшим даже после этой ужасной ночи.

— Зато здесь чистый воздух, — обиделся Гэррети. — Не смог, как у вас.

— У нас в Джольете нет никакого смога. Ты понял?

— Ну не смог, так гарь какая-нибудь.

— Если бы мы были дома, я бы тебе яйца за это оторвал, — мрачно сказал Паркер.

— Ладно, ребята, — вмешался Макфрис. — Ведите себя прилично. Почему бы вам не помириться и не заказать друг другу по кружке пива?

— Я не люблю пива, — автоматически ответил Гэррети.

— Сопляк, — буркнул Паркер и отошел.

— И чего он бесится? — недоуменно спросил Макфрис, будто не он совсем недавно набросился на солдат. — Такой хороший день. Правда, Олсон?

Олсон не ответил.

— Олсон тоже бесится, — сообщил Макфрис. — Эй, Хэнк!

— Оставил бы ты его в покое, — сказал Бейкер.

— Хэнк! — крикнул Макфрис. — Не желаешь пройтись?

— Иди к черту, — пробормотал Олсон.

— Чего? — Макфрис приложил ладонь к уху. — Чего ты говоришь?

— Иди к черту! — закричал Олсон.

Он шел, не поднимая головы, и Макфрису надоело изводить его.

Гэррети думал о том, что сказал Паркер. Ублюдок! Что этот ковбой с танцулек мог знать о Мэне? Гэррети прожил в Мэне всю жизнь, в городке под названием Портервилл, к западу от Фрипорта. Всего 970 жителей, но чем он хуже какого-то сраного Джольета, штат Иллинойс?

Отец Гэррети любил говорить, что Портервилл — единственный город в штате, где больше могил, чем живых жителей. Но это было чистое место. Много безработных, обшарпанные дома, единственное развлечение — лотерея по средам, где самым большим выигрышем была индейка и двадцать долларов, — но место чистое. Чистое и тихое.

Он снова подумал о Джен. Он любил ее, и теперь она значила для него куда больше, чем раньше. Она превратилась в символ жизни, в заслон от смерти, грозящей ему с вездехода. Он любил ее больше и больше, потому что она символизировала для него время, когда он был собой и мог выбирать.

Было уже без четверти шесть. В центре очередного безымянного городка собрались поглядеть на них кучка улыбающихся домохозяек. На одной из них были брюки в обтяжку и такой же тугий свитер. Золотые браслеты у нее на руке звякали, когда она махала. Гэррети машинально помахал в ответ, думая о Джен, о ее светлых волосах и туфлях без каблучков. Она была высокой и всегда носила туфли без каблучков. Он вспоминал, как они познакомились в школе.

— Гэррети!

— Что?

Это был Гаркнесс.

— У меня ногу свело. Не знаю, что делать, — его глаза умоляли Гэррети что-нибудь сделать.

Гэррети не знал, что сказать. Голос Джен, ее смех, ее карамельного цвета свитер и красные брюки, в которых она каталась с ним на санках, пока снег не набился ей в куртку, — это была жизнь. Голос Гаркнесса был смертью. Теперь уже Гэррети мог ощутить разницу.

— Я не могу тебе помочь, — сказал Гэррети. — Думай сам.

Гаркнесс в панике уставился на него, потом с печальным лицом кивнул. Он остановился и стал растирать ногу.

— Предупреждение! Предупреждение 49-му!

Гэррети повернулся и пошел задом, чтобы видеть его. Двое мальчишек в рубашках детской лиги, с велосипедами, которые они держали за руль, тоже смотрели на происходящее, раскрыв рты.

— Предупреждение! Второе предупреждение 49-му!

Гаркнесс встал и заковылял вперед — его нормальная нога пыталась справиться с двойным весом, но у нее это плохо получалось. У него слетел туфель, он попытался его поднять и получил третье предупреждение.

Лицо Гаркнесса, и без того красное, приобрело оттенок пожарной машины. Рот превратился в большое мокрое «О». Гэррети вдруг понял, что мысленно умоляет Гаркнесса: ну, давай, иди же, черт тебя подери!

Гаркнесс заковылял быстрее. Гэррети отвернулся и пошел, пытаясь вспомнить вкус поцелуев Джен и ощущение ее груди.

Справа выросла бензоколонка «Шелл», возле которой сидели на остатках ржавого пикапа двое мужчин в красно-черных охотничьих рубашках и пили пиво. Где-то по соседству хрипло таякала собака.

Карабины медленно опустились, нащупывая Гаркнесса.

Наступило длительное, жуткое молчание, потом они снова поднялись — в соответствии с правилами. Снова

опустились. Гэррети слышал тяжелое, одышливое дыхание Гаркнесса.

— Пошли вон! — крикнул Бейкер мальчишкам, которые так и шли со своими велосипедами вдоль дороги. — Не смотрите на это!

Дети поглядели на Бейкера, как на какую-то забавную зверушку. Один из них, стриженный под ежик, нажал звонок велосипеда и широко ухмыльнулся. Коронка у него во рту странно блеснула на солнце.

Ружья снова поднялись и опустились, как в каком-нибудь ритуальном танце. «Не напишешь ты книгу, — подумал Гэррети. — На этот раз они пристрелят тебя. Только замедли шаг...»

Ружья опять поднялись.

Гаркнесс шел, глядя прямо перед собой, ритмично ступая обеими ногами — босой и обутой. Казалось, судорога прошла. Но далеко ли он уйдет без туфля?

Он облегченно выдохнул и услышал рядом такой же выдох Бейкера. Глупо, конечно. Чем быстрее Гаркнесс прекратит идти, тем лучше для них — так обстояли дела, если следовать логике. Но была более глубокая, более пугающая логика. Гаркнесс принадлежал к их подгруппе, к магическому кругу, в который входил и Гэррети. Если сломается звено этого круга, разорвется и весь круг.

Мальчуганы из Детской лиги ехали за ними на велосипедах еще мили две, пока им это не надоело. «Так лучше, — думал Гэррети. — Лучше, что они не увидели ничьей смерти, хотя им явно этого хотелось».

Впереди Гаркнесс образовал новый авангард из одного человека. Он шел быстро, почти бежал. Интересно, о чем он думал?

Глава 7

«Мне нравится участвовать в этом. Правда, многие считают меня шизофреником потому, что вне сцены я совсем не такой, как перед камерами...»

(Николас Парсонс)

Скрамм, номер 85, очаровал Гэррети не умом, проблем которого у него не наблюдалось, и не внешностью — сложением он напоминал лося, имел маленькие глазки и круглое, ничего не выражающее лицо. Он очаровал Гэррети тем, что был женат.

— Правда? — спросил Гэррети в третий уже раз. — Ты правда женат?

— Ага, — Скрамм с удовольствием шурился на утреннее солнце. — Я сбежал из школы, когда мне было четырнадцать. Наш учитель истории как-то прочитал нам статью о том, как переполнены школы, и я решил не занимать там место, а заняться лучше делом. И мне тогда еще хотелось жениться на Кэти.

— А сколько лет тебе было? — спросил Гэррети. Они проходили через городок, и тротуары были полны людей, но он едва это замечал. Эти люди находились в другом мире, и он видел их будто через толстое стекло.

— Пятнадцать, — Скрамм почесал подбородок, синий от пробивающейся щетины.

— И никто тебя не отговаривал?

— В попечительском совете мне наговорили кучу чепухи о пользе образования, но у них были дела поважнее, чем удерживать меня в школе. Да и должен же кто-то копать канавы, ведь так?

Он весело помахал группе девушек, орущих и прыгающих так, что юбки поднимались над их круглыми коленками.

— Правда, я не копал никаких канав. Я устроился на фабрику постельного белья в Фениксе за три доллара в час. Мы с Кэти были счастливы. Иногда мы смотрели ящик, и она вот так обнимала меня и говорила: «Какие мы счастливые, дорогой».

— А дети у тебя есть? — Гэррети все сильнее ощущал нелепость этого разговора.

— Кэти беременна прямо сейчас. Она хотела накопить достаточно денег, долларов семьсот, но мы не успели, — он серьезно посмотрел на Гэррети. — Мой сын пойдет в колледж. Говорят, у таких тупиц, как я, не бывает умных детей, но у Кэти хватит ума на двоих. Она закончила школу. Мой парень будет учиться столько, сколько захочет.

Гэррети промолчал. Он не знал, что тут можно сказать. Макфрис рядом говорил о чем-то с Олсоном, Бейкер и Абрахам играли в слова. Он подумал — куда делся Гаркнесс? Его не было видно. Рядом был Скрамм. Эх, Скрамм, ты здорово влип. Твоя жена беременна, но здесь это не дает тебе никаких особых прав. Семьсот долларов? Никакая страховая компания не выплатит их твоей жене... твоей вдове.

— Скрамм, а что ты будешь делать, если выиграешь? — спросил он.

Скрамм слегка улыбнулся:

— Выиграю. Я всегда хотел участвовать в этом, с самого детства. Я всего две недели назад прошел восемьдесят миль, и ничего.

— Но вдруг...

Скрамм только хмыкнул.

— А сколько лет Кэти?

— Она на год старше меня. Восемнадцать. Она сейчас с родителями в Фениксе.

Для Гэррети это прозвучало так, будто родители Кэти знали что-то такое, чего не знал сам Скрамм.

— Ты, должно быть, ее любишь.

Скрамм улыбнулся, обнажая гнилые зубы:

— С тех пор, как я на ней женился, я ни на кого больше не глядел. Она прелесть.

— И ты в это ввязался.

— Смешно, правда? — ухмыльнулся Скрамм.

— Не для Гаркнесса. Иди спроси, смешно ли ему сейчас.

— Ты просто не хочешь подумать, — вмешался подосевший Пирсон. — Ты ведь *можешь* проиграть.

— Это игра, парни. А я люблю играть.

— Ага, конечно, — мрачно согласился Пирсон. — И ты в хорошей форме, — сам он выглядел бледным и осунувшимся, отсутствующим взглядом окидывая толпу, собравшуюся у супермаркета. — Все, кто не в форме, уже мертвы. Но осталось еще семьдесят два.

— Да, но... — непривычная морщина умственного напряжения прорезала лоб Скрамма. Гэррети показалось, что он видит, как медленно ворочаются его мысли.

— Я не хочу вас обижать, — сказал наконец Скрамм. — Вы хорошие парни. Но большинство здесь не знает, зачем они во всем этом участвуют. Вот этот Баркович. Он не хочет выиграть, он хочет только смотреть, как другие умирают. Когда кто-нибудь получает пропуск, он будто становится сильнее. Но этого мало.

— А я? — спросил Гэррети.

— Ты... ну, ты, похоже, вообще не знаешь, зачем идешь. То же самое — сейчас ты идешь потому, что боишься, но этого тоже мало. Это проходит, — Скрамм опустил глаза и смотрел на дорогу. — И когда это пройдет, ты получишь пропуск, как и другие.

Гэррети вспомнил, как Макфрис говорил: «Когда я устану... я просто сяду и останусь сидеть».

— А с тобой, конечно, такого не случится? — съязвил Гэррети, но простые слова Скрамма напугали его.

— Нет, — так же просто сказал Скрамм. — Не случится.

Их ноги поднимались и опускались, неся их вперед, за поворот, мимо запертого на ржавый засов сарая.

— Я, похоже, понял, что такое умирание, — тихо сказал Пирсон. — Не сама смерть, а умирание. Если я перестану идти, я умру, — он сглотнул, и в горле у него булькнуло. — Может, это и есть то, о чем ты говоришь, Скрамм. А может, нет. Но я не хочу умирать.

Скрамм печально посмотрел на него.

— Ты думаешь, знание защитит тебя от смерти?

Пирсон вымученно улыбнулся, как бизнесмен на лайнере во время качки, пытающийся не выблевать свой завтрак:

— Сейчас это единственное, что меня защищает.

Гэррети ощутил безумное чувство благодарности. Его средства защиты еще не были сведены к этому.

Впереди, словно для иллюстрации того, о чем они только что говорили, парень в черном свитере вдруг упал на дорогу и начал кататься в конвульсиях. Он издавал странные горловые звуки — ааа-ааа-ааа, — как обезумевшая от страха овца. Когда Гэррети проходил мимо, одна из бьющихся рук парня задела его туфель, и он в ужасе отскочил. Глаза парня закатились, но подбородок стекала струйка слюны. Ему вынесли два предупреждения, но он ничего не слышал, и через две минуты его пристрелили, как собаку.

После этого они перевалили низкий холм и начала спускаться в зеленую долину. Прохладный ветерок приятно овеивал разгоряченное лицо Гэррети.

— Здорово, — сказал Скрамм.

С высоты они видели дорогу миль на двадцать вперед. Она вилась среди лесов, как черно-серая карандашная черта, проведенная по измятой зеленой бумаге. Далеко

впереді дорога снова шла на подъем и терялась в розовой утренней дымке.

— Должно быть, это то, что называют Хэйнсвиллским лесом, — сказал Гэррети без особой уверенности. — Зимой тут кошмар. Кладбище грузовиков.

— Я такого никогда не видел, — с почтением сказал Скрамм. — Во всей Аризоне нет столько зелени.

— Радуйся, если можешь, — буркнул Бейкер, присоединяясь к группе. — Скоро будет не до того. Уже жарко, а ведь еще только полседьмого.

— Хотел бы я построить здесь дом, — сказал Скрамм, фыркая, как бык в жару. — Построить самому, вот этими руками, и глядеть на это каждое утро. Вместе с Кэти. Может, так и будет, когда все это кончится.

Никто ничего не сказал.

К 6.45 ветерок прекратился, и стало припекать уже по-настоящему. Гэррети снял куртку и стянул ее узлом на талии. Дорога больше не была пустынной — там и тут стояли машины, пассажиры которых стояли рядом, приветствуя участников Длинного пути.

У одной из машин Гэррети увидел двух девушек-ровесниц в летних шортах и легких блузах. Их лица горели волнением — древним, греховным и чуть не до безумия эротическим. Гэррети почувствовал, как животная похоть волной поднимается в нем, заставляя все его тело дрожать в лихорадке.

Вдруг Гриббл, уже проявивший себя радикалом, свернул с дороги и рванулся к девушкам. Одна из них, та, что была ближе, повернулась к нему и обняла руками за шею. Гриббл — растерянная, перепуганная фигура в пропотевшей белой рубашке, — прижал ее к себе; его руки блуждали по ее груди, животу, бедрам, не встречали никакого протеста с ее стороны.

Он получил второе предупреждение, потом третье. Когда прошло пятнадцать секунд ожидания, он оторвался от девушки, пустился бежать, упал и, кое-как поднявшись, полувышел-полувыскочил на дорогу.

— Не смог, — по лицу его катились слезы. — Видели, она хотела меня, а я не смог... я... — его слова потонули

в нечленораздельных всхлипываниях. Он шел, держась обеими руками за живот.

— Ну, им-то хватило, — зло, как всегда, вставил Баркович. — Будет, о чем поговорить завтра.

— *Заткнись!* — крикнул Гриббл. — Как больно, черт! Это судорога.

— Стоячка, а не судорога, — заметил Пирсон.

Гриббл молча посмотрел на него из-под упавших на лоб растрепанных черных волос.

— Больно, — снова прошептал он и медленно опустился на колени, так же прижимая руки к животу. Гэррети мог разглядеть крупные капли пота, стекающие по его шее.

Мгновение спустя он был мертв.

Гэррети обернулся в сторону девушек, но они уже спрятались в своей машине. Он пытался изгнать их из своей памяти, но не мог. Каково это — прижимать к себе их мягкую, податливую плоть? Ее бедра извивались, когда Гриббл целовал ее... о Боже, *они извивались...* это был спазм, оргазм, что угодно... о Господи, только бы сжать ее вот так и почувствовать это тепло...

Он вдруг кончил. Теплая жидкость потекла по его промежности. Черт, сейчас появится пятно на штанах, и кто-нибудь обязательно заметит. Заметит и скажет, что выгонит его на улицу голым и заставит так ходить... ходить... ходить...

«О Джен, я люблю тебя, правда, люблю, но это что-то не то, что-то совсем другое...»

Он распустил куртку вокруг талии и продолжал идти так же, как и раньше, и воспоминание тускло, как фотография, оставленная на солнце.

Теперь они шли под уклон, и шаг поневоле ускорился. Пот тек ручьями. Гэррети — он сам себе не поверил, — вдруг захотелось, чтобы опять наступила ночь. Он оглянулся на Олсона.

Олсон опять глядел на свои ноги. На его шее явно выступили жилы, губы скривились в застывшей усмешке.

— Он уже почти готов, — сказал рядом Макфрис. — Когда человек начинает надеяться, что его застрелят и тогда он сможет отдохнуть, он далеко не уйдет.

С этими словами он ускорил шаг и оставил Гэррети позади.

Стеббинс. Он давно не видел Стеббинса. Гэррети обернулся — Стеббинс сильно отстал, но его можно было безошибочно узнать по красным штанам. Он все еще шел в хвосте, как тощий гриф, выжидающий, когда кто-нибудь упадет...

Гэррети почувствовал прилив гнева. Ему вдруг захотелось вернуться и схватить Стеббинса за горло — без всякой причины, просто выместить накопившееся раздражение.

Когда они достигли подножия холма, ноги Гэррети онемели. Это сопровождалось пробегающими по ним время от времени вспышками боли и грозило судорогой. А почему бы и нет? Они ведь идут уже двадцать два часа. Двадцать два часа непрерывной ходьбы — мыслимо ли это?

— Как ты? — спросил он Скрамма, будто не видел его уже очень давно.

— Отлично, — Скрамм шумно высморкался и вытер руку о штаны. — Просто отлично.

— Похоже, у тебя насморк.

— Это у меня каждую весну. Сенная лихорадка. Ничего страшного.

Гэррети открыл рот, чтобы возразить, когда воздух наполнил знакомый звук «пах-пах!» Впереди кого-то застрелили, и это оказался Гаркнесс.

Гэррети испытал странное возбуждение. Магический круг опять разорвался. Гаркнесс никогда не напишет книгу о Длинном пути. Его отволокут с дороги в сторону, как мешок с мукой, или запихнут в грузовик в брезентовом мешке. Для него Длинный путь закончился.

— Гаркнесс, — сказал Макфрис. — Старина Гаркнесс получил пропуск.

— Прочти эпитафию в стихах, — предложил Баркович.

— А ты заткнись, убийца, — бросил Макфрис, не глядя на него. — Старина Гаркнесс. Черт возьми!

— Я не убийца! — завизжал Баркович. — Я еще спляшу на твоей могиле! Я...

Хор ругательств заставил его замолчать, и он, втянув голову в плечи, отошел.

— Знаете, кем работал мой дядя? — спросил Бейкер, когда они проходили сквозь тенистый туннель развесистых деревьев, и Гэррети, глядя на них, пытался не думать о Гаркнесе и Гриббле.

— Кем? — спросил Абрахам.

— Могильщиком.

— Здорово, — без интереса отозвался Абрахам.

— Когда я был маленьким, я всегда удивлялся — кто его похоронит, когда он умрет? — Бейкер глядел на Гэррети, отсутствующе улыбаясь. — Как эта загадка, помните? Кто стрижет городского парикмахера?

— Ну и кто его похоронил? — спросил Макфрис. — Если, конечно, он умер.

— Умер, — сказал Бейкер. — Шесть лет назад, от рака легких.

— Он что, курил? — спросил Абрахам и помахал семье из четырех человек и персидского кота. Кот был на поводке, и все происходящее явно не вызывало у него энтузиазма.

— Нет, — сказал Бейкер. — Всю жизнь страшно боялся рака.

— Так *кто* его похоронил? Скажи, чтобы мы могли перейти к чему-нибудь более интересному, скажем, к контролю над рождаемостью.

— А что, это интересно, — начал Гэррети. — У меня подружка католичка и...

— Так *кто* похоронил твоего деда, Бейкер?

— Не деда, а дядю. Дед у меня был адвокатом в Шремпорте. Он...

— Хрен с ним, с дедом, — перебил Макфрис. — Даже три хрена. Кто похоронил твоего дядю? Скажи, и покончим с этим.

— Никто. Его кремировали.

— Во те раз! — воскликнул Абрахам и засмеялся.

— Тетя собрала его пепел в вазу и держала у себя дома, в Батон-Руж. Она пыталась продолжить его бизнес, но у нее ничего не вышло.

— Это твой дядя поднастрал, — заметил Макфрис.

— Почему это?

— Плохая реклама для такого бизнеса.

— Что, смерть?

— Да нет, кремация.

Скрамм опять шумно высморкался и сказал:

— Ничего, он тебя там встретит.

— Надеюсь, — сказал Бейкер, не обидевшись.

— Твой дядя... — начал Абрахам, но тут Олсон начал умолять солдат, чтобы ему дали отдохнуть.

Он не останавливался и не замедлял шаг, но продолжал свои мольбы тягучим, полностью безжизненным голосом, вызывающим у Гэррети раздражение. Разговор смолк. Все уставились на Олсона. Гэррети изо всех сил желал, чтобы его поскорее пристрелили. Чтобы он больше не мучился и не унижался. Солдаты смотрели на Олсона с теми же каменными, абсолютно безучастными лицами. Впрочем, ему вынесли еще одно предупреждение.

Было без четверти восемь, и прошел слух, что им осталось пройти только шесть миль до ста. Гэррети помнил, что до ста миль доходили, самое большое, шестьдесят три участника. Они могли побить рекорд — их все еще оставалось шестьдесят девять.

Слева от Гэррети продолжали раздаваться мольбы Олсона. Некоторые кричали ему, чтобы он заткнулся, но без всякого результата.

Они перешли деревянный мост, вокруг которого с щебетанием проносились ласточки, свившие гнезда под опорами. От речки пахло прохладой, и жара на другом берегу показалась еще более невыносимой. «Подожди, — сказал Гэррети себе. — Если ты думаешь, что сейчас жарко, подожди до полудня. Тогда сам увидишь».

Он крикнул, чтобы ему дали фляжку. Солдат молча принес ее и потрусил назад к вездеходу. Ему уже хотелось и есть, но с этим придется ждать до девяти.

Бейкер внезапно круто свернул к обочине, осмотрелся в поисках зрителей и, не найдя никого, быстро спустил штаны. Гэррети прошел мимо и услышал сзади, как Бейкеру выносятся предупреждение. Потом еще одно. Секунд через двадцать он нагнал товарищей, запыхавшийся, но довольный.

— Никто в жизни так быстро не срал! — сообщил он.

— Можешь улучшить результат, — сказал Макфрис.

— Говорят, некоторые срут раз в неделю. А я обязательно должен раз в день посрать, иначе приходится принимать слабительное.

— Если будешь это делать слишком часто, они тебе выпишут такое слабительное, что второго не понадобится, — сказал Пирсон.

Макфрис откинул голову назад и засмеялся.

Абрахам повернулся и вступил в разговор:

— Мой дед никогда не принимал слабительного, а он прожил...

— А доказательства где? — перебил Пирсон.

— Ты что, не веришь моему деду?..

— Поглядите, — тихо сказал Гэррети. Не склоняясь ни на одну из сторон в споре о слабительном, он рассеянно наблюдал за Перси-как-там-его-фамилия. Он с трудом верил своим глазам. Перси подходил все ближе и ближе к краю дороги и шагал теперь по обочине. То и дело он бросал испуганные взгляды то на солдат в вездеходе, то вправо — в сторону леса, до которого было не больше футов.

— Похоже, он хочет смыться, — сказал Гэррети.

— Они его пристрелят, — голос Бейкера вдруг упал до шепота.

— Вроде никто на него не смотрит, — неуверенно заметил Пирсон.

— Так не привлекайте к нему внимание! — раздраженно бросил Макфрис. — Что за олухи!

В следующие десять минут никто из них не сказал ничего вразумительного. Они имитировали разговор и напряженно следили за тем, как Перси все ближе и ближе подбирается к спасительному лесу.

— Он просто трусит, — буркнул наконец Пирсон, и тут, будто услышав его слова, Перси спокойно, медленно направился к лесу, два шага — и он будет там. Его ноги в джинсах двигались неторопливо, и весь он, со своими светлыми волосами и мальчишеским лицом, походил на скаута, пришедшего в лес наблюдать птиц.

Предупреждений не было. Он лишился права на них, как только его нога сошла в траву, окаймлявшую дорогу. Солдаты прекрасно знали это. Старина Перси-как-там-его-фамилия не мог их надуть. Последовала быстрая команда, и Гэррети перевел взгляд с Перси на солдата, стоящего на броне вездехода. Солдат казался высеченным из камня; приклад карабина был прижат к его плечу.

Потом он снова поглядел на Перси. Тот стоял у опушки леса, так же похожий на скульптуру, как стреляющий в него солдат. «Они могли бы послужить моделью для Микеланджело», — подумал Гэррети. Одна рука Перси была прижата к груди, будто он читал стихи. В глазах застыл немой экстаз.

Между его пальцев заструилась кровь, блеснув на солнце. Старик Перси. «Эй, Перси!» — кричала его мать.

Перси с его дурацким именем преобразился в прекрасного, залитого солнцем Адониса, пораженного стрелой безжалостного охотника. Одна, вторая, третья капли крови упали на черные, запыленные туфли Перси, и все это случилось за какие-нибудь три секунды. Гэррети не успел сделать даже двух полных шагов, а Перси был уже мертв.

Он смог шагнуть вперед и издать непонятный звук, похожий на кряхтение. Потом упал, перевернулся, и его неподвижное лицо, начинающее обретать застывший покой смерти, уставилось в небо.

— Пусть земля эта покроется солью, — быстро заговорил вдруг Макфрис. — Да не прорастет на ней ни злак, ни побег. Прокляты пусть будут дети этой земли и потомство от чресел их. И прокляты будут их бедра и голени. Святая Мария, разрази эту землю громом по милости своей.

Он начал хохотать.

— Заткнись, — хрипло сказал Абрахам. — Не говори так.

— Это Божьи слова, — Макфрис истерически хихикнул. — Мы идем ради Господа, и мухи летают тоже ради Господа, это уж точно, так благословен будь плод чрева твоего Перси. Аминь! Отче наш, иже еси на помойке, да позорится имя твое.

— Я тебя сейчас ударю! — лицо Абрахама было очень бледным. — Я сделаю это, Пит.

— Вот истинно верующий, — Макфрис снова хихикнул. — О мои недостойные потроха! О моя святая жопа!

— Я тебя ударю, если ты не заткнешься! — почти простонал Абрахам.

— Не надо, — сказал испуганно Гэррети. — Только не деритесь.

— Да-да, будьте хорошими мальчиками, — подхватил Бейкер.

— А тебя кто спрашивал, краснорожий?

— Он был слишком молод для этой затеи, — печально сказал Бейкер. — На вид ему и четырнадцать не исполнилось.

— Мамаша его избаловала, — дрожащим голосом добавил Абрахам, оглядывая Гэррети и Пирсона. — Ведь правда же?

— Ну, больше ей это не удастся, — сказал Макфрис.

Олсон принялся умолять солдат. Тот из них, что застрелил Перси, ел теперь сэндвич. Они проходили мимо бензоколонки, возле которой механик в грязном комбинезоне поливал из шланга газон.

— Хоть бы на нас брызнул, — сказал мечтательно Скрамм. — Чертовски жарко.

— Всем жарко, — буркнул Гэррети.

— Я всегда думал, что в Мэне холодно, — устало проговорил Пирсон.

— Теперь ты знаешь, что ошибался, — Гэррети пожал плечами.

— Ты молодец, Гэррети, — сказал неожиданно Пирсон. — Я рад, что тебя встретил.

Макфрис иронически улыбнулся.

Они прошли мимо двух-трех грузовиков, загнанных на обочину, чтобы не мешать Длинному пути. Один из водителей стоял и смотрел на них, прислонясь к своей машине — громадному белому рефрижератору. Чувствуя исходящий от него приятный холод. Когда участники проходили мимо, он погрозил им кулаком.

— Зачем он это? — недоуменно, с обидой в голосе, спросил Скрамм.

Макфрис усмехнулся:

— Это первый честный гражданин, который нам встретился с самого начала этой заварушки. Знаешь, Скрамм, он мне чертовски нравится.

— Мы согнали его с дороги, — объяснил Гэррети. — Теперь он из-за нас опоздает и потеряет работу. Или у него отберут машину, если он ее владелец.

— Чушь это все! — рявкнул Колли Паркер. — Все знали, что эта дорога будет занята. Просто он сволочь, такая же, как и все.

— Ты, кажется, знаешь что-то об этом, — сказал Абрахам.

— Немного, — ответил Гэррети. — Мой отец водил рефрижератор, пока его не... пока он не исчез. Это трудная работа. Может, этот тип не успел свернуть, или еще что.

— Он не должен был показывать нам кулак, — настаивал Скрамм. — Его вонючие помидоры или что там у него — это ведь не вопрос жизни и смерти.

— Твой отец ушел от вас? — спросил Макфрис.

— Его забрал Эскадрон, — коротко ответил Гэррети. Он молча умолял Паркера или кого-нибудь открыть рот, но никто не сказал ни слова.

Стеббинс все еще плелся позади. Когда он прошел, водитель полез назад в кабину. Впереди прогрехотали карабины. Кто-то упал, и двое подскочивших солдат оттащили его к обочине. Третий подошел к ним с мешком, и они стали запихивать туда тело.

— У меня дядю тоже забрали, — несмело сказал Уаймэн. Гэррети заметил, что подошва его левой туфли оторвалась и шлепает по асфальту при каждом шаге.

— Эскадрон забирает только кретинов, — внятно проговорил Колли Паркер.

Гэррети хотел рассердиться, но только молча уставился на дорогу. Все верно, его отец был кретин. Никчемный пьяница, не способный накопить больше двух центов и, что еще хуже, не способный держать при себе свое мнение по поводу политики.

— Заткни свою поганую пасть, — спокойно сказал Макфрис.

— Можешь подойти и заставить ме...

— Нет, этого я не буду делать. Просто заткнись, сукин ты сын.

Колли Паркер подошел ближе к Гэррети и Макфрису и какое-то время мерил их глазами. Солдаты на вездеходе насторожились. Наконец он хлопнул Гэррети по плечу:

— Извини. Иногда я говорю то, чего сам не хочу. Ладно? — Гэррети молча кивнул. Паркер перевел взгляд на Макфриса.

— А ты выкуси, Джек, — с этими словами он ускорил шаг и оставил их позади.

— Вот ублюдок, — мрачно сказал Макфрис.

— Не хуже Барковича, — заметил Абрахам. — Может, даже получше.

— А что такое «Забрал Эскадрон»? — задумчиво спросил Пирсон. — Это ведь все равно, что смерть?

— Откуда нам знать? — вздохнул Гэррети.

Его отец был рыжеволосым гигантом с грохочущим голосом и громовым смехом, который отдавался в маленьких ушах Гэррети, как землетрясение.

Когда он потерял свой рефрижератор, он стал водить государственные машины в Брансуик и обратно. Жизнь Джима Гэррети была бы распрекрасной, если бы он мог держать при себе свои взгляды. Но, когда работаешь на правительство, оно следит за тобой вдвое зорче и вдвое охотнее сообщит Эскадрону, если ты чуть заступишь за край. Поэтому в один прекрасный день явились двое солдат и увели Джима Гэррети, и его жена заперла за ними дверь, белая, как молоко, а когда Гэррети спросил, куда это папа

ушел с солдатами, ударила его так, что из носа пошла кровь, и велела замолчать, замолчать. Ему было тогда одиннадцать, и с тех пор он никогда не видел своего отца. Тот исчез, и место за ним вымыли и продезинфицировали.

— У меня брат имел неприятности с законом, — сказал Бейкер. — Не с правительством, просто с законом. Он угнал машину и ехал на ней до самого Геттисберга, штат Миссисипи. Ему дали два года. Сейчас он мертв.

— Мертв? — голос был слабым и надтреснутым, как у умирающего. В разговор вмешался Олсон. Его изможденное лицо, казалось, болталось отдельно от тела.

— Умер от сердечного приступа. Он был на три года старше меня. Мать всегда говорила, что он — ее крест, но я доставил ей больше хлопот. Я ведь тоже чуть не влип в дело с Эскадроном. Мы с друзьями частенько хулиганили по ночам и как-то сожгли крест перед домом одного черного. А такими делами занимается Эскадрон. Больше я ничего такого не делал, но тогда со страху чуть в штаны не наложил. Глупо, правда?

Гэррети поглядел на Бейкера. На лице у того отпечата-лся стыд, но одновременно и какая-то странная гордость.

В этот момент снова раздалась выстрелы.

— Еще один, — сказал Скрамм простуженным голосом и вытер нос рукой.

— Тридцать четыре, — Пирсон достал из кармана монетку и переложил в другой карман. — Я заготовил девяносто девять центов. Каждый раз, когда кому-то выписывают пропуск, я перекладываю один из них в другой карман. А когда...

— Подонки! — прошипел Олсон, ненавидяще глядя на Пирсона. — Ждешь нашей смерти? Колдуешь?

Пирсон отвернулся и промямлил:

— Это я так, для удачи...

— Это мерзко, — прохрипел Олсон. — Это...

— Слушай, хватит, — попросил Абрахам. — Не дави на нервы.

Гэррети посмотрел на часы. Двадцать минут девятого. Через сорок минут им дадут еду. Он подумал, как было

бы здорово зайти в одну из маленьких придорожных закусочных — сколько таких они прошли! — усесться, задрать ноги на перила (о Боже, какое блаженство!) и заказать отбивную с жареным луком и картошкой, а на десерт — большое блюдо ванильного мороженого с клубникой. Или тарелку спагетти с котлетами, а к ним — итальянские булочки и груши в масле. И молоко. Целый кувшин молока. И к черту все эти тюбики и фляжки. Молоко, твердая пища и место, где можно сесть и нормально поесть. Разве это не здорово?

Впереди, под раскидистым вязом, как раз завтракало семейство из пяти человек — отец, мать, сын с дочкой и сидя бабушка. Они прихлебывали горячий какао и жизнерадостно махали идущим.

— Твари, — прошептал Гэррети.

— Что? — спросил его Макфрис.

— Я говорю, хорошо бы присесть и съесть чего-нибудь. Погляди на этих свиней.

— Ты бы с удовольствием к ним присоединился, — Макфрис помахал и заулыбался, большую часть улыбки адресуя бабушке, которая улыбалась в ответ, поглощая нечто, напоминающее сэндвич с яйцом.

— Конечно. Сидел бы и жрал, как самая голодная хрюшка.

— Отврати от себя греховные помыслы, сын мой, — пропел Макфрис, имитируя преподобного У.С.Филдса.

— Иди к черту. Ты просто не хочешь этого признать. Они ведь просто животные. Они хотят увидеть чьи-нибудь мозги на дороге, потому и притащились сюда.

— Не в этом дело, — спокойно возразил Макфрис. — Ты же говорил, что сам в детстве ходил смотреть на Длинный путь?

— Да, но я тогда не понимал...

— Зато теперь понял, — Макфрис коротко, неприятно рассмеялся. — Конечно, животные. Думаешь, ты первый до этого додумался? Ты иногда мне кажешься ужасно наивным. Французские лорды обожали трахаться после того, как смотрели на казни. Обычное увеселение, Гэрре-

ти. Ничего нового, — он опять рассмеялся. Гэррети зачарованно смотрел на него.

— Давай, Макфрис, — послышался чей-то голос. — Ты на втором дыхании. Посмотрим, придет ли третье.

Гэррети не нужно было оборачиваться, чтобы узнать голос Стеббинса. Стеббинс, всезнающий Будда. Ноги автоматически несли его вперед, но он их почти не чувствовал, будто они были налиты гноем.

— Смерть разжигает аппетит, — сказал Макфрис. — Помните Гриббла и тех двух девок? Им было интересно трахнуться с мертвецом. Что-то Совсем Новое. Не знаю, почуял ли это Гриббл, но они-то уж точно почуяли. И то же со всеми, неважно, жрут ли, пьют или валяются на траве. Они острее чувствуют все это оттого, что смотрят в это время на мертвецов. Но это тоже не главное, Гэррети. Главное — что это *не они*. Не их бросают львам. Не они ковыляют по дороге, надеясь, что с них снимут предупреждение. Ты болван, Гэррети. Ты и я, и Стеббинс, и Пирсон, и Баркович — все мы. И Скрамм болван, хотя он думает, будто что-то понимает. Они животные, правильно. Но почему ты думаешь, что мы — люди?

Он замолчал, переводя дыхание.

— И вот мы все идем, и каждый из нас в любую минуту может накрыться. Оборвать нить своей жизни, скажем так.

— Тогда зачем ты идешь? — спросил Гэррети. — Зачем, если ты такой умный?

— Затем же, зачем и мы все, — ответил за Макфриса Стеббинс. Он мягко, почти любяще, улыбался. Губы его запеклись, но в остальном лицо не изменилось с начала пути. — Мы все хотим умереть, потому и идем. Зачем же еще, Гэррети? Зачем?

Глава 8

*«Раз-два-три, посчитай,
На углу стоит трамвай.
В нем табак жует мартышка,
Пьет винишко попугай.
Трамвай покатился,
Мартышка подавилась
И отправилась в трамвае
С попугаем прямо в рай».*

(Детский стишок)

Рэй Гэррети плотно затянул пояс с концентратами вокруг талии и приказал себе не притрагиваться к еде хотя бы полчаса. Это было трудно — желудок требовал своего. Участники пути вокруг него, жадно чавкая, отмечали первые двадцать четыре часа, проведенные на дороге.

Скрамм улыбнулся Гэррети с набитым ртом и промычал что-то неразборчивое. Бейкер держал пакетик с оливками — настоящие оливки, надо же! — и с методичностью автомата отправлял их в рот одну за другой. Пирсон поглощал крекеры с тунцовой пастой, а Макфрис, закатив глаза от удовольствия, медленно выдавливал из тубика куриный паштет.

С половины девятого до девяти зыбыло еще двое; одним из них был Уэйн, которого совсем недавно так радостно

приветствовал рабочий с бензоколонки. Но они прошли девяносто девять миль и потеряли только тридцать шесть человек. «Разве это не отлично? — думал Гэррети и глотал слюну, наблюдая, как Макфрис доедает паштет. — Отлично. Хоть бы и все остальные откинули копыта прямо сейчас».

Макфрис отбросил пустой тубик, и к нему тут же устремились подросток в линялых джинсах и домохозяйка средних лет. Подросток оказался проворнее.

— Спасибо! — прокричал он Макфрису и побежал обратно, к своим товарищам. Домохозяйка провожала его завистливым взглядом.

— Ел что-нибудь? — спросил Макфрис.

— Я жду.

— Чего?

— Половины десятого.

Макфрис задумчиво посмотрел на него:

— Старый добрый самоконтроль?

Гэррети пожал плечами, готовый к отпору, но Макфрис только смотрел на него и молчал.

— Знаешь что? — спросил наконец Макфрис.

— Что?

— Если бы у меня был доллар... хотя бы доллар, понимаешь... я бы поставил на тебя, Гэррети. Я думаю, у тебя есть шанс.

Гэррети засмеялся:

— Ты что, шутишь?

— Может быть. Может, и шучу, — Макфрис вытянул перед собой руки. Они заметно дрожали. — Надеюсь, Баркович загнется раньше.

— Пит?

— Что?

— Если бы ты сейчас вернулся назад, зная все это... пошел бы ты снова?

Макфрис опустил руки и сказал:

— Даже если бы Майор приставил мне пистолет к виску, не пошел бы. Это самоубийство, только медленное. Очень медленное.

— Точно, — Олсон улыбнулся жуткой улыбкой узника концлагеря, от которой у Гэррети внутри похолодело.

Через десять минут они прошли под громадным красно-белым транспарантом: *«100 миль! Поздравляем участников Длинного пути этого года! Коммерческий совет Джефферсона»*.

Вскоре сосны, среди которых они шли, расступились, и они оказались в окружении первой настоящей толпы. Крики и рукоплескания накатывали и отступали, как морские волны. Мигали разноцветные лампочки. Полицейские тащили с дороги мальчишку с грязным зареванным лицом, который размахивал блокнотом для автографов.

— Эй! — крикнул Бейкер. — Эй, вы только поглядите на них!

Колли Паркер махал и улыбался, и, когда Гэррети подошел к нему поближе, он услышал, как Паркер кричит:

— Привет, уроды! — еще улыбка. — О, мамаша Макги, старая кошелка! Моя жопа передает тебе привет — вы ведь с ней, как близнецы. Привет, привет!

Гэррети закрыл рот ладонью и истерически захохотал. Мужчина в первом ряду махал плакатом с фамилией «Скрамм». Рядом с ним толстуха в дурацком желтом костюме пыхтела, пытаясь отодвинуться от трех парней, пьющих пиво. Гэррети, заметив это, захохотала еще сильнее.

«Только не впадать в истерику. О Господи, только не это. Вспомни про Гриббла... не надо... не надо...»

Но это случилось. Он смеялся, пока в желудке не поднялась тупая, режущая боль. Он согнулся, слыша, как сзади кто-то кричит. Это был Макфрис.

— Рэй! Рэй! Что с тобой?

— Они смешные, — он едва не плакал от смеха. — Пит, Пит, погляди... они такие смешные, такие...

Маленькая девочка в грязном платье сидела на земле и строила гримасы. Увидев ее, Гэррети совсем скорчился от смеха и получил предупреждение. Странно — сквозь весь этот шум предупреждения слышались совершенно отчетливо.

«Я могу умереть, — подумал он. — Умереть от смеха».

Колли все еще махал и улыбался, осыпая зрителей ругательствами, и это было смешнее всего. Гэррети упал на одно колено и получил второе предупреждение. Смех продолжал сотрясать его тело короткими приступами, похожими на лай.

— Его тошнит! — заорал кто-то в экстазе. — Элис, смотри скорее, его тошнит!

— Гэррети! Гэррети, черт тебя побери! — Макфрис подхватил Гэррети под локоть и рывком поднял его на ноги.

— О Боже, — прохрипел Гэррети. — О Боже, они меня убивают. Я... я не могу, — он снова захлебнулся смехом. Его ноги подкосились, но Макфрис удержал его. Они оба получили предупреждение. «Мое последнее, — со странным спокойствием подумал Гэррети. — Прости, Джен. Я...»

— Иди, кретин! Я не могу тебя тащить! — прошипел Макфрис.

— Не могу. У меня...

Макфрис дважды хлестко ударил его по щекам. Потом быстро, не оглядываясь, отошел.

Смех прошел, но внутренности у него словно превратились в желе, а легкие никак не могли набрать воздуха. Он зашагал вперед, пытаясь восстановить дыхание. Перед глазами плясали черные пятна, ноги заплетались, и пару раз он едва не упал.

«Если я упаду, я умру. Тогда мне уже не подняться».

За ним наблюдали. Крики утихли до приглушенного, почти сексуального шепота. Они ждали, когда он упадет.

Он шел, концентрируясь теперь на ногах. Когда-то он читал рассказ Рэя Бредбери о том, как на месте катастрофы собираются толпы людей и с жадным любопытством выспрашивают, сколько пострадавших и будут ли они жить или умрут. «Я буду жить, — говорил им Гэррети. — Я буду жить. Я не умру».

Он заставлял ноги подниматься и опускаться, и шаги гулким эхом отдавались у него в голове. Он забыл обо

всем остальном, даже о Джен. Он забыл о боли в ногах и о застывшем напряжении мышц под коленями. Мысль крутилась в голове, стуча, как барабан, — *я буду жить. Я буду жить*, — пока сами эти слова не утратили смысл.

Его привел в чувство звук выстрелов. Толпа замерла, и кто-то впереди закричал. «Ну вот, — подумал он, — дожил до выстрела и услышал собственный крик».

Но кричал не он, и стреляли не в него. Это был номер 64, Фрэнк Морган, невысокий улыбчивый паренек. Теперь его тащили с дороги, и дужка разбитых очков все еще цеплялась за его ухо.

— Я не умер, — медленно проговорил он. Шок окутал его теплой волной, угрожая превратить его ноги в вату.

— Да, но мог бы, — сказал Макфрис.

— Ты спас его, — тоном упрека произнес Олсон. — Зачем ты это сделал? — глаза его были яркими и пустыми, как дверные ручки. — Я бы убил тебя, если б мог. Ненавижу тебя. Ты подохнешь, Макфрис. Бог убьет тебя за то, что ты сделал, — его голос тоже был пустым, и Гэррети казалось, что изо рта у него пахнет гнилью. Он зажал рот рукой, чтобы не застонать.

— Иди к черту, — спокойно сказал Макфрис. — Я просто уплатил долг. Мы ведь в расчете, так? — он пошел прочь и скоро был уже всего-навсего одним из ярких пятен вдали.

Дыхание Гэррети восстанавливалось медленно, и он еще долго ждал, что бок ему прорежет внезапная судорога... но наконец все прошло. Макфрис спас ему жизнь. «Мы в расчете, так?» Так. Они были в расчете.

— Бог покарает его, — повторял Хэнк Олсон с настойчивостью идиота. — Бог убьет его, вот увидите.

— Заткнись, или я тебя сам покараю, — сказал Абрахам.

День становился все жарче, и разговоры постепенно умолкли. Толпа немного поредела, когда они отошли от радиуса действия телекамер и микрофонов, но люди продолжали стеной стоять вдоль дороги, сливаясь в единое Лицо Толпы. Это лицо улыбалось, кричало, гримасничало, но никогда не менялось. И никогда не отворачива-

лось — даже когда Уаймэн опорожнял кишечник. Оно ждало. Гэррети хотел поблагодарить Макфриса, но сомневался, что тому нужна его благодарность. Макфрис шел впереди, уставившись в спину Барковича.

Половина десятого. Гэррети расстегнул рубашку, чтобы было не так жарко. Он думал о том, знал ли урод д'Алессио, что ему выпишут пропуск, перед тем, как все случилось. И еще о том. меняет ли знание ощущение человека, когда это с ним происходит.

Дорога плавно пошла в гору, и толпа исчезла, как только они пересекли железнодорожные пути, четырьмя рядами уходящие на восток и на запад. Когда они поднялись на холм, Гэррети увидел по сторонам город, через который они прошли, а впереди — еще одну полосу леса.

Холодный ветерок приятно охладил его вспотевшее тело. Скрамм трижды громко чихнул.

— Я простыл, — мрачно объявил он.

— Это собьет с тебя гонор, — сказал Пирсон.

— Просто придется поднапрячься.

— Ты какой-то железный, — с завистью заметил Пирсон. — Если бы я сейчас простудился, я бы просто лег и умер.

— Ложись и помирай! — крикнул спереди Баркович. — Освободи место другим!

— А ты заткнись, убийца, — сказал Макфрис.

— Чего ты за мной тащишься? — огрызнулся Баркович. — Тебе что, места мало?

— Это свободная дорога. Я иду, где хочу.

Баркович от злости плюнул и поспешил вперед.

Гэррети открыл пакет с едой и начал есть крекеры с сыром. Желудок яростно заурчал, и он едва удержался, чтобы не съесть сразу все. Он выдавил в рот еще тюбик мятной пасты, запил водой и заставил себя остановиться.

Они прошли лесопилку, где рабочие стояли на грудах досок, выделяясь на фоне неба, как индейцы в кино, и махали им. Потом опять начался лес, и на них навалилось молчание. Конечно, это было не настоящее молчание: кто-то говорил, кто-то за спиной Гэррети тихо стонал,

кто-то пускал ветры. Зрители все еще стояли вдоль дороги, но толпа исчезла. В кронах распевали птицы, и ветерок, гуляя среди деревьев, завывал, как привидение. На ветке застыла белка, держа в передних лапках орех; ее глазки-бусинки настороженно ощупывали идущих. Где-то прогудел самолет.

Гэррети почувствовал, что все, весь мир, забыли о его существовании. Макфрис так и шел за Барковичем. Пирсон с Бейкером говорили о шахматах. Абрахам шумно ел, вытирая руки о рубашку. Скрамм оторвал клочок своей рубашки и сморкался в него. Колли Паркер обсуждал с Уаймэном достоинства женщин. А Олсон... но он боялся даже глядеть на Олсона, который, казалось, только и хотел захватить кого-нибудь в скорую смерть.

Гэррети очень осторожно сбавил скорость, помня про свои три предупреждения, и скоро оказался рядом со Стеббинсом. Красные штаны того запылились, под мышками выступили большие круги пота. Кем бы Стеббинс ни был, он не был и суперменом. Какой-то момент он глядел на Гэррети, потом опять уткнулся взглядом в дорогу.

— Интересно, почему людей не очень много? — спросил Гэррети. — Зрителей, я имею в виду.

Сперва он подумал, что Стеббинс вообще не ответит, но в конце концов тот поднял голову и сказал:

— Потерпи. Они еще будут сидеть на крышах в три слоя, чтобы только поглядеть на тебя.

— Но они могли бы сидеть в три слоя и на всей дороге.

— Это опасно.

— Почему?

— А почему ты меня спрашиваешь?

— Потому, что ты *знаешь*.

— Откуда ты *знаешь*?

— Слушай, не строй из себя гусеницу из «Алисы в Стране чудес». Почему бы тебе просто не ответить?

— Как долго ты выдержишь постоянные крики со всех сторон? Да от одного запаха всей этой толпы можно сойти с ума. Это все равно, что пройти триста миль по Таймсквер на Новый год.

— Но им же позволяют смотреть, разве не так?

— Я не гусеница, — сказал Стеббинс доверительным полупшепотом. — Я больше похож на Белого Кролика, только вот золотые часы оставил дома, и на чай меня никто не приглашал. Насколько я знаю, во всяком случае. Может, если я выиграю, я это у них и попрошу. Скажу: «Пригласите меня, пожалуйста, на чай».

— Черт побери!

Стеббинс принужденно улыбнулся:

— Скоро. Скоро. Ты потерпи.

У следующего поворота опять ударили выстрелы, спугнув фазанов, которые вылетели из подлеска, как электрические искры. Гэррети и Стеббинс зашли за поворот, но тело уже утащили. Они так и не увидели, кто это был.

— Видишь ли, — продолжал Стеббинс, — есть точка, после которой толпа уже не имеет значения. Ты просто перестаешь ее замечать, прячешься от нее в свою норку.

— Я понимаю, — кивнул Гэррети.

— Если бы ты понимал, ты бы не ударился в истерику, и твоему другу не пришлось бы тебя выручать.

— А как глубоко нужно спрятаться?

— А как глубоко ты сейчас?

— Не знаю.

— Что ж, тогда зарывайся, пока не уткнешься в камень. Залезай *под* него и сиди. Это и будет нужный уровень. Такова моя идея. Если хочешь, изложи свою.

Гэррети промолчал. Идей у него не было.

Длинный путь продолжался. Солнце висело над дорогой, разбитое на куски деревьями. Тени идущих гномами плясали по асфальту. Один из солдат нырнул в вездеход, достал оттуда какой-то сверток и стал его разворачивать. Это оказался громадный зонтик защитного цвета. Солдаты укрепили его на броне вездехода и уютно расположились в тени.

— Вонючие суки! — крикнул кто-то. — Моим призом будет ваша публичная кастрация!

Солдат эта мысль не слишком ужаснула. Они все так же оглядывали идущих пустыми глазами.

Гэррети не хотелось больше говорить со Стеббинсом. Он переносил Стеббинса только в малых дозах. Он пошел быстрее. Было 10.02. Через двадцать три минуты с него снимут одно из предупреждений, но пока он шел с тремя. Это его не пугало — в нем засела странная уверенность, что он, Рэй Гэррети, не может умереть. Другие, статисты в фильме его жизни, могут, но он, звезда... Может быть, ему еще предстоит понять лживость этих успокаивающих иллюзий; может, именно об этом дне говорил Стеббинс.

Не замечая этого, он прошел вперед почти до авангарда, где снова встретился с Макфрисом. Они образовали редкую цепочку: впереди Баркович, следом Макфрис, идущий с полусогнутыми руками, чуть прихрамывая на левую ногу, и в конце — сам герой фильма «История Рея Гэррети». Как, интересно, он выглядит?

Он потер ладонью щеку, чувствуя пробивающуюся щетину.

Макфрис оглянулся и опять повернулся к Барковичу. Его глаза были темными и затуманенными. Они шли пятнадцать минут, или двадцать. Макфрис молчал. Гэррети дважды прочистил горло, но так ничего и не сказал. Он думал, что чем дольше идешь в молчании, тем труднее его нарушить. Может быть, Макфрис жалеет, что спас его. Или ему стыдно. Все это глупо и безнадежно, и не надо было его спасать, а раз уж спас, то не надо об этом жалеть. Он уже открыл рот, чтобы сказать это, но тут Макфрис заговорил сам:

— Все в порядке, — Баркович при звуке его голоса подпрыгнул, и Макфрис добавил:

— Не для тебя, убийца. Для тебя уже ничего не будет в порядке.

— Поцелуй меня в зад, — прорычал Баркович.

— Я, кажется, тебе подгадил, — сказал Гэррети тихо.

— Я сказал уже: мы в расчете. Больше я такого не сделаю. Хочу, чтобы ты это знал.

— Понимаю. Я...

— Не трогайте меня! — закричал кто-то. — Пожалуйста, не трогайте меня!

— Да, и она красивая, но я не могу...

— И первого сына вы назовете Рэй-младший, а у собаки будет тарелка с написанным ее именем.

Гэррети медленно поднял голову:

— Ты что, издеваешься надо мной?

— Нет! — воскликнул Баркович. — Он срет тебе на голову, парень! Но не беспокойся — я спляшу на его могиле за тебя.

— Заткнись, убийца, — повторил Макфрис. — Я не издеваюсь, Рэй. Слушай, давай отойдем от этого убийцы, ну его к черту.

— Подотритесь! — проорал Баркович им вслед.

— Она любит тебя, твоя Джен?

— Думаю, да.

Макфрис медленно покачал головой:

— Вся эта романтическая чушь... знаешь, она бывает. Но только для некоторых и на короткое время. У меня так было. И я тоже думал, как ты. Тебе все еще хочется узнать, откуда у меня этот шрам?

— Да, — сказал Гэррети.

— А зачем?

— Хочу помочь тебе.

Макфрис опустил глаза и посмотрел на свою левую ногу:

— Болит. Не могу пошевелить пальцами. И шея болит. Моя девушка сделалась стервой, Гэррети. Я пошел в Длинный путь, как другие идут в Иностранный легион. Как говорил великий поэт рок-н-ролла: «Я ей отдал сердце, она его стала топтать, а всем остальным наплевать».

Гэррети промолчал. 10.30. До Фрипорта было еще далеко.

— Ее звали Присцилла. Я был тогда еще глупее тебя. Я любил целовать ей кончики пальцев. Стихи читал. Китса — когда ветер дул в нужную сторону. Видишь ли, ее старик держал коров, а запах навоза плохо сочетается с Китсом. Может, при другом ветре мне нужно было читать ей Суинберна? — Макфрис засмеялся.

— Ты скрываешь свои настоящие чувства.

— А, кому какое дело? Конечно, всем хочется помнить, как они шепчут слова любви в розовое ушко своей королевы, а не то, как, вернувшись домой, они гоняют шары под одеялом.

— Ты скрываешь свое, я — свое.

Макфрис, казалось, не слышал. Какое-то время они шли молча. Их ноги шаркали по дороге. Гэррети подумал, что скоро с ног сойдут ногти, а следом сползет и вся кожа, как змеиная шкура. Позади то и дело кашлял Скрамм. Главным была дорога, а не весь этот бред о любви.

— Так вот, о шраме, — продолжил Макфрис. — Это было прошлым летом. Мы оба хотели уехать из дома, от родителей и от этого запаха коровьего дерьма, чтобы Великая Любовь цвела на свободе. Мы устроились на пижамную фабрику в Нью-Джерси. Как тебе это нравится, Гэррети?

Мы сняли разные квартиры в Ньюарке. Родители немного понервничали, но мы жили в разных квартирах и зарабатывали на жизнь, так что они скоро успокоились. Я жил еще с двумя парнями, а Прис — с тремя девушками. Мы уехали третьего июня на моей тачке, и в тот же день заехали в мотель и решили проблему девственности. Ей не очень хотелось трахаться, но она хотела доставить мне удовольствие. Все было очень романтично.

Потом мы приехали в Ньюарк. Там тоже пахло коровьим дерьмом, но нам хотелось верить, что это *другое* дерьмо. Я завез ее на ее квартиру, а сам поехал в свою. С понедельника мы начали работать. Все было не как в кино, Гэррети, — мой мастер был сволочью, и во время ланча мы давили крыс, которые прятались под мешками с бельем. Но я не обращал на это внимания, потому что любил. Понимаешь?

Он сплюнул в пыль, отхлебнул из своей фляжки и крикнул, чтобы ему дали другую. Они карабкались на длинный пологий холм, и крик вышел на пределе дыхания.

— Прис работала на первом этаже, и вот туда можно было водить туристов. Пастельного цвета стены, совре-

менные машины, кондиционеры. Прис пришивала пуговицы с семи до трех. Только подумай, по всей стране мужчины носят пижамы с пуговицами, которые пришила Прис! Одна эта мысль могла согреть самое холодное сердце.

Я работал на пятом. Внизу сушили шерсть и по трубе с теплым воздухом подавали наверх, ко мне. Когда подъемник наполнялся, они звонили, я открывал заслонку, и там была спутанная шерсть всех цветов радуги. Я выгребал ее оттуда, укладывал в мешки по двести фунтов и подносил эти мешки к трепальной машине. Потом шерсть ткали, шили пижамы, и на первом этаже Прис и другие девушки пришивали к ним пуговицы, а ослы туристы смотрели на них через стекло... Как сейчас смотрят на нас. Тебе не надоело меня слушать?

— Шрам, — напомнил Гэррети.

— Я отвлекся? — Макфрис вытер лоб и расстегнул рубашку. Они были на холме. Во все стороны уходили волны леса, упираясь на горизонте в горы. Милях в десяти среди зелени краснела пожарная вышка. Дорога вилась через все это, как серая змея.

— Сперва все было чудесно. Мы трахались с ней еще три раза, в машине, нюхая коровье дерьмо с ближайшего пастбища. Я никак не мог вычесать шерсть из моих волос, сколько ни расчесывал их; но это было неважно, потому что я любил ее. Я это знал, но никак не мог ей объяснить, — ни языком, ни членом.

Нам платили сдельно. Я был не очень хорошим укладчиком — набивал около двадцати трех мешков в день, а норма всегда была за тридцать. И другие парни из-за меня тоже отставали и теряли в зарплате. Они сказали, что им это не нравится. Понимаешь?

— Ага, — Гэррети потер ладонью шею, потом вытер руку о штаны, оставив на них темное пятно.

— А внизу Прис не сидела без дела. По вечерам она часами могла говорить о своих подружках, о том, кто как работает, и, конечно, она работала лучше всех. Не очень приятно соревноваться с любимой девушкой. В конце

недели я принес домой чек на 64.40 и стал лечить свои мозоли. Она притащила девяносто и тут же отнесла их в банк.

Так шло и дальше. В конце концов я перестал трахаться с ней. Приличней было бы сказать, что я перестала делить с ней ложе, но на ложе мы ни разу не были. И у меня, и у нее всегда была куча народу, а на мотель разоряться я больше не мог, поэтому нам приходилось делать это на заднем сиденье машины. Ей это нравилось все меньше, и я знал это и начал потихоньку ненавидеть ее, хотя еще любил. Поэтому я предложил ей выйти за меня замуж, чтобы все решить. Она стала вилать, но я настаивал на ответе.

— И она ответила «нет»?

— Конечно. «Пит, мы не можем. Что скажет моя мама? Пит, мы должны подождать». Пит то и Пит се, и всегда реальной причиной были деньги, те, что она зарабатывала на пуговицах.

— Тогда зачем ты ее упрасивал?

— Не знаю, — Макфрис яростно потер шрам. — Я чувствовал себя неудачником, потому что мне нечем было доказать ей, что я мужчина, кроме члена, который я совал ей между ног, а ей и этого особенно не хотелось.

Сзади ударили выстрелы.

— Олсон? — спросил Макфрис.

— Нет. Он еще здесь.

— А-а.

— Шрам.

— Слушай, что ты пристал?

— Ты спас мне жизнь.

— Ну и иди к черту.

— Шрам.

— Я подрался, — сказал Макфрис после долгой паузы. — С Ральфом, парнем с упаковки. Он подбил мне оба глаза и сказал, чтобы я убирался, не то он мне и руки переломает. В тот вечер я сказал Прис, что еду домой, и предложил ей поехать со мной. Она сказала, что не может. Я сказал ей, что она превратилась в рабыню своих

пуговиц, и еще много всякого. Я и не знал, что во мне накопилось столько яду. Я сказал, что она паршивая стерва, которая не видит ничего, кроме своей банковской книжки. Это было в ее квартире, и в первый раз мы остались одни — ее соседки ушли в кино. Я пытался затащить ее в постель, и она ударила меня в лицо ножом для разрезания писем. Ей прислали его какие-то друзья из Англии. Она ударила меня, как будто я хотел ее изнасиловать. Как будто я был больной и мог заразить ее. Понимаешь, Рэй?

— Да, — сказал Гэррети. Впереди у обочины стоял белый трейлер, и, когда они подошли ближе, лысый мужчина — видимо, владелец машины, — начал снимать их кинокамерой. Пирсон, Абрахам и Иенсен одновременно сделали непристойный жест, и Гэррети эта синхронность очень рассмешила.

— Я плакал, — сказал Макфрис. — Плакал, как ребенок. Я упал на колени, целовал ее юбку и умолял простить меня. Кровь текла с моего лица на пол, и это было действительно неприятно, Гэррети. Она убежала в ванную, и ее вырвало. Она вернулась, принесла мне полотенце и сказала, что никогда больше не хочет меня видеть. Она тоже плакала и спрашивала, почему я так обидел ее. Понимаешь, Рэй, она разрезала мне лицо и спрашивала, почему я ее обидел.

— Да.

— Я так и ушел с полотенцем у лица. Мне наложили двенадцать швов, и вот конец истории про шрам. Ты доволен?

— Ты с тех пор ее не видел?

— Нет. И не хочу. Теперь она кажется мне очень далекой, очень маленькой. Она в самом деле была рассудительной. И жадной. Знаешь, все видится на расстоянии. Еще вчера утром она очень много значила для меня. А теперь она — ничто. Я рассказал тебе это все, и мне даже не больно. Так что, наверное, это не имеет отношения к тому, почему я здесь. А ты?

— Что?

— Почему ты здесь?

— Не знаю, — его голос был механическим, как у куклы. Урод д'Алессио не видел мяча, который летел ему в лицо, и ему наложили швы. А раньше (или позже — у него уже все спуталось) он нечаянно ударил своего лучшего друга стволом ружья. Джимми. Может, у него тоже остался шрам, как у Макфриса.

— Не знаешь, — сказал Макфрис. — Умираешь и не знаешь, почему?

— Когда умрешь, это уже неважно.

— Может быть, но ты сам должен это знать, Рэй.

— Что?

— Про себя. Ты в самом деле не знаешь этого? В самом деле?

Глава 9

*«Отлично, парень, вот тебе вопрос —
прямо в десятку!»*

(Аллен Ладден)

В час дня Гэррети опять подвел итоги.

Пройдено сто пятнадцать миль. Они были в 454 милях к северу от Олдтауна, в 125 милях от Огасты, столицы штата, в 150 от Фрипорта (или больше... он боялся, что от Огасты до Фрипорта дальше, чем двадцать пять миль), а это уже две трети расстояния до границы Нью-Хэмпшира. Похоже было, что они дойдут.

За девяносто минут никому не выписали пропуск. Они шли по однообразным сосновым лесам, миля за милей, краем уха слушая приветствия. К тупой боли в ногах Гэррети добавились острые уколы в левой икре.

Потом, ближе к полудню, когда жара достигла пика, ружья заговорили опять. Парень по фамилии Тресслер, номер 92, получил солнечный удар, и его застрелили, когда он лежал без сознания. Другой участник вдруг упал в конвульсиях и бился на дороге, издавая непонятные звуки распухшим языком, пока его не нашла пуля. У Ааронсона, номер 1, обе ноги схватило судорогой, и он был застрелен на белой линии, когда стоял, как статуя,

подняв вверх напряженное лицо. А через пять минут еще один парень упал без сознания.

«Так будет и со мной, — подумал Гэррети, обходя распластанное на асфальте тело. На лбу у парня, которого он не знал, блестели крупные бисеринки пота. — Так будет и со мной, я больше не могу, я не переживу этого».

Ударили ружья, и мальчишки, сидевшие под тентом возле дороги, бешено заплодировали.

— Хоть бы Майор появился, — сказал Бейкер. — Я хочу видеть Майора.

— Что? — механически спросил Абрахам. Он сильно сдал в последние часы. Глаза впали в глазницы. Лицо покрылось синеватой щетиной.

— Я наплюю ему в морду.

— Расслабься, — посоветовал Гэррети. С него уже сняли все три предупреждения.

— Сам расслабься, — буркнул Бейкер. — Погляжу я на тебя.

— Зря ты так про Майора. Он ведь тебя не заставлял.

— Заставлял? Он убивает меня, вот и все!

— Это не...

— Заткнись, — сказал коротко Бейкер, и Гэррети послушался. Он почесал шею и взглянул на раскаленное добела небо. Его тень уродливым карликом скорчилась у ног.

— Прости, — сказал Бейкер. — Зря я кричал. Мои ноги...

— Ладно, — сказал Гэррети.

— Это со всеми происходит. Может, это хуже всего.

— Знаете, что я хочу сделать? — спросил Пирсон.

— Наплевать в морду Майору, — предположил Гэррети. — Все хотят наплевать в морду Майору. Как только он придет, мы набросимся на него и...

— Да нет, — Пирсон шагнул, как человек в последней стадии опьянения. Голова его едва не падала на плечо. — Майор тут ни при чем. Я хочу просто пойти в поле, лечь и закрыть глаза. Просто лежать среди пшеницы...

— В Мэне нет пшеницы, — уточнил Гэррети. — Это просто трава.

— Ну, в траву. И читать стихи сам себе.

Гэррети порылся в поясе, нашел печенье и стал грызть его, запивая водой.

— Чувствую себя решетом, — пожаловался он. — Пью воду, а через две минуты она выступает у меня на коже.

Ружья грянули снова, и еще одно тело безжизненно рухнуло на асфальт.

— Сорок пять, — сказал Скрамм, подходя к ним. — Этак мы и до Портленда не дойдем.

— У тебя что-то с голосом, — заметил Пирсон с осторожным оптимизмом.

— Похоже, я подхватил лихорадку, — жизнерадостно сказал Скрамм.

— Господи, как же ты идешь? — с благоговейным страхом спросил Абрахам.

— Как я иду? Посмотри на *него*! Хотел бы я знать, как *он* идет! — он ткнул пальцем в сторону Олсона.

Олсон молчал уже два часа. Он не дотронулся до фляжки. Все с завистью глядели на его почти полный пояс. Глаза его, цвета темного обсидиана, смотрели прямо вперед. Губы высохли и растрескались, и из них высовывался язык, как дохлая змея из пещеры. Язык Олсона был грязно-серым.

Как глубоко он зарылся? Гэррети вспомнил слова Стеббинса. На мили? На световые годы? Ответ был: слишком глубоко, чтобы увидеть это. И чтобы выбраться.

— Олсон! — тихо позвал он. — Олсон!

Олсон не отвечал.

Двигались только его ноги.

— Хоть бы язык убрал, — нервно сказал Пирсон.

Длинный путь продолжался.

Леса расходились, уступая место лугам, и опять сходились. По обочинам стояли восторженные зрители. Появлялось все больше плакатов с именем Гэррети. Но его это уже мало интересовало — он слишком устал. Скоро он устанет настолько, что не сможет говорить с другими. Лучше действительно уйти в себя, как малыш, завернувшийся в ковер. Так было бы проще.

Он облизал губы и отпил немного воды. Они прошли зеленый указатель, извещающий, что до Мэнского шоссе осталось сорок четыре мили.

— Вот оно, — сказал он неизвестно кому. — Сорок четыре мили до Олдтауна.

Никто не ответил, и Гэррети подошел к Макфрису и опять пошел рядом с ним. Тут начала кричать женщина. Движение на дороге было остановлено, и толпа окружала их с обеих сторон, крича и размахивая плакатами.

Кричавшая женщина была грузной и краснолицей. Она пыталась перелезть через канат ограждения и кричала на полицейских, которые держали ее.

«Я знаю ее, — подумал Гэррети. — Откуда я ее знаю?»

Синяя косынка. Блестящие глаза навывкате. Платье цвета морской волны. Все это было знакомо. Одной рукой женщина вцепилась в лицо полицейскому. Брызнула кровь.

Проходя мимо, Гэррети узнал ее. Конечно, это была мать Перси. Перси, который пытался убежать в лес и был застрелен с первым же шагом.

— Где мой сын? — кричала она. — Отдайте моего сына!

Толпа с энтузиазмом приветствовала ее. Маленький мальчик плюнул ей на ногу и поспешил прочь.

«Джен, — думал Гэррети, — Джен, я иду к тебе, и черт с ним со всем. Клянусь, что я дойду». Но Макфрис был прав. Джен плакала, она умоляла его изменить решение: «Пожалуйста, Рэй, я не хочу тебя потерять, это просто убийство...»

Они сидели на скамейке за эстрадой. Это было месяц назад, в апреле, и он обнимал ее за талию. Она надушилась духами, которые он подарил ей на день рождения. Этот запах, томный и таинственный, пьянил его. «Я должен идти, — говорил он. — Должен, ты просто не понимаешь».

«Рэй, это ты не понимаешь, что делаешь. Рэй, не делай этого, я люблю тебя».

«Что ж, она была права. Конечно, я не понимал, что я делаю».

Но я и теперь не понимаю. Черт меня побери, я и теперь не понимаю. Вот и все».

— Гэррети!

Он тряхнул головой, пробуждаясь от своих мыслей. Рядом с ним шел Макфрис.

— Как ты?

— Нормально, — неуверенно ответил Гэррети. — Кажется, нормально.

— Баркович спятил, — с довольным видом сообщил Макфрис. — Говорит сам с собой. И он хромает.

— Ты тоже хромаешь. И Пирсон.

— Да, правда. Но Баркович... он все время трет ногу. Похоже, он растянул мускул.

— За что ты его так ненавидишь? Почему не Олсона? Не Колли Паркера? Не нас всех?

— Потому что Баркович знает, что делает.

— Хочешь сказать, он думает, что выиграет?

— Откуда ты взял?

— Ну... он сволочь. Может быть, сволочам везет?

— Хорошие парни приходят к финишу раньше?

— Не знаю. Ничего не знаю.

Они проходили мимо маленькой сельской школы. Ученики стояли во дворе и махали им. Некоторые забрались на забор, и Гэррети вспомнил рабочих с лесопилки.

— Гэррети! — закричал один из них. — Рэй Гэррети! Гэрре-ти!

Мальчишка прыгал, как заведенный, выкрикивая его имя, и Гэррети помахал ему. Когда школа вместе с мальчишкой скрылись из виду, он испытал облегчение.

Их догнал Пирсон:

— Я тут думаю...

— Побереги силы, — посоветовал Макфрис.

— И о чем ты думаешь? — спросил Гэррети.

— Каково будет тому, кто дойдет вторым.

— И каково же?

— Ну, — Пирсон прищурился, — представляете: пережить всех, кроме одного! По-моему, нужно установить приз для второго.

— Какой?

— Не знаю.

— Жизнь, — предположил Гэррети.

— Кто же за этим пойдет?

— Никто, пока Путь не начался. Но сейчас я был бы рад и этому. Черт с ним с призом. А ты?

Пирсон довольно долго думал.

— Не вижу в этом смысла, — сказал он наконец.

— Скажи ему, Пит.

— Что сказать? — пожал плечами Макфрис. — Он прав. Целый банан или вообще никакого банана.

— Вы спятили, — сказал Гэррети без энтузиазма. Он очень устал, и у него начинала болеть голова. Может, так начинается солнечный удар? Что ж, так лучше — просто упасть без сознания и проснуться уже мертвым.

— Конечно, — сказал Макфрис миролюбиво, — мы все спятили, иначе нас здесь бы не было. Мы все хотим умереть. Ты это еще не понял? Погляди на Олсона — это же просто череп на палке. Разве он не хочет умереть?

— Ну ее, эту чертову психологию, — подвел итог Пирсон. — Я все равно уверен, что никто из них не согласен прийти вторым.

Длинный путь продолжался.

Солнце палило все сильнее. Ртутный столбик дополз до семидесяти девяти градусов (у одного парня был с собой термометр) и готовился перепрыгнуть на восемьдесят. «Восемьдесят, — подумал Гэррети. — Это еще не так жарко. В июле будет жарче градусов на десять. При такой температуре сидеть бы в тени во дворе и есть холодный куриный салат. Или плескаться в ближайшей речке. Вода сверху нагрелась, а внизу у ног, она холодная, и там водятся пиявки, но это ерунда. Эта вода оmyвает тебе грудь, живот, волосы». — При одной мысли об этом по коже у Гэррети пробежали мурашки. Восемьдесят. Испу- павшись, можно залечь в гамаке с какой-нибудь хорошей книжкой. Однажды они залезли в гамак вместе с Джен и качались, пока член не уперся ему в живот, как горячий камень. Она делала вид, что ничего не замечает. Восемь- десят. О Господи!

Чепуха какая-то.

— Мне за всю жизнь не было так жарко, — прогундосил Скрамм. Его широкое лицо покраснелось, как скородка. Он снял рубашку и вытирал ею пот, который тек с него ручьями.

— Лучше надень рубашку, — посоветовал Бейкер. — Сгоришь.

— Я уже сгорел, — хмыкнул Скрамм.

— Чертов штат, — сквозь зубы проговорил Колли Паркер. — В жизни такого не видел.

— Не нравится, сидел бы дома, — буркнул Гэррети и отхлебнул из фляжки. Он не пил много, чтобы не получить спазм. Один раз с ним случилось такое. Он помогал соседям, Элвеллам, ворошить сено. В сарае было очень жарко, и Гэррети выпил три стакана холодной воды.

После этого у него вдруг резко заболели живот, и спина, и голова, и он упал в сено, как тряпичная кукла. Мистер Элвелл держал его своими мозолистыми руками, пока он блевал. Потом он поднялся, слабый от боли и стыда, и его отослали домой — мальчика, прошедшего одно из первых испытаний на мужественность. Он шел, и солнце било его по обгоревшей шее, как десятифунтовый молот.

Он вздрогнул, и головная боль тут же нахлынула волной. Перед глазами заплескали черные пятна.

Он оглянулся на Олсона. Олсон шел, только язык его почернел. Глаза невидяще смотрели вперед. Господи, только бы не стать таким, как Олсон. Что угодно, только не это.

— Мы не дойдем до Нью-Хэмпшира, — мрачно сказал Бейкер. — Ставлю что хотите.

— Два года назад они дошли, — возразил Абрахам. — Четверо из них, во всяком случае.

— Да, но тогда не было такой жары, — сказал Иенсен. — Когда холодно, можно идти быстрее и согреться. Но когда жарко, нельзя идти медленнее... и охладиться.

— Несправедливо, — сердито буркнул Колли Паркер. — Почему этот чертов Путь не проводят в Иллинойсе, где земля ровная?

— А мне нравится Мэн, — сказал Скрамм. — Что ты все ругаешься, Паркер?

— А что у тебя сопли текут? — огрызнулся Паркер. — У всех свои странности. Еще вопросы будут?

Гэррети взглянул на часы, но они остановились на 10.16. Он забыл их завести.

— Сколько времени? — спросил он.

— Счастливые часов не наблюдают, — сказал Пирсон, и все рассмеялись.

— У меня часы остановились.

— Две минуты третьего — сказал Пирсон. — Солнце сядет еще не скоро.

Солнце немилосердно палило сквозь редкие ветви, не дающие тени. Пронесся слух, что ожидается дождь, и на горизонте виднелось что-то вроде облаков, но это могла быть всего лишь утешительная иллюзия.

Абрахам и Колли Паркер обсуждали дальнобойность солдатских карабинов. Гэррети не хотелось участвовать в этом разговоре, и он пошел в стороне от всех, глядя по сторонам.

Длинный путь был уже не так растянут. Впереди шли два высоких смуглых парня в одинаковых кожаных куртках. Прошел слух, что они голубые, любовники, но Гэррети это не очень заинтересовало. Какая разница, любовники они или нет?

За кожаными парнями шел Баркович, потом Макфрис. Он все так же глядел Барковичу в спину. Гэррети не показалось, что Баркович спятил. Он с болью подумал, что Макфрис выглядит более сумасшедшим.

За ними шли семь или восемь человек, образующих постоянно меняющуюся конфедерацию. Следом шла группа поменьше — Скрамм, Пирсон, Бейкер, Абрахам, Паркер и Иенсен. За ними шли еще какие-то незнакомые парни. Среди них затесались доходяги вроде Олсона и те, кто, как Стеббинс, предпочитал уединение. И почти у всех них на лицах застыло испуганное выражение, уже знакомое Гэррети.

Карабины дрогнули и нацелились на одного из отстающих, коротышку в зеленой шелковой рубашке. Тот полчаса назад получил третье предупреждение. Коротышка бросил

на них затравленный взгляд и поспешил вперед. Карабины еще какое-то время следили за ним, потом отстали.

Гэррети ощутил какой-то непонятный подъем духа. До Олдтауна и цивилизации оставалось не больше сорока миль. Там начнется шоссе, где можно идти по травяной полосе в центре, сняв обувь. Ощущать холодную росу.

Господи, как здорово. Может, тогда у него появятся новые силы. Облака на горизонте увеличились и явно обещали дождь.

Выстрелы настигли парня в зеленой рубашке, но Гэррети даже смерть не казалась теперь такой уж страшной. В конце концов она придет ко всем, даже к Майору. Так зачем бояться ее раньше времени? Он занес это в мысленную записную книжку, чтобы сказать Макфрису при следующей встрече.

Он стал готовиться к встрече с ближайшей красивой девушкой, но вместо красивой девушки появился маленький итальянец.

Это был карикатурный итальянец, в соломенной шляпе и с черными закрученными усами. Он стоял возле старого фургона и махал им, показывая неправдоподобно белые зубы.

Фургон был открыт, и внутри, на ложе из колотого льда, громоздились крупные зеленые арбузы.

Желудок у Гэррети загудел, как мотор. Надпись на фургоне гласила: «Дом Ланцо любит всех участников Длинного пути — бесплатные арбузы!»

Несколько участников, включая Абрахама и Колли Паркера, невольно потянулись к обочине. Они получили предупреждения. Дом Ланцо, увидев их, рассмеялся звонким радостным смехом и, погрузив обе руки в лед, достал оттуда охапку розовых арбузных ломтей. Рот Гэррети наполнился слюной. «Ему же не позволят». И потом: «Боже, как это вкусно! Ну почему бы им немного не опоздать на этот раз? Интересно, где он взял арбузы в это время года?»

Участники столпились возле Дома, который, лучась счастьем, раздавал им арбузы. Трое гвардейцев устремились к фургону, и Гэррети слышал, как Дом кричит:

— В чем дело? В чем дело? Это мои арбузы, ослы! Я хочу их раздать и раздам! Уберите руки вы, ублюдки!

Один из гвардейцев стал вырывать ломти арбуза из рук Дома, другой захлопнул дверцы фургона.

— Ублюдки! — закричал Гэррети из всех сил. Его крик разрезал горячий воздух, как стекло, и один из гвардейцев обернулся... взгляд у него был почти пристыженный.

— Вонючие сукины дети! — орал Гэррети. — Будь прокляты ваши матери за то, что родили таких *сукиных детей!*

— Молодец, Гэррети! — крикнул еще кто-то. Это был Баркович, грозивший гвардейцам кулаками. — Ты им сказал!

Теперь уже они все орали, а гвардейцы — это не Эскадрон. Их лица были красными от стыда, но они все равно держали маленького итальянца. Тот от волнения забыл английские слова и осыпал их сочными ругательствами на родном языке. Толпа свистела. Какая-то женщина швырнула в одного из гвардейцев транзистором и сшибла с него фуражку.

Каким-то образом Дом Ланцо вырвался и побежал. Толпа расступалась перед ним и снова смыкалась, не пуская гвардейцев. Один из них все же догнал итальянца и рванул его назад. Уже падая, Дом подбросил высоко вверх все свое розовое богатство.

— *Дом Ланцо любит вас!* — прокричал он.

Толпа взорвалась аплодисментами. Ломти арбуза взлетели в воздух, и Гэррети счастливо рассмеялся, видя, как Абрахам поймал один из них.

Другие получали предупреждения, но умудрялись нагибаться и поднимать куски арбуза. Таких счастливцев было пять или шесть, но все остальные тоже кричали от радости или проклинали солдат, которые наблюдали за происходящим с теми же каменными лицами.

— Спасибо! — прокричал Абрахам. Его улыбающееся лицо было измазано розовым соком.

— Черт побери! — сказал Колли Паркер. — Черт побери! — он откусил от своего куска, потом разломил его

пополам и отдал половину Гэррети, который от удивления опешил.

— На, жри! — крикнул Колли. — Не говори потом, что я жадный!

Гэррети засмеялся:

— Иди на фиг.

Арбуз был холодный-холодный. Сладкий сок тек по подбородку, заливался в нос и — о Господи! — тек в глотку.

Он едва заставил себя оторваться.

— Пит! — позвал он и кинул Макфрису половину своего куска. Тот поймал арбуз на лету с реакцией опытного игрока в бейсбол и благодарно улыбнулся.

Гэррети почувствовал, как безумная радость наполняет его, вливая свежую силу в его ноги и руки. Почти всем досталось по кусочку арбуза, пусть даже самому маленькому.

Стеббинс, как обычно, был исключением. Он одиноко шагал по дороге и не улыбался.

«Ну и хрен с ним», — подумал Гэррети, но радость немного поутихла. Его ноги снова налились тяжестью. Он знал, что Стеббинсу арбуз не нужен. Не нужен, и все.

14.30. Они прошли 121 милю. Тучи приблизились и стали наливаться тьмой. Подул холодный ветерок. Люди по сторонам дороги принялись сворачивать одеяла и укладывать провизию в корзинки. Температура сразу же упала, и Гэррети быстро застегнул рубашку.

— Одевайся скорее, — сказал он Скрамму.

— Ты что? — тот непонимающе уставился на него. — Я весь день не чувствовал себя так хорошо!

Они шли по вершине пологого плато и видели далеко впереди завесу дождя, опустившуюся над лесом. Над ними небо пожелтело. «Как перед смерчем», — подумал Гэррети. Что они будут делать, если смерч подхватит их всех и унесет в страну Оз вместе с туфлями и ломтиками арбуза?

Он рассмеялся, но ветер тут же унес его смех.

— Макфрис!

Макфрис повернулся к нему. Ветер развеивал его одежду, и весь он, с его черными волосами и белым шрамом

на загорелом лице, напоминал старого морского волка на капитанском мостике.

— Что?

— Интересно, в правилах есть что-нибудь о Божьей воле?

— Думаю, нет, — Макфрис начал застегивать куртку.

— Что если нас поразит молнией?

Макфрис откинул голову и рассмеялся:

— Что-что — умрем!

Гэррети фыркнул и отошел. Некоторые с опаской глядели на небо. Мимо Гэррети пролетела бейсбольная кепка, и, оглянувшись, он увидел мальчика, с которого ее сорвало ветром. Скрамм поймал кепку и попытался кинуть обратно мальчику, но ветер закрутил ее гигантской дугой, как бумеранг, и забросил на дерево.

Грянул гром. Бело-пурпурный росчерк молнии пересек небо. Успокаивающий шепот ветра в ветвях превратился в стук и треск десятка свихнувшихся духов.

В грохоте и вое ветра почти потерялись звуки выстрелов. Гэррети повернул голову, снова уверенный, что это Олсон. Но Олсон все еще шел; болтающаяся на нем одежда демонстрировала, как быстро он похудел. Куртку он где-то потерял, и торчащие из рукавов рубашки руки казались тонкими, как карандаши.

С дороги тащили кого-то другого. Его незнакомое лицо выглядело маленьким, жалким и очень мертвым.

— Если ветер попутный, мы будем в Олдтауне уже в полпятого! — радостно сказал Баркович. Он натянул свою желтую шапочку, и лицо его горело безумной радостью. Гэррети вдруг понял — Макфрис был прав — Баркович спятил.

Через несколько минут ветер внезапно стих. Гром кашлянул пару раз где-то вдали. Опять вернулась жара. невыносимая после свежих порывов ветра.

— Э-гей! Рэймонд! Рэймонд Гэррети!

Гэррети рывком повернул голову. На один ужасный момент ему показалось, что его зовет мать, и он сразу вспомнил Перси. Но это была всего лишь пожилая леди,

глядящая на него из-под журнала «Вог», которым она закрывалась от дождя.

— Старая кошелка, — пробормотал рядом Арт Бейкер.

— А, по-моему, очень милая женщина. Ты что, ее знаешь?

— Я знаю этот тип. Она похожа на мою тетю Хэтти. Та обожала ходить на похороны и с такой же улыбкой смотрела на плачущих родственников. Облизываясь, как кот на сливки.

— Может, это мать Майора, — сказал Гэррети, но Бейкера эта шутка не развеселила. Он был бледен.

— У тети Хэтти было девять детей. И четверых она похоронила с такой же вот улыбкой. Некоторые любят смотреть на смерть. Я этого не понимаю, а ты?

— Я тоже, — Бейкер портил ему настроение. — А она умерла?

— Нет. Она сейчас дома. Должно быть, сидит на крыльце в своем кресле. Слушает новости про нас и улыбается, когда сообщают новые цифры, — Бейкер потер ладонью щеку. — Ты видел когда-нибудь, как кошка жрет собственных котят?

Гэррети не ответил. Новая вспышка молнии осветила небо. Следом пророкотал гром. Тучи неслись по небу, как безумные пираты по ночному эбеновому морю.

— Знаешь, — сказал внезапно Бейкер, — а я хотел стать гробовщиком. Хорошая работа. Гробовщику найдется дело даже в кризис. Мой дядя был гробовщиком и много чего мне порассказал. Он говорил: «Люди думают, что им все равно, но это не так. Сначала они толкуют про простой сосновый ящик, а в конце концов покупают самый роскошный. Некоторые даже указывают в завещании номер модели».

— А зачем? — спросил Гэррети.

— У нас большая влажность, поэтому многие хотят, чтобы их хоронили над землей, в мавзолее. Но наверху крысы. Жирные луизианские крысы, которые разгрызают сосновый гроб, как орех.

Ветер рвал их одежду невидимыми пальцами. Гэррети хотелось, чтобы пошел дождь и отвлек их от этого дурацкого разговора.

— Да ну к черту, — сказал он. — Платить полторы тысячи за то, чтобы тебя после смерти не ели крысы!

— Не знаю, — глаза у Бейкера были полузакрыты. — Понимаешь, они едят мягкие части. Так и вижу, как они прогрызают дырку в моем гробу — шире, шире, — наконец влезают и сразу проглатывают мои глаза, как вишни. И тогда я становлюсь частью этих крыс. Разве не так?

— Не знаю, — выдавил из себя Гэррети.

— Нет уж, спасибо. Я хочу гроб, обшитый свинцом.

— Скоро он может тебе понадобиться.

— Это точно, — без улыбки согласился Бейкер.

Молния сверкнула снова, оставив в воздухе запах озона. Через мгновение с неба что-то посыпалось.

Это был град. В пять секунд землю засыпали градины размером с мелкую гальку. Некоторые вскрикнули от неожиданности, а Гэррети закрыл глаза рукой. Иенсен в панике пустился бежать, упал и остался лежать. Солдаты на вездеходе для верности выпалили раз десять в полу-скрытое завесой града тело. Прощай, Иенсен. Извини.

За градом пошел дождь, перемежающийся раскатами грома. С холма, на который они взбирались, текли потоки воды.

— Черт! — крикнул Паркер, едва не наткнувшись на Гэррети. Он был похож на мокрую крысу. — Гэррети, это, без сомнения...

— Знаю-знаю — самый поганый из всех штатов. Накрой лучше чем-нибудь голову.

— Нечем, — Паркер сокрушенно пожал плечами и отошел, заливаемый дождем.

— Как тебе? — прокричал Гэррети Макфрису.

Макфрис махнул рукой:

— Все к худшему. Теперь хочется, чтобы вышло солнце.

— Скоро выйдет, — успокоил Гэррети, но он ошибся. В четыре часа дождь все еще шел.

ГЛАВА 10

*«Знаете, почему меня зовут Граф?
Потому, что я занимаюсь графикой!
Ха-ха-ха!»*

(Граф из «Сезам-стрит»)

Когда они встретили второй вечер на дороге, заката не было. К половине пятого дождь превратился в противную морось, которая поливала почти до восьми. Потом все стихло, и в просветах туч показались яркие, холодно мерцающие звезды.

Гэррети плотнее закутался в промокшую одежду. Дневная жара казалась теперь благодатью. Он надеялся, что немного теплее станет от людей, которые все в большем количестве толпились вдоль дороги. Они жались друг к другу, чтобы согреться, и терпеливо ждали — должно быть, чьей-нибудь смерти. Им не очень повезло. После Иенсена выбыло только двое участников, оба просто упали в обморок. Теперь их осталась ровно половина.

Гэррети шел один. От холода ему не хотелось спать. Он сжал губы, чтобы они не дрожали. Олсон еще был здесь; кое-кто даже заключал пари, что он был пятидесятым, но эта честь досталась не ему, а некоему Роджеру Фенуму с несчастливым номером 13. Гэррети уже казалось, что Олсон будет идти вечно — если только не умрет

от голода. Если он выиграет, в этом можно усмотреть высшую справедливость. Он представил заголовки в газетах: «Длинный путь выиграл мертвец».

Ноги у Гэррети онемели. Настоящая боль поселилась теперь не в ступнях, а в икрах, которые тупо ныли при каждом шаге. Иногда ноги пронизывала острая, как укол ножа, боль. Это заставило его вспомнить сказку, которую ему в детстве читала мать — о русалочке, которой дали ноги вместо хвоста, но каждый шаг по земле давался ей с такой болью, будто она шла по ножам.

— Предупреждение! Предупреждение 47-му!

— Слышу, — сквозь зубы проговорил Гэррети и прибавил шагу.

Лес поредел. Север штата остался позади. Они прошли через два тихих провинциальных городка, мимо тротуаров, заполненных людьми, — молчаливыми тенями в свете фонарей. Никто особо не веселился и не кричал, видимо, из-за дождя.

Гэррети опять сбавил скорость и лишь с большим трудом заставил себя идти быстрее. Впереди Баркович сказал что-то и разразился своим неприятным смехом.

— Заткнись, убийца, — как всегда, ответил ему Макфрис. Баркович послал его к черту и замолчал.

Гэррети заметно отстал и опять оказался рядом со Стеббинсом. Чем-то Стеббинс поражал его, но ему не хотелось думать об этом. Сейчас было не время думать о таких вещах.

Впереди в темноте засветилась громадная арка из разноцветных лампочек. Грянул марш, следом хор приветствий. Что-то закружилось в воздухе, и Гэррети сперва подумал, что это снег. Но это были конфетти. Они перешли на новую дорогу, и указатель известил, что до Олдтауна осталось только шестнадцать миль. Гэррети почувствовал волнение, почти гордость. За Олдтауном он знал дорогу, как свои пять пальцев.

— Ты, кажется, из этих мест?

Гэррети подпрыгнул. Стеббинс как будто читал его мысли.

— Не совсем. Я в жизни не был к северу от Гринбуша, — они миновали оркестр, трубы и кларнеты которого тускло отсвечивали в темноте.

— Но мы будем проходить через твой город?

— Рядом с ним.

Стеббинс хмыкнул. Гэррети взглянул на его ноги и с удивлением увидел, что Стеббинс сменил теннисные туфли на пару мягких мокасин. Туфли он сунул за пазуху, под рубашку.

— Я берегу туфли, — пояснил Стеббинс, — на всякий случай. Но, думаю, они мне не понадобятся.

— А-а.

Они прошли радиовышку, скелетом стоящую в голом поле. На ее верхушке мерно, как сердце, пульсировал красный огонек.

— Думаешь увидеть любимых людей?

— Думаю, — ответил Гэррети.

— А потом?

— Что потом? Пойду дальше. Если вы все к тому времени не выйдете из игры.

— Не думаю, — Стеббинс улынулся. — А ты уверен, что не выйдешь из игры раньше?

— Я ни в чем не уверен. Не был уверен, когда это началось, и еще меньше сейчас.

— Думаешь, у тебя есть шанс?

— Нет, не думаю, — сердито ответил Гэррети. — И зачем я говорю с тобой? Это все равно, что говорить с ветром.

Где-то далеко в ночи завывали полицейские сирены.

— Кто-то впереди прорвался через ограждение, — сказал Стеббинс. Какие они тут неугомонные! Только подумай, сколько еще людей ждет тебя впереди.

— Тебя тоже.

— Меня тоже, — согласился Стеббинс, и они долгое время молчали. — Удивительно, как сознание управляет телом, — сказал он наконец. Средняя домохозяйка за день проходит шестнадцать миль, от холодильника до утюга и обратно, и к концу дня ног под собой не чувствует.

Коммивояжер может пройти двадцать, школьник, играющий в футбол, — от двадцати пяти до двадцати восьми... это за весь день, с утра до вечера. И все они устают. Устают, но не выматываются.

— Да.

— Но представь, что домохозяйке говорят: сегодня до ужина тебе надо пройти шестнадцать миль.

Гэррети кивнул:

— Вот тогда она вымотается.

Стеббинс промолчал. Гэррети показалось, что он недоволен его ответом.

— Разве не так?

— А ты не думаешь, что она пройдет их до обеда, а потом будет валяться перед телевизором? Я именно так думаю. Гэррети, ты устал?

— Да. Я устал.

— А вымотался?

— Не думаю.

— Правильно. Вот *он* вымотался, — Стеббинс указал пальцем на Олсона. — Он почти уже готов.

Гэррети посмотрел на Олсона, словно ожидая, что тот от слов Стеббинса упадет.

— Но что его держит?

— Спроси своего дружка Бейкера. Мул не любит пахоть, но любит морковь. Вот ему и подвешивают морковь перед носом. Мул без морковки выматывается быстрее. Понимаешь?

— Не очень.

Стеббинс улыбнулся.

— Ладно, посмотри на Олсона. Он уже не любит морковь, хотя он этого еще не знает. Смотри на него и учись.

Гэррети посмотрел на Стеббинса внимательней, не зная, издевается он или говорит серьезно. Стеббинс рассмехался — звонко и весело, заставив многих идущих удивленно обернуться.

— Иди. Поговори с ним. А если он не захочет, просто посмотри. Учиться никогда не поздно.

— Хочешь сказать, что это важный урок?

Стеббинс перестал смеяться:

— Это самый важный урок, какой может быть. Урок жизни и смерти. Реши это уравнение, и ты выживешь.

Сказав это, Стеббинс, казалось, потерял к нему интерес и снова стал смотреть вниз. Гэррети отошел от него и направился к Олсону.

Он попытался разглядеть лицо Олсона и не мог. Кожа его пожелтела и высохла от обезвоживания. Глаза глубоко засели в глазницы. Волосы на голове торчали во все стороны слипшимися прядями.

Это был уже не человек, а робот. Тот Олсон, что сидел когда-то на траве и рассказывал про парня, которого застрелили прямо на старте, исчез. Его больше не было.

— Олсон? — прошептал он.

Олсон шел. Это был ходячий дом с привидениями. От него так и разило смертью.

— Олсон, ты можешь говорить?

Олсон шел. Его лицо смотрело в темноту, и в безумных глазах что-то светилось, что-то там еще оставалось, но что?

Они взбирались на очередной холм. В легких Гэррети оставалось все меньше воздуха, и он тяжело дышал, как собака в жару. Рядом с дорогой текла река — серебряная змея в черноте ночи. Это Стилуотер, вспомнил он. В Олдтауне течет Стилуотер. Впереди рассыпались огоньки. Олдтаун. Они дошли до Олдтауна.

— Олсон! — позвал он. — Это Олдтаун! Мы дошли!

Олсон не отвечал. Теперь он понял, кого Олсон ему напоминает — «Летучий Голландец», несущийся вперед без экипажа.

Они быстро спустились с холма, свернули влево и перешли через мост. На другой стороне моста был знак: «*Подъем. Грузовикам снизить скорость*». Некоторые застонали.

Подъем возвышался перед ними, как гора, хотя он был совсем невысоким. Но он был.

Гэррети сделал первый шаг. «На вершине буду задыхаться, как астматик, — подумал он, и следующей мыслью

было, — если доберусь до вершины». В ногах — от бедер до ступней, — встала протестующая боль. Ноги говорили, что не могут больше всего этого выдержать.

«Но вы выдержите, — сказал им Гэррети. — Выдержите или сдохнете».

«Нам плевать, — ответили ноги. — Можешь подыхать».

Мускулы, казалось, размякли, как мороженое на солнце. Они тряслись и прыгали, напоминая плохо управляемых марионеток.

Спереди и сзади сыпались предупреждения, и Гэррети понял, что скоро одно из них достанется и ему. Он уставился на Олсона, пытаясь попасть в такт его шагам. Они взойдут на этот проклятый холм вместе, а потом Олсон откроет ему секрет, о котором говорил Стеббинс. Сколько еще? Сто футов? Пятьдесят?

Прогрели первые выстрелы, следом — пронзительный крик, заглушенный новыми выстрелами. Гэррети ничего не видел в темноте, да его и не интересовало, кто это был. Осталась только боль, режущая боль в ногах и в легких.

Холм спрямился и пошел под уклон. Этот склон был более покатым, но мускулы Гэррети не переставали дрожать. «Мои ноги сейчас откажут, — думал он. — Они не доведут меня до Фрипорта. Даже до Олдтауна. Я умираю».

Тут ночь разорвал рев множества глоток, дикий и восторженный, повторяющий одно и то же слово:

— *Гэррети! Гэррети! Гэррети! Гэррети!*

Это Бог-отец. Бог лишил его ног за то, что он хотел узнать секрет, узнать секрет...

Как гром:

— *Гэррети! Гэррети! Гэррети!*

Это был не Бог. Это были ученики олдтаунской высшей школы, выкрикивающие хором его имя. Как только они увидели его бледное, измученное лицо, скандирование превратилось в бурю аплодисментов. Парни вопили и целовали своих девушек. Гэррети помахал им, улыбаясь, и опять повернулся к Олсону.

— Олсон, — прошептал он. — Олсон!

Веки Олсона чуть-чуть дрогнули. Искра жизни, как последний поворот стартера в старом автомобиле.

— Скажи мне, Олсон. Скажи мне, что делать.

Школьники («Неужели я когда-то ходил в школу?» — с удивлением подумал Гэррети) прыгали теперь вокруг них, оглушая их криками.

Глаза Олсона с трудом поворачивались в глазницах, словно они заржавели и требовали смазки. Его губы издали какой-то звук.

— Ну, — прошептал Гэррети. — Ну, говори же! Говори, Олсон!

— А-а, — сказал Олсон. — А-а.

Гэррети подошел ближе и положил руку Олсону на плечо, вдыхая смесь пота, гноя и мочи.

— Попытайся, Олсон!

— Бу. Бо. Божий... Божий сад.

— Божий сад? Что ты говоришь?

— Он полон. Плодов. Я...

Гэррети молчал. Он не мог говорить. Они поднимались на очередной холм, и он опять задышался. Олсон, казалось, вообще не дышал.

— Я не хочу. Умирать, — закончил Олсон.

Гэррети с ужасом смотрел на то, что было Олсоном.

— А? — существо рывком повернуло голову. — Га. Га. Гэррети?

— Да, это я.

— Который час?

Гэррети недавно, Бог знает зачем, завел свои часы.

— Без четверти девять.

— Нет. Не то.

— Олсон? — он осторожно потряс Олсона, и все его тело содрогнулось, как дерево на ветру. — Что с тобой, Олсон?

— Гэррети, — прошептал Олсон.

— Что?

— Который час?

— Черт! — Гэррети оглянулся на Стеббинса, но тот глядел в темноту. Если он и смеялся, то этого не было видно.

— Гэррети.

— Что?

— Бо... Бог сохранит тебя.

Голова Олсона упала. Он сошел с дороги и пошел прямо на вездеход.

— Предупреждение! Предупреждение 70-му!

Олсон не останавливался. Толпа застыла в ожидании.

Олсон уперся руками в броню и начал всем телом биться о вездеход.

— Олсон! — крикнул Абрахам. — Эй, ребята, это же Хэнк Олсон!

Солдаты наставили на Олсона ружья, и он схватил ближайшее из них за ствол, вырвал и швырнул в толпу. Зрители с криком шарахнулись в стороны, будто карабин мог начать стрелять сам по себе.

Потом другой карабин выстрелил. Гэррети ясно видел вспышку и красное пятно на рубашке Олсона, куда попала пуля.

Олсон потянулся и ухватился за ствол ружья, которое только что выстрелило в него.

— Давай, Олсон! — крикнул спереди Макфрис. — Давай! Покажи им всем!

Пули из остальных двух карабинов отшвырнули Олсона от вездехода. Он распластался на земле, широко раскинув руки, как распятый. Из его живота был вырван огромный кусок. Еще три пули ударили в него. Солдат, которого Олсон обезоружил, полез за новым карабином в люк.

Олсон сел, прижав руки к животу и глядя на солдат. Они тоже смотрели на него и молчали.

— Сволочи! — прорычал Макфрис. — Убийцы!

Олсон попытался встать. Новые пули бросили его на землю.

Сзади Гэррети услышал тихий звук. Он не оглянулся — он знал, что это смеется Стеббинс.

Олсон снова сел. Солдаты прицелились в него, но не стреляли. Их силуэты на броне, казалось, выражали любопытство.

Медленно, рефлекторно Олсон прижал руки к животу. Сквозь пальцы его медленно поползли синие змейки внутренностей. Он нагнулся, как будто собираясь запихнуть их обратно («Запихнуть их», — подумал Гэррети с ужасом и омерзением) и с усилием поднялся. Потом пошел, медленно-медленно, продолжая держаться за живот.

— О Господи! — Абрахам зажал руками рот. В его выпученных глазах метался ужас. — О Господи, Рэй, что за гадость! — его вырвало.

«Ну вот, старина Эйб не сберег свое печенье, — подумал Гэррети рассеянно. — Нарушил пункт 13».

— Они не будут его достреливать, — сказал сзади Стеббинс. — Это послужит уроком остальным.

— Убирайся, — прошептал Гэррети. — Иначе я вышибу тебе мозги!

Стеббинс быстро отошел.

— Предупреждение! Предупреждение 88-му!

Смех Стеббинса замер вдали.

Олсон упал на колени. Раздался выстрел, и пуля ударила в асфальт рядом с ним. Он снова начал подниматься. «Они играют с ним, — подумал Гэррети. — Им, должно быть, скучно, вот они и решили поиграть с Олсоном. Ведь он такой смешной, правда, парни?»

Гэррети плакал. Он подбежал к Олсону, опустился на колени рядом с ним, прижал к груди его растрепанную голову. Он рыдал в сухие, пропахшие потом и мочой волосы Олсона.

— Предупреждение! Предупреждение 47-му!

— Предупреждение! Предупреждение 61-му!

Макфрис тянул его вверх.

— Вставай, Рэй! Ты ему не поможешь! Вставай, ради Бога!

— *Это ужасно!* — прорыдал Гэррети. — *Ужасно!*

— Я знаю. Вставай скорее.

Гэррети встал. Они с Макфрисом пошли задом, глядя на Олсона. Олсон поднялся на ноги и стоял прямо на белой линии, воздев обе руки к небу. Толпа ахнула.

— Я делал не то! — крикнул Олсон дрожащим голо-
сом и упал мертвым.

Солдаты еще дважды выстрелили в него и потащили
прочь.

Они шли молча минут десять. От присутствия Макфриса
Гэррети было чуточку легче.

— Знаешь, — сказал он наконец, — во всем этом есть
смысл.

— Да?

— Я говорил с ним. Он был жив, пока они его не
застрелили. Он был жив, Пит, — теперь это казалось ему
самым важным. — Жив, понимаешь?

— Ну и что? — Макфрис устало вздохнул. — Он был
только номером. Номер 53. Мы стали чуть ближе к концу,
вот и все.

— Нет. Ты так не думаешь.

— Не говори мне, что я думаю, а что нет! — бросил
Макфрис. — И давай не будем об этом.

— До Олдтауна осталось миль тринадцать.

— Хорошо.

— Не знаешь, где Скрамм?

— Я не его доктор. Ищи сам, если хочешь.

— Что ты бесишься?

Макфрис дико расхохотался.

— Да, чего это я бешусь? Очевидно меня волнует новая
ставка подоходного налога. И еще цены на зерно в Южной
Дакоте. Олсон — у него вывалились кишки, и он шел с
вывалившимися кишками! — вот от чего я бешусь, Гэр-
рети! — он прервался, подавляя приступ тошноты, а
потом сказал. — Со Скраммом плохо.

— Да?

— Колли Паркер щупал его лоб и сказал, что у него
жар. Он несет какую-то чушь — о своей жене, о хопи, о
навахо... трудно понять.

— Долго он еще сможет идти?

— Кто знает? Может, дольше нас всех. Он ведь здоро-
вый, как буйвол. О Господи, как я устал.

— А Баркович?

— Он прячется. Знает, что многие будут рады увидеть, как он получит пропуск. Он хочет пережить меня, вонючка. Но он очень плохо выглядит.

— Как и все мы.

— Ага. Говоришь, до Олдтауна тринадцать миль?

— Где-то так.

— Могу я сказать тебе кое-что, Гэррети?

— Конечно. Я унесу это с собой в могилу.

— Это точно, — кто-то в толпе пустил ракету, и Гэррети с Макфрисом подпрыгнули. Несколько женщин завизжали, кто-то выругался с набитым попкорном ртом.

— Все это так ужасно, — сказал Макфрис, — из-за того, что все так обычно. И Олсон был обычным, хотя и удивительным. Обычным и удивительным. Он умер, как жучок под микроскопом.

— Ты говоришь, как Стеббинс, — заметил Гэррети.

— Жаль, что Присцилла не убила меня. Тогда все было бы не так...

— Обычно?

— Да. Тогда бы...

— Извини. Я подремлю немного, если получится.

Макфрис пожал плечами и отошел. Гэррети в первый раз пожалел, что обзавелся приятелями на Длинном пути. Оказывается от этого тоже могло быть тяжелее.

Кишечник распирало. Скоро придется облегчиться. При мысли о том, что это придется делать на глазах у публики, которая будет смеяться и тыкать в него пальцами, он мысленно скрипнул зубами. Потом они еще разберут его дерьмо на сувениры. Казалось немыслимым, что люди способны на это, но так и было.

Олсон с вываливающимися внутренностями...

Макфрис и Присцилла на пижамной фабрике...

Скрамм с его широким лицом, красным от жара...

Голова Гэррети склонилась на грудь. Он задремал, продолжая идти. Его ноги мерно опускались на асфальт; отставшая подошва хлопала, как ставня заброшенного дома.

Я мыслю, следовательно, существую. Первый урок латыни. Тарабарские фразы на мертвом языке. «Эне, Бене, Раба, Квинтер, Финтер, Жаба».

Я существую, следовательно...

Взлетела ракета, сопровождаемая приветственными криками. Мимо прогромыхал вездеход. Гэррети проснулся от металлического голоса, объявляющего ему предупреждение, и заснул опять.

«Отец, я не радовался, когда тебя не стало, но и не огорчился по-настоящему. Прости меня. Но я не поэтому здесь. Стеббинс неправ. Я здесь потому...»

Его разбудили выстрелы и знакомый стук упавшего тела. Толпа закричала — не то от ужаса, не то от восторга.

— Гэррети! — крикнула какая-то женщина. — Рэй Гэррети! Мы с тобой! Мы все с тобой, Рэй!

Ее голос перекрыл остальные, и сотни голов повернулись в сторону земляка. Отдельные крики переросли в общий рев. Гэррети слушал свою фамилию, пока она не превратилась для него в набор бессмысленных звуков.

Он помахал кричащим и опять провалился в сон.

ГЛАВА 11

*«А ну вперед, жопы!
Вы что, хотите жить вечно?»*

(Неизвестный сержант
Первой мировой войны)

Они прошли через Олдтаун около полуночи. Для Рэя Гэррети путь через город был сплошным полусонным кошмаром. Толпа вопила, не умолкая, пока крики не слились в единый нечленораздельный шум, нарастающий и утихающий, подобно рокоту прилива. Юпитеры превратили ночь в день, осветив все зловещим оранжевым светом, в котором даже самое дружелюбное лицо напоминало маску из фильма ужасов. Из окон летели конфетти, газеты, длинные полоски туалетной бумаги.

Как ни странно, в Олдтауне никто не погиб. Постепенно они отделились от оранжевых огней и шума толпы к реке, где их встретил резкий запах бумажной фабрики — химикаты, горелое дерево, рак желудка. Горы опилок подымались выше городских зданий, а рядом, как египетские пирамиды, громоздились штабеля дров. Гэррети почудилось, что он уже не на земле, а в каком-то месте вечности, когда его вернул к действительности толчок под ребра. Это был Макфрис.

— Что такое?

— Выходим на магистраль. — Макфрис был возбужден. — Похоже, там собралось целое войско. Нас встретят салютом из четырехсот стволов.

— Я слышал уже достаточно салютов из трех стволов, — проворчал Гэррети, отчаянно протирая глаза. — Ну их. Дай поспать.

— Погоди. Когда они закончат, мы устроим им свой салют.

— Какой?

— Из сорока шести задниц.

Гэррети улыбнулся. Улыбка казалась чужой на его губах.

— Да ты что?

— Ну... из сорока. Шестеро уже на пределе.

Гэррети вспомнил Олсона, Летучего Голландца.

— Возьмите меня в долю, — сказал он.

— Тогда подходи поближе.

Они подошли к Бейкеру, Абрахаму, Пирсону и Скрамму. Двое кожаных парней по-прежнему маячили впереди.

— А Баркович? — спросил Гэррети.

— Согласен. Сказал, что это лучшая в мире идея после платных туалетов.

Они шли уже по шоссе. Гэррети видел справа уступчатую набережную, а впереди — призрачный свет фонарей, на этот раз не оранжевых, а мертвенно-белых.

— Кэти! — вскрикнул внезапно Скрамм. — Я еще не сдался, Кэти! — он окинул всех безумными глазами, не узнавая. Его губы обметало лихорадкой, лицо пылало.

— Совсем плох, — почему-то как будто извиняясь сказал Бейкер. — Мы все время даем ему воду, а она выходит с потом. Его фляжка пуста, и другую ему придется просить самому. Это правило.

— Скрамм! — позвал Гэррети.

— Кто это? — глаза Скрамма беспокойно метнулись.

— Я, Гэррети.

— А-а. Ты видел Кэти?

— Нет. Я...

— Вот и они, — сказал Макфрис. Крики толпы снова стали громче, и из темноты выступил светящийся зеле-

ным указатель: «Шоссе 95 Огаста Портленд Портсмут юг».

— Юг, — прошептал Абрахам. — Господи, помоги нам!

Они вышли на шоссе. Его поверхность под ногами казалась более гладкой, и Гэррети испытал знакомое волнение.

У въезда, оттеснив толпу, стояли солдаты цветной гвардии, подняв ружья. По сравнению с их алыми мундирами запыленный камуфляж солдат на вездеходе казался тряпьем.

Шум толпы внезапно стих. Единственными звуками остались стук их шагов и хриплое дыхание. Алые гвардейцы молчали. Потом из темноты раздался четкий голос Майора:

— Го-о-товсь!

Ружья взметнулись к небу стальной аркой. Все инстинктивно сжались. У них, как у собак Павлова, выработался рефлекс — выстрелы обозначают смерть.

— *Пли!*

Четыреста ружей выпалили, раздирая барабанные перепонки. Гэррети сдержался, чтобы не заткнуть уши.

— *Пли!*

Снова грохот и резкий запах пороха. В какой книге он читал, что в воду стреляют чтобы тело утопленника всплыло на поверхность?

— Моя голова, — простонал Скрамм. — О Боже, моя голова.

— *Пли!*

Последний залп.

Макфрис тут же повернулся и пошел задом. Покраснев от усилия, он во всю мочь крикнул:

— Готовсь!

Сорок языков облизали пересохшие губы. Гэррети поглубже вдохнул и...

— *Пли!*

Это было жалко. Жалкий звук, потонувший в ночи. Неудачная, глупая шутка. Каменные лица солдат не изменили выражения.

— Черт! — Макфрис скривился и побрел дальше, опустив голову.

Мимо быстро проехал джип Майора. Они успели заметить отблеск холодного света на его черных очках, и толпа опять сомкнулась вокруг. Правда, теперь она была дальше: шоссе имело четыре полосы — пять, если считать траву посередине.

Гэррети поспешил на середину и пошел по подстриженной траве, чувствуя, как роса через треснувшие туфли приятно холодит его ноги. Кто-то получил предупреждение. Шоссе тянулось вперед, гладкое и однообразное, омытое светом фонарей. Тени идущих выделялись на бетоне четко, как при летней луне.

Гэррети отхлебнул из фляжки, закрутил ее и опять погрузился в дремоту. До Огасты еще восемьдесят миль. Так приятно идти по мокрой траве...

Он споткнулся, едва не упал и резко пробудился. Какой идиот сажает сосны на средней полосе? Конечно, это дерево штата, но почему бы не посадить его где-нибудь подальше?

Почему они не думают о тех, кто идет...

Конечно, они не думают.

Гэррети перешел на левую сторону, по которой шли остальные. На шоссе к ним присоединились еще два вездехода, чтобы охватить увеличившуюся площадь, на которой разместились теперь сорок шесть участников.

Постепенно Гэррети опять задремал. Его сознание начало блуждать отдельно от тела, как камера с заряженной пленкой, то там, то тут щелкая затвором. Он думал об отце, стягивающем с ног зеленые резиновые сапоги. Он думал о Джимми Оуэнсе, которого он ударил стволом ружья. Да, это придумал Джимми — раздеться и трогать друг друга. Ружье мелькнуло в воздухе, брызнула кровь («Извини, Джим, тьфу ты, тут нужен бинт»)... он повел Джимми в дом, и тот кричал... кричал...

Гэррети огляделся, весь в поту, несмотря на ночную прохладу. Кто-то кричал. Ружья были нацелены на маленькую, сжавшуюся в ужасе фигурку. Похож на Барко-

веча. Грянули выстрелы, и фигурка, стукнувшись о бетон, как мешок с мокрым бельем, обратила к небу бледное лицо. Это был не Баркович, а кто-то незнакомый.

Он подумал о том, что может пережить их всех, и тут же устыдился этой мысли. К тому же она казалась невероятной. Боль в ногах могла стать в два, в три раза сильнее, а она и сейчас временами была невыносима. И хуже боли в ногах была сама смерть, запах разложения, засевший у него в ноздрях. Под эти мысли он снова задремал, и на этот раз ему привиделась Джен. Он на какое-то время совсем забыл о ней и теперь терпеливо выстраивал в полусне ее образ. Ее маленькие ноги — толстоватые, но очень привлекательные, с тонкими икрами и полными крестьянскими бедрами. Стройная талия, круглые, гордо вздернутые груди. Мягкие черты ее лица. Ее длинные светлые волосы. «Волосы шлюхи», — подумал он. Как-то он сказал ей это, просто вырвалось, и он думал, что она рассердится, но она промолчала. Он думал, что, может быть, ей это даже польстило...

На этот раз его разбудила нарастающая тяжесть в кишечнике. На часах был час ночи. Он молча взмолился, чтобы Бог позволил ему не делать этого на глазах у толпы. «О Господи, сжался, я дам тебе половину всего, что имею, только даруй мне запор. О Го...»

Кишечник сдавило опять, на этот раз сильнее. Может быть, это свидетельствовало о сохраняющемся здоровье его тела, но его это не очень утешало. Он шел, пока не вышел на сравнительно малолюдный участок; там он, спеша, расстегнул ремень, спустил штаны и присел, прикрывая рукой гениталии. Мускулы ног протестующе взвыли, и вместе с болью он исторг содержимое прямой кишки.

— Предупреждение! Предупреждение 47-му!

— Джон! Эй, Джонни, посмотри на этого беднягу!

Он наполовину видел, наполовину воображал уставленные в него пальцы. Замигали вспышки, и Гэррети отвернулся. Это было самым худшим из всего, что с ним случилось. *Самым худшим.*

— Я видела! — возбужденный девичий голос. — Я видела его *штуку!*

Бейкер прошел мимо, не глядя на него.

Потом, с криканием, он привстал и пошел, застегивая на ходу штаны, оставив часть себя дымиться позади в темноте под вожделевыми взглядами толпы: «Возьми это! заверни в свой плащ! дерьмо человека, которого через двадцать минут застрелили. *Я говорил тебе, Бесси, что нам достанется нечто особенное!*»

Он догнал Макфриса и пошел рядом с ним.

— Хорошо? — спросил Макфрис.

— Еще бы. Только вот я забыл кое-что дома.

— Что?

— Туалетную бумагу.

Макфрис усмехнулся:

— Моя бабка в таких случаях говорила: «Шевели задницей — само высохнет».

Гэррети взорвался смехом — здоровым, без всякой истерики. Ему и правда было легче. Как бы там ни повернулись дела, через *это* пройти ему больше не придется.

— Ну вот, у тебя получилось, — сказал Бейкер, сбавляя шаг.

— Да что это вас так удивляет? — Гэррети не мог сдержать изумления.

— А то, что это не так уж просто перед мордами у этих обезьян, — без улыбки сказал Бейкер. — Знаешь, я тут слышал кое-что. Правда, не очень-то поверил.

— Что?

— Помнишь Джо и Майка? Ребят в кожаных куртках? Так вот, они хопи, индейцы. Скрамм пытался об этом сказать, но никто его не понял. Говорят, что они братья.

— Не может быть! — воскликнул Гэррети.

— Я сходил вперед и посмотрел на них. И черт меня побери, если они не *выглядят*, как братья!

— Это запрещено, — сердито сказал Макфрис. — Их родные, должно быть, обили все пороги в Эскадроне.

— Ты знал когда-нибудь индейцев? — спросил Бейкер.

— Только деревянных, а что?

— У нас возле города была резервация семинолов. Это странные люди. Они не думают, как мы, об «ответственности» и всяких таких вещах. Они очень гордые. И бедные. С хопи я не знаком, но, думаю, они похожи на семинолов. И они знают, что такое смерть.

— Теперь мы все это знаем, — заметил Макфрис.

— Они из Нью-Мексико, — сказал Бейкер.

— Ну и черт с ними, — подвел итог Макфрис, и Гэррети был склонен согласиться с ним.

Разговоры скоро замерли из-за поразительного однообразия пути. На шоссе уже не было резких подъемов и крутых спусков, и идущие дремали на ходу, забывая хоть на время о том страшном, что ждало их впереди. Маленькие группки разбивались на острова по одному, два, три человека.

Толпа не знала усталости. Она кричала что-то единым хриплым криком и махала нечитаемыми плакатами. Имя Гэррети повторялось постоянно, изредка всплывали имена Барковича, Пирсона, Уаймэна. Прочие упоминались редко и моментально уходили, как хлопья снега, проносящиеся перед телеэкраном.

Ракеты взлетали и рассыпались искрами. Их свет хватывал из толпы причудливые фрагменты. Женщина прижимала к объемистой груди клетку с большой нахолившейся вороной. Ученики колледжа выстроили живую пирамиду. Беззубый, с впалыми щеками старик в костюме дяди Сэма потрясал плакатом: «Отберем Панамский канал у красных ниггеров!» Но в целом толпа была такой же скучной и однообразной, как дорога.

Гэррети опять задремал, и во сне низкий голос спрашивал его снова и снова: *«Ты понял? Ты понял? Ты понял?»* Он не знал, чей это голос — Стеббинса или Майора.

ГЛАВА 12

*«Шел я по дороге, на дороге грязь.
Снял с ноги ботинок, а в ботинке кровь.
Кому водить?»*

(Детская считалка)

Как-то они дошли до девяти утра.

Рэй Гэррети запрокинул голову и полил себе на лицо водой из фляжки. Холодная вода немного отогнала сон.

Он вновь оглядел своих спутников. Макфрис уже порядочно оброс щетиной, черной, как его волосы. Колли Паркер осунулся, но выглядел еще крепким. Бейкер казался призраком. Скрамм кашлял глубоким, громящим кашлем, знакомым Гэррети с детства — в пять лет он болел пневмонией.

Ночь прошла в сонном мельтешении дорожных знаков. Бангор. Хэмпден. Уинтерпорт. Солдаты убили только двоих.

Теперь день разгорался снова. Идущие шутили насчет своих бород... но ни в коем случае насчет ног. Гэррети натер на правой ноге несколько маленьких мозолей, но толстый носок смягчал боль. Они только что миновали знак: «*Огаста 48 Портленд 117*».

— Это дальше, чем ты говорил, — сообщил Пирсон. Его волосы безжизненно свисали на измученное лицо.

— Я не дорожная карта, — сказал Гэррети.

— Но... ты же отсюда.

— Плевать.

— Да, — в усталом голосе Пирсона сквозило смирение. — Господи, я никогда больше не сделаю этого.

— У тебя и не будет такой возможности.

— Точно, — голос Пирсона упал. — Я придумал кое-что. Когда я почувствую, что не могу больше, я выбегу прямо в толпу. Тогда они не посмеют стрелять.

— Они выпихнут тебя обратно, — сказал Гэррети. — Чтобы посмотреть, как тебя кончают. Вспомни Перси.

— Перси ни о чем не думал. Просто пытался убежать в лес. Рэй, ты не устал?

— Конечно, нет, — Гэррети гордо хлопнул себя по груди. — Я так, прогуливаюсь перед завтраком.

— А я плох, — пожаловался Пирсон, облизнув губы. — Даже думать тяжело. А в ноги будто всадили по гарпуну, так...

— Скрамм умирает, — сообщил подошедший Макфрис.

— Что? — в унисон спросили Гэррети и Пирсон.

— У него пневмония.

Гэррети кивнул:

— Я этого и боялся.

— За пять футов слышно, как хрипят его легкие. Будто через них пропускают Гольфстрим. Если сегодня будет так же жарко, он просто сгорит.

— Бедняга, — сказал Пирсон, но в его голосе ясно слышалось облегчение. — Он ведь женат. Что его жена будет делать?

— А что она *может* сделать? — спросил Гэррети.

Они шли совсем рядом с толпой, уже не замечая рук, тянущихся к ним, чтобы потрогать. Маленький мальчик хныкал, что хочет домой.

— Обращаюсь ко всем, — сказал Макфрис. — Думаю, тот, кто выиграет, должен будет что-то сделать для нее.

— А что?

— Сам решит. А если этот урод забудет, мы все будем являться к нему и душить по ночам.

— Ладно, — сказал Пирсон. — Чего уж.

— Рэй?

— Конечно. А с Барковичем ты говорил?

— Этот хер родную мать из воды не вытащит, если она будет тонуть?

— Все равно я поговорю с ним, — сказал Гэррети.

— Может, еще со Стеббинсом поговоришь? Ты ведь единственный, кому это удавалось.

— Я могу сказать, что он ответит.

— Что?

— Он спросит, почему он должен это делать. И я не буду знать, что ему ответить.

— Тогда пошли его к черту.

— Не могу, — Гэррети пошел по направлению к маленькой, согнувшейся фигуре Барковича. — Он, единственный, кто еще уверен, что выиграет.

Баркович был в забытьи. С полузакрытыми глазами и щетиной на смуглых щеках он походил на потертого игрушечного медвежонка. Свою оранжевую шапку он или потерял или выбросил.

— Баркович!

Баркович встрепенулся:

— Что? Кто это? Гэррети?

— Да. Скрамм умирает.

— Кто? А, понял. Рад за него.

— У него пневмония. Похоже, он не доживет до конца дня.

Баркович внимательно оглядел Гэррети своими глазами пуговками. Да, он был очень похож на старого, забытого детьми игрушечного медвежонка.

— А тебе-то что, Гэррети?

— Ну, он ведь женат и...

Глаза Барковича расширились, пока не стало казаться, что они вот-вот выпадут.

— Женат? Женат? Эта жопа с ушами...

— Тише ты, ублюдок! Он может услышать!

— Мне плевать! — Баркович повернулся к Скрамму и заорал изо всех оставшихся сил. — *Что ты думал, идиот, когда впутался в это?! Что это игра в салочки?!*

Скрамм непонимающе посмотрел на Барковича и помахал ему — должно быть решил, что это зритель. Абрахам, что шел рядом, показал Барковичу палец. Баркович снова повернулся к Гэррети. Он улыбался.

— Гэррети, твоя рожа так и сияет добротой. Пустите шляпу по кругу для жены умирающего, так?

— Ладно, — сказал Гэррети зло. — Тебя исключаем.

Он повернулся, чтобы уходить, но Баркович ухватил его за рукав.

— Подожди. Я же не сказал «нет». Разве я это сказал?

— Нет.

— Конечно, — на губах его снова появилась улыбка, но какая-то жалкая. — Слушай, я вовсе не хотел ссориться с вами, парни. Со мной всегда так — не хочу ни с кем ссориться, а так получается. Дома тоже всегда так было, то есть в школе. Я ведь не такой уж плохой, просто часто встаю не с той ноги, что ли. А мне очень нужны друзья, плохо ведь одному, особенно в таком деле, правда? Гэррети, ты ведь знаешь. Тот Ранк — он сам виноват, он хотел побить меня. Почему-то все хотят меня побить. В школе мне даже приходилось носить с собой нож. А Ранка я не хотел... не хотел, чтобы его... вы увидели только конец и не видели, как он... — Баркович запутался и замолчал.

— Да, правда, — пробормотал Гэррети, чувствуя себя лицемером. Он слишком хорошо помнил инцидент с Ранком.

— Ну и что ты собираешься делать? Войдешь в долю?

— Конечно, — рука Барковича судорожно вцепилась в рукав Гэррети. — Я могу кормить ее хоть до конца жизни. Я просто хотел сказать... у человека должны быть друзья. Кому хочется умирать в злобе? Я не хочу... не...

— Да, да, — Гэррети начал отходить, ощущая неловкость. Он по-прежнему ненавидел Барковича, но и немного жалел.

— Спасибо. — Почему-то проблеск человечности в Барковиче напугал его. Он не мог сказать, почему.

Он слишком сильно отстал, получил предупреждение и, ускорив шаг, оказался рядом со Стеббинсом.

— О, Рэй Гэррети! — сказал Стеббинс. — С добрым утром. В чем дело?

Гэррети вторично пустился в объяснения насчет Скрамма и его жены, и за это время еще один парень получил пропуск (на куртке у него было написано «*Ангелы ада на колесах*»). Закончив, он терпеливо ждал ответа Стеббинса.

— Почему бы и нет? — спросил Стеббинс, дружелюбно улыбаясь Гэррети. Гэррети с каким-то суеверным ужасом почувствовал, что отчаяние добралось и до него.

— Звучит так, будто тебе нечего терять, — заметил он.

— Нам всем нечего терять, — улыбнулся Стеббинс. — Так легче уходить. Но пойми меня правильно, Гэррети, — я не могу обещать. Сейчас этот бедняга еще кажется вам важным. Я даже скажу почему — вы пытаетесь зацепиться за будущее своим обещанием. Раньше, до Поворота, когда у нас были еще миллионеры, они основывали фонды и строили библиотеки. Они тоже пытались зацепиться за будущее. Некоторые делают это детьми, но никто из них, — он широким жестом обвел участников, — не оставит ни одного ублюдка. То, что я говорю, не шокирует тебя?

— Нет, — пробормотал Гэррети.

— Ты и твой друг Макфрис выбиваетесь из этого балагана. Я не могу понять, почему вы здесь. Кстати, ты всерьез воспринял то, что я говорил тебе вечером? Насчет Олсона?

Гэррети кивнул.

— Ну и зря, — Стеббинс рассмеялся. — Не было у него никаких секретов. Я пошутил.

Гэррети чуть улыбнулся:

— Знаешь, я думаю, ты вечером сказал что-то лишнее и теперь боишься.

— Думай, как знаешь, Гэррети.

— Можешь скрывать это, но ты боишься, Стеббинс. Тебе нравится думать, что все подстроено. Но вдруг это честная игра, тогда что?

— Что ж, иди и думай, что это честная игра. Не все ли равно, с какой уверенностью подышать?

— Опять врешь, — сказал Гэррети, но Стеббинс лишь коротко усмехнулся и опять устоял на свои ноги.

Гэррети побрел вперед, туда, где Макфрис, Пирсон, Абрахам и Бейкер собрались вокруг Скрамма, как встревоженные тренеры вокруг получившего травму боксера.

— Как он? — спросил Гэррети.

— Почему ты их спрашиваешь? — удивился Скрамм. Он уже не говорил, а шептал. Прежний болезненный румянец уступил место восковой бледности.

— Ладно, спрошу тебя.

— О, неплохо, — Скрамм закашлялся. Это был захлебывающийся, глухой кашель, будто идущий из-под воды. — Неплохо. Молодцы, что решили позаботиться о Кэти. Я уже не думаю, что смогу это сделать сам.

— Не говори много, — предупредил Пирсон, — ты выматываешься.

— Какая разница? Раньше или позже, — Скрамм печально оглядел их, потом медленно покачал головой. — Почему я заболел? Я ведь шел так хорошо. Даже когда устал. Почему Бог сотворил такое со мной?

— Не знаю, — сказал Абрахам.

Гэррети снова почувствовал страх перед великой тайной смерти и попытался его отогнать. Это чувство было особенно неприятным, когда умирал друг.

— Который час? — спросил внезапно Скрамм, и Гэррети сразу вспомнил Олсона.

— Десять минут одиннадцатого, — ответил Бейкер.

— Прошли около двухсот миль, — добавил Макфрис.

— Ноги у меня не устали, — сказал Скрамм. — Это уже кое-что.

Невдалеке восторженно закричал ребенок:

— Эй, мама! Посмотри на вон того большого парня! Вот это лось! Гляди, гляди!

Гэррети вгляделся в толпу. Кричал мальчишка в рубашке с коротким рукавом, размахивающий недоеденным сэндвичем. Скрамм помахал ему.

— Дети милые, — сообщил он. — Надеюсь, у Кэти будет мальчик. Мы оба хотели мальчика. Девочка тоже

неплохо, но парень... понимаете... он продолжает фамилию. Хотя Скрамм — не такая уж знаменитая фамилия, — он усмехнулся, а Гэррети вспомнил слова Стебинса о попытке зацепиться за будущее.

К ним подошел толстощекий Уокер в голубом свитере и сообщил новость. У Майка, брата кожаного Джо, начались желудочные колики.

Скрамм потер лоб. Его грудь вздымалась и опадала в такт кашлю.

— Я знаю этих парней, — сказал он. — Приехали со мной вместе. Они хопи.

— Ты нам говорил.

— Разве? — удивился Скрамм. — Ну ладно. Похоже, они хотят составить мне компанию. Интересно...

Не договорив, он ускорил шаг и пошел вперед. Уходя, он обернулся, и лицо его было спокойным.

— Не знаю, увидимся ли мы еще, — сказал он также спокойно. — Прощайте, ребята.

Макфрис отозвался первым:

— Прощай, — сказал он хрипло. — И желаю удачи.

— Да, удачи тебе, — повторил Пирсон и отвернулся.

Абрахам хотел что-то сказать и не мог.

— Держись, — лицо Бейкера было суровым.

— Прощай, — прошептал Гэррети пересохшими губами. — Прощай, Скрамм, и хорошего отдыха.

— Отдыха? — Скрамм рассмеялся. — Может, настоящий Длинный путь только начинается.

Он шел, пока не поравнялся с Майком и Джо. Майк шел, прижав руки к животу, но не сгибался.

Скрамм заговорил с ними.

— Что они хотят делать? — испуганным шепотом спросил Пирсон.

Никто ему не ответил. Совещание окончилось, и Скрамм пошел рядом с Майком и Джо. Даже на таком расстоянии Гэррети слышал его натужный кашель. Солдаты внимательно разглядывали всех троих. Джо положил руку брату на плечо, и они поглядели друг на друга, но Гэррети не мог уловить никаких эмоций на их бронзовых лицах.

Через момент Майк и Скрамм сошлись и двинулись прямо на толпу, которая, увидев обреченность их лиц, с криками бросилась врассыпную, будто он были заразные.

Они получили предупреждения и, дойдя до перил ограждения, повернулись к вездеходу и выставили вперед средние пальцы.

— Я ебал вашу мать, и мне это понравилось! — проорал Скрамм солдатам.

Майк крикнул что-то похожее на своем родном языке.

Идущие разразились криками одобрения, и Гэррети почувствовал, как на глаза ему наворачиваются слезы. Толпа замерла. Они получили во втором предупреждении и сели рядом на асфальт, тихо говоря друг с другом — каждый на своем языке.

Гэррети не оглянулся. Никто из них не оглянулся, даже когда все было кончено.

— Тому, кто выиграет, лучше сдержать слово, — сказал Макфрис. — Лучше пусть не обманывает.

Никто ему не ответил.

ГЛАВА 13

«Джон Гринблум, ну-ка спускайся!»

(Джонни Олсен)

Два часа дня.

— Ты жульничаешь, скотина! — крикнул Абрахам.

— Я не жульничаю, — спокойно сказал Бейкер. — С тебя доллар сорок.

— Я жуликам не плачу, — Абрахам крепко сжал в кулаке десятицентовую монетку.

— А с теми, кто меня так называет, я не играю. Но для тебя, Эйб, сделаю исключение. Для хорошего человека ничего не жалко.

— Ладно, заткнись и кидай.

— Не говори со мной так, — Бейкер сделал круглые глаза. — А то я упаду в обморок прямо здесь.

Гэррети хихикнул.

Абрахам фыркнул, подбросил монету, поймал ее и зажал в кулаке.

— Ну?

— Бросай сперва свою.

Бейкер подбросил монету и поймал ее.

— Орел, — сказал он.

— А я скажу: решка.

— Открывай.

Абрахам разжал кулак. На ладони у него лежала река Потомак в обрамлении лавровых листьев.

— С тебя доллар пятьдесят, — бесстрастно заметил Бейкер.

— Ты меня что, за дурака держишь? — взвыл Абрахам. — Требую удвоить ставку или я больше не играю.

— Гэррети, как ты считаешь, это справедливо?

— Что? — Гэррети утерял нить беседы. У него опять болела левая нога.

— Чтобы мы удвоили ставки.

— Почему нет? Он все равно слишком глуп, чтобы у тебя выиграть.

— А я думал, ты мне друг, — обиженно сказал Абрахам.

— Ладно, удваиваем, — согласился Бейкер, и в этот момент острейшая боль молнией пронзила левую ногу Гэррети. Она показалась ему сильнее, чем вся боль предыдущих тридцати часов.

— *Моя нога!* — заорал он, не в силах сдержаться.

— О Господи, Гэррети, — успел сказать Бейкер, а потом они прошли мимо, а он остался стоять с левой ногой, превратившейся в исходящий болью камень.

— Предупреждение! Предупреждение 47-му!

Без паники. Хотя для паники у него были все причины.

Он сел на асфальт, вытянув вперед ногу, и начал массировать ее. На ощупь нога была, как слоновая кость.

— Гэррети! — это был Макфрис. Его голос казался испуганным. — Что судорога?

— Похоже. Иди. Все будет нормально.

Время. Время шло, хотя ужасно медленно. Макфрис повернулся, медленно поднял одну ногу, опустил, потом поднял вторую. Пошел прочь. Медленно прошел Баркович, чуть улыбаясь. Медленно по толпе стал распространяться шепот. «Второе предупреждение, сейчас я получу его. Иди, чертова нога, давай же! Я не хочу умирать, проклятье!»

— Предупреждение! Второе предупреждение 47-му!

Ощущение смерти, бесспорной и точной, как фотография, проникло в него и попыталось в нем закрепиться,

парализовать его. Он изо всех сил сопротивлялся. Еще минута. Нет, пятьдесят секунд. Нет, сорок пять. Время уходит.

С отсутствующим выражением Гэррети мял пальцами непослушные мышцы и мысленно говорил с ними. Пальцы начали болеть, но он не замечал этого. Мимо прошел Стеббинс, что-то пробормотав. Потом он остался один на дороге.

Все ушли. Остался только он, Гэррети, среди смятых бумажек и пачек из-под сигарет. Нет, не только. Невдалеке стоял молодой светловолосый солдат со стальным хронометром в одной руке и карабином в другой. На его лице не было ни капли жалости.

— Предупреждение! Третье предупреждение 47-му!

Мыскуль не отпускало. Ему предстоит умереть.

Он отпустил ногу и спокойно смотрел на солдата. Интересно, кто выиграет? И переживет ли Макфрис Барковича?

Он еще подумал — на что похоже ощущение пули в голове?

Просто ли это внезапная темнота, или мысли гаснут постепенно, уносятся прочь?

Уходили последние секунды.

Судорога прошла. Кровь вернулась в мышцы, наполняя их уколами сотен крошечных иголок. Солдат убрал хронометр, его губы беззвучно шевелились, когда он отсчитывал последние секунды.

«Но я не встану, — подумал Гэррети. — Так хорошо сидеть. Сидеть, и пусть телефон звонит, черт с ним».

Он опустил голову. Солдат медленно, ужасно медленно, поднял карабин и прижал указательный палец к спуску. Левая рука его так же медленно, нежно, обняла ствол.

«Вот оно, — подумал Гэррети. — Это смерть. Сейчас я умру».

Он вдруг начал слышать все, даже самые тихие звуки. Или ему это казалось? Щелкнул затвор, как сломанная ветка. Воздух со свистом проходил между его зубов, как

ветер в туннеле. Боевым барабаном стучало сердце. И где-то далеко раздавалось пение...

Он конвульсивно вскочил на ноги и бросился бежать, не чуя под собою ног. Солдат растерянно поглядел ему вслед, перевел взгляд на хронометр и снял палец с крючка.

Гэррети перешел на шаг. Перед глазами у него плясали белые вспышки, и ему на миг показалось, что сейчас он упадет в обморок. Ноги, разъяренные тем, что их лишили заслуженного отдыха, с новой силой начали болеть, но он терпел. Главное, мышцы левой ноги работали.

Он посмотрел на часы. 14.17. Еще целый час его будут отделять от смерти всего две секунды.

— С возвращением в мир живых, — сказал Стеббинс.

— Спасибо, — Гэррети едва мог шевелить губами. Внезапно его охватило раздражение. Его бы пристрелили, а они бы продолжали идти, как ни в чем не бывало. Только строчка в бюллетене: *«Гэррети Рэймонд, №61. Выбыл на 218-й миле»*. Да заголовок в местной газете: *«Гэррети мертв. Уроженец Мэна пал шестьдесят первым»*.

— Надеюсь, я выиграю, — прошептал Гэррети.

— Да?

Гэррети вспомнил лицо солдата. На нем было не больше эмоций, чем на блюде с картошкой.

— Хотя у меня было уже три судороги. Обычно с таким долго не идут.

— Посмотрим. — Стеббинс опять опустил голову.

Гэррети прибавил шагу и поравнялся с Макфрисом.

— Я уж думал, с тобой все, — сказал тот, обернувшись.

— Я тоже.

— Что так близко?

— Две секунды.

Макфрис присвистнул.

— Я бы не смог подняться. Как нога?

— Получше. Послушай, я не могу говорить. Хочу пройти немного вперед.

— Гаркнессу это не помогло.

— Я просто хочу проверить, могу ли я идти.

— Ладно. Компания тебе нужна?

— Если тебе не жалко энергии.

Макфрис рассмеялся:

— Мне не жалко времени, мой милый, если тебе не жалко денег.

— Тогда пошли.

Они быстро прошли вперед и заняли место между вторым из идущих, угрюмым, долговязым Хэролдом Квинсом, и Джо, пережившим своего брата. Вблизи лицо Джо казалось еще более бронзовым. Замки на его кожаной куртке звякали, как далекая музыка.

— Привет, Джо, — сказал Макфрис.

— Привет, — отозвался Джо. Лицо его оставалось безучастным.

Они прошли мимо, и впереди теперь была только дорога, с обеих сторон окаймленная людской стеной.

— Вперед, только вперед, — сказал Макфрис. — Христианские воины идут на врага.

— Который час?

— Два двадцать. Слушай, Рэй, если ты...

— Всего? — Гэррети почувствовал, как паника жаркой волной захлестывает его внутренности. Он не сможет пройти час на такой скорости.

— ...если ты будешь думать о времени, ты спятишь, побежишь в толпу, и они пристрелят тебя, как бешеную собаку. Забудь о нем.

— Не могу, — все вокруг него медленно закружилось. — Олсон... Скрамм... они умерли. Дэвидсон умер. Я тоже могу умереть, Пит, Теперь я в это верю.

— Подумай о своей девушке, о Джен. Или о своей матери. Или ни о чем не думай. Просто иди.

Гэррети попытался восстановить контроль над собой, и ему это немного удалось. Но его ноги уже не слушались беспрекословно команд мозга.

— Он долго не протянет — отчетливо выговорила какая-то женщина в переднем ряду.

— Это твои сиськи долго не протянут! — крикнул ей Гэррети, и толпа захохотала.

— Ублюдки, — прошептал Гэррети. — Ублюдки. Который час, Пит?

— Что ты сделал, когда получил подтверждение? — тихо спросил Макфрис. — Когда узнал, что тебя возьмут?

Гэррети вздохнул и потер лоб, а потом отпустил мысли в прошлое, подальше от этого ужасного момента.

— Я был дома один. Мать работала. Это было днем в пятницу. Письмо лежало в ящике, и на нем был штемпель Уилмингтона, штат Делавэр, так что я знал, что оно оттуда. Я перечитал его два раза. Не могу сказать, что я был очень рад, но доволен. И горд. Тогда ноги у меня еще не болели, и мне не казалось, что с каждым шагом мне в спину вгоняют ржавые грабли. Я был горд и ни хрена не понимал.

На миг он замолчал, вспоминая тот день.

— Отказываться было уже поздно — слишком много людей смотрело на меня, так же, как и сейчас. 15-го апреля для меня устроили торжественный ужин в городском центре — там собрались все мои друзья, и после ужина все стали требовать: «Речь! Речь!» Я промямлил что-то вроде того, что сделаю все, что смогу, и они хлопали, как сумасшедшие. Я чувствовал себя каким-то Неизвестным солдатом. Понимаешь?

— Понимаю, — Макфрис усмехнулся, но глаза его были серьезны.

Сзади прогремели выстрелы. Гэррети конвульсивно подскочил, едва не оцепенев. На этот раз по инерции он продолжал идти. А кто будет следующий?

— Черт возьми, — сказал Макфрис. — Это был Джо.

— Который час? — спросил Гэррети и тут же вспомнил, что у него есть свои часы. 14.38. О Господи!

— И никто не пытался тебя отговорить? — спросил Макфрис. Они шли далеко впереди остальных, ярдов на сто от Хэролда Квинса.

— Сперва нет. Мать, и Джен, и доктор Паттерсон — это друг моей матери, — сначала они гордились, потому что ведь немногие проходят тесты, а ты знаешь, сколько народу подает заявления. И все равно остаются тысячи, а

потом они разыгрывают двести фамилий — сто участников и сто запасных.

— Ага, тянут их из этого дурацкого барабана, — голос Макфриса чуть дрогнул.

— Точно. Майор вытаскивает двести фамилий, но ты до последней минуты не знаешь, участник ты или в запасе.

— И не сообщают ничего, кроме даты отправления, — сказал Макфрис, как будто с этой даты прошли годы, а не меньше четырех дней.

Кто-то в толпе запустил флотилию воздушных шаров, и они взмыли в воздух — красные, голубые, желтые. Южный ветер подхватил их и медленно понес прочь.

— Мы смотрели ящик, когда Майор вытаскивал шарики, — сказал Гэррети. — Я был номером 73. Я так и упал со стула, не мог в это поверить.

— Не мог поверить, что это *ты*. Такие вещи всегда случаются с другими.

— Вот-вот. Тогда все и началось. Джен умоляла меня отказаться. Она просто взбесилась. Плакала, говорила, что я сошел с ума и все такое. Я делал все, что она просила, но этого я сделать не мог. Я сказал, что буду чувствовать себя трусом, а она отвечала: «Это лучше, чем чувствовать себя мертвым». В конце концов она поняла и смирилась... ну, так мне кажется. Тогда в дело вступил доктор Паттерсон. Он диагностик, и у него хорошая логика. Он сказал: «Послушай, Рэй. Твой шанс выжить — пятьдесят к одному, считая запасных. Не убивай свою мать». Я долго сдерживался, но в конце концов просто послал его. Сказал, что у него довольно велики шансы жениться на моей матери, но он их почему-то никак не использует.

Гэррети взъерошил волосы рукой. Наконец-то он забыл о своих двух секундах.

— Он здорово разозлился. Сказал, что я бесчувственный, как... как тиковое бревно, вот как он сказал. Должно быть, у них это семейная поговорка. Тогда я заговорил с ним по своей логике.

— И как это?

— Сказал, что, если он не уйдет, я его ударю.

— А твоя мать?

— Она на эту тему почти не говорила. Думаю, ей могло казаться, что я выиграю. Этот приз — все, что ты хочешь до конца жизни, — загнипнотизировал ее. У меня был брат, Джефф. Он умер от пневмонии, когда ему было шесть лет. Похоже, она как-то надеялась, что я попрошу вернуть его, если... Невероятно, но мне так кажется. Кроме того, она боялась. Ты же знаешь, тех, кто отговаривает участвовать в Длинном пути, тоже могут забрать. Потом мне позвонили, и так я стал участником.

— А я нет.

— Что?

— До тридцать первого двенадцать участников отказались. Я был запасным. Узнал, что иду, в одиннадцать вечера четыре дня назад.

— О Господи! Тебя это не... не огорчило?

Макфрис только пожал плечами.

Гэррети поглядел на часы. 15.02. Все нормально. Даже тень его, удлинившаяся к вечеру, казалось, двигалась теперь более уверенно. Нога была в порядке.

— Ты все еще думаешь, что сможешь просто сесть? — спросил он Макфриса. — Смотри, мы уже пережили большинство. Шестьдесят одного.

— Это не имеет значения. В один прекрасный миг мне просто надоест. Одно время я рисовал маслом. Очень любил это дело. А как-то раз проснулся утром, и все. Как отрезало.

— Выжить — это не то. Это не хобби.

— Как сказать? Вспомни про альпинистов, подводников или хотя бы про дебила-рабочего, для которого единственное удовольствие — подраться по субботам. Для них всех выживание превращается в хобби. В часть игры.

Гэррети промолчал.

— Лучше поднажми. Мы теряем скорость, — сказал Макфрис. — Мой отец грозил посадить меня в подвал и не кормить, пока я не откажусь от этой затеи.

— И почему он не сделал этого?

— Не успел. Меньше чем через час после того, как мне позвонили, раздался звонок в дверь, и там стояли два

громоздких солдат, таких уродливых, что от их вида часы могли остановиться. Отец только взглянул на них и сказал мне: «Пит, иди наверх и собери свой скаутский рюкзак». Вот этот, — он указал пальцем на рюкзачок за спиной. — И только моя сестренка Катрина — ей четыре года — поняла. Она сказала: «Пит идет искать приключений». А потом они собрались и улетели всей семьей на остров Прескью. Они вернуться, только когда все кончится. Так или иначе.

Гэррети взглянул на часы. 15.20.

— Спасибо.

— Что, опять спас тебе жизнь? — Макфрис улыбнулся.

— Именно.

— И ты думаешь, мне это приятно?

— Не знаю. Время — странная штука. Даже если идешь нормально и без предупреждений, тебя отделяют от ограды кладбища всего две минуты. Это очень мало.

Словно в подтверждение прогрохотали ружья. Уокер закричал, закудахтал, как внезапно схваченная фермером курица. Толпа издала низкий, почти сексуальный, вздох.

— Да, это мало, — согласился Макфрис.

Они шли. Тени становились длиннее. Толпа мгновенно, как по волшебству, оделась в куртки и плащи. Откуда-то подымался дымок трубки, напомнивший Гэррети об отце. На дорогу выбежала вырвавшаяся у кого-то болонка и, таякая, побежала за Пирсоном. Выстрел отбросил ее на обочину, и она лежала там, вздрагивая и жалобно визжа. Никто ее не подбирал. Из толпы выбился на дорогу плачущий ребенок, и на один жуткий момент Гэррети показалось, что сейчас и его постигнет судьба болонки. Но солдат просто отвел ребенка за ограждение.

В 18.00 солнце скатилось к кромке горизонта. Воздух похолодел. Зрители поднимали воротники и потирали руки.

Колли Паркер, как обычно, ругал мэнскую погоду.

«Без четверти девять будем в Огасте, — думал Гэррети. — А оттуда до Фрипорта рукой подать». При этой мысли ему стало легче, хотя велика ли радость — две

минуты видеть ее, если он вообще разглядит ее в этой толпе.

Вдруг ему показалось, что их там вообще не будет. Только парни из его класса да престарелые леди из Женского комитета — те самые, что два дня перед отправлением поили его чаем. Это было давным-давно.

— Давай сбавим шаг, — предложил Макфрис. — Подойдем к Бейкеру и войдем в Огасту, как три мушкетера. Что скажешь?

— Ладно, — Гэррети эта мысль понравилась.

Они отстали, оставив впереди угрюмого Хэролда Квинса. В полутьме они отыскиали своих по голосу Абрахама:

— Неужели вы решили наконец навестить нас?

— Го-осподи, это и правда он, — Макфрис вгляделся в лицо Абрахама, поросшее трехдневной щетиной. — Как похож!

— Давным-давно, — начал Абрахам чужим голосом, будто в его семнадцатилетнее тело вселился дух, — наши предки основали здесь... Ах, черт, забыл, как дальше! Мы учили это в восьмом классе по истории.

— Лицо отца-основателя и интеллект сифилитичного осла, — печально констатировал Макфрис. — Абрахам, как ты дошел до жизни такой?

Вместо ответа ударили выстрелы. Знакомый стук тела об асфальт.

— Это был Галлант, — сказал Бейкер. — Он весь день еле шел.

— Помните тест на сочинение? — спросил вдруг Абрахам.

Все кивнули. Сочинение на тему: *«Почему я решил принять участие в Длинном пути?»* — было стандартной частью процесса отбора. Гэррети почувствовал, как по его щиколотке течет что-то теплое. Что это — кровь, пот, гной или все вместе? Вроде не болело, только носок промок.

— Ну так вот, — продолжал Абрахам, — Я сдавал этот тест без всякой подготовки. Просто я шел в кино и проходил мимо здания, где проходил отбор. Вы скажете,

что с меня должны были потребовать карточку — это верно, как раз в тот день я случайно захватил ее с собой. Если бы ее у меня не оказалось, я бы пошел в кино и не подышал сегодня здесь в такой веселой компании.

С этим все молча согласились.

— Я ответил на вопросы и вижу — в конце три чистых страницы и надпись: «Ответьте, пожалуйста, на этот вопрос как можно объективнее, используя не более 1500 слов». Вот черт, подумал я. Остальные вопросы были легкие.

— Ага, — хмыкнул Бейкер. — Часто ли у вас бывает понос, и употребляете ли вы наркотики.

— Вот-вот. Я сидел над этим чертовым сочинением почти до конца, пока не вышел какой-то хмырь и не показал, что через пять минут нужно сдавать. Тогда я взял и написал: «Я хочу принять участие в Длинном пути потому, что я бесполезен для общества, и мир без меня станет лучше. А если я вдруг выиграю, то повешу в каждой комнате своего особняка по Ван-Гогу и заведу шесть десятков первоклассных шлюх». Потом я еще подумал и приписал: «Обязуюсь платить им пенсию по старости». Думаю, это их и добило. Через месяц мне сообщили, что я принят.

— И ты был доволен? — спросил Колли Паркер.

— Трудно сказать. Все казалось, что это несерьезно. А потом было уже поздно. Одним прекрасным утром я проснулся Его Величеством Участником. Я смеялся и всем говорил, что откручу Майору яйца. Я ведь не знал тогда, что это он открутит мои, — Абрахам криво улыбнулся.

Среди участников прошел шепот, и Гэррети осмотрелся. Светящийся указатель сообщал: «Огаста 10».

— Ты и умрешь, смеясь? — спросил Колли Паркер.

Абрахам долго смотрел на него.

— Отцы-основатели не смеются, — ответил он наконец.

ГЛАВА 14

«И помните — если вы воспользуетесь руками или любой другой частью тела или произнесете хотя бы слово, вы потеряете шанс выиграть десять тысяч долларов Желая удачи».

(Дик Кларк)

Огаста оказалась совсем не похожей на Олдтаун. Это был современный город безумного веселья, город, полный наркоманов, маньяков и просто сумасшедших.

Они услышали Огасту задолго до того, как достигли ее. Гэррети снова и снова вспомнил про океанский прибор. Шум толпы был слышен за пять миль. Иллюминация окрасила небо апокалиптическим пастельным цветом. Могло показаться, что город горит.

Они сбились ближе друг к другу, как коровы в грозу. Этот рев Толпы таил для них угрозу — Гэррети так и видел этого алчущего бога Великой Толпы, раскинувшего вокруг Огасты свои багровые щупальца и грозящего пожрать их всех живьем.

Сам город был растерзан и пережеван этим всемогущим божеством. Огасты не было. Не было тучных теток, красивых девушек, пухлощеких детей с облаками сладкой ваты. Не было маленьких итальянцев, разбрасывающих ломти арбуза. Только Толпа — без лица, без тела, без

мысли. Только Голос Толпы и Глаза Толпы. Толпа была одновременно Богом и Маммоной. Она требовала страха и поклонения. Требовала жертв.

Они шли по щиколотку в конфетти. Они теряли и находили друг друга в отблесках репортерских вспышек. Гэррети поймал какой-то листок — и увидел самого себя глядящего с обложки пособия по боди-билдингу. Поймал другой — и увидел Джона Траволту.

Наконец, на вершине холма, откуда в обе стороны открывался вид на беснующуюся толпу, их встретил Майор, похожий на галлюцинацию в своем джипе, в свете ослепительных красно-белых прожекторов.

И участники показали, что струны их эмоций не порваны, а только расстроены, как гитара в руках неумелого игрока. Они — все тридцать семь оставшихся, — хрипло кричали, не слыша собственных голосов. Они кричали и кричали, и толпа, не услышав, а скорее, угадав их намерения, забилась от восторга, принимая это их жертвоприношение. Гэррети почувствовал острую боль в груди и все равно не мог замолчать, хотя и понимал, что он на грани помешательства.

Спас их всех участник по фамилии Миллиген, который упал на колени, зажав уши. Потом он начал тереться носом об асфальт, как мягким мелом о классную доску. Гэррети подумал, что парень сотрет себе весь нос, но его милосердно пристрелили. После этого они перестали кричать.

— Ну что, твоя девушка уже близко? — спросил Паркер. Он не выбился из сил, но как-то смягчился и теперь казался Гэррети вполне неплохим парнем.

— Миль пятьдесят. Или чуть больше.

— Счастливый ты, Гэррети.

— Я? — он был удивлен. Или Паркер над ним смеется?

— Ты увидишь свою девушку и свою мать. А мы — никого, кроме этих свиней, — он указал на толпу, которая приняла этот жест за приветствие и разразилась рукоплесканиями. — Я скучаю по дому. И мне страшно. *Эй, свиньи!* — внезапно закричал он толпе, которая зааплодировала еще громче.

— И я боюсь. Мы все далеко от дома. Что с того, что я их увижу? Я ведь даже не смогу до них дотронуться.

— Правило...

— Я знаю правила. Разрешен телесный контакт в пределах дороги. Но это не то.

— Тебе легко говорить. Ты их хотя бы увидишь.

— Может, от этого будет только хуже, — вставил Макфрис, идущий чуть позади. Они проходили мимо большого желтого светофора, и Гэррети, не отрываясь, смотрел в его испуганно мигающий глаз.

— Вы спятили, — сказал Паркер и, уменьшив скорость, отстал от них.

— Он, похоже, думает, что мы с тобой влюбились, — сказал Макфрис.

— Что?

— Неплохой парень, — Макфрис задумчиво посмотрел на Гэррети. — Может, он и не совсем неправ. Может, поэтому я и спасаю тебя.

— С моей-то рожей? Я думал, извращенцам нравятся нежные мальчики, — он испытывал неловкость.

Внезапно Макфрис спросил:

— А ты позволишь мне тебе подрочить?

— Что за... — начал Гэррети, но Макфрис перебил:

— Ладно брось. Ты ведь даже не знаешь, шучу я или нет.

У Гэррети пересохло в горле. Конечно, в сравнении со смертью все это было пустяком. Но он не хотел, чтобы Макфрис касался его — *так*.

— Ну, раз ты спас мне жизнь...

— Это значит «да»?

— Делай, что хочешь! — рявкнул Гэррети, и задремавший Пирсон испуганно вскинул голову. — Что хочешь!

Макфрис рассмеялся:

— Молодец, Рэй! Так держать! — и отошел, оставив его в полном недоумении.

— Ему все мало, — сказал Пирсон.

— Что?

— Почти двести пятьдесят миль. Мои ноги будто нали- ты отравленным свинцом. А этому чертову Макфрису все

мало. Он, как голодающий, который еще пьет слабительное.

— Думаешь, он хочет боли?

— А ты как думаешь? Он мог бы повесить на шею табличку «Сделай мне больно».

— Не знаю, — Гэррети хотел еще что-нибудь сказать, но Пирсон уже отключился. Гэррети вдруг заметил, что он потерял туфли — его спортивные носки белели в темноте.

Они прошли указатель «*Льюистон 32*» и, через милоу светящийся щит, возвещавший «*Гэррети 47*».

Гэррети хотел подремать, но не смог. По спине его будто пропускали ток высокого напряжения. Тупая боль в ногах давно сменилась острой, и с каждой минутой она становилась острее. Он не чувствовал голода, но заставил себя поесть. Некоторые из идущих напоминали ходячие скелеты. Гэррети не хотел быть таким... хотя, конечно, он тоже таким был. Он провел рукой по ксилофону своих ребер.

— Что-то я давно не видел Барковича, — сказал он, чтобы вывести Пирсона из оцепенения, которое слишком напоминало ему Олсона.

— Говорят, в Огасте у него онемела нога.

Гэррети обернулся и стал высматривать Барковича в темноте. Тот плелся в хвосте, уставив глаза в одну точку, и монотонно беседовал сам с собой.

— Привет, — Гэррети сбавил шаг и подошел к нему.

Баркович споткнулся и получил предупреждение... уже третье.

— Вот! — крикнул он злобно. — Видел? Теперь ты и твои вонючие дружки довольны?

— Вид у тебя не очень, — заметил Гэррети.

— Это все входит в план, понятно? Помнишь, что я тебе говорил? Вы мне не верили. Олсон не верил. И Дэвидсон тоже, — его голос понизился до слюнявого шепота. — Гэррети, я сплясал на их могилах!

— Нога болит? — тихо спросил Гэррети.

— Осталось всего тридцать пять. Они все подохнут этой ночью, вот увидишь. Утром на дороге не будет и десятка, Гэррети. И они тоже все подохнут.

Гэррети вдруг понял, что Барковичу конец. Он почувствовал себя очень сильным, ему захотелось побежать к Макфрису, не обращая внимания на режущую боль в ногах, и сказать ему, что он победил.

— Что ты попросишь? — спросил он. — Когда выиграешь?

Баркович самодовольно усмехнулся, как будто ждал этого вопроса. Его лицо в колеблющемся свете казалось перекошенным и измятым.

— Пластиковые ноги, — прошептал он. — Пла-а-астиковые ноги. А эти отрежу, суну в стиральную машину и буду крутить и крутить и...

— Я думал, ты попросишь себе друзей, — Гэррети охватило безумное чувство триумфа.

— Друзей?

— У тебя ведь их нет. Все будут рады, когда ты умрешь, Гэри. Никто не пожалеет о тебе. Может быть, я подойду и плюну на твои мозги, когда они растекутся по дороге... может, мы все так сделаем, — безумие переполняло его. Он будто снова бил Джимми стволом ружья... текла кровь... Джимми кричал... его переполняло дикое, животное чувство справедливости.

— Почему ты ненавидишь меня? Я не хочу умирать. Тебе нужно, чтобы я извинился? Я извинюсь!.. Я извинюсь... Я...

— Мы плюнем на твои мозги! — упрямо повторил Гэррети.

Баркович уставился на него невидящими глазами.

— Извини, — пробормотал Гэррети и поспешил прочь. Сзади ударили ружья, упали два тела, и одним из них *наверняка* был Баркович. Теперь это была его вина, он стал убийцей.

Потом он услышал смех Барковича, высокий и безумный.

— Гэррети! Гэээрретиини! Я спляшу на твоей могиле! Я *спляшууу*...

— Заткнись! — крикнул Абрахам.

Баркович замолчал, потом начал рыдать.

— Нехороший мальчик Эйб, — сказал Колли Паркер. — Заставил нашего крошку плакать. Он пожалуется мамочке.

Баркович не умолкал. От его рыданий у Гэррети мороз прошел по коже.

— Наш ябеда пожалуется мамочке? — оглянулся Квинс. — Ай-яй-яй, Баркович, как не стыдно!

«Оставьте его в покое! — прокричал про себя Гэррети, — Вы не знаете, как ему больно!» Но он лицемерил — он хотел, чтобы Баркович умер. Предвкушал эту смерть.

А Стеббинс там, сзади, должно быть, смеялся над ними всеми.

Он поспешил к Макфрису, который шел, задумчиво глядя на толпу.

— Поможешь мне решить задачу? — спросил Макфрис.

— Какую?

— Кто из нас в клетке — мы или они?

— Все мы в клетке у Майора, — Гэррети засмеялся.

— Говорят, Баркович доходит?

— Думаю, да.

— Я не хочу больше его видеть. Обидно — так ожидать чего-то, а под конец разочаровываться. Может, это и есть настоящая правда жизни?

— Не знаю.

— Это все равно, что всю жизнь тренироваться в прыжках с шестом, а потом попасть на олимпиаду и подумать: «А чего это я приперся сюда с этой дурацкой палкой?»

— Ага, — Гэррети что-то беспокоили. Он задумался. Потом спросил Макфриса и подошедшего к ним Бейкера. — Вы видели Олсона перед тем, как он получил пропуск? Его волосы?

— А что с ними такое?

— Они поседели.

— Да нет, не может быть, — голос Макфриса звучал испуганно. — Это была пыль.

— Поседали, — настаивал Гэррети. — Будто он провел на этой дороге всю жизнь. И знаете, когда я это увидел,

я подумал... может, это и есть бессмертие? — он замолчал, ощущая, как легкий ветерок из темноты обдувает его лицо.

— Я иду, я шел, я буду идти, — прогнусавил Макфрис. — Переведите на латынь.

Они шли. В толпе мелькали огоньки сигарет, фонарики, вспышки фотоаппаратов — земные созвездия, тянущиеся вдоль дороги в вечность.

— Фу ты, — Гэррети вздрогнул. — С ума можно сойти.

— Это точно, — Пирсон нервно засмеялся. Они поднимались на длинный пологий холм. Дорога будто стала тверже, и Гэррети казалось, что он чувствует под подошвами каждый камешек. Ветер ворошил на их пути бумажный мусор, и иногда им приходилось пробираться через кучи конфетных оберток, пакетиков из-под попкорна и сигаретных пачек.

— Что там впереди? — спросил Макфрис.

Гэррети закрыл глаза, припоминая:

— Маленькие городки, я не помню. Будет еще Льюистон, второй город штата, больше Огасть. Мы пройдем прямо по главной улице — раньше она называлась Лисбон-стрит, а теперь Коттер-авеню. Реджи Коттер единственным из Мэна выиграл Длинный путь.

— Он умер? — спросил Бейкер.

— Да. У него было кровоизлияние в глаз, и он пришел к финишу полуслепым. Он умер через неделю или около того, — словно оправдываясь, Гэррети закончил. — Это было уже давно.

Все молчали. Конфетные обертки потрескивали у них под ногами, как отзвук далекого лесного пожара. Из толпы вылетела ракета и унеслась куда-то в сторону Льюистона, в край Обюшонов и Лавескью, в край надписей: «Здесь еще говорят по-французски».

— А за Льюистоном?

— Мы свернем с шоссе 196 на 121-е, к Фрипорту, где я увижу свою девушку и маму. Потом мы выйдем на дорогу №1, и на ней-то все и кончится.

Они слышали выстрел.

— Это Баркович или Квинс, — сказал Пирсон. — Не знаю... один из них еще идет...

Баркович рассмеялся в темноте все тем же безумным смехом:

— Нет еще, сволочи! Я еще здесь! Я здеееее...

Он кричал все громче и пронзительней. Потом его руки внезапно взметнулись вверх, и он начал раздирать собственное горло.

— О Боже, — простонал Пирсон, и его стошнило.

Они бежали от него, а он продолжал идти, осыпая их проклятиями, задрав к небу лицо, утратившее всякое человеческое подобие.

Потом крики смолкли. Баркович упал, и его застрелили, живого или мертвого.

Гэррети повернулся и пошел вперед. На лицах тех, кто шел вокруг него, он видел отражение собственного ужаса. В судьбе Барковича все увидели прообраз того, что случится с ними всеми на этой пыльной и кровавой дороге.

— Мне плохо, — ровным голосом сказал Пирсон. — Плохо. Не надо. Мне плохо. О Боже!

Макфрис глядел прямо вперед.

— Хотел бы я сойти с ума, — сказал он сквозь зубы.

Только Бейкер молчал. И это было странно, потому что Гэррети вдруг почуял благоухание луизианской жимолости, услышал кваканье лягушек и тяжелое гудение цикад. И еще он видел, как тетка Бейкера качается взад-вперед в своем кресле, улыбаясь и слушая лягушек, цикад и далекие голоса из старенького приемника. Качается и качается, улыбающаяся и довольная, как кот, почуявший сметану.

ГЛАВА 15

*«Мне нет дела, выигрываете вы
или проигрываете — до тех пор,
пока вы выигрываете»*

(Винс Ломбарди)

День возвращался, крадучись сквозь густую белую завесу тумана. Гэррети шел один. Он не считал, сколько погибло этой ночью. Может быть, пятеро. Его ноги страдали мигренью, которая усиливалась с каждым новым шагом. По спине разливался жидкий огонь.

И все же в нем не гасло воодушевление: до Фрипорта оставалось всего тринадцать миль. Сейчас они были в Портервилле, и толпа едва видела их сквозь туман, но продолжала ритмично скандировать их имена, как было с самого Льюистона.

— Гэррети? — это был Макфрис, череп, покрытый волосами. Его глаза лихорадочно мерцали. — Доброе утро. Еще один день.

— Да. Много выбыло ночью.

— Шестеро после Барковича, — Макфрис достал из пояса тубик с ветчиной и начал выдавливать ее в рот трясущимися пальцами. — В том числе Пирсон.

— Да?

— Нас осталось мало, Гэррети. Всего двадцать шесть.

— Не так уж мало.

— *Нас* мало. Мушкетеров. Ты, я, Бейкер, Абрахам, Колли Паркер и Стеббинс, если ты его считаешь. Почему бы не посчитать Стеббинса? Итак, шестеро мушкетеров и двадцать оруженосцев.

— Ты еще думаешь, что я выиграю?

— Почему это весной тут такой туман?

— Слышишь?

— Нет, не думаю. Выиграет Стеббинс. Он несокрушим, как алмаз. Говорят, в Вегасе на него ставят девять к одному — с тех пор, как выбыл Скрамм. Он ведь почти не изменился с начала пути.

Гэррети кивнул. Он достал тубик с мясной пастой и начал есть, пока не появился долго хранимый сырой гамбургер Макфриса.

— А тебе не кажется странным? — спросил Макфрис, рыгнув. — Снова появиться дома после всего этого?

Гэррети снова почувствовал воодушевление.

— Нет, — сказал он. — Мне это кажется совершенно естественным.

Они спускались с длинного холма, и Макфрис взгляделся в белое облако внизу.

— Черт, там туман еще гуще!

— Это уже не туман. Это дождь.

Дождь падал медленно, явно не собираясь прекращаться.

— А где Бейкер?

— Где-то сзади, — сказал Макфрис.

Гэррети, не говоря ни слова — слова теперь были роскошью, — отстал. В тумане он не нашел Бейкера и вновь оказался рядом со Стеббинсом. Макфрис назвал его алмазом, но и в этом алмазе появились маленькие трещинки. Сейчас они шли вдоль полноводного течения реки Андроскогтин. На другом берегу возвышались в тумане постройки Портервиллской текстильной фабрики, похожие на башни средневекового замка.

Стеббинс не поднял глаз, но Гэррети знал, что он заметил его присутствие. Оставалось ждать, когда он пожелает вступить в разговор. Дорога изогнулась, и они

перешли реку по мосту. Внизу бурлила вода, одетая хлопьями желтой пены.

— Ну?

— Побереги дыхание, — сказал Гэррети. — Тебе оно еще пригодится.

Они прошли мост, и толпа опять сомкнулась вокруг них. Река осталась слева, а справа возвышался почти отвесный холм. Зрители забирались на деревья, на кусты, друг на друга и хором выкрикивали имя Гэррети. Он вдруг увидел девушку из Брикьярд-Хилл по имени Кэролайн. Она уже была замужем, имела ребенка. Она могла бы в свое время дать ему, но он был мал и глуп.

Впереди Паркер еле слышно выругался. Они опять взбирались на холм, но это был последний холм перед Фрипортом. Все как-то сгрудилось на вершине (у Кэролайн была отличная грудь, и она всегда носила облегающие свитера), потом начали спускаться.

— Ну? — повторил Стеббинс, отдышавшись.

Выстрелы. Упал парень по имени Чарли Филд.

— Ничего, — сказал Гэррети. — Я просто искал Бейкера, а набрел на тебя. Макфрис думает, что ты выиграешь.

— Твой Макфрис — идиот, — сказал Стеббинс. — Ты правда думаешь, что разглядишь свою девушку в такой толпе?

— Она будет впереди. У нее есть пропуск.

— Полицейские слишком заняты, чтобы следить, у кого есть пропуск, а у кого нет.

— Это неправда, — Гэррети сердился, потому что Стеббинс вторил его собственным опасениям. — Зачем ты так говоришь?

— Ты действительно хочешь видеть свою мать?

— Что?

— Ты не хотел в детстве жениться на ней, когда вырастешь? Многие дети хотят этого.

— Ты что, спятил?

— Почему ты думал, что можешь выиграть, Гэррети? У тебя второсортный интеллект, второсортная физическая

подготовка и наверняка второсортное либидо. Я уверен, что ты не спал со своей девушкой.

— Заткни свой поганный рот!

— Так ты девственник? Может, ты тяготеешь к мужчинам? Не бойся — ты говоришь с Папой Стеббинсом.

— Я переживу тебя, даже если придется идти до Вирджинии! — крикнул Гэррети в гневе. Он не помнил, чтобы так злился на кого-нибудь за свою жизнь.

— Ладно, ладно, — успокаивающе сказал Стеббинс. — Понимаю.

— Мать твою!

— О, интересное слово! Почему это ты его вспомнил?

Гэррети на миг показалось, что сейчас он бросится на Стеббинса или упадет в обморок от гнева, но он не сделал ни того, ни другого.

— Даже если придется идти до Вирджинии, — повторил он, стиснув зубы.

Стеббинс сонно улыбнулся:

— Я чувствую, что могу идти хоть до самой Флориды, Гэррети.

Гэррети отшатнулся от него и пошел искать Бейкера. Гнев по-прежнему кипел в нем, смешиваясь с бессильным чувством стыда. Стеббинс, похоже, хотел вывести его из себя, и ему это удалось.

Бейкер шел рядом с парнем, которого Гэррети не знал. Голова его была опущена, губы беззвучно шевелились.

— Бейкер!

Бейкер поднял голову, мелко трясаясь, как собачонка:

— А, Гэррети.

— Да.

— Мне снился сон. Ужасно реальный. Который час?

— Без двадцати семь.

— Дождь, похоже, будет идти весь день?

— По...аай! — Гэррети качнулся, на миг потеряв равновесие. — Проклятая подметка отлетает.

— Оторви их к черту, — посоветовал Бейкер. — Ногти вырастут в них, и будет еще хуже.

Гэррети скинул один туфель и пнул его в направлении толпы. К нему сразу же потянулись жаждущие руки; завязалась потасовка. Другой туфель не хотел слезать — нога в нем распухла. Гэррети нагнулся, получил предупреждение, но все же стащил туфель с ноги. Он хотел тоже кинуть его в толпу, но пожалел силы и оставил просто лежать на дороге. Вдруг на него нахлынула волна отчаяния. Он шел и тупо думал: *«Я остался без обуви. Я остался без обуви»*.

Дорога под ногами была холодной. Сквозь остатки носков Гэррети ощущал каждый камешек. Он подошел к Бейкеру, который тоже шел без обуви.

— Я почти готов, — сказал спокойно Бейкер.

— Я тоже.

— Знаешь, я вспоминаю все хорошее, что со мной было. Один раз я впервые пригласил девушку на танец, и какой-то пьяный хер попытался ее у меня увести. Я вывел его наружу и набил морду — смог потому, что он был такой пьяный. И та девушка на меня так смотрела, что я был на седьмом небе от счастья. Вспоминаю мой первый велосипед. И как в первый раз читал «Женщину в белом» Уилки Коллинза... это моя любимая книга. Вспоминаю, как сидел с удочкой над прудом, и как лежал во дворе с книжкой комиксов. Гэррети, я думаю об этом, как будто я уже старик.

На них брызнул серебристый утренний дождик. Толпа приутихла, но не уменьшилась — шеренгами вдоль дороги тянулись выжидающие лица под плащами и зонтиками. Бесконечный ряд серых лиц, похожих, как близнецы.

— Надеюсь, уже не будет темно, — сказал Бейкер. — Ненавижу идти в темноте, не зная, кто я и что я здесь делаю. Надеюсь, все кончится до темноты.

Гэррети начал говорить, но его прервали выстрелы. Бейкер скривился:

— Вот чего я боюсь. Этого звука. Зачем мы делаем это, Гэррети? Мы все сошли с ума.

— Не знаю. Не знаю.

— Мы все в ловушке.

Длинный путь продолжался. Они проходили знакомые Гэррети места — заброшенные фермерские дома, птичники, засеянные поля. Он помнил, казалось, каждый дом. Ноги словно наполнились новой силой. Ему хотелось лететь. Но, может быть, Стеббинс прав — их там не будет? К этому лучше подготовиться.

Пронесся слух, что у одного из участников аппендицит.

Гэррети не обратил на это внимание — он думал только о Фрипорте и о Джен. Стрелки на его часах жили какой-то своей дьявольской жизнью. Они не хотели двигаться. Но в любом случае до Фрипорта оставалось не больше пяти миль.

Небо немного прояснилось, но оставалось облачным. Дорога под дождем превратилась в черное зеркало, и Гэррети почти видел в ней искаженное отражение собственного лица. Он прижал руку ко лбу — лоб пылал. Джен, о Джен... Знала бы ты...

Парень с болью в боку, Клиngerман, начал кричать. Гэррети вспомнил тот Длинный путь, который он видел — как раз во Фрипорте, — и участника, который монотонно твердил: «не могу, не могу, не могу».

«Клиngerман, заткнись!» — взмолился он про себя.

Но Клиngerман все шел, продолжая стонать и вскрикивать, прижав руки к боку, а часы Гэррети продолжали идти. 8.15. «Где ты, Джен? Я не знаю уже, что ты для меня, но я еще жив и хочу, чтобы ты была там. Очень хочу».

8.30.

— Мы уже близко к этому чертову городу? — спросил Паркер.

— А тебе-то что? — спросил Макфрис. — Нас-то там никто не ждет.

— Меня ждут девушки повсюду, — сказал Паркер. — Только посмотрят на меня и сразу писают в штанишки, — его лицо осунулось и вытянулось, оставив от прежнего Паркера только тень.

8.45.

— Помедленнее, приятель, — сказал Макфрис. — Оставь силы до вечера.

— Не могу, — отозвался Гэррети. — Стеббинс сказал, что ее там не будет, я должен убедиться, что она там. Я должен...

— Не бери в голову. Стеббинс, чтобы выиграть, напоит собственную мамашу лизолом. Она будет там.

— Но...

— Никаких «но», Рэй. Успокойся и жди.

— Иди ты со своими погаными утешениями! — выкрикнул Гэррети и потер горящий лоб ладонью — Извини... это так вырвалось. Стеббинс еще сказал, что на самом деле я хочу увидеть только свою мать.

— А ты не хочешь?

— Черт, конечно, хочу! Что ты думаешь... не знаю. Когда-то у меня был друг, и мы с ним... сняли одежду... и тогда она...

— Гэррети — Макфрис положил руку ему на плечо. Клиngerман все стонал, и какой-то толстяк из толпы спросил, не нужен ли ему «Алка-Зельцер». Шутка вызвала общий смех. — Ты теряешь контроль. Успокойся. Ты...

— *Не тронь мою спину!* — заорал Гэррети и, сунув в рот кулак, больно, до крови, укусил его. Потом добавил. — И вообще не тронь меня.

— Ладно, — Макфрис отошел.

Было девять часов — уже в четвертый раз. Их оставалось двадцать четыре, и они входили во Фрипорт. Впереди был кинотеатр, где они с Джен часто бывали. Свернув направо, они оказались на дороге №1 — последней своей дороге. Дождь не переставал, но толпа все так же стояла вокруг. Кто-то включил пожарную сирену, и ее вой сливался со стонами Клиngerмана.

Волнение наполнило вены Гэррети. Он слышал, как гулко бухает его сердце. Снова кричали его имя (*Рэй — Рэй — иди скорей!*), но знакомых лиц пока не было видно.

К нему тянулись руки, и одна из них, тощая и коричневая, чуть задела его. Он отскочил, будто его затыгивало в молотилку. Никаких признаков матери и Джен. Стеббинс был прав... а если они и здесь, как он разглядит их в этой людской массе?

Стон вырвался из его груди. Он споткнулся и едва не упал. Стеббинс был прав. Ему хотелось упасть прямо здесь, не идти дальше. Зачем теперь идти?

Сирена выла, толпа вопила, Клингерман стонал, а его собственная измученная душа колотилась о стенки черепа в поисках выхода.

Я не могу идти. Не могу, не могу, не могу. Где я? Джен? Джен?.. ДЖЕН!

Он увидел ее. Она махала голубым шарфом, что он подарил ей на день рождения, и дождь блестел на ее волосах, как жемчуг. Рядом стояла его мать в своем черном пальто. Толпа сдавила их, и они беспомощно покачивались взад-вперед. Над плечом Джен идиотски стрекотала телекамера.

Чья-то рука потянула его назад. Макфрис. Солдат бесцветным голосом вынес им обоим предупреждение.

— Не ходи туда! — кричал Макфрис прямо в ухо. Острый ланцет боли вонзился в голову Гэррети.

— Пусти!

— Не допущу, чтобы ты убил себя, Рэй!

— Пустиииии!

— Ты хочешь умереть у нее на руках?

Джен плакала. Он видел слезы на ее щеках. Он вырвался от Макфриса и опять пошел к ней. Он плакал. Он любил ее.

Рэй, я тебя люблю.

Он видел эти слова на ее губах.

Макфрис снова поймал его за руку. Краем глаза он увидел свой класс под школьным знаменем и среди них самого себя, кусок прошлогодней фотографии, и он улыбался и махал самому себе.

Второе предупреждение.

Джен!

Она потянулась к нему. Их руки встретились.

В одной руке он сжимал холодную руку Джен, в другой руку матери. Он дошел до них. Дошел.

И тут рука Макфриса рванула его назад. О жестокий Макфрис!

— Пусты! *Пусты!*

— Идиот, ты ненавидишь ее? Ты что, хочешь, чтобы тебя застрелили у нее на глазах? Чтобы она запачкалась твоей кровью? Пошли скорее!

Он сопротивлялся, но Макфрис был сильнее. В глазах Джен появилась тревога, и ее губы беззвучно шептали: «Иди! Иди же!»

«Конечно, надо идти, — подумал от тупо. — Я же их гордость». В эту минуту он и правда ненавидел ее.

Третье предупреждение. Теперь на лицах матери и Джен была паника. Рука матери закрыла лицо, и он вспомнил, как руки Барковича протянулись к горлу и начали его раздирать.

— Если ты собрался сделать это, то сделай за углом, идиот паршивый! — крикнул Макфрис.

Макфрис ударил его, ударил сильно.

— Ладно, — Гэррети пошел. — Ладно, все, видишь, я иду, пусты меня, — он плакал.

Макфрис шел следом, готовый опять поймать его.

У поворота Гэррети оглянулся, но они уже потерялись в толпе. Он подумал, что никогда не забудет этого выражения паники на их лицах. Все, что ему удалось увидеть, — мелькнувший над головами голубой шарф.

Он повернулся и пошел прочь.

ГЛАВА 16

*«Пролилась кровь! Листон спотыкается!
Клэй изматывает его комбинациями!
Клэй его убивает! Клэй его убивает!
Леди и джентльмены, Листон падает!
Сонни Листон упал! Клэй прыгает...
кричит... О, леди и джентльмены, я
просто не знаю, как описать эту сцену!»*

(Комментатор на втором поединке Клэя и Листона)

Таббинс сошел с ума.

Таббинс был коротышка в очках и с лицом, усыпанным веснушками. Он постоянно подтягивал джинсы и мало говорил, но, в общем, был вполне терпим, пока не спятил.

— *Блудница!* — орал он дождю, запрокинув лицо вверх, и струйки воды текли ему в рот и глаза. — Блудница Вавилонская пришла к нам! Она легла на улицах и раскинула ноги свои на камнях мостовых! Скверна! Скверна! Бегите от нее! На устах ее мед, но в сердце ее гниль и нечистота!

— Господи, хоть бы он заткнулся, — устало сказал Колли Паркер. — Он хуже Клингермана.

— Бегите от блудницы! Скверна! Нечистота!

— Черт! — пробормотал Паркер, трясущимися руками поднося ко рту фляжку. — Я сейчас убью его! — из глаз его покатались бессильные слезы.

Было три часа дня. Позади остался Портленд. Совсем недавно они миновали указатель, извещавший, что до границы Нью-Хэмпшира осталось всего 44 мили.

Всего. *Всего* — что за идиотское слово!

Гэррети шел рядом с Макфрисом, но тот с самого Фрипорта молчал. Да Гэррети и не решался говорить с ним. Он опять был в долгу и стыдился этого потому, что знал — он сам не сможет спасти Макфриса. Джен с матерью исчезли, исчезли навсегда. Если только он не выиграет. А сейчас он очень хотел выиграть.

Странно, он в первый раз хотел выиграть. Даже на старте, который теперь казался эпохой динозавров, он вряд ли всерьез хотел этого. Тогда все еще казалось игрой, но ружья стреляли не пистонами, и все это было реально. И он хотел выиграть.

Ноги болели вдвое сильнее, и при глубоком вдохе появлялась острая боль в груди. Не утихал и жар — может быть, он заразился от Скрамма.

Он хотел выиграть, но не верил в это. На финише ведь не будет уже Макфриса, чтобы его спасти. Он просто не сможет сделать последний шаг.

С Фрипорта они потеряли только троих. Одним из них был несчастный Клиngerман. Осталось двадцать.

Они перешли по мосту тихий ручеек. Грянули выстрелы, толпа вскрикнула, и в сердце у Гэррети опять зашевелилась робкая надежда.

— Видел свою девушку?

Это был Абрахам, напоминающий участника Батаанского марша. Почему-то он снял куртку и рубашку, обнажив костлявую грудь.

— Да, — сказал Гэррети. — И я собираюсь вернуться к ней.

Абрахам улыбнулся:

— Что! Ах да, есть такое слово: вернуться. Это был Таббинс?

Гэррети прислушался, но ничего не услышал, кроме гула толпы.

— Я говорю себе, — сказал Абрахам, — что нужно ни о чем не думать, только подымать и опускать ноги.

— Правильно.

— Но тут такое дело... даже не знаю, как тебе сказать.

Гэррети пожал плечами:

— Просто скажи.

— Ладно. Мы должны пообещать друг другу.

— Что?

— Не помогать никому. Просто идти и все.

Гэррети смотрел на свои ноги, босые и грязные, с сильно вздувшимися венами. Он не мог вспомнить, когда ел в последний раз, и боялся упасть в обморок от голода. Абрахам, обутый в тяжелые оксфордские ботинки, с суеверным ужасом смотрел на голые ноги Гэррети.

— Это звучит безжалостно, — заметил Гэррети.

— Что делать.

— А с остальными ты говорил?

— Нет еще. Только с тобой.

— Да, тебе, должно быть, это нелегко.

— Ничего легкого уже не будет.

Гэррети открыл было рот, потом закрыл. Он посмотрел вперед, на Бейкера, идущего с трудом, приволакивая левую ногу.

— Зачем ты снял рубашку? — спросил он Абрахама.

— Она колется. Должно быть синтетика. У меня аллергия на синтетику. Так что ты скажешь?

— Ты похож на религиозного фанатика.

— Да или нет?

— Ладно. Я согласен.

«Теперь ты животное, Гэррети. Грязное, измученное животное. Ты продал их».

— Если ты попытаешься помочь кому-нибудь, мы не будем тебя удерживать. Это против правил. Но после этого никто не будет с тобой говорить.

— Ладно.

— Пойми, Рэй. Никто ничего не имеет против тебя, но так нужно. Закон джунглей.

— Ладно. Мне это не по вкусу, скажу честно, но я согласен. И говорю: я хочу увидеть, как тебе выпишут пропуск, Абрахам. Очень хочу.

Абрахам облизал губы.

— Да.

— У тебя хорошие туфли.

— Только ужасно тяжелые.

— Ну, тебе же не блюз в них танцевать.

Абрахам хрипло засмеялся. Гэррети посмотрел на Макфриса. Невозможно было понять, о чем он думает и думает ли вообще. Дождь пошел сильнее, холоднее. Кожа у Абрахама приобрела оттенок рыбьего брюха. Гэррети подумал, что теперь никто не скажет Абрахаму, что без рубашки он не доживет до утра. «Макфрис, где ты? Ты слышишь нас? Я продал тебя, Макфрис, мушкетеров больше нет».

— Ох, как не хочется так вот умирать, — Абрахам плакал. — На глазах у всех этих болванов. Это так глупо. Так глупо.

Гэррети дал обещание в 15.15. Но к шести часам пропуск выписали лишь одному. Все шли молча. Группы полностью распались. Все они согласились с предложением Абрахама. Стеббинс рассмеялся и предложил скрепить клятву кровью.

Становилось очень холодно. Гэррети начал думать, что солнце — это сон. Даже Джен теперь казалась ему сном — сном в никогда не бывшую летнюю ночь.

Он вспомнил отца с его широкими плечами грузчика, с копной волос. Вспомнил, как отец таскал его на спине.

Он с досадой подумал, что во Фрипорте почти не смотрел на мать, но она была там — в своем старом черном пальто, с исхудавшим, измученным лицом. Он, должно быть, обидел ее своим невниманием. Но теперь это было неважно.

«Погружаюсь глубже», — подумал он. На этой глубине все казалось проще. Он поговорил с Макфрисом, и тот

впервые признался, что спасал его чисто инстинктивно. Во Фрипорте он увидел молодую беременную женщину и вспомнил о жене Скрамма. Он совсем о ней забыл.

Длинный путь продолжался. Города проходили мимо них. Он впал в забытие, из которого его вывели выстрелы и вопли толпы. Вскинув голову, он увидел Колли Паркера, стоящего на броне вездехода с карабином в руках.

Один из солдат упал и лежал теперь на земле с пустыми, бессмысленными глазами, уставленными в небо. Во лбу у него чернела аккуратная дырочка.

— Ублюдки! — закричал Паркер. Другие солдаты отпрыгнули от вездехода. — Парни, бегите! Бегите! Вы...

Участники глядели на Паркера, не понимая, в то время как один из солдат высунулся из-за вездехода и всадил ему пулю в спину.

— Паркер! — крикнул Макфрис, будто он единственный осознал, что произошло. — Нет! *Паркер!*

Паркер застонал. Пуля была разрывной, и на его защитного цвета рубашке расплылось красное пятно.

— Черт, — изумленно сказал он.

Он еще дважды нажал на курок карабина. Кто-то в толпе вскрикнул от боли. Потом ружье выпало у него из рук, и он рухнул вниз и лежал там, тяжело дыша, как собака, сбита автомобилем. Из рта у него хлынула кровь.

— Вы. У... блю... Ублю... — и он умер.

— Что с ним? — спросил Гэррети. — Что с ним случилось?

— Он напал на них, — ответил Макфрис. — Должно быть, понял, что он на пределе, и решил умереть так. Он ведь думал, что мы все... И знаешь, Гэррети — мы бы могли.

— О чем ты? — Гэррети вдруг охватил страх.

— А ты не знаешь?

— Могли... с ним...

— Ладно. Забудь.

Макфрис отошел. Гэррети била дрожь. Он не хотел знать, о чем говорил Макфрис. Не хотел об этом даже думать.

Длинный путь продолжался.

К девяти часам еще никто не выбыл, только Абрахам начал стонать. Было очень холодно, но никто не предложил ему никакой одежды. Гэррети опять подумал о первобытной справедливости, но это лишь вызвало у него тошноту. Есть совершенно не хотелось, и его пояс с едой был еще почти полон.

Бейкер, Абрахам и Макфрис — вот и все друзья, которые остались. И Стеббинс, если его можно считать чьим-то другом.

В темноте он едва не налетел на Бейкера. В руках у того что-то звякало.

— Что ты делаешь?

— Считаю мелочь.

— Ну, и сколько?

Бейкер улыбнулся:

— Доллар двадцать два.

— И что ты собираешься с ними делать?

Бейкер смотрел в темноту.

— Купи мне большой, — сказал он. Его легкий южный акцент теперь усилился. — Самый большой, с розовым атласом внутри и белой подушкой. И крепкий, чтобы крысы не забрались туда до самого Судного дня.

— Бейкер? Ты что, спятил?

— Я хочу умереть. Пора. Разве ты не хочешь?

— Заткнись! — Гэррети опять била дрожь.

Дорога пошла в гору, прервав их разговор. Гэррети шел вверх, чувствуя боль во всем теле, в каждой его клеточке, и думал об идее-фикс Бейкера, о гробе. Интересно, не последняя ли это вещь, о которой он думает?

Периодически на них сыпались предупреждения. Вездеход ехал за ними; солдата, убитого Паркером, тут же заменили. Толпа монотонно кричала. Гэррети пытался представить, каково это: лежать в торжественном полумраке, с руками, сложенными на груди. Не думать о боли, любви, ненависти, о деньгах. Ни о чем. Абсолютный ноль. Спасение от агонии движения, от горького кошмара этой дороги.

Как это может быть?

Вдруг все — агонизирующая боль в мускулах, пот, струящийся по лицу, распухшие ноги — показалось очень реальным, очень дорогим. Гэррети доковылял до вершины холма и быстро пошел вниз.

В 23.40 Марти Уаймэн получил пропуск. Гэррети совсем забыл о нем — последние сутки Уаймэн не подавал никаких признаков жизни. Он и умер беззвучно. Просто лег и был застрелен. А кто-то прошептал, что это Уаймэн. Вот и все.

К полуночи они были в восьми милях от границы Нью-Хэмпшира. Дождь поливал, не переставая, и Абрахам начал кашлять тем же мокрым, захлебывающимся кашлем, что и Скрамм.

В четверть второго Бобби Следж попытался под покровом темноты затесаться в толпу. Его поймали быстро. Гэррети подумал — не тот ли светловолосый солдат, что едва не застрелил его, вытащил бедного Следжа из толпы и всадил в него пулю? Светловолосый был здесь, Гэррети видел его на вездеходе.

Без двадцати два Бейкер упал и начал биться головой об асфальт. Гэррети, не раздумывая, устремился к нему, но на плечо ему легла рука. Конечно же, это опять был Макфрис.

— Нет. Хватит мушкетерства, Рэй.

Они пошли вперед, не оглядываясь.

Бейкер получил три предупреждения, потом как-то встал и пошел. Он прошел мимо них с Макфрисом, не глядя в их сторону. На лбу у него багровела уродливая ссадина.

Около двух они вошли в Нью-Хэмпшир под аккомпанемент рева самой большой толпы, какую Гэррети до сих пор видел, духовых инструментов и разрывов петард. В свете фейерверков поблескивали черные очки Майора. Рядом с ним стоял губернатор Нью-Хэмпшира, потерявший ногу при штурме ядерного склада в Сантьяго.

Гэррети опять задремал. Ему мерещился улыбающийся Урод д'Алессио в гробу. Рядом с гробом в качалке сидела тетка Бейкера и тоже улыбалась, как Чеширский кот. Они смотрели, как черный автомобиль без номеров увозит отца Гэррети. Отец в одном белье стоял между двух солдат, одним из которых был светловолосый, а другим — Стеб-

бинс. Тетка Бейкера исчезла, только ее улыбка висела в воздухе, раскачиваясь вместе с креслом...

Снова выстрелы. О Боже, они стреляют в него, это конец...

Он сделал несколько скачущих, панических шагов, пронизывающих его болью с головы до пят, прежде чем понял, что стреляли в кого-то другого.

— Привет, — рядом с ним появился Стеббинс, ухмыляясь, как тетка во сне.

— Явился, ученая задница, — прошептал Макфрис.

— Моя задница не учение твоей, — парировал Стеббинс. — Разве что немного.

— Ладно, заткнись, — Макфрис махнул трясущейся рукой и пошел прочь.

Около трех застрелили еще кого-то. Абрахам, пылающий от лихорадки, казалось, светился в темноте, как падающий метеорит. Он продолжал тяжело, надсадно кашлять.

Бейкер шел с угрюмой решимостью, пытаясь избавиться от своих трех предупреждений. Макфрис все сильнее сгибался, как больной старик. Только Стеббинса, казалось, ничего не брало.

Остальные в большинстве своем уже вышли, казалось, за пределы боли и страха, как Олсон. Они брели сквозь дождь и темноту, подобно ожившим мертвецам. Гэррети избегал смотреть на них.

Перед самым рассветом почти одновременно застрелили троих. Толпа рокотала, с вожделием глядя на распластанные тела. Гэррети это показалось началом жуткой цепной реакции, которая покончит с ними всеми. Но последним оказался Абрахам. Он вдруг упал на колени, глядя невидящими глазами в сторону вездехода. Потом рухнул на асфальт лицом вниз. Его оксфордские ботинки дернулись еще пару раз и замерли.

Наступал рассвет. Последний день Длинного пути был пасмурным. Ветер скулил на почти опустевшей дороге, как пес, потерявшийся в незнакомом и опасном месте.

Часть третья

КРОЛИК

ГЛАВА 17

«Мама! Мама! Мама! Мама!»

(Преподобный Джим Джонс
в момент своего отступничества)

Концентраты раздали в пятый и последний раз. Теперь для этого потребовался только один солдат. Осталось ведь всего девять участников. Некоторые из них тупо поглядели на пояса, словно в первый раз видели, и выпустили их из рук, как толстых, разъявшихся змей. Гэррети показалось, что привычный ритуал застегивания пояса занял у него часы. От одной мысли о еде его тошнило.

Стеббинс теперь шел рядом с ним. «Мой ангел-хранитель», — отсутствующе подумал Гэррети. Стеббинс улыбался и с шумом грыз крекеры с арахисовым маслом, Гэррети едва не вырвало.

— В чем дело? — спросил Стеббинс с набитым ртом. — Тебе плохо?

— А тебе-то что?

— Так. Если ты сейчас упадешь, я не очень огорчусь.

— Похоже, мы скоро войдем в Массачусетс, — вмешался Макфрис.

Стеббинс кивнул:

— За семнадцать лет мы первые, кто зашел так далеко. Они с ума сойдут.

— Откуда ты столько знаешь о Длинном пути? — спросил Гэррети.

Стеббинс пожал плечами.

— Это же все опубликовано. Чего им скрывать?

— Стеббинс, а что ты сделаешь, если выиграешь? — спросил Макфрис.

Стеббинс засмеялся. В струях дождя его тощее, поросшее щетиной лицо напоминало морду изголодавшегося льва.

— А ты что думаешь? Куплю большой желтый «кадиллак» и поставлю по цветному телевизору в каждую комнату?

— Я думаю, — сказал Макфрис, — что ты пожертвуешь две-три сотни Обществу защиты животных.

— Абрахам стал похож на овцу, — оборвал их Гэррети. — На овцу, запутавшуюся в проволоке. Вот что я думаю.

Они прошли под транспарантом, извещающим, что до границы Массачусетса осталось всего пятнадцать миль — Нью-Хэмпшира оказалось не так уж много, лишь узкий перешеек, разделяющий штаты Мэн и Массачусетс.

— Гэррети, — дружелюбно спросил Стеббинс, — ты смог бы трахнуть свою мать?

— Брось, дружок, — Гэррети отыскал в поясе плитку шоколада и целиком запихнул ее в рот. Желудок скрутило, но он все равно проглотил шоколад. После короткой борьбы с собственными внутренностями он победил. — Знаешь, я думаю, что готов пройти еще день. Еще два дня, если понадобится. Так что оставь эти штучки, Стеббинс. Жри лучше свои крекеры.

Губы Стеббинса чуть сжались — едва заметно, но он заметил, и это подняло ему настроение.

— Слушай, Стеббинс, — сказал он. — А почему ты сам здесь? Скажи нам троим, все равно скоро все кончится, а мы знаем уже, что ты не Супермен.

Стеббинс открыл рот и внезапно изверг из себя крекеры с арахисовым маслом, которые только что съел, почти целые, нетронутые желудочным соком. Он замеш-

кался и получил предупреждение — всего второе с начала пути.

Кровь застучала в висках у Гэррети.

— Ну давай, Стеббинс. Пускай тебя вытошнит еще и этим. Расскажи нам.

Лицо Стеббинса приобрело оттенок старого сыра, но самообладание уже вернулось к нему.

— Почему я здесь или почему я иду? Что ты хочешь знать?

— Я хочу знать все, — сказал Гэррети.

— Я кролик, — начал Стеббинс. Дождь лил по их лбам, носам, затекал в уши. Впереди них босой парень с красными отметинами лопнувших вен на ногах упал на колени, прополз немного вперед, бешено мотая головой, и затих. Гэррети с удивлением увидел, что это был Пастор.

— Я кролик, — повторил Стеббинс. — Ты видел таких. Механические кролики, за которыми пускают собак на бегах. Как бы быстро собаки ни бежали, им никогда не догнать кролика. Потому что кролик не из плоти и крови, как они. Раньше в Англии использовали живого кролика, но собаки часто догоняли его. Так гораздо удобнее. Понимаешь, он одурачил меня.

Голубые глаза Стеббинса глядели на падающий дождь.

— Скорее даже заколдовал. Превратил меня в кролика. Помнишь «Алису в Стране Чудес»? Но ты прав, Гэррети. Пора перестать быть кроликами, и свиньями, и овцами. Лучше стать людьми... даже сутенерами и гомиками с 42-й улицы. Так лучше, — глаза Стеббинса расширились и горели, и он смотрел на Гэррети и Макфриса в упор. Они опустили глаза. Стеббинс сошел с ума, в этом не было сомнения.

Его голос вырос в захлебывающийся крик:

— Откуда я столько знаю о Длинном пути? Я все знаю! Мне положено! *Майор — мой отец!*

Толпа разразилась воплями, словно приветствуя то, что сказал Стеббинс. Но причина была другой. Это сверкнули выстрелы, добивая упавшего Пастора. Вот чему они радовались.

— О Боже, — Макфрис облизал растрескавшиеся губы. — Это правда?

— Правда. Я — его ублюдок. Он ведь бабник, этот Майор. Думаю, у него десятки таких ублюдков повсюду. Но он не знал, что я его сын. И я хотел, чтобы он принял это. Поэтому первое, о чем я попрошу, когда выиграю — это чтобы он взял меня к себе. В свой дом.

— Но теперь он *знает*? — прошептал Макфрис.

— Он сделал из меня кролика. Маленького серого кролика, который заставляет собак бежать быстрее... и дальше. Видишь, это сработало. Добежали до самого Массачусетса.

— И что теперь? — спросил Гэррети.

Стеббинс пожал плечами.

— Кролик стал живым. Видите, я хожу, я говорю. И, если это скоро не кончится, поползу на брюхе, как змея.

Они прошли под линией электропередач. Несколько человек в монтерских кошках висели на столбах над толпой, как гротескные богомолы.

— Сколько времени? — спросил Стеббинс. Его лицо, казалось, расплылось в струях дождя. Это было лицо Олсона, потом лицо Барковича, Абрахама... потом собственное лицо Гэррети, иссохшее, с мертвыми впадинами глаз, — лицо сгнившего пугала на бескрайнем поле.

— Без двадцати десять, — Макфрис усмехнулся жалким подобием своей прежней циничной усмешки. — Хороший будет денек.

Стеббинс кивнул: — Дождь продлится весь день, Гэррети?

— Думаю, да. Обычно здесь так бывает.

— Пошли, — сказал Макфрис. — Может, уйдем от этого чертового дождя.

И они пошли, стараясь держаться прямо, хотя каждого из них гнула и ломала изнутри тупая, немислимая боль..

Когда они вошли в Массачусетс, их оставалось семеро: Гэррети, Бейкер, Макфрис, спотыкающийся скелет по имени Джордж Филдер, Билл Хафф, высокий парень по

фамилии Миллиген, который выглядел здоровее прочих, ■ Стеббинс.

Пограничная суматоха и приветствия медленно проплывали мимо них. Дождь продолжался, нескончаемый и монотонный. Буйный весенний ветер срывал с встречающих шапки и закручивал их в бледном небе замысловатыми петлями.

Незадолго до этого, после того, как Стеббинс сделал свое признание, Гэррети испытал странное чувство подъема. Ноги его, казалось, вспомнили, какими они были раньше. Он словно забрался на вершину горы и взглянул в холодном горном сиянии вниз на купающийся в облаках величественный пик, зная, что с него нет другой дороги, кроме как вниз.

Вездеход ехал недалеко от них. Гэррети смотрел на рыжего солдата, сидящего на броне с большим зонтиком и карабином через плечо. Он пытался передать этому солдату свою боль и усталость, но рыжий смотрел индифферентно.

Гэррети перевел взгляд на Бейкера, лицо которого было все измазано кровью, текущей из носа.

— Он умирает? — спросил Стеббинс.

— Конечно, — ответил Макфрис. — Все умрут, разве ты не знаешь?

Порыв ветра залепил им глаза дождем, Макфрис споткнулся и получил предупреждение. Толпа взволновано загудела. Сегодня хоть ракет не было — дождь помешал.

Дорога свернула, и сердце Гэррети подпрыгнуло в груди. «Господи!» — прошептал сзади Миллиген.

Дорога пролегла меж двух округлых холмов, как ложбинка между грудей. Холмы почернели от людей — они возвышались вокруг них и над ними, как живые стены.

Джордж Филдер внезапно ожил. Его черепообразное лицо медленно поворачивалось в стороны.

— Они сожрут нас, — прошептал он. — Сейчас набросятся и сожрут.

— Думаю, нет, — сказал Стеббинс. — Они...

— Сожрут! Сожрут! — Джордж Филдер завертелся в странной пляске, размахивая во все стороны руками. В глазах его метался ужас.

— *Сожрутсожрутсожрутсо...*

Он кричал изо всех сил, но Гэррети его еле слышал. Крики толпы, отраженные от холмов, обрушились на них, как удары молота. Гэррети не услышал и выстрелов; все заглушил вопль тысяч глоток. Тело Филдера исполнило еще несколько па посреди улицы, потом, будто устав, рухнуло, раскинув ноги, навзничь. Так он и умер, обиженно задрав подбородок к исходящему дождем серому небу.

— Гэррети, — прошептал Бейкер. — У меня идет кровь.

Холмы остались позади, и теперь Гэррети слышал его.

— Да, — ему пришлось сделать усилие, чтобы выговорить это слово.

Из Бейкера бил фонтан крови. Лицо превратилось в красную маску, воротник рубашки промок насквозь.

— Это ведь не страшно? — Бейкер плакал от страха. Он знал, что это страшно.

— Нет, не очень.

— Дождь такой теплый. Это ведь только дождь, правда, Гэррети?

— Правда.

— Хорошо бы немного льда, — сказал Бейкер и, шатаясь, отошел. Гэррети проводил его взглядом.

Билл Хафф получил пропуск в 11.30, а Миллиген в 11.39, сразу после того, как над ними пронеслись шесть сияющих голубым огнем F-111. Гэррети ожидал, что Бейкер последует за ними. Но он продолжал идти, хотя уже весь перед его рубашки пропитался кровью.

В голове у Гэррети играл джаз. Дэйв Брубек, Телониус Монк, Кэннонболл Эддерли — вся бригада, которых выпускают, когда пьяной компании требуется побольше шума.

Ему казалось, что он любим и был любимым. Но теперь остался только джаз. Мать была всего лишь чучелом в

потертом пальто, Джен — маленькой глупой шлюшкой. Все это кончилось. Даже если он выиграет, переживет Макфриса, Стеббинса и Бейкера, все кончилось. Он никогда не вернется домой.

Он заплакал. Ноги не слушались его, и он упал. Мостовая была холодной и с невероятной силой притягивала к себе. Он получил два предупреждения прежде, чем сумел подняться, неловко, по-крабьи, ковыляя. Встал. Пошел.

Он догнал остальных, и они молча освободили ему место. Бейкер пьяными зигзагами мерил дорогу. Макфрис и Стеббинс шли рядом, прижимаясь друг к другу. Внезапно Гэррети показалось, что сейчас они убьют его, как когда-то Баркович убил кого-то — номер без лица по фамилии Ранк. Они не говорили об этом, но он все знал. Уж не думают ли они, что он такой болван?

И все равно ему хотелось идти с ними... умереть с ними.

Они прошли указатель, показавшийся Гэррети верхом безумия, вобравший в себя весь идиотский вселенский хохот, все визжащее безумие сфер: *«До Бостона 49 миль! Смелей, ребята, вы можете их пройти!»* Он бы захлебнулся от смеха, если бы мог. Бостон! Само это слово казалось невероятным, мифическим.

Бейкер снова оказался рядом.

— Гэррети.

— Что?

— Мы там?

— Где?

— Гэррети, пожалуйста, Мы *там*?

Бейкер говорил механически, как истекающая кровью машина.

— Да, Арт. Мы там, Мы там, — он понятия не имел, о чем говорит Бейкер.

— Я умираю, Гэррети.

— Да.

— Если ты победишь, сделаешь кое-что для меня? Я не хочу просить кого-нибудь еще, — он широким жестом обвел дорогу, словно на ней все еще было полно народу.

На один кошмарный миг Гэррети будто увидел их всех — идущих призраков, которых видел теперь Бейкер в своем угасающем сознании.

— Проси.

Бейкер положил руку ему на плечо, и Гэррети заплакал. Он ничего не мог с собой поделать. Ему казалось, что сердце сейчас выскочит у него из груди.

— Пройди еще немного, Арт, — сказал он сквозь слезы. — Еще немного.

— Не могу.

— Ладно.

— Может увидимся, дружище, — сказал Бейкер, стирая кровь с лица.

Гэррети плакал.

— Не смотри, как они сделают это. Обещай мне.

Гэррети кивнул, не в силах говорить.

— Спасибо. Ты настоящий друг, — Бейкер попытался улыбнуться.

— Когда-нибудь. Где-нибудь, — сказал он.

Гэррети закрыл лицо руками и пошел. Рыдания сотрясали его, причиняя сильную боль, чем все предыдущее.

Но выстрелы он все-таки услышал.

ГЛАВА 18

«Объявляю Длинный путь этого года законченным. Леди и джентльмены, граждане, приветствуйте победителя!»

(Майор)

Они были в сорока милях от Бостона.

— Расскажи нам что-нибудь, Гэррети, — попросил Стеббинс. — Что-нибудь, что отвлекло бы нас от всего этого. — Он невероятно состарился; Стеббинс был стариком.

— Да, — сказал Макфрис, который выглядел не лучше. — Расскажи, Гэррети.

Гэррети тупо переводил взгляд с одного на другого и не мог понять, о чем они просят. Он уже спустился со своего пика: все старые, выматывающие боли вернулись и стали еще сильнее.

Он закрыл глаза. Когда он открыл их снова, мир двоился и не хотел возвращаться в фокус.

— Ладно, — сказал он.

Макфрис рассеянно хлопнул в ладоши. Он шел с тремя предупреждениями; у Гэррети оставалось одно, у Стеббинса ноль.

— Давным-давно...

— Дети, кто хочет послушать сказочку? — протянул Стеббинс.

Макфрис хихикнул.

— Будете слушать? — обиженно спросил Гэррети.

Стеббинс налетел на Гэррети, и они оба получили предупреждение.

— Ну, лучше уж сказка, чем вообще ничего.

— Это не сказка. Не все, чего не было, можно назвать сказкой, потому что...

— Ты будешь рассказывать или нет? — спросил Макфрис.

— Давным-давно... жил Белый Рыцарь, и пошел он в волшебный лес...

— Рыцари ездили, — поправил Стеббинс.

— Поехал в волшебный лес. И там с ним случилась куча приключений. Он победил троллей, и гоблинов, и всех волков. И наконец он набрел на королевский замок и попросил у короля руки принцессы Гвендолин, знаменитой красотки.

Макфрис отчего-то хихикнул.

— А король отказался, потому что считал его недостойным, но красотка полюбила Белого Рыцаря и угрожала убежать в лес, если... если, — на него накатилась волна забытья. Рокот толпы то наступал, то отходил прочь, как звук прибоя. Потом он медленно пришел в себя.

Макфрис, опустив голову, слепо шел на толпу, уснув на ходу.

— Пит! — позвал Гэррети. — Эй, Пит!

— Оставь его, — сказал Стеббинс. — Ничего строить из себя героя.

— Иди в задницу, — Гэррети устремился к Макфрису и встряхнул его за плечи. Макфрис сонно улыбнулся ему:

— Нет, Рэй. Пора отдохнуть.

Ужас сковал Гэррети.

— Нет! Не надо!

Макфрис опять улыбнулся и покачал головой. Он сел на мостовую, скрестив ноги, как йог. Шрам на его щеке выделялся в сумерках белым мазком.

— Нет! — закричал Гэррети.

Он попытался поднять Макфриса, но тот был слишком тяжелым, несмотря на худобу. Тут двое солдат оторвали Макфриса от земли и отвели на обочину. Один поднял карабин.

— Нет! — снова закричал Гэррети. — Меня! Убейте меня!

Но вместо этого он только получил третье предупреждение.

Макфрис открыл глаза и вновь улыбнулся. В следующий миг раздался выстрел.

Ноги сами понесли Гэррети.

— Нет... Нет...

— Тогда пошли, — Стеббинс улыбнулся. — Ему ты уже не поможешь.

Гэррети посмотрел на него, не видя, и сказал:

— Я еще увижу, как ты сдохнешь.

«Ох, Пит», — подумал он. У него не осталось слез, чтобы плакать.

— Посмотрим, — пожал плечами Стеббинс.

В восемь вечера они прошли Денверс, и Гэррети понял. Все кончено. Стеббинса ему не одолеть.

Он слишком много думал об этом. Макфрис, Бейкер, Абрахам — они не думали, они шли, и все. Будто это нормально. А в самом деле, что в жизни нормальнее, чем смерть?

Он шел вперед, с выпученными глазами и отвисшей челюстью, проталкиваясь сквозь струи дождя. На миг ему показалось, что он видит впереди кого-то знакомого, но в темноте он не мог разобрать черты его лица.

Ах да, это Стеббинс. Гэррети заставил себя идти быстрее и тронул его за плечо. Он очень устал, но больше не боялся. Он был спокоен.

— Стеббинс!

Стеббинс обернулся, и на Гэррети уставились его огромные незрячие глаза. Потом он узнал и вцепился Гэррети в рубашку. Толпа взревела в негодовании, но только Гэррети видел ужас в глазах Стеббинса, ужас и

пустоту, и только Гэррети знал, что эта хватка — последняя отчаянная попытка спастись.

— *О, Гэррети,* — прохрипел он и упал.

Рев толпы стал апокалиптическим, превратился в грохот рушащихся гор. Это рев убил бы Гэррети, если бы он его слышал. Но он не слышал ничего, кроме собственного голоса.

— Стеббинс! — позвал он и попытался поднять его. Стеббинс по-прежнему смотрел на него, но страх исчез из его взгляда. Голова его безжизненно откинулась на шее. Он был мертв.

Гэррети утратил к нему интерес. Он встал и пошел. Крики заполнили землю, а взлетающие ракеты — небо. Впереди загудел джип. «Идиот, тут же запрещено ездить! Уезжай скорее, не то тебя пристрелят».

В джипе стоял Майор. Рука его была поднята; он был готов выслушать первое желание — любое желание. Приз.

Позади него застрелили уже мертвого Стеббинса, и теперь он остался один на дороге. Майор шел к нему в своих темных очках, скрывающих выражение его глаз.

Гэррети все шел. Но он был не один. Темная фигура по-прежнему была впереди, и по-прежнему он не мог разглядеть лица. Но это явно был кто-то знакомый. Баркович? Колли Паркер? Перси — как-там-его? Кто это?

— *Гэррети!* — вопила толпа в экстазе. — *Гэр-ре-ти! Гэр-ре-ти!*

Скрамм? Гриббл? Дэвидсон?

Кто-то положил руку ему на плечо, но Гэррети стряхнул ее. Темная фигура впереди звала его за собой, звала продолжить путь. Ведь идти еще так далеко!

Руки тянулись к нему, словно прося милостыни. Гэррети шел за темной фигурой.

И когда рука снова легла на его плечо, он невероятным образом нашел в себе силы побежать.

**«КАДИЛЛАК»
ДОЛАНА**

*Месть — блюдо, которое лучше есть
холодным.*

Испанская пословица.

Я ждал и выслеживал его семь лет. Я наблюдал, как он входит и выходит — Долан. Как wpłyвает в роскошные рестораны с женщиной под руку — каждый раз с другой, всегда в сопровождении двух телохранителей. Как его волосы из сероватого приобретают модный серебристый оттенок, тогда как у меня они просто выпадали, пока я совсем не облысел. Как он регулярно отбывает из Лас-Вегаса на Западное побережье; как возвращается оттуда. Пару раз я наблюдал с боковой дороги, как его «седан девиль» того же цвета, что и шевелюра, пронесется по шоссе №71 в сторону Лос-Анджелеса. Доводилось мне видеть — хоть и не часто, — как он направляется из своего дома в Голливуде на том же сером «кадиллаке» в сторону Лас-Вегаса. Я — школьный учитель. Учителя и опасные преступники не имеют возможности для подобной свободы передвижения — это просто экономическая данность.

Он не знал, что я выслеживаю его, — я никогда не приближался настолько, чтобы он это заметил. Я был осторожен.

Он убил мою жену или подстроил убийство: это все равно, в конце концов. Хотите подробности? От меня их не услышите. Если вам так уж интересно, поднимите старые подшивки газет. Ее звали Элизабет. Она преподавала в той же школе, где и я преподаю по сей день. Она учила первоклассников. Они ее любили. Думаю, некоторые не забыли ее до сих пор, хотя теперь они уже в выпускных классах. Я любил ее и люблю поныне. Она не была красавицей, но весьма хорошенькой. Тихоня, но

могла и посмеяться. Я тоскую по ней. По ее карим глазам. Для меня никогда не существовало других женщин. И не будет существовать.

Он выкрутился — Долан. Это все, что вам надо знать. А Элизабет оказалась не там, где положено, и все видела. Она пошла в полицию, а полиция отослала ее в ФБР, и там ее допросили, и она сказала, что да, она даст показания. Они пообещали защитить ее, но то ли поленились, то ли недооценили Долана. Скорее всего, и то, и другое. Как бы там ни было, однажды вечером она села в машину, и динамит, подсоединенный к системе зажигания, сделал меня вдовцом. *Он* сделал меня вдовцом — Долан.

Свидетелей не было, и его оправдали.

Он вернулся в свой мир, а я в свой. Ему — роскошные апартаменты в Лас-Вегасе, мне — пустая комната. Ему — куча женщин в мехах и вечерних платьях с блестками, мне — полная тишина. Ему — серый «кадиллак» (за эти годы он их сменил четыре раза), мне — старенький «бьюик-ривьера». Ему — седина, мне — лысина.

А я следил.

Я был осторожен — о, да! Крайне осторожен. Я знал, что он такое, на что способен. Я понимал, что он раздавит меня, как червяка, если учует, что я замышляю. Поэтому я соблюдал осторожность.

Три года назад во время летних каникул я сопровождал его (на почтительном расстоянии) в Лос-Анджелес, куда он часто ездил. Он давал приемы на своей роскошной вилле (я наблюдал за сборами и разъездами, укрывшись в безопасной тени в конце квартала, замирая, когда мимо проносились полицейские патрули), а я ночевал в дешевом отеле, где постояльцы включали радио на полную громкость, а напротив располагался стриптиз-бар, огни которого всю ночь отражались в окнах. В те ночи я мечтал о карих глазах Элизабет, мне снилось, что ничего не случилось, и я просыпался в слезах.

Я уже почти утратил надежду.

Его хорошо охраняли, видите ли, даже чересчур хорошо. Он никуда не выезжал без двух вооруженных до зубов

юрилл, а его «кадиллак» был бронирован и снабжен огромными самозатягивающимися шинами — такие обожают диктаторы в малых беспокойных странах.

Только в последний раз я понял, как это можно сделать, но лишь после очень опасного прокола.

Я последовал за ним в Лас-Вегас, стараясь держаться позади на расстоянии не менее мили, а то и двух-трех. Когда мы пересекали пустыню с запада на восток, его машина иногда казалась солнечным бликом на горизонте, и я думал об Элизабет, о том, как солнце отражалось в ее волосах.

В тот раз я прилично отстал. В середине недели движения на федеральном шоссе №71 почти не бывает. Когда машин мало, висеть на хвосте очень опасно — это знают даже учителя средней школы. Я проехал оранжевый знак «ОБЪЕЗД ЧЕРЕЗ 5 МИЛЬ» и еще сбросил скорость. На объездах в тех местах транспорт буквально ползет, и я не хотел попадаться на глаза водителю «кадиллака» на пустынном проселке. Следующий знак гласил: «ОБЪЕЗД ЧЕРЕЗ 3 МИЛИ» и ниже: «ВПЕРЕДИ ВЗРЫВЫ — ВКЛЮЧИТЬ РАДИОСВЯЗЬ».

Мне вспомнился фильм, я видел его много лет назад. В этом фильме банда вооруженных грабителей заманила бронированный автомобиль в пустыню, используя ложные указатели объезда. Когда водитель попался на эту удочку и съехал на грязный проселок (а в пустыне их тысячи — овечьих и скотопрогонных троп и старых военных дорог, которые ведут в никуда), воры убрали знаки, обеспечив полную изоляцию, а потом просто осаждали машину, пока охранники не вышли.

Они перебили охранников.

Я вспомнил. Они перебили охранников.

Я добрался до начала объезда и свернул. Дорога оказалась ужасной, как я и предполагал: грязь по колено, двум машинам не разъехаться, от ухабов мой старый «бьюик» трясся и стонал. «Бьюику» требовались новые амортизаторы, но это роскошь, на которую учителю приходится копить, даже вдовцу, не отягощенному ни детьми, ни увлечениями, если не считать жажды мести.

В сотрясающемся и захлебывающемся в грязи «бьюике» меня осенила идея. Вместо того, чтобы следовать за «кадиллаком» Долана, когда он в следующий раз отправится из Лас-Вегаса в Лос-Анджелес или наоборот, я объеду его — вырвусь вперед. Я устрою ложный объезд, как в кино, завлеку его в безмолвную, опоясанную горами глухомань к западу от Лас-Вегаса. Там я уберу дорожные знаки, как это сделали ребята в фильме...

Возврат к действительности отрезвил меня. «Кадиллак» Долана находился передо мной, *прямо передо мной*, на обочине пыльного проселка. Одна шина, хоть и самозатягивающаяся, спустила. Нет — не просто спустила. Она взорвалась, наполовину слетев с обода. Видимо, эта сволочь напоролась на острый обломок скалы, словно на противотанковую ловушку. Один из телохранителей приподнимал домкратом перед машины. Второй — здоровенное рыло, у которого из-под короткой стрижки струился пот, стоял, заслонив собой Долана. Даже в пустыне, заметьте, они не рисковали.

Долан расслабился — стройный, в расстегнутой рубашке и темных брюках, его серебристая шевелюра развевалась под ветерком пустыни. Он курил сигарету и поглядывал на своих людей, будто это происходило где-нибудь на балу или в кабинете.

Он встретился со мной взглядом и отвел глаза, явно не узнавая, хотя однажды видел меня, семь лет тому назад (у меня еще были волосы!), на предварительном слушании, когда я сидел рядом с женой.

Страх, охвативший меня под взглядами из «кадиллака», сменился яростью.

Я думал: вот сейчас открою окно, высунусь из машины и закричу: «Как ты смел забыть меня? Как ты смел не заметить меня?» О да, это будет жест сумасшедшего. Это *хорошо*, что он меня забыл, это *прекрасно*, что он меня не заметил. Лучше быть мышкой за плинтусом, которая перегрызает проводки. Лучше быть пауком высоко на чердаке, плетущим свою сеть.

Тот, кто возился с домкратом, помахал мне, но не один Долан оказался забывчивым. Я равнодушно взглянул на водителя, желая, чтобы его хватил инфаркт, или инсульт, или и то и другое сразу. Я проехал дальше — но сердце у меня билось так, что несколько минут горы вдали двоились и троились перед глазами.

«Был бы у меня пистолет! — думал я. — Если бы только был пистолет! Я бы покончил с его гнусной, жалкой жизнью, если бы у меня тогда был пистолет!»

Много миль спустя ко мне вернулась способность рассуждать трезво. Если бы у меня был пистолет, я мог бы быть уверен лишь в одном — что меня убьют. Если бы у меня был пистолет, я мог бы вытащить его, когда меня позвал водитель с домкратом, и выйти, и начать палить в безлюдной пустыне. Может быть, в кого-нибудь я бы и попал. Потом меня застрелили бы и кое-как зарыли, а Долан по-прежнему сопровождал бы красивых женщин и разъезжал между Лас-Вегасом и Лос-Анджелесом в своем серебристом «кадиллаке», пока койоты раскапывали бы мои останки и дрались из-за моих костей под холодной луной. И Элизабет осталась бы неотмщенной — вовсе.

Те, кто сопровождал его, умели убивать. Я умел учить третьеклассников.

Это не кино, напомнил я себе, выезжая на трассу под оранжевым знаком «КОНЕЦ РЕМОНТНЫХ РАБОТ. ШТАТ НЕВАДА БЛАГОДАРИТ ВАС!». И если я когда-нибудь спутаю реальность с киношкой, если позволю себе мечтать о том, что лысеющий близорукий учитель младших классов способен стать гангстером Грязным Гарри, то никакой мести не бывать.

Но *возможна* ли месть вообще? Когда-нибудь?

Моя идея сделать ложный обезд была столь же романтической и несерьезной, как и желание выскочить из старого «бьюика» и поливать их троих пулями — это мне-то, который из винтовки стрелял в последний раз в шестнадцать лет, а пистолета и вовсе в руках не держал.

Тут бы потребовалась целая банда сообщников — даже из вспомнившегося мне фильма это было очевидно при

всей его романтичности. Там их было восемь или девять человек в двух группах, которые связывались между собой по рации. Один даже кружил над дорогой в маленьком самолетике для подстраховки: следовало удостовериться, что бронированная машина, приближаясь к нужному участку, окажется в относительном одиночестве.

Сюжет, конечно, придумал какой-то пузатый сценарист, сидя на краю своего плавательного бассейна со стаканом ананасового сока в одной руке и машинкой Эдгара Уоллеса для сочинения фабул в другой. И даже этому парню понадобилась чуть ли не армия, чтобы воплотить свою идею в жизнь. А я был один.

Ничего не выйдет. Это просто обманчивая мысль вроде тех, что уже посещали меня за эти годы, — например, что мне удастся как-то запустить отравляющий газ в кондиционер Долана или взорвать его виллу в Лос-Анджелесе, а то, достав грозное смертоносное оружие, допустим гранатомет, разнести в клочья его чертов серебристый «кадиллак» на шоссе №71.

Лучше не связываться.

Но мысль не отпущала.

«Отсекь его, — продолжал шептать внутренний голос как бы от имени Элизабет. — Отсекь его, как опытная овчарка отделяет от стада ту овечку, на которую укажет хозяин. Заманить его в пустыню и убить. Убить их всех».

Не выйдет. Если даже не признавать ничего больше, то уж наверняка следует согласиться с тем, что человек, проживший столько, сколько Долан, должен обладать отточенным инстинктом выживания — отточенным до уровня мании. Он и его люди разгадают обман с объездом за минуту.

«А в этот день они обманулись, — возразил внутренний голос за Элизабет. — Даже и не колебались. Пошли, как ягненок на заклание».

Но я-то знал — да каким-то образом знал! — что люди, вроде Долана, скорее даже волки, а не люди, вырабатывают в себе какое-то шестое чувство, когда появляется угроза. Я могу украсть настоящие указатели

объезда у дорожников и расставить их в нужных местах, могу даже добавить светящиеся оранжевые конусы и пару дымовых сигнализаторов. Я все это сделаю, а Долан все равно учует пот с моих пальцев. Учует сквозь пуленепробиваемые стекла. Он закроет глаза, и имя Элизабет выплывет из змеиного клубка в его мозгу.

Голос, говоривший от имени Элизабет, умолк, и я решил, что на сегодня он сдался. И тут, когда на горизонте показался Лас-Вегас — плывущий голубой туман на дальнем краю пустыни, — он снова заговорил.

«Значит, не надо пробовать ложный объезд, — прошептал он. — Замани его в настоящий».

Я резко вывернул «бьюик» и надавил обеими ногами на тормозную педаль. Расширенными от удивления глазами я уставился на свое отражение в боковом зеркале.

Внутренний голос рассмеялся. Это был злой, странный смех, но спустя некоторое время я захохотал вместе с ним.

Коллеги подшучивали надо мной, когда я вступил в группу здоровья на Девятой улице. Один все хотел дознаться, не насыпал ли мне кто-то песок в глаза. Я хохотал вместе с ними. Такие, как я, не вызывают подозрений, пока смеются вместе со всеми. А почему бы и не повеселиться? Жена моя уже семь лет как умерла, так ведь? Теперь от нее осталась только кучка пыли и волос да несколько костей в гробу! Так отчего бы и не посмеяться? Когда такие, как я, прекращают смеяться, люди замечают, что что-то не так.

Я смеялся вместе с ними, хотя мышцы у меня болели всю осень и зиму. Я делал это, несмотря на то, что испытывал постоянный голод — ни перекусить днем, ни опустошить холодильник поздно ночью, ни пива, ни рюмочки перед обедом. Зато много красного мяса и овощи, овощи, овощи.

К Рождеству я купил тренажер.

Нет, не совсем так. Элизабет купила мне к Рождеству тренажер.

Долана я теперь видел реже: не на шутку увлекся, избавляясь от живота, накачивая руки, грудь и ноги. Но бывали времена, когда казалось, что я не осилю этого, не смогу по-настоящему набрать физическую форму, не проживу без лишнего кусочка пирога и без сливок в кофе. Тогда я ставил машину поблизости от его любимых ресторанов или клубов и ждал, когда он появится из серого «кадиллака» с надменной блондинкой или веселой шатенкой об руку — или с обеими сразу. Вот он, тот, кто убил мою Элизабет, вот он шествует в строгом костюме от Бижана, а его золотой «ролекс» мерцает в огнях ночного клуба. Усталый и обессиленный, я приходил к Долану, как жаждущий путник к оазису в пустыне. Я пил отравленную воду и приходил в себя.

В феврале я начал ежедневно бегать, и коллеги смеялись над тем, как моя лысина облазит и краснеет, а потом снова облазит и снова краснеет, как бы я ни мазал ее защитным кремом. Я хохотал вместе с ними, как будто не я дважды чуть не падал в обморок и не мои ноги сводили в конце пробежек невыносимые судороги.

Когда настало лето, я пошел наниматься на работу в дорожное управление штата Невада. Служба занятости приняла меня с испытательным сроком и направила к участковому мастеру по имени Харви Блокер. Это был высокий крепыш, загоревший почти дочерна под солнцем Невады. Он ходил в джинсах, пыльных сапогах и синей майке без рукавов. На майке было написано: «ЗЛОЙ НАЧАЛЬНИК». Под кожей перекачивались громадные мускулы. Он посмотрел на мое направление. Потом взглянул на меня и расхохотался. Скатанная бумага выглядела совсем крохотной в его громадном кулачище.

— Ты, наверно, шутишь, дружок. То есть точно шутишь. Здесь у нас солнце пустыни и жара пустыни — вовсе даже не салон для загара. Кто ты по-настоящему, парень? Бухгалтер?

— Учитель, — сказал я. — Третьего класса.

— Ух ты, здорово, — он снова захохотал. — Давай-ка вали отсюда, понял?

Я вынул карманные часы, доставшиеся мне от прадедушки, который работал на последнем отрезке трансконтинентальной железной дороги. По семейной легенде, он присутствовал при забивке золотого костыля. Я вынул часы и покачал их на цепочке перед Блокером.

— Видишь? — спросил я. — Стоят шестьсот, а может, и семьсот долларов.

— Это взятка? — Блокер снова расхохотался. Смешливый был человек. — Слушай, я знаю, что люди заключали сделки с дьяволом, но впервые вижу, как человек хочет за взятку отправиться в ад. — Теперь в его взгляде появилось какое-то подобие сочувствия. — Может, тебе кажется, что ты понимаешь, куда идешь, но я тебе говорю, что ты и малейшего представления не имеешь. В июле здесь бывает до семидесяти пяти градусов к западу от Индиан-Спрингс. Здоровенные мужики плачут. А ты-то не силач, парень. Мне не нужно заставлять тебя снимать рубашку, чтобы увидеть, что у тебя там ничего нет, кроме пары мускулов, накачанных в паршивой группе здоровья, а с этим в Большой Пустыне делать нечего.

Я сказал:

— Как только решишь, что я не тяну, сразу уйду. А часы будут твоими. Спорить не стану.

— Врешь, гад.

Я взглянул на него. Он пристально всматривался в меня.

— Не врешь, — с каким-то восхищением произнес он.

— Нет.

— Отдашь часы Тинкеру на хранение? — он указал на громадного негра в ярко расписанной рубашке, который сидел неподалеку в кабине бульдозера, ел фруктовый пирог из «Макдональдса» и прислушивался к разговору.

— А ему можно доверять?

— Много болтаешь.

— Значит, пусть будут у него, пока ты меня не выгонишь или пока я не вернусь в школу в сентябре.

— А что я ставлю против?

Я показал на направление, зажатое у него в кулаке:

— Подпиши, — сказал я. — Это будет твоя ставка.

— Ты спятил.

Я подумал о Долане и Элизабет и промолчал.

— Начнешь с самой дерьмовой работы, — предупредил Блокер. — Будешь разгребать горячий асфальт за грузовиком и засыпать в ямы. Не потому, что я хочу твои вонючие часы, хотя я с удовольствием их взял бы, а потому что с этого все начинают.

— Понял.

— Пока не усвоишь, парень.

— Я усваиваю.

— Нет, — произнес Блокер, — пока нет. Но усвоишь. И он оказался прав.

Я почти ничего не помню о первых двух неделях — просто я ходил с лопатой, засыпал горячий асфальт в яму и брел, не поднимая головы, за грузовиком, пока он не остановится у следующей ямы. Иногда мы работали в центре, и я слышал звон рулеточных колокольчиков, доносившийся из казино. Временами мне кажется, что это всего лишь звенело у меня в голове. Иногда я поднимал голову и видел, как Харви Блокер рассматривает меня с каким-то странным сочувствием: лицо его мерцало на жаре, от которой плавился асфальт. А иногда я переводил взгляд на Тинкера, сидевшего под парусиновым тентом в кабине бульдозера, и тогда Тинкер вынимал прадедушкины часы и помахивал ими на цепочке, пуская солнечных зайчиков.

Я боролся за то, чтобы не упасть в обморок, любой ценой устоять на ногах. Весь июнь и первую половину июля мне это удавалось, и однажды Блокер присел рядом со мной в перерыв, когда я трясущимися руками подносил ко рту сандвич. Дрожь у меня не проходила до десяти вечера. Это из-за жары. Если бы я не трясся, то потерял бы сознание, и когда я думал о Долане, это поддерживало во мне дрожь.

— Ты еще не окреп, парень, — заметил он.

— Нет, — ответил я. — Но, как говорится, видел бы ты, с чего начинали.

— Я все еще надеюсь увидеть, как ты вырубашься посреди дорожного полотна, а ты не падаешь. Но упадешь.

— Не упаду.

— Упадешь, точно. Если и дальше походишь с лопатой за грузовиком, свалишься.

— Нет.

— Самое жаркое лето еще не наступило, парень. Тинк это называет сковородочной погодой.

— Я устою.

Он вынул что-то из кармана. Это были прадедушкины часы. Он бросил их мне на колени.

— Забери эту дрянь, — сказал он. — Мне это не нужно.

— Ты заключил со мной пари.

— Я его расторгаю.

— Если ты меня выгоняешь, я подам в суд, — всполошился я. — Ты мне подписал направление. Ты...

— Я тебя не выгоняю, — он отвернулся. — Я скажу Тинку, чтобы он научил тебя работать на фронтальном погрузчике.

Я долго в растерянности смотрел на него. Никогда еще моя классная комната, прохладная и уютная, не казалась мне такой далекой... и тем не менее, я до сих пор понятия не имел, как мыслят люди вроде Блокера и что они имеют в виду, когда говорят то, что говорят. Я знал, что он одновременно восхищается мной и презирует меня, но не представлял, в какой момент какое из этих чувств он испытывает. «И не беспокойся об этом, милый, — вдруг заговорил голос Элизабет внутри меня. — Твое дело — Долан. Думай о Долане».

— Зачем ты собираешься это сделать? — произнес я наконец.

По его взгляду я понял, что мой вопрос одновременно взбесил и развеселил его. Но больше, видимо, все-таки взбесил.

— Что с тобой, парень? Кто я, по-твоему?

— Я не...

— Думаешь, я хочу тебя убить за твои вонючие часы? Это ты думаешь?

— Извини.

— Да уж точно. Самый виноватый кретин, которого я видел.

Я отложил прадедушкины часы в сторону.

— Ты *никогда* не станешь сильным, парень. Есть такие люди и растения, которые приживаются на солнце. Другие вянут и гибнут. Ты погибнешь. Ты это знаешь и все-таки не прячешься в тень. Почему? Зачем тебе это нужно?

— Есть причины.

— Ну да, надо полагать. А Бог помогает всякому, кто упирается так, как ты.

Он поднялся и отошел. Ко мне приблизился ухмыляющийся Тинкер:

— Думаешь, ты сможешь освоить фронтальный погрузчик?

— Думаю, что да, — ответил я.

— И я так думаю, — продолжал он. — Старик Блок тебя любит — просто не знает, как это выразить.

— Я это заметил.

Тинкер рассмеялся:

— Ты упрямая сволочь, точно?

— Надеюсь, что так, — подтвердил я.

Остаток лета я провел за рулем погрузчика, а когда осенью вернулся в школу, почти такой же черный, как Тинк, коллеги больше не смеялись надо мной. Иногда искоса поглядывали мне вслед, но смеяться перестали.

У меня есть причины. Вот что я ему сказал. И я это сделал. Не из прихоти я провел это лето в аду. Мне надо было приобрести форму, понимаете ли. Чтобы приготовиться вырыть могилу мужчине или женщине, может, и не нужны такие героические усилия, но я не мужчине и не женщине готовил могилу.

Я собрался похоронить этот чертов «кадиллак».

К апрелю следующего года я подписался на издания дорожной комиссии штата. Каждый месяц я получал бюл-

летень «Дорожные знаки Невады». Большую часть материала я не читал; пропускал законопроекты по улучшению дорог, объявления о покупке и продаже дорожной техники, постановления по таким вопросам, как борьба с зыбучими песками и оврагами. То, что мне было нужно, обычно печаталось на двух последних страничках бюллетеня. В этом разделе, который назывался «Календарь», указывались даты и места дорожных работ в будущем месяце. Особенно меня интересовали те места и даты, после которых следовала короткая аббревиатура ЗП. Это означало: «Замена покрытия»; благодаря приобретенному в бригаде Харви Блокера опыту я знал, что именно эти работы чаще всего связаны с устройством объездов. Но *не всегда* — не обязательно. Дорожное управление закрывает участок дороги лишь тогда, когда нет никакого другого выхода. Но рано или поздно, думал я, эти две буквы будут означать конец Долана. Всего две буквы, но иногда они даже снились мне: ЗП.

Вряд ли это будет легко или скоро — возможно, ждать придется годы, а тем временем с Доланом может случиться все, что угодно. Он плохой человек, а у плохих людей жизнь полна опасностей. Четыре разнонаправленных вектора должны сойтись, словно в параде планет: поездка Долана, мои каникулы, национальный праздник и три выходных подряд.

Может быть, годы. А может, и никогда. Но я испытывал абсолютную уверенность, что это обязательно произойдет и что к тому времени я буду готов. И это действительно наступило. Не тем летом, не той осенью и даже не следующей весной. Но в июне прошлого года я открыл «Дорожные знаки Невады» и вот что прочел в «Календаре»: «1 — 22 ИЮЛЯ (предварит.) ФЕДЕРАЛЬНОЕ ШОССЕ 71400 — 472 МИЛИ ЗП».

Трясущимися руками я раскрыл настольный календарь и выяснил, что День независимости 4 июля приходится на понедельник.

Итак, три из четырех векторов сошлись, потому что при такой обширной замене покрытия где-то должен быть устроен объезд.

Но Долан... Как насчет Долана? Как с четвертым вектором?

Насколько я помнил, в прежние годы он трижды ездил в Лос-Анджелес на 4 июля — в праздничные дни в Лас-Вегасе дела идут хуже. Но еще три раза он ездил в другие места — раз в Нью-Йорк, раз в Майами, раз в Лондон, а однажды просто остался в Лас-Вегасе.

Если он поедет...

Как это узнать?

Я долго и тяжело обдумывал, но мне мешали два видения. В первом передо мной предстал «кадиллак» Долана, мчащийся на запад по шоссе №71 в сумерках, отбрасывая за собой продолговатую тень. Я видел, как он проезжает знаки «ВПЕРЕДИ ОБЪЕЗД», последний из которых требовал отключить радиостанции в машинах. Как «кадиллак» пробирается среди брошенной дорожной техники — бульдозеров, грейдеров, фронтальных погрузчиков. Брошенной не просто на ночь, а потому что впереди три выходных дня.

Во втором видении все было точно так же, только отсутствовали знаки объезда.

Отсутствовали потому, что я это сделал.

В последний день занятий я вдруг сообразил, как могу узнать. Я клевал носом, мысли мои витали за миллион миль и от школы, и от Долана, и вдруг я резко выпрямился, столкнув вазу, стоявшую на краю стола (с красивыми пустынными цветами, преподнесенными мне учениками по случаю окончания учебного года), на пол, и она разбилась. Некоторые дети, которые тоже клевали носами, тут же очнулись, и, видимо, что-то в моем лице напугало одного из них, потому что мальчик по имени Тимоти Урих разревелся, и мне пришлось его успокаивать.

«Простыни, — думал я, поглаживая Тимми по головке. — Простыни, подушки, скатерти, серебряная посуда, ковры. Все должно быть как следует. Он захочет, чтобы все было как следует».

Ну, конечно. Порядок в доме — это так же неотъемлемо от Долана, как и серый «кадиллак».

Я улыбнулся, и Тимми Урих ответил мне улыбкой, но не Тимми я улыбался.

Я улыбался Элизабет.

Занятия в том году закончились 10 июня. Двадцать дней спустя я вылетел в Лос-Анджелес. Я взял машину напрокат и остановился в своем всегдашнем дешевом отеле. Каждый из следующих трех дней я ездил в Голливуд и следил за виллой Долана. Я не мог следить *постоянно*: меня заметили бы. Богачи нанимают специальных людей, чтобы отлавливать слишком любопытных, — те могут представлять опасность.

Вроде меня.

Сначала ничего не происходило. В доме не ощущалось признаков жизни, лужайка не заросла — Боже упаси! Вода в бассейне была, несомненно, чистой и хлорированной. Но все равно чувствовалась пустота — шторы опущены, двор без машин, никто не купался в бассейне, который молодой человек с конским хвостом на затылке чистил каждое утро.

Во мне нарастало ощущение провала. Но я оставался, еще надеясь на последний вектор.

Двадцать девятого июня, когда я уже почти приговорил себя к еще одному году слежки, и ожидания, и утренних пробежек, и работы на погрузчике у Харви Блокера (если, конечно, он снова меня возьмет), к воротам виллы Долана подъехала синяя машина с надписью «ЛОС-АНДЖЕЛЕС. ОХРАННЫЕ УСЛУГИ». Человек в форме вышел и отпер ворота ключом. Он загнал машину внутрь и оставил за углом виллы. Затем закрыл створки ворот и снова запер.

Хоть что-то новое. Я ощутил слабый проблеск надежды.

Я отъехал, заставил себя почти два часа туда-сюда гонять машину, затем вернулся, остановившись на сей раз не у подножия холма, а наверху. Минут пятнадцать спустя к вилле Долана подъехал синий фургон. На боку его виднелась надпись большими буквами: «БОЛЬШОЙ ДЖО. УБОРКА». У меня учащенно забилося сердце. Я

наблюдал в зеркало заднего вида и хорошо помню, как мои руки вцепились в руль взятой напрокат машины.

Из фургона появились четыре женщины — две белые, одна черная, одна мексиканка. Все в белых передниках, как официантки, но, разумеется, не официантки, а уборщицы.

Охранник вышел, когда одна из них позвонила у калитки, и отпер ее. Они поболтали впятером, пересмеиваясь. Охранник попытался облапить одну из них, и та, смеясь, шлепнула его по руке.

Другая женщина села за руль и вывела фургон на площадку. Остальные направились к дому, щебеча друг с другом, пока охранник отпирал и запирали ворота.

Пот заливал мое лицо; мне казалось, будто меня намазали солидолом. Сердце бешено колотилось.

Женщины уже исчезли из поля зрения. Я рискнул выглянуть через окно.

Задняя дверь фургона оказалась распахнутой. Одна из приехавших несла большую охапку простыней, другая — полотенца, третья тащила пару пылесосов.

Они гуськом потянулись к двери, и охранник впустил их внутрь.

Я отъехал; меня била такая дрожь, что я едва мог управлять машиной.

Дом открывают. Он приедет.

Долан не менял свой «кадиллак» каждый год — подходил к концу трехлетний срок службы серого «седана девиля», в котором он ездил в том июне. Я точно знал его размеры. Я написал запрос на фирму «Дженерал моторс», представившись исследователем. Мне выслали инструкцию по эксплуатации и спецификации на модель того года. И даже вернули вложенный мною конверт с оплаченным ответом. Крупные фирмы всегда учтивы, даже когда дела у них идут не лучшим образом.

Потом я дал три параметра — максимальную ширину «кадиллака», максимальную высоту и максимальную длину — своему приятелю, который преподает математику в

средней школе Лас-Вегаса. Я вам уже говорил, что готовился к этому, и подготовка моя была отнюдь не только физической.

Я представил ему свою задачу как чисто гипотетическую. Я, мол, хочу написать научно-фантастический рассказ, и мне нужно, чтобы цифры выглядели убедительно. Даже изложил ему обрывки сюжета — я сам поражаюсь своей изобретательности.

Приятель захотел уточнить, с какой скоростью будет двигаться мой разведывательный корабль пришельцев. Такого вопроса я не ожидал и спросил, неужели это так важно.

— Конечно, важно, — ответил он. — Очень важно. Если ты хочешь, чтобы разведчик в твоём рассказе угодил точно *внутрь* ловушки, ее размеры должны быть строго выдержаны. Теперь ты мне даешь пять метров на полтора.

Я раскрыл было рот, чтобы объяснить, что это не точная цифра, но он поднял руку.

— Просто приблизительно, — пояснил он. — Помогает рассчитать траекторию спуска.

— Чего-чего?

— Траекторию спуска, — повторил он, и я похолодел. В такое выражение человек, снедаемый жаждой мести, может влюбиться. Эдакое темное, зловеще накатывающее звучание. *Траектория спуска.*

Я-то был уверен, что, если вырою могилу такой величины, чтобы «кадиллак» поместился в ней, то он действительно там поместится. Приятель показал мне, что, прежде чем послужить могилой, она должна сработать как ловушка.

Важна и форма сама по себе, сказал он. Щель, которую я представлял, могла и не сработать — более того, вероятность того, что она не работает, гораздо больше.

— Если машина не попадет точно в начало траншеи, — заявил он, — то она и не проедет по ней. Она проскользнет под каким-то углом, а когда остановится, пришельцы просто выйдут наружу и перебьют твоих героев. Выход в том, чтобы расширить входную часть, придав всему раскопу форму воронки.

Потом: как со скоростью?

Если «кадиллак» Долана будет ехать слишком быстро, а траншея окажется слишком короткой, он промчится, немного просев на ходу, и упрется колесами или корпусом в противоположный конец. Крыша будет слегка помята, но машина не упадет в яму. С другой стороны, если скорость «кадиллака» окажется слишком мала, а длина траншеи чересчур велика, он опустится на дно носом, а не колесами, и это тоже не годится. Захоронить «кадиллак» так, чтобы задняя часть кузова с бампером торчала из-под земли, — это все равно, что захоронить покойника так, что высовываются ноги.

— Так с какой скоростью движется твой космический разведчик?

Я быстро посчитал в уме. На трассе при небольшом движении шофер Долана держал около ста километров в час. Может, немного сбросит. Я могу убрать знаки объезда, но ведь не спрячу дорожную технику и не смогу ликвидировать все признаки ремонта.

— Примерно двадцать руллов, — сказал я.

Он усмехнулся:

— А в других единицах?

— Скажем, восемьдесят земных километров в час.

— Ага. — Он тут же принялся считать на своем компьютере, а я присел рядом, широко улыбаясь и повторяя про себя чудесные слова: «траектория спуска».

Вскоре он поднял голову.

— Знаешь, — произнес он, — может, тебе стоит подумывать насчет того, чтобы изменить размеры корабля, дружок.

— Да? А почему ты так считаешь?

— Пять на полтора — слишком много для космического разведчика. — Он рассмеялся. — Это как раз размеры «линкольна-IV».

Я тоже засмеялся. Мы хохотали вместе.

Увидев, как женщины заходят в дом с простынями и полотенцами, я немедленно улетел в Лас-Вегас.

Я отпер свою квартиру, вошел в гостиную и взялся за телефон. Руки у меня немного дрожали. Девять лет я ждал и следил, как паук под потолком или мышь за плинтусом. Я изо всех сил старался не дать Долану малейшего повода подумать, что муж Элизабет еще интересуется им — абсолютно пустой взгляд, которым он окинул меня в тот день, когда я миновал его поврежденный «кадиллак» по дороге в Лас-Вегас, как я ни был взбешен тогда, стал для меня справедливым вознаграждением.

Но теперь придется рискнуть. Я вынужден рисковать, потому что не мог быть в двух местах одновременно и мне крайне необходимо знать, *едет ли* Долан и *когда* объезд должен временно исчезнуть.

В самолете я составил план. Я считал, что он сработает. Я *сделаю* так, что он сработает.

Я набрал справочную Лос-Анджелеса и узнал номер фирмы бытовых услуг «Большой Джо». Я позвонил туда.

— Это Билл из ресторана «Ренниз», — сказал я. — Нам заказали ужин на субботу по адресу 1121, Астердрайв в Голливуде. Я хотел бы, чтобы одна из ваших девушек проверила, стоит ли большой кубок мистера Долана в шкафу над камином. Не окажете ли мне любезность?

Меня попросили подождать. Я ждал, хотя с каждой бесконечной секундой все больше утверждался в мысли, что он что-то учуял и с другого аппарата запрашивает телефонную компанию.

Наконец — после бесконечного ожидания — он вернулся. Голос его звучал удрученно, но для меня все было в порядке. Именно так я и хотел, чтобы он звучал.

— В субботу вечером?

— Да, именно так. Но у меня нет кубка такого размера, какой им может потребоваться, разве что придется обзванивать весь город, а по-моему, у него есть такой кубок для пунша. Я хотел просто проверить.

— Слушайте, уважаемый, согласно моему заказу, мистер Долан ожидается только к трем часам дня в воскресенье. Я с удовольствием поручу моим девушкам прове-

рить, как обстоят дела с вашим кубком, но сперва мне нужно выяснить этот вопрос. Мистера Долана не нагрешь, извините за выражение...

— Абсолютно с вами согласен, — произнес я.

— А если он собирается появиться днем раньше, мне придется добавить туда еще девушек.

— Разрешите, я проверю, — поспешно вставил я. Передо мной на столе лежала хрестоматия для третьего класса «Все пути открыты». Я схватил ее и зашуршал страницами так, чтобы было слышно в трубке.

— О, простите, — проговорил я. — Я ошибся. Он созывает народ в воскресенье вечером. Глубочайшие извинения. Вам, наверное, хочется набить мне морду?

— Нет. Слушайте, оставьте ваш телефон — я позвоню девочкам и прикажу им проверить...

— Не нужно, раз это будет в воскресенье, — небрежно ответил я. — В воскресенье утром мой большой кубок для пунша вернется со свадьбы в Глендейле.

— Ладно. Не берите в голову. — Спокойный голос. Без подозрений. Голос человека, не привыкшего дважды думать об одном и том же.

Надеюсь.

Я положил трубку и неподвижно сидел, стараясь все как следует продумать. Чтобы попасть в Лос-Анджелес к трем, он должен выехать из Лас-Вегаса около десяти утра в воскресенье. Значит, в районе объезда он будет между 11.15 и 11.30, когда движения практически нет.

Я решил: хватит мечтать, пора действовать.

Я просмотрел объявления, сделал несколько звонков и затем отправился осматривать пять подержанных машин, доступных мне по цене. Я остановил выбор на потрепанном «форде»-фургоне, который сошел с конвейера в год смерти Элизабет. Заплатил наличными. На счете у меня осталось всего двести пятьдесят семь долларов, но это меня нисколько не волновало. На обратном пути я заглянул в прокатный пункт размером с небольшой универмаг и взял портативный компрессор, оставив в залог свою карточку «Мастеркард».

В пятницу вечером я загружал фургон: кирки, лопаты, компрессор, ручная тележка, ящик с инструментами, бинокли и дорожный отбойный молоток с набором клиновидных насадок для взламывания асфальта. Огромный квадрат брезента песочного цвета и второй рулон брезента — этот играл особую роль в моих планах еще с прошлого лета — и двадцать одна тонкая деревянная стойка почти двухметровой длины. Наконец, что также очень важно, большой промышленный штапелер.

На краю пустыни я остановился у торгового центра, украл пару номерных знаков и поставил их на свой фургон.

В семидесяти шести милях к западу от Лас-Вегаса я увидел первый оранжевый знак: **«ВПЕРЕДИ РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ. ПРОЕЗЖАЙТЕ НА СВОЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»**.

Еще через милю стоял тот знак, которого я ждал с... наверное, со дня смерти Элизабет, хотя тогда я этого еще не знал: **«ОБЪЕЗД 6 МИЛЬ ВПЕРЕДИ»**.

Почти совсем стемнело, когда я прибыл на место и изучил обстановку. Могло быть лучше, если бы планировать все заранее, но ненамного.

Объезд начинался с правого поворота между двумя холмами. Он походил на старую грунтовку, которую дорожное управление немного выправило и расширило, чтобы временно пропускать возросший транспортный поток. Объезд был обозначен мигающей стрелкой, которая питалась от аккумулятора в запертом стальном ящике.

Сразу за объездом, там, где шоссе поднималось по склону второго холма, его перегораживали два ряда дорожных конусов. Позади них (в расчете на таких идиотов, которые, во-первых, не заметили мигалки, а во-вторых, проехали по конусам, не обратив на них внимания, — думаю, бывают и такие водители) стоял громадный щит с аршинными буквами: **«ЗАКРЫТО. ОБЪЕЗД»**.

Однако *причина* объезда отсюда не была видна — просто замечательно. Я не хотел давать Долану ни малейшего повода учуять ловушку прежде, чем он в нее попадет.

Поспешно — не хотелось быть обнаруженным — я вышел из фургона и разбросал конусы, расчистив полосу, в которую мог проехать фургон. Я перетащил доску «ПРОЕЗД ЗАКРЫТ» направо, вернулся в машину и проехал это место.

Послышался звук приближающегося мотора.

Я быстренько расставил конусы по местам. Два из них выскользнули у меня из рук и покатались в кювет. Я побежал за ними. В темноте я споткнулся о камень, растянулся и тут же вскочил с грязью на лице и с расцарапанной до крови ладонью. Машина приближалась; скоро она появится на последнем подъеме перед объездом, и в свете верхних фар водитель увидит, как некто в джинсах и майке поправляет дорожные конусы, а его фургон стоит там, где не полагается находиться никому, кроме машин дорожного управления. Я поставил на место последний конус и побежал к знаку. Я перестарался. Доска шаталась и почти упала.

Когда на противоположном холме засветились огни машины, я внезапно решил, что это невадская полиция.

Знак вернулся на прежнее место — если не точно, то очень близко к нему. Я бегом припустил к машине и проехал до следующего подъема. Как только я там очутился, фары промелькнули на холме позади меня.

Видел ли он меня в темноте, с погашенными огнями?

Вряд ли.

Я сел на сиденье, закрыл глаза и ждал, чтобы сердце немного успокоилось. Это произошло, когда затих шум мотора машины, прокладывавшей себе путь по объездной дороге.

Я на месте — за объездом.

Пора приниматься за работу.

После подъема шоссе спускалось к длинному прямому участку. На двух третях этого участка дороги вообще не существовало — только кучки пыли и длинная, широкая полоса неразровненного гравия.

Остановятся ли они, увидев это? Повернут ли обратно? Или продолжают путь, не сомневаясь, что проехать можно, раз они не видели никаких запрещающих знаков.

Теперь слишком поздно об этом беспокоиться.

Я выбрал место метров за двадцать от начала ровного участка, но не доезжая полукилометра до того, где дорога была разрушена. Я съехал на обочину, обошел фургон и открыл заднюю дверцу. Вынул пару досок и ощупал оборудование. Потом остановился и поднял голову к холодным звездам пустыни.

— Мы пришли, Элизабет, — прошептал я им.

Мне показалось, что холодная рука потрепала меня по затылку.

Компрессор отчаянно стучал, а с отбойным молотком было еще хуже, но тут я ничего не мог сделать — только надеялся справиться с первым этапом работ до полуночи. Если бы это затянулось, мне пришлось бы туго, потому что бензина для компрессора было маловато.

Ладно. Не бери в голову, что кто-то услышит и удивится, какому идиоту вздумалось грохотать посреди ночи отбойным молотком; думай о Долане. Думай о сером «седан девиле».

Думай о траектории спуска.

Я сначала разметил края могилы, пользуясь мелом, рулеткой и цифрами, которые рассчитал мой приятель-математик. Получился прямоугольник метра два с половиной в ширину на четырнадцать в длину. В начале он был немного шире. В темноте этот очерченный участок меньше напоминал воронку, чем на миллиметровке, на которой приятель вчерне набросал схему. Скорее он походил на раструб в конце длинного, прямого дыхательного горла. «Хорошо проглотишь, милый», — подумал я и улыбнулся в темноте.

Я провел еще двадцать поперечных линий внутри фигуры, нарезая куски шириной сантиметров по семьдесят. Наконец я провел вертикальную черту от начала до конца и получил сетку из сорока двух почти правильных квадратиков примерно семьдесят на восемьдесят сантиметров каждый. Сорок третьим оказался лопатообразный раструб в конце.

Я закатал рукава, включил компрессор и приступил к квадрату номер один.

Работа шла быстрее, чем я рассчитывал, но медленнее, чем втайне мечталось — наверное, это всегда так? Лучше было бы использовать тяжелую технику, но это потом. Прежде всего следовало вырезать квадратики покрытия. Я не справился ни к полуночи, ни к трем ночи, когда в компрессоре кончился бензин. Это я предвидел и захватил сифон к баку фургона. Я даже открутил колпачок с бака, но, когда мне в ноздри ударил запах бензина, завинтил колпачок и лег плашмя в кузове фургона.

Хватит на сегодня. Не могу. Хотя я и работал в рукавицах, ладони у меня покрылись огромными волдырями, многие из которых начинали кровоточить. Все тело сотрясало от размеренного, каторжного ритма вибратора, а руки дрожали, словно спятившие палочки настройщика. Болела голова. Даже зубы ныли. Позвоночник будто засыпали толченым стеклом.

Я одолел двадцать восемь квадратиков.

Двадцать восемь.

Оставалось четырнадцать.

И это только начало.

«Никогда, — подумал я. — Это немыслимо. Непосильно».

Снова эта холодная рука.

«Да, милый. Да».

Звон в ушах немного ослаб; время от времени слышался звук приближающегося мотора... потом он ослабевал до жужжания справа, когда проезжавший сворачивал в объезд, выходя на петлю, которую дорожное управление проложило мимо ремонтируемого участка.

Завтра суббота... извините, сегодня. Сегодня суббота. Долан проедет в воскресенье. Времени нет.

«Да, милый».

Взрыв разорвал ее на кусочки.

Мою любимую разорвало на кусочки за то, что она рассказала в полиции правду о том, что видела, за то, что не дала себя подкупить, за смелость, а Долан до сих пор

разъезжает на своем «кадиллаке» и пьет шотландское виски двадцатилетней выдержки, сверкая «ролексом» на запястье.

«Надо», — подумал я и погрузился в глубокий сон, подобный смерти.

Проснулся я, когда уже рассвело, около восьми. Я присел и вскрикнул, прижимая трясущиеся руки к поясице. Работать? Вырезать еще четырнадцать кусков асфальта? Да я *ходить* не могу.

Но я мог ходить — и пошел.

Походкой немощного старца я добрался до ящика для перчаток и открыл его. Я достал флакон эмпирина, лежавший там на случай вот такого утра.

Чувствовал ли я себя в надлежащей форме? На самом деле?

Ну, что ж! Весьма забавно, правда?

Я выпил четыре таблетки, подождал, чтобы они усвоились, и с волчьим аппетитом набросился на завтрак из галет и сухофруктов.

Я посмотрел туда, где меня ожидали компрессор и отбойный молоток. Желтая краска на компрессоре, похоже, уже пузырилась на утреннем солнце. По обе стороны от него лежали аккуратно нарезанные кусочки асфальта.

Мне не хотелось идти туда и браться за отбойный молоток. Вспоминались слова Харви Блокера: «Ты никогда не станешь сильным, парень. Есть такие люди и растения, которые приживаются на солнце. Другие вянут и гибнут... Зачем тебе это нужно?»

«Ее разорвало на кусочки, — простонал я. — Я любил ее, а ее разорвало на кусочки».

Это, конечно, не сравнить с ободряющими воплями тысяч глоток типа «Вперед, Медведи!» или «Врежь им, рогатым!», но меня это сдвинуло с места. Я слил через сифон бензин из бака фургона, задыхаясь от вони, и только огромным усилием воли не вывернул обратно свой завтрак. Ненадолго меня озадачила мысль, что я буду

делать, если дорожники слили солярку из своих машин, прежде чем уйти на долгие выходные, но я быстро отогнал ее подальше. Не стоит думать о том, что не в моей власти. Все больше я ощущал себя так, словно вывалился из бомболока В-52 с зонтиком в руках вместо парашюта за спиной.

Я отнес канистру к компрессору и залил бензин в его бак. Пришлось помогать левой рукой, чтобы пальцы правой удержали рукоятку пускового шнура компрессора. Когда я потянул шнур, лопнули новые волдыри, и под шум заработавшего компрессора я почувствовал, как из моего кулака течет гной.

«Не делай этого!»

«Пожалуйста, милый».

Я подошел к отбойному молотку и включил его.

Хуже всего было первый час, а потом размеренный рокот молотка в сочетании с эмпирином, видимо, заставил замолчать все — спину, руки, голову. К одиннадцати я вырезал последний кусок асфальта. Настало время проверить, как я усвоил уроки Тинкера насчет запуска дорожных машин без ключа.

Я прошел, пошатываясь, к фургону и проехал полторы мили по дороге к тому месту, где работали ремонтники. То, что мне нужно, я увидел сразу: громадный ковшовый погрузчик «кейс-джордан» с навесным грейфером сзади. Колымага ценой 13 500 долларов. У Блокера я водил «катерпиллер», но это примерно то же самое.

Как я искренне надеялся.

Я залез в кабину и принялся изучать схему управления, нанесенную на рукоятке главного рычага. Выглядела она так же, как и на добром старом «кате». Я испытал ее пару раз. Сначала пошло туго, потому что камешки забились в коробку передач: парень, который водил эту штуковину, забыл поставить песчаные щитки, а мастер его не проверил. Блокер проверил бы. И оштрафовал бы водителя на пять зеленых, праздник там или нет.

Его глаза. Восхищение в них смешано с презрением. Что бы он сказал о такой работе?

Бог с ним. Некогда думать о Харви Блокере; думать надо об Элизабет. И Долане.

На стальном полу лежал кусочек мешковины. Я приподнял его в поисках ключа. Ключа, естественно, не было.

Внутри меня заговорил Тинк: «Дерьмо, эту штуку можно завести и так, бледнолицый. Ничего сложного. В легковушках-то есть замки зажигания, в новых по крайней мере, а здесь... Смотри сюда. Да нет, не туда, куда суют ключ, нет у тебя ключа, зачем ты лезешь в дырку для ключа? Вот сюда смотри. Видишь, висят проводочки?»

Я заглянул и увидел, что провода висят, именно такие, как мне показывал Тинкер: красный, синий, желтый и зеленый. Я счистил с них изоляцию на пару сантиметров и достал из заднего кармана моток проволоки.

«Ладно, бледнолицый, слушай сюда, потому как те два мы оставим на потом, понял? Соединяй красный и зеленый. Этого нельзя забыть, это как дважды два. Вот тебе и будет зажигание».

С помощью проволоки я соединил оголенные концы красного и зеленого проводов в схеме зажигания «кейс-джордана». Ветер пустыни тихонько подвывал, будто кто-то пытался сдуть пробку с бутылки газировки. Пот стекал по шее под рубашку, вызывая неприятную щекотку.

«Теперь остаются синий и желтый. Эти не скручивай; просто сведи их вместе и проверь, чтобы нигде не касался голого провода, а то, когда включишь, у тебя в заднице можно будет пить кипяток, понял, кореш? Синий и желтый запускают стартер. Отвали. Когда надоест играть, разведи красный и зеленый проводки. Это все равно что вынуть ключ, которого у тебя нет».

Я свел вместе синий и желтый провода. Сверкнула большущая желтая искра, я отскочил и ударился головой о металлический штырь на задней стенке кабины. Потом нагнулся и снова соединил их. Мотор заворчал, закашлял, и погрузчик резко дернуло вперед. Меня бросило на примитивную приборную доску, левой щекой я ударился

о рулевое колесо. Я забыл поставить чертову передачу на нейтраль и в результате чуть не лишился глаза. Мне показалось, что я слышу хохот Тинкера.

Я учел ошибки и попробовал еще раз. Мотор провернулся раз, другой. Он кашлянул, выпустив облако грязного дыма в воздух, — облако тут же унесло непрекращающимся ветром, а потом послышался нормальный стук. Я все убеждал себя, что машина не в идеальном состоянии — если человек ушел, не поставив песчаные щитки, он мог забыть все что угодно, но при этом утверждался в мысли, что они слили солярку, чего я и опасался.

И тут, когда я уже собирался плюнуть на все и поискать что-нибудь, годное для замера топлива в баке («все же лучше читать некролог с такими деталями, дорогая»), мотор вдруг ожил.

Я отпустил провода — голый конец синего уже дымился — и сбросил газ. Когда он заработал плавно, я поставил на первую передачу, развернулся и направился к длинному прямоугольнику, аккуратно вырезанному в полосе автострады.

Остаток дня я провел в долгом слепящем аду между ревущим двигателем и палящим солнцем. Водитель «кейс-джордана» забыл поставить песчаные щитки, но не забыл унести солнечный тент. «Что ж, старые боги иногда смеются, — подумал я. — Неважно, над чем. Просто смеются. И мне кажется, что чувство юмора у старых богов несколько извращенное».

Только к двум часам я сбросил все куски асфальта в кювет, потому что в свое время так и не научился толком обращаться с захватами. Действуя же ковшом, я мог только рубить куски надвое и затем стаскивать их в кювет руками. Я боялся, что если начну орудовать захватами, то поломаю их.

Расправившись с кусками асфальта, я вернул ковшовый погрузчик на место. Горючего оставалось мало, пришло время его слить. Я остановился у фургона, вынул шланг... и уставился, словно загипнотизированный, на большую

канистру с водой. Я отшвырнул сифон и полез под машину. Я лил воду себе на лицо, шею и грудь и вопил от удовольствия. Я знал, что если выпью воды, меня вырвет, но пришлось пить. Так что я пил, не вставая, и меня рвало, и я только высовывал голову, а потом отползал как можно дальше от этого места.

Затем я уснул и проснулся только в сумерках; где-то поблизости волк выл на молодой месяц, поднимавшийся в пурпурном небе.

В свете умирающего дня сделанный мной раскоп действительно напоминал могилу — могилу какого-то мифического великана. Голиафа, скажем.

«Никогда», — сказал я длинной дыре в асфальте.

«Пожалуйста», — прошептала Элизабет. — Пожалуйста... ради меня».

Я вынул из ящика для перчаток еще четыре таблетки эмпирина и проглотил их.

«Ради тебя», — согласился я.

Я подогнал «кейс-джордан» так, чтобы его бак был рядом с баком бульдозера, и ломом снес пробки с обоих баков. Водитель бульдозера из государственной конторы мог не опустить песчаные щитки на своей машине, но забыть запереть топливный бак, когда солярка стоит 1 доллар 05 центов за галлон? Никогда.

Я ждал, пока горячее из бульдозера перекачается в мой погрузчик, стараясь не думать, а только наблюдая, как все выше поднимается луна в небе. Через некоторое время я подъехал к дыре в асфальте и начал копать.

Управлять ковшовым погрузчиком под луной гораздо легче, чем орудовать отбойным молотком под палящим солнцем пустыни, но работа все равно шла медленно, потому что я твердо решил выдержать правильный уклон дна раскопа. Вследствие этого я то и дело прибегал к помощи плотницкого ватерпаса, который привез с собой. Это значило, что я останавливал ковш, спускался, замерял и снова залазил на сиденье. В общем-то ничего сложного, но к полуночи мое тело одеревенело и любое движение

вызывало боль в каждой кости и мышце. Хуже всего было спине; я начал опасаться, что там сделалось что-то непоправимое.

Но об этом — как и обо всем прочем — предстояло беспокоиться потом.

Вырыть яму глубиной в два с половиной метра, длиной в четырнадцать и шириной тоже в два с половиной, конечно, невозможно в принципе, есть у тебя экскаватор или нет, — с тем же успехом я мог бы пытаться забросить его в космос или обрушить на него Тадж-Махал. При таких размерах необходимо вынуть больше тридцати кубометров грунта.

— Нужно выкопать воронку так, чтобы она всосала твоих злых пришельцев, — говорил мой приятель-математик, — а потом создать наклонную плоскость, воспроизводящую траекторию спуска.

Он вынул новый лист миллиметровки.

— Это значит, что на твоих галактических мятежников — или кто они там такие — потребуется вынуть *наполовину меньше* грунта, чем показывают первоначальные расчеты. В этом случае... — он посчитал по таблицам и просиял. — Пятнадцать кубометров. Семечки. Под силу одному.

Я тоже так считал тогда, но не учитывал жару... волдыри... истощение... неотступную боль в спине.

Остановлюсь на минутку, не больше. Замерю уклон траншеи.

«Не так плохо, как ты думал, милый? По крайней мере, это дорожная насыпь, а не пустынная целина...»

По мере того как яма становилась глубже, я медленнее продвигался в длину. Ладони кровоточили, когда я брался за рычаги. Продавливать рычаг вперед, пока ковш не коснется земли. Отпустить этот рычаг и толкнуть другой, который приводит в действие ротор с могучим гидравлическим цилиндром. Наблюдать, как блестящий маслянистый металл выползает из грязного оранжевого корпуса, погружая ковш в грязь. То и дело выскакивает искра, когда лопата цепляет за твердую гальку. Теперь поднять ковш...

развернуть его на темной продолговатой стреле на фоне звезд (стараясь не замечать постоянной пульсирующей боли в шее так же, как не замечать еще более тягостной боли в спине)... и вывалить в кювет, засыпав сваленные там куски асфальта.

«Ничего, милый, ты перебинтуешь руки, когда с этим будет покончено. Когда с ним будет покончено».

— Ее разнесло на кусочки, — простонал я, вновь опуская ковш и вынимая еще сотню килограммов земли и гравия из могилы Долана.

Как быстро течет время, когда весело его проводишь.

Заметив первые проблески зари на востоке, я снова спустился с ватерпасом замерять наклон днища. Я уже был близок к концу; мне казалось, что я справлюсь. Я стал на колени и почувствовал, что в спине что-то сместилось. С легким треском.

Я отчаянно завопил и свалился набок на узком наклонном дне раскопа, закусив губу и прижав руки к пояснице.

Понемногу самая острая боль прошла, и я смог подняться на ноги.

«Ладно, — подумал я. — Вот и все. Конец. Я здорово постарался, но это конец».

«Пожалуйста, милый, — снова зашептала Элизабет; как ни поразительно, этот тихий голосок в моем сознании стал приобретать раздражающий оттенок: слишком чудовищно неумолим он был. — Пожалуйста, не сдавайся. Пожалуйста, продолжай».

«Продолжать копать? Я даже не уверен, что могу ходить!»

«Но осталось-то всего ничего! — захныкал голос — он больше не говорил от имени Элизабет, если он когда-либо это делал; это была сама Элизабет. — Совсем немного, милый!»

Я взглянул на свой раскоп в свете занимающегося дня и медленно кивнул. Она была права. Экскаватору оставалось до конца метра два с половиной, три от силы. Но это, конечно, были самые глубокие два-три метра, и уж точно — самые грязные.

«Ты можешь это сделать, милый, — я знаю, можешь», — мягкий, заискивающий голосок.

Но не ее голос убедил меня продолжать. Решила все представленная мной картина: Долан спит в своем бардаке, а я стою в этой дыре возле вонючего, рычащего экскаватора, весь в грязи, с ободранными коленями. Долан спит в шелковых пижамных штанах рядом с одной из своих блондинок в одной короткой рубашке.

Внизу, в отделанном зеркалами хозяйском отделении гаража, механик управляет и подкручивает уже загруженный «кадиллак».

«Ну ладно», — сказал я. Медленно пополз в кабину экскаватора и запустил двигатель.

Я продолжал до девяти часов, а затем перестал — надо было сделать еще кое-что, а времени оставалось мало. Моя яма с уклоном достигла тринадцати метров в длину. Этого должно хватить.

Я отогнал ковшовый погрузчик на место и припарковал его. Он мне еще понадобится, значит, придется опять сливать горючее, но сейчас на это не было времени. Захотелось принять эмпирина, но в бутылке оставалось немного, а он мне еще понадобится сегодня... и завтра. О да, завтра — в понедельник, славное Четвертое июля.

Вместо эмпирина я отдыхал пятнадцать минут. Хотелось больше, но я заставил себя расслабиться. Я лежал на спине в кузове фургона, испытывая страшную боль во всех мышцах и представляя себе Долана.

Сейчас он бросает в дипломат какие-то мелочи — срочные бумаги, туалетный набор, может быть, детектив или колоду карт.

«А вдруг он на этот раз полетит?» — прошептал злорадный голос где-то глубоко внутри, и я не смог удержаться — застонал. Он никогда раньше не летал в Лос-Анджелес — всегда ездил в «кадиллаке». По-моему, он не любил летать. Иногда, правда, ему приходилось это делать — в Лондон, например, и противная мысль не уходила, притаившись, вызывая зуд и биение крови, словно затянувшаяся кожа на порезе.

В девять тридцать я развернул рулон брезента, достал большой промышленный штапелер и деревянные стойки. Погода была безоблачная и чуть более прохладная — Бог иногда оказывает милость. До сих пор я забывал о своей лысине на фоне более ощутимых болей, но сейчас, прикоснувшись к ней пальцами, я отдернул их с болезненным шипением. Я глянул на нее в зеркало и обнаружил, что лысина приобрела угрожающе красный, чуть ли не сливовый оттенок.

А там, в Лас-Вегасе, Долан дает последние инструкции перед отъездом. Шофер выводит «кадиллак» на лужайку. Между нами всего каких-то сто двадцать километров, и вскоре «кадиллак» начнет сокращать это расстояние со скоростью сто километров в час. У меня не оставалось времени на причитания по своей обгоревшей лысине.

«Я люблю твою обгоревшую лысину, милый», — произнесла Элизабет рядом со мной.

«Спасибо, Бет», — ответил я и начал расставлять стойки над ямой.

Эта работа была более легкой по сравнению с раскопками, и почти невыносимая боль в спине свелась к размеренному ноющему биению.

«Но что делать дальше? — не унимался тот же провокационный голос. — Как насчет этого, а?»

Дальше посмотрим, как будет. Похоже, ловушка близилась к завершению, вот и все.

Стойки я расставлял по краям ямы, загоняя их на достаточную глубину в асфальт, образовывавший верхний слой моего раскопа. Ночью, когда асфальт твердый, делать это труднее, но сейчас, поздним утром, он размягчился, и стойки входили в него легко, как карандаши в остывшую присную массу.

Когда я расставил все стойки, яма приняла вид, совпадавший с моей разметкой мелом, кроме осевой линии. Я подтянул тяжелый рулон брезента к мелкому краю раскопа и убрал крепившие его веревки.

Затем развернул четырнадцать метров брезента вдоль шоссе №71.

Вблизи иллюзия не была полной — ведь декорации и убранство сцены никогда не производят должного впечатления с первых рядов. Но уже через несколько метров ничего нельзя было различить. Темно-серая полоса не отличалась по цвету от настоящей поверхности шоссе №71. На левом краю брезента (если смотреть в западном направлении) виднелась желтая разделительная линия.

Я натянул длинную полосу брезента на деревянную раму, а затем медленно пошел вдоль нее, пришивая материал к стойкам. Руки не хотели мне подчиняться, но я их уговорил.

Закрепив брезент, я вернулся в фургон, сел за руль (когда я садился, пришлось перебороть недолгий, но мучительный приступ боли) и вернулся к вершине холма. Там я сидел около минуты, рассматривая свои распухшие, израненные ладони. Потом вышел и небрежным взглядом окинул шоссе №71. Я не хотел, понимаете ли, присматриваться к деталям — для меня важна общая картина, образ, если хотите. Я хотел, насколько это возможно, увидеть всю сцену глазами Долана и его людей, когда они появятся на холме. Я должен был представить, насколько обычной — или необычной — она будет выглядеть для них.

То, что я увидел, оказалось гораздо лучше, чем я рассчитывал.

Дорожная техника в дальнем конце прямого участка объясняла, откуда взялись кучи земли возле моего раскопа. Куски асфальта были засыпаны в кювете. Некоторые, правда, торчали — поднявшийся ветер смел с них пыль, но это выглядело как остатки прежних дорожных работ. Компрессор, который я привез в кузове фургона, смотрелся вполне уместно рядом с другой техникой.

А полоса брезента отсюда создавала полную иллюзию, что никто не трогал шоссе №71 в этом месте.

Движение было очень сильным в пятницу и приличным в субботу — рокот моторов, выходявших на трассу объ-

езда, почти не прерывался. Однако этим утром движение почти прекратилось; люди либо добрались до тех мест, где собирались провести праздник, либо пользовались дорогой штата, которая проходила километров на семьдесят южнее. Меня это вполне устраивало.

Я поставил фургон так, чтобы его не заметили сверху, и полегал на животе до 10.45. Затем, после того, как огромный молоковоз медленно прогрохотал к объезду, я раскрыл дверцу фургона и побросал туда все дорожные конусы.

С мигалкой оказалось сложнее — сначала я вообще не представлял, как отключить ее от аккумулятора в запертом ящике так, чтобы меня самого не ударило током. Потом увидел разъем. Его закрывало толстенное резиновое кольцо со стороны мигалки... Разумная мера предосторожности от хулиганов и шутников, которым для развлечения пришло бы в голову вытащить вилку из гнезда на такой трассе, подумал я.

Я нашел в ящике молоток и стамеску и четырьмя сильными ударами сбил кольцо. Я отодрал его плоскогубцами и вытащил провод. Стрелка перестала мигать и погасла. Я столкнул ящик с аккумулятором в кювет и присыпал его. Странное ощущение — стоять рядом и слушать его жужжание из-под песка. Но тут я вспомнил о Долане, и мне стало смешно.

Не думаю, что Долан жужжит.

Вопить он может, но жужжать вряд ли.

Стрелка крепилась четырьмя болтами к невысокой стальной люльке. Я как можно быстрее отвинтил их, прислушиваясь к шуму моторов. Кто-то вполне мог появиться, но Долану, конечно, еще рановато.

Тут опять заговорил внутренний пессимист:

— А если он полетел?

— Он не любит летать.

— А если он поехал другой дорогой? Например, по шоссе штата? Сегодня все направляются туда...

— Он всегда ездит по 71-му шоссе.

— Да, но если...

«Заткнись, — прошипел я. — Заткнись, черт бы тебя побрал, закрой варежку!»

«Спокойно, милый, спокойно! Все будет как надо!».

Я швырнул стрелку в кузов фургона. Она ударилась о стенку, и несколько лампочек разбилось. Остальные добила брошенная вслед люлька.

Сделав все это, я вернулся на вершину холма и огляделся. Я убрал конусы и мигалку; оставался только большой оранжевый щит «ЗАКРЫТО. ОБЪЕЗД».

Послышался шум мотора. Мне пришло в голову, что, если Долан едет слишком рано, то все мои старания напрасны — шофер просто свернет в объезд, а я останусь сходить с ума тут, в пустыне.

Это был «шевроле».

Сердце у меня замерло, и я судорожно выдохнул. Но распускать нервы некогда.

Я спустился на место, где стоял раньше. Покопавшись в куче металла на дне кузова, достал домкрат. Не обращая внимания на боль в спине, я приподнял заднюю часть машины, ослабил гайки на одном колесе, чтобы они это увидели, когда (если) приблизятся, и зашвырнул его в кузов. Снова послышался звон битого стекла, и мне оставалось только надеяться, что шина цела. Времени на все это не было.

Я перешел к капоту, достал старенький бинокль и направил его в сторону объезда. Потом прошаркал на следующий подъем — иначе ходить к тому времени я уже не мог.

Добравшись до вершины, я направил бинокль на восток.

Поле зрения достигало пяти километров, участки дороги в сторону востока просматривались километра на три. Сейчас там двигались шесть машин, напоминая случайные капли на длинной веревке. Первой шла иномарка — «даун» или «субару», надо полагать, где-то чуть за километр впереди. За ней пикап, потом, видимо, «мустанг». Следующие машины нельзя было различить — они только отсвечивали хромом на ярком солнце.

Когда подошла первая машина — это была «субару», — я поднял руку. Я не рассчитывал, что меня кто-то

возьмется подвезти в таком виде, и не обманулся. Сидящая за рулем женщина с роскошной прической бросила на меня испуганный взгляд, и лицо ее приняло какое-то отстраненное выражение. Не снижая скорости, она съехала с холма и направилась в объезд.

Через полминуты водитель пикапа прокричал мне:

— Пойди умойся, парень!

«Мустанг» на самом деле оказался «эскортом». За ним шел «плимут», потом «виннебейго», который шумел так, будто в нем куча мала детишек дралась подушками.

Доланом и не пахло.

Я взглянул на часы. 11.25. Если он вообще появится, это должно быть очень скоро. Пора уже.

Стрелки моих часов медленно подползли к 11.40, а его все не было. Прошли только «форд» последней модели и катафалк, черный, как снежная туча.

«Он не появится. Он поехал по шоссе штата. Или полетел.

«Нет. Он будет здесь».

«Не будет. Ты боялся, что он тебя учует, вот и учуял. Поэтому и изменил маршрут».

Вдали снова мелькнули хромовые блики. Это была большая машина. Может быть, и «кадиллак».

Я лег на живот, упираясь локтями в гравий и приставив бинокль к глазам. Машина скрылась за подъемом... снова появилась... описала кривую... и опять исчезла.

Это действительно был кадиллак, но не серый — ядовито-зеленый.

Следующие тридцать секунд были самыми тяжелыми в моей жизни; казалось, они тянутся тридцать лет. Одна часть меня немедленно вынесла приговор, окончательный и обжалованию не подлежащий, что Долан сменил свой «кадиллак» на новый. Конечно, он недавно сделал это, и хотя раньше у него никогда не было зеленых машин, никакой закон этого не запрещает.

Другая половина отчаянно протестовала, утверждая, что все автострады и проселки между Лас-Вегасом и Лос-Анджелесом просто кишат «кадиллаками» и что шан-

сы на то, что зеленый «кадиллак» принадлежит Долану, один к ста.

Пот заливал мне глаза, и я снова воспользовался биноклем. Но он не помогал мне решить эту задачу. К тому времени, как я смогу различить пассажиров, будет слишком поздно.

«Уже слишком поздно! Иди сними знак объезда! Ты его упустишь!»

«Позвольте заметить, кого вы собираетесь загнать в вашу ловушку, сняв сейчас этот знак: богатую пожилую супружескую пару, которая направляется в Лос-Анджелес повидать детей и свозить внуков на прогулку в Диснейленд?»

«Давай! Это он! У тебя остается последний шанс!»

«Правильно. Последний. И нельзя его лишаться, убив посторонних людей».

«Это Долан!»

«Это не он!»

«Хватит, — простонал я, держась за голову. — Хватит. Перестаньте».

Уже слышался шум мотора.

«Долан».

«Старички».

«Старая леди».

«Тигр».

«Долан».

«Старая...»

— Элизабет, помоги! — завопил я.

«Милый, этот человек никогда в жизни не ездил в зеленом «кадиллаке». Конечно, это не он».

Боль в голове исчезла. Я смог встать на ноги и поднять руку.

Это были не старички — и не Долан. Похоже, в машину набилась дюжина хористок из Лас-Вегаса вместе с немолдым мужичком в ковбойской шляпе невероятных размеров и необычайно темных джинсах. Одна из девиц показала мне кукиш, пока зеленый «кадиллак» съезжал на объездную дорогу.

Медленно, совершенно опустошенный, я поднес бинокль к глазам.

И увидел его.

Несомненно, именно этот «кадиллак» показался из-за поворота на дальнем конце пустого участка дороги — серый, как небо над головой, он резко выделялся на фоне буроватых гор вокруг.

Это был он — Долан. Долгие минуты сомнений и нерешительности будто канули в вечность. Это был Долан, и не стоило вглядываться в серый «кадиллак», чтобы быть уверенным.

Не знаю, учуял ли он меня, но я его учуял.

Зная, что он едет, я смог бежать, несмотря на боль в ногах.

Я подбежал к щиту «ОБЪЕЗД» и свалил его в кювет надписью вниз. Накрыл его куском брезента песочного цвета и присыпал ножки песком. Так красиво, как с ложным отрезком шоссе, не получилось, но я решил, что сойдет.

Потом я побежал наверх, к тому месту, где покинул фургон, который теперь выглядел как один из элементов общей картины — машина, оставленная водителем, который куда-то ушел либо добывать новую шину, либо ремонтировать старую.

Я залез в кузов и лег на сиденье. Сердце бешено колотилось.

Снова время тянулось бесконечно. Я лежал, прислушиваясь к шуму мотора, а он все не появлялся, и не появлялся, и не появлялся.

«Они свернули. В последний момент он учуял твой запах... или что-то показалось ему подозрительным... и они свернули».

Я лежал на сиденье, испытывая долгие, медленные приступы боли в спине, плотно зажмурив глаза, будто это помогало лучше слышать.

Это мотор?

Нет — просто ветер, который настолько усилился, что швыряет пригоршни песка в стенки фургона.

«Нет его. Свернул или поехал назад».

Только ветер.

«Свернул или поехал об...»

Нет, это *не просто* ветер. Это мотор, звук его нарастает, и несколько секунд спустя машина — единственная машина — пронесется мимо меня.

Я присел, схватился за руль — за что-то я должен был схватиться — и уставился сквозь ветровое стекло выпученными глазами, прикусив язык.

Серый «кадиллак» спустился с холма на прямой участок на скорости восемьдесят километров или чуть больше. Тормозные огни не зажглись. Даже под конец. Они так ничего и не увидели, даже не представили себе.

Вот что произошло: долю мгновения «кадиллак», казалось, ехал *сквозь* шоссе, а не по нему. Иллюзия была столь полной, что на какое-то время у меня закружилась голова, хотя я же сам эту иллюзию и создал. «Кадиллак» Долана погрузился в шоссе №71 по ступицы колес, потом по дверные ручки. В голове сверкнула шальная мысль: если бы «Дженерал моторс» делала суперроскошные подводные лодки, то это выглядело бы именно так.

Слышались слабые щелчки, когда стойки, поддерживающие брезент, ломались под весом машины. До меня доносился треск рвущегося брезента.

Все это произошло за какие-то три секунды, но эти три секунды я буду помнить всю жизнь.

Казалось, у «кадиллака» теперь движутся только крыша и верхние десяток сантиметров окон из поляризованного стекла, а потом донесся мощный глухой стук и грохот бьющегося стекла и корежащегося металла. Огромное облако пыли поднялось в воздух, и ветер унес его в сторону.

Я хотел немедленно направиться туда, но сначала следовало восстановить объезд. Я не хотел, чтобы нам мешали.

Я обошел фургон и достал шину. Приставил ее на место и быстренько затянул пальцами шесть гаек. Как следует доделаю потом; пока мне требовалось только съехать к тому месту, где от шоссе №71 ответвлялся объезд.

Сняв домкрат, я на ватных ногах побежал обратно в кабину. Там я выждал с минуту, чутко прислушиваясь.

Я слышал только ветер.

А из длинной прямоугольной ямы на дороге доносился чей-то крик... или стон.

Ухмыляясь, я завел мотор.

Я быстро съехал вниз; фургон вилял из стороны в сторону, словно пьяный. Я вышел, открыл заднюю дверь и снова разбросал дорожные конусы. Я все время прислушивался к проезжающему транспорту, но ветер настолько усилился, что толку от этого было немного. К тому времени, когда я услышу приближающуюся машину, она только что не наедет на меня.

Я спустился в кювет, поскользнулся и съехал на дно. Отбросил песочного цвета брезент и вытащил здоровенный щит наверх. Водрузив его на место, я вернулся к фургону и захлопнул дверь. Водворять обратно мигалку я не собирался.

Я проехал до следующего подъема, остановился на прежнем месте, которое не просматривалось с объездной дороги, и хорошенько затянул гайки на заднем колесе, воспользовавшись на сей раз гайковертом. Крики прекратились, но стон теперь не вызывал сомнений: он слышался гораздо отчетливее.

Я не спеша затягивал гайки. Я не беспокоился о том, что они вылезут из машины и нападут на меня или убегут в пустыню, потому что выбраться они никак не могли. Ловушка сработала замечательно. «Кадиллак» прочно сидел всеми колесами в дальнем конце раскопа так, что в любую сторону оставалось не более десяти сантиметров зазора. Трое пассажиров могли открыть двери лишь настолько, чтобы просунуть ногу, не более того. Открыть окна они были не в состоянии, потому что те открывались с помощью гидравлического привода, а аккумулятор теперь представлял собой кучу обломков пластика, металла и разлитой где-то среди останков двигателя кислоты.

Водителя и стрелка, вероятно, тоже раздавило при падении, но меня это не волновало; я знал, что кто-то остался там живым, и знал, что Долан всегда ездил на заднем сиденье и пристегивал ремень, как положено законопослушным гражданам.

Гайки затянулись хорошо, я подогнал фургон к широкому, мелкому концу ловушки и остановился.

Большинство стоек исчезло, но обломки нескольких еще торчали из асфальта. Брезентовое полотно лежало на дне раскопа, сморщенное, изорванное и перекрученное, напоминая сброшенную змеиную кожу.

Я подошел к краю ямы и увидел «кадиллак» Долана.

Передняя часть была разбита вдрызг. Капот гармошкой вжался внутрь, приняв форму зазубренной лопатки вентилятора. Моторное отделение представляло собой клубок металла, резины и трубок, смешанных с песком и грязью, которые обвалились сверху при ударе. Откуда-то с шипением вытекал газ. Холодный пьянящий аромат антифриза витал в воздухе.

Меня беспокоило ветровое стекло. Я боялся, что оно вдавилось внутрь, оставив Долану достаточно места, чтобы попробовать выкарабкаться. Но все же я мало в это верил; как я говорил, машины Долана делались по стандартам, принятым для кровавых диктаторов и глав военных режимов. Стекло не должно было биться, и оно не билось.

Заднее стекло «кадиллака» было еще прочнее благодаря меньшей площади. Долан не мог выбить его — по крайней мере, за то время, какое я собирался ему предоставить, — и не осмелился бы прострелить его. Вообще-то стрельба в пуленепробиваемое стекло с близкого расстояния — это разновидность русской рулетки. Пуля оставит крохотную вмятину в стекле и рикошетом вернется в машину.

Я уверен, он нашел бы выход, дай ему достаточно времени, но я был там и не собирался ничего ему давать.

Я обрушил кучу камешков на крышу «кадиллака».

Ответ раздался немедленно.

— Нам нужна помощь, прошу вас. Мы застряли здесь.

Голос Долана. Он звучал бесстрастно и внешне спокойно. Но я ощущал там, внизу, ужас, который он изо всех сил сдерживал, и даже испытал какую-то жалость к нему, насколько был на это способен. Я представил, как он сидит на заднем сиденье сплющенного в лепешку «кадиллака», один из его людей ранен и стонет, видимо, придавленный блоком цилиндров, а другой то ли убит, то ли без сознания.

Представив все это, я на мгновение испытал ощущение, которое можно было бы назвать сочувствием запертому в клетку. Нажимаешь на оконные кнопки — ничего. Пробуешь двери, зная наперед, что они упрутся намертво задолго до того, как ты сможешь протиснуться.

Потом я отогнал от себя все эти картины, потому что он ведь сам это заслужил, правда? Вот именно. Сам купил билет и оплатил полную стоимость.

— Кто там?

— Я, — ответил я, — но я не тот, от кого ты ждешь помощи, Долан.

Я столкнул еще несколько камешков на крышу серого «кадиллака». Тут раненый снова начал стонать.

— Мои ноги! Джим, мои ноги!

В голосе Долана появилась настороженность. Тот, кто снаружи, тот, кто наверху, знает, кто он такой. Что означает чрезвычайно опасную ситуацию.

— Джимми, в моих ногах кости видны.

— Заткнись, — холодно произнес Долан. Странно все-таки слышать их голоса, восходящие подобным образом. Думаю, я мог бы спуститься и заглянуть в заднее окно «кадиллака», но вряд ли много увидел бы, даже прижавшись носом. Стекло ведь поляризовано, как я уже говорил.

Как бы там ни было, я не хотел его видеть. Я знал, как он выглядит. Зачем мне было его видеть? Проверить, носит ли он «ролекс» и джинсы от лучшего портного?

— Кто ты, парень? — спросил он.

— Никто, — ответил я. — Никто, имеющий достаточные основания загнать тебя туда, где ты есть.

И тут пугающе мгновенно Долан отреагировал:

— Ты Робинсон?

Удар прямо под дых. С такой скоростью он прокрутил массу полузабытых имен и лиц и остановился на нужном. Не я ли считал его примитивным животным со скотскими инстинктами? Да я и наполовину его не знал, и хорошо, что не знал, иначе никогда не отважился бы на то, что сделал.

Я произнес:

— Неважно, кто я. Но ты знаешь, что происходит, правда?

Раненый опять завелся — булькающий, захлебывающийся вопль:

— Забери меня отсюда, Джимми! Забери меня отсюда! Ради Господа Бога! У меня сломаны ноги!

— Заткнись, — повторил Долан. И мне: — Я тебя не слышу, друг, он так орет.

Я встал на четвереньки и закричал:

— Я говорю, ты знаешь, что...

Вдруг я представил себе Волка в платье Бабушки, который говорит Красной Шапочке: «Чтобы лучше слышать тебя, дорогая... подойди поближе». Я отскочил — и вовремя. Раздались четыре выстрела из револьвера. Там, где я стоял, они звучали очень громко; внутри машины, видимо, оглушительно. Четыре дырочки появились в крыше «кадиллака» Долана, и что-то пролетело в воздухе в сантиметре от моего лба.

— Я тебя достал, сволочь? — спросил Долан.

— Нет, — ответил я.

Раненый теперь не кричал, а плакал. Он был на переднем сиденье. Я видел, как его руки, бледные, словно у утопленника, еле касаются ветрового стекла, а рядом с ним лежит неподвижное обмякшее тело. Джимми должен был забрать его отсюда, он истекал кровью, боль ужасная, боль *страшная*, он не мог больше терпеть эту боль, Христа ради, он кается, искренне кается за грехи, но это больше, чем...

Еще два громких ответа. Крики с переднего сиденья прекратились. Руки упали с ветрового стекла.

— Вот, — произнес Долан почти задумчиво. — Ему больше не больно, а мы можем слышать друг друга.

Я ничего не сказал. Я был поражен до глубины души. Только что он убил человека. *Убил.* Ко мне вернулось ощущение, что я недооценивал его, несмотря на все предосторожности, и что я лишь чудом уцелел.

— Я хочу сделать тебе предложение, — сказал Долан, — и побыть еще недолго в мире.

Я молчал, пытаюсь успокоиться.

— Эй, ты! — Его голос слегка дрожал. — Если ты еще здесь, отвечай! Тебя что, убудет от этого?

— Я здесь, — отозвался я. — Я вот думаю, что ты выстрелил шесть раз. Может, последнюю пулю ты все-таки приберег для себя. А может, у тебя их восемь или есть запасные обоймы.

Теперь настала его очередь замолчать. Затем:

— Что ты собираешься делать?

— Думаю, ты уже догадался, — ответил я. — Последние тридцать шесть часов я копал самую большую в мире могилу и теперь намерен похоронить тебя в ней вместе с твоим вонючим «кадиллаком».

Он еще скрывал ужас в своем голосе. Я хотел, чтобы этот ужас прорвался.

— Может, сперва послушаешь мое предложение?

— Послушаю. Через пару секунд. Я еще должен кое-что сделать.

Я вернулся к фургону и достал лопату.

Когда я подошел к краю ямы, он кричал, словно в молчащую телефонную трубку:

— Робинсон! Робинсон! Робинсон!

— Я здесь, — сказал я. — Говори. Я послушаю. А когда закончишь, я сделаю тебе контрпредложение.

Когда он заговорил, голос его звучал веселее. Если я сделаю контрпредложение, значит, стану обсуждать сделку. А коль обсуждается сделка, значит, он на полпути к свободе.

— Предлагаю тебе миллион долларов, если ты меня выпустишь отсюда. Но, что не менее важно...

Я швырнул лопату земли на крышу «кадиллака». Камешки ударились в маленькое заднее окно и со звоном отскочили. Грязь забилась в щель крышки багажника.

— Что ты делаешь? — встревоженно спросил он.

— Ленивый делает работу дважды, — объяснил я. — Занимаюсь делом, пока слушаю тебя.

Я снова копнул грязь и сбросил новую лопату.

Теперь Долан заговорил быстрее, более напряженным голосом:

— Миллион долларов и моя личная гарантия, что тебя никто не тронет... ни я, ни мои люди, ничьи другие люди.

Руки у меня больше не болели. Это было восхитительно. Я работал в быстром темпе, и уже через пять минут задняя часть «кадиллака» была полностью засыпана землей. Забрасывать ее обратно, даже вручную, гораздо легче, чем вынимать.

Я остановился на секунду, опершись на лопату.

— Говори.

— Слушай, это же идиотизм, — сказал он, и теперь растерянность явственно ощущалась в его голосе. — Полный идиотизм.

— Ты совершенно прав, — согласился я и бросил еще лопату.

Он продолжал дольше, чем я считал способным любого человека говорить, убеждать, подлизываться, — но все бессвязнее по мере того, как все больше песка и глины насыпалось поверх заднего окна, все чаще повторяясь, перескакивая с одного на другое, то и дело заикаясь. Один раз дверца распахнулась и ударилась в стенку раскопа. Я увидел руку с черными волосами на запястье и рубиновым кольцом на безымянном пальце. Я быстро высыпал четыре лопаты в образовавшуюся щель. Отчаянно ругаясь, он захлопнул дверцу.

Вскоре он сломался. Видимо, до него дошло, что означает звук сыплющейся земли. Ну да, конечно. Внутри «кадиллака» он должен ощущаться гораздо сильнее. Комья

и камешки грохочут по крыше и пролетают мимо окна. Видимо, до него дошло, что он сидит в обитом кожей восьмицилиндровом гробу.

— Выпусти меня! — завопил он. — Пожалуйста! Я не выдержу! Выпусти меня!

— Ты готов принять контрпредложение? — спросил я.

— Да! Да! Господи! Да! Да! Да!

— Кричи. Вот мое контрпредложение. Вот чего я хочу. Кричи для меня. Если будешь кричать очень громко, я тебя выпущу.

Он пронзительно завопил.

— Неплохо! — искренне оценил я. — Но далеко еще до того, что нужно.

Я снова начал копать, швыряя лопату за лопатой на крышу «кадиллака». Комья осыпались по ветровому стеклу, заполняя щель между ним и дворниками.

Он снова заорал, еще громче, заставив меня гадать, может ли человек так вопить и не порвать гортань.

— Очень неплохо, — заметил я, удваивая усилия. Я улыбался, несмотря на боль в спине. — Ты можешь выбраться, Долан, — действительно можешь.

— Пять миллионов. — Это были последние связные слова, которые я услышал от него.

— Нет, — ответил я, наклонившись над лопатой и отирая пот со лба запястьем грязной руки. Теперь земля покрывала машину почти по крышу. Похоже было на взрыв сверхновой... или на то, что огромная коричневая рука зажала «кадиллак» Долана. — Но если ты мог бы издать звук такой же силы, как, скажем, девять шашек динамита, прикрепленные к системе зажигания «шевроле» 1968 года, то я мог бы выпустить тебя, и ты вправе на это рассчитывать.

Итак, он вопил, а я засыпал землей «кадиллак». Какое-то время он действительно орал очень громко, хотя, по-моему, ни разу не выходило больше чем на две шашки динамита, прикрепленные к системе зажигания «шевроле» 1968 года выпуска. Ну на три максимум. А к тому времени, как я засыпал последний молдинг на «кадиллаке» и оста-

новился, чтобы взглянуть на прикрытый грязью горб посреди ямы, он мог издавать только какие-то хрипы и обрывки ругательств.

Я проверил время. Час дня с чем-то. Руки у меня снова кровоточили, и черенок лопаты сделался скользким. Порыв ветра насыпал мне в глаза пригоршню песка, и я отшатнулся. Сильный ветер в пустыне производит крайне неприятный звук — угрюмое жужжание, которое никогда не прекращается. Похоже на голос привидения-недоумка.

Я склонился над ямой.

— Долан?

Молчание.

— Кричи, Долан.

Сначала никакого ответа — потом поток грубой ругани.

— Отлично!

Я вернулся к фургону, завел его и проехал полторы мили до места, где стояла дорожная техника. По пути я включил WKXR из Лас-Вегаса — единственную радиостанцию, которую принимал приемник в моей машине. Барри Манилов рассказывал, что он сочиняет песни, которые поет весь мир, — утверждение, к которому я отнесся с некоторой долей скепсиса, а потом передали прогноз погоды. Ожидался сильный ветер; водителей на основных трассах между Лас-Вегасом и Калифорнией призывали к осторожности. Видимость может ухудшиться из-за песчаных заносов, сказал диск-жокей, но чего действительно следует опасаться, так это резких порывов ветра. Я понимал, о чем он говорит, потому что они действительно раскачивали фургон.

Вот и мой ковшовый погрузчик «кейс-джордан», — я уже считал его своим. Я влез в кабину, напевая мелодию Барри Манилова, и снова свел синий и желтый проводки. Погрузчик завелся сразу. На сей раз я не забыл снять передачу. «Неплохо, белый, — раздался у меня внутри голос Тинка. — Кое-что усвоил».

Да, именно так. Я все время усваиваю.

С минутку я посидел, рассматривая катившиеся по пустыне барашки песка, прислушиваясь к ворчанию двигателя и размышляя, что там подделывает Долан. В конце концов, это был его Великий Шанс. Попытаться разбить заднее стекло или перебраться на переднее сиденье и попробовать выбить ветровое стекло. Я засыпал и то, и другое песком и глиной где-то на полметра, но попытаться можно. Это зависело от того, в какой степени он спятил к данному моменту, а этого я не знал и потому не особенно беспокоился. Волновали меня другие вещи.

Я поставил погрузчик на скорость и направился по шоссе к траншее. Добравшись туда, я побежал и заглянул в яму, втайне опасаясь увидеть спереди или сзади засыпанного «кадиллака» дыру размером с человека, через которую выбрался Долан.

Мои земляные работы были не тронуты.

— Долан, — позвал я достаточно твердым, как я надеялся, тоном.

Ответа не было.

— Долан!

Молчание.

«Он застрелился, — подумал я, испытывая горькое разочарование. — Застрелился или умер от страха».

— Долан?

Из могилы донесся хохот — громкий, неудержимый, самый настоящий хохот. У меня мороз пошел по коже. Так смеется человек, который лишился разума.

Он все хохотал своим хриплым голосом. Потом заорал и снова начал смеяться. Наконец, он стал делать и то и другое сразу.

Некоторое время я смеялся вместе с ним, а может быть, плакал, а ветер смеялся и плакал над нами обоими.

Потом я вернулся в «кейс-джордан», опустил ковш и принялся засыпать его по-настоящему.

Четыре минуты спустя нельзя было даже различить форму «кадиллака». Оставалась просто яма, полузасыпанная землей.

Мне казалось, будто я что-то слышу, но из-за ветра и рева двигателя в этом нельзя было быть уверенным. Я встал на колени, потом лег на землю, приложив ухо к тому, что осталось от ямы. Глубоко внизу, под двумя метрами земли, Долан все еще смеялся. Звуки напоминали междометия в комиксах: «Хи-хи-хи, а-ах-ха-ха». Может, были и какие-то слова. Трудно сказать. Тем не менее я смеялся и кивал.

— Кричи, — шептал я, — кричи, если хочешь. — Но вскоре этот слабый смех, просачивавшийся из-под земли, подобно ядовитым испарениям, исчез.

Меня вдруг охватил ужас — Долан позади меня! Да, каким-то образом Долан оказался позади! И не успею я обернуться, как он сбросит *меня* в яму и...

Я вскочил и развернулся, пытаюсь сжать израненные руки в кулаки.

Ветер швырнул мне в лицо пригоршню песка.

Больше ничего.

Я вытер лицо грязной рубашкой, вернулся в кабину погрузчика и продолжил работу.

Задолго до темноты я заполнил выемку. Даже осталось немного земли, хотя много ее и разнес ветер, из-за объема, занятого «кадиллаком». Дело шло быстро... так быстро...

Мысли у меня путались в какой-то горячке, когда я уводил погрузчик обратно, проехав точно над местом, где похоронил Долана.

Я поставил погрузчик на прежнее место, снял рубашку и протер все металлические детали в кабине, пытаюсь уничтожить отпечатки пальцев. Не знаю точно, зачем я это сделал, поскольку отпечатки, конечно остались в сотне других мест на площадке. Затем в глубоком коричневатом мраке этих грозовых сумерек я вернулся в фургон.

Я открыл заднюю дверцу, увидел скорчившегося там Долана и с воплем отскочил, закрывая лицо одной рукой. Мне казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди.

Ничто — никто не появился. Ветер со стуком захлопнул дверь, словно последнюю ставню дома с привидениями. Наконец я вполз туда с бешено колотящимся сердцем

и осмотрелся. Ничего там не было, кроме разной ерунды, которую я набросал туда — дорожной мигалки с разбитыми лампочками, домкрата, ящика с инструментами.

— Надо держать себя в руках, — тихо произнес я. — Держать себя в руках.

Я ждал, что Элизабет скажет: *«Все будет в порядке милый»*... что-нибудь вроде этого... но ничего не услышал, кроме ветра.

Я пошел в кабину, завел мотор и подъехал к раскопу. Дальше не мог заставить себя двинуться. Хотя я сознавал, какая это несусветная глупость, во мне крепло убеждение, что Долан сидит в фургоне. Я не отрывал глаз от зеркала заднего вида, пытаюсь различить его тень.

Ветер все крепчал, сильно раскачивая фургон. Пыль пустыни, которую он гнал перед собой, в свете фар походила на дым.

Наконец, я съехал на обочину, вышел и запер все двери. Я знал, что спать вне машины — сумасшествие, но спать внутри фургона не мог. Просто не мог. И я заполз под фургон в спальном мешке.

Через пять секунд после того, как застегнул молнию, я спал мертвым сном.

Проснувшись от кошмара, который не помню — только руки, хватавшие меня за горло, — я обнаружил, что заживо похоронен. У меня был песок в носу, в ушах. Песок в горле душил меня.

Я завопил и подскочил, уверенный, что заключен не в спальном мешке, а в земле. Тут я ударился головой о днище машины, и на меня посыпались хлопья ржавчины.

Я выполз наружу и увидел зарю цвета закопченной церковной кружки. Спальный мешок улетел, словно перекати-поле, как только перестал испытывать мой вес. Я вскрикнул от удивления и бежал за ним метров десять, пока не сообразил, что совершаю чудовищную ошибку. Видимость не превышала десяти метров от силы. Дороги местами вообще не было видно. Я оглянулся на фургон:

он казался размытым, словно сделанная сепией фотография призрачного города.

Я заковылял к нему, вынул ключ и открыл. Я все еще выплевывал песок, и меня сотрясал сухой кашель. Я завел мотор и медленно доехал до прежнего места. Мне не требовался прогноз погоды: все, о чем утром говорил диск-жокей, сбылось. Самая сильная песчаная буря за всю историю Невады. Все дороги закрыты. Оставайтесь дома, если только у вас нет крайней необходимости выехать, и в этом случае тоже оставайтесь.

Славное Четвертое июля.

«Останься. Ты сумасшедший, если собираешься уехать отсюда. Тебе засыплет глаза песком».

Я обязан использовать этот шанс. Замечательная возможность навсегда замести следы — в самых воспаленных видениях мне не являлось такой, но вот она есть, и я ею воспользуюсь.

Я достал три или четыре одеяла, оторвал от одного из них длинную широкую полосу и закрутил вокруг головы. Похожий на спятившего бедуина, я вылез наружу.

Все утро я сносил куски асфальта из кювета и складывал их поверх траншеи, стараясь делать это как можно точнее, будто каменщик, выкладывающий стену... или замуровывающий нишу. Носить было не особенно трудно, но каждый кусок мне приходилось выискивать, будто археологу, и каждые двадцать минут я прибегал в фургон, чтобы стряхнуть песок и промыть слезящиеся глаза.

Я медленно продвигался на запад от бывшего мелкого конца раскопа и к двенадцати — я начал в шесть — мне оставалось метров шесть. Ветер начал стихать, и кое-где уже различались обрывки синего неба.

Я носил и складывал, носил и складывал. Теперь я оказался над местом, где, по моим расчетам, находился Долан. Жив ли он еще? Сколько кубометров воздуха может удерживать «кадиллак»? Сколько понадобится времени, пока этот объем не сможет больше поддерживать человеческую жизнь, учитывая, что оба спутника Долана не дышат?

Я присел на корточки. Ветер присыпал следы от шин «кейс-джордана», но полностью их не стер; где-то под этими трудно различимыми отгисками находился человек, который носил «ролекс».

— Долан, — дружески крикнул я, — я изменил свои планы и решил выпустить тебя.

Ничего. Никаких звуков. На сей раз точно мертв.

Я отошел за новым куском асфальта. Положив его и разгибаясь, я услышал, как из-под земли просачивается слабый, кудахчущий смех.

Я упал на землю лицом вниз — если бы у меня еще были волосы, они свалились бы на лицо — и некоторое время оставался в таком положении, прислушиваясь к его смеху. Звук доходил глухой, ровный.

Когда он прекратился, я пошел за следующим куском асфальта. На этом была желтая разделительная полоса, походившая на большое тире. Я опустился на колени.

— Ради Бога! — закричал он. — Ради Бога, Робинсон!

— Да, — с улыбкой произнес я. — Ради Бога.

Я точно подогнал этот кусок асфальта к соседнему и, сколько ни прислушивался, больше ничего не услышал.

В одиннадцать вечера я вернулся в свою квартиру в Лас-Вегасе. Я проспал шестнадцать часов, встал, пошел на кухню сварить кофе и свалился на пол, корчась от чудовищной боли в спине. Одной рукой я держался за поясницу, а другую прикусил зубами, чтобы заглушить собственные вопли.

Через некоторое время я пополз в ванную — раз я пробовал встать, но это вызвало новый жесточайший приступ — и, цепляясь за раковину, дотянулся до флакона эмпирина в аптечке.

Я сжевал три таблетки и открыл кран. Пока ванна наполнялась, я лежал на полу. Потом стянул пижаму и каким-то образом залез внутрь. В ванне я пролежал пять часов, в основном продремал. После ванны я мог ходить.

Немного.

Я пошел к ортопеду. Он сказал, что у меня смещены три диска и серьезное искривление нижней части позво-

ночника. Он пытался выяснить, не тренировался ли я, чтобы стать цирковым силачом.

Я ответил, что получил это, копаясь в саду.

Он направил меня в Канзас-Сити.

Я поехал.

Мне сделали операцию.

Когда анестезиолог поднес к моему рту резиновую маску, из ее шипящей черноты до меня донесся смех Долана, и я понял, что умру.

Реанимационная была выложена водянисто-зеленой плиткой.

— Я жив? — простонал я.

Фельдшер рассмеялся:

— О, да. — Он коснулся моей брови — брови, которая занимала всю верхнюю часть головы. — Ну и ожог же у вас! Боже милостивый! Болит или вы еще не отошли?

— Еще под наркозом, — ответил я. — Я что-нибудь болтал?

— Да, — сообщил он.

Я весь похолодел. До мозга костей.

— Что я говорил?

— Вы говорили: «Тут темно. Выпустите меня!» — И снова рассмеялся.

— Ну-ну, — сказал я.

Его так никогда и не нашли — Долана.

Была буря. Мое счастье — буря. Я уверен, что знаю, в чем дело, хотя, как вы понимаете, никогда не пытался проверить.

ЗП — помните? Они производили замену покрытия. Буря почти целиком занесла участок шоссе №71, закрытый из-за объезда. Когда они вернулись на работу, они не стали убирать сразу все заносы, а только по мере продвижения вперед, — а зачем иначе? Движение им не мешало. Поэтому они одновременно сметали песок и снимали старое покрытие. А если оператор бульдозера и заметил, что занесенный песком асфальт на одном участке — метров пятнадцать длиной — ломается под лезвием его

лопаты на куски правильной, почти геометрической формы, то он никому об этом не сказал. Может, он был в подпитии. Или просто размышлял о том, как вечером пойдет гулять со своей красоткой.

Потом самосвалы навалили кучи гравия, за ними пришли разбрасыватели и катки. После этого появились громадные асфальтовозы с широкими раструбами сзади и запахом горячей смолы, так похожей на расплавленный столярный клей. А когда засох свежий асфальт, пошла разметочная машина, водитель которой под большим брезентовым тентом поминутно оглядывается назад, чтобы убедиться, что прерывистая желтая черта проходит идеально прямо, и ему невдомек, что он проезжает над серым «кадиллаком» с тремя людьми внутри, он понятия не имеет, что в глубине находятся рубиновое кольцо и золотой «ролекс», который, возможно, еще идет.

Над обыкновенным «кадиллаком» одна из этих тяжелых машин обязательно провалилась бы — просела, хрустнула, и набежала бы толпа поглядеть, что — или кого — нашли. Но это был скорее танк, чем автомобиль, и сама предусмотрительность Долана пока что не дает его найти.

Рано или поздно «кадиллак», конечно, осядет под весом проходящего транспорта, и водитель следующей машины увидит большой провал в западной полосе трассы, сообщит в дорожное управление, и начнется новая ЗП. Но если работники управления сами не будут свидетелями и не заметят, что большой вес проезжавшего грузовика вызвал сжатие какого-то полого предмета под полотном дороги, они скорее всего решат, что «болотная дыра» (так они это называют) вызвана то ли морозом, то ли обвалившимся соляным куполом, а то и землетрясением. Залатают дыру, и жизнь пойдет дальше.

Его объявили безвестно отсутствующим — Долана.

Мало кто проливал слезы.

Обозреватель «Лас-Вегас сан» предположил, что он играет в домино или плавает в бассейне вместе с покойным гангстером Джимом Хоффа.

Может, он и недалеко от истины.

Со мной все в порядке.

Спина у меня почти не болит. Мне строго запрещено поднимать тяжести весом больше пятнадцати килограммов, но у меня в этом году замечательный третий класс, и все, что нужно, у меня есть.

Я несколько раз проезжал по этому участку шоссе в своей новой машине «акура». Раз даже остановился, вышел и (осмотревшись по сторонам, не едет ли кто) пописал как раз на том самом месте. Но вышло совсем немного, хотя пузырь был переполнен, а на дальнейшем пути я не отрывался от зеркала заднего вида: почему-то я вбил себе в голову, что он вот-вот встанет за моей спиной, с кожей, высохшей до цвета лимонной корки и натянутой на черепе, как у мумии, с волосами, засыпанными песком, сверкая глазами и часами «ролекс».

Это был последний раз, когда я ездил по шоссе №71. Теперь, если мне надо на запад, я пользуюсь автострадой штата.

А Элизабет? Как и Долан, она замолчала. Для меня это большое облегчение.

ПОСВЯЩЕНИЕ

За углом, поодаль от швейцаров, лимузинов, такси и вращающихся дверей главного входа в один из старейших и крупнейших отелей Нью-Йорка — «Пале», есть другой вход — маленький, ничем не отмеченный и ничем в общем не примечательный.

Однажды утром Марта Роузволл вошла в него в четверть восьмого с широкой улыбкой на лице и с простенькой синей холщовой сумкой в руке. Сумка была самая что ни на есть обыкновенная, чего нельзя сказать об улыбке. Она была довольна работой — место главной горничной на десятом, одиннадцатом и двенадцатом этажах «Пале» кому-то может показаться неинтересным и малооплачиваемым, но для женщины, которая провела детство в Вавилоне, штат Алабама, и носила платья, сшитые из мешков из-под муки и риса, оно выглядело привлекательным и оплачиваемым весьма неплохо. Но кем бы человек ни работал — механиком или кинозвездой, — обычным утром он приходит на свое место с обычным выражением на лице; на нем написано: *«Я еще толком не проснулся»*, и ничего более. Для Марты Роузволл, однако, это утро было не совсем обычным.

Необычное для нее началось вчера под вечер, когда она вернулась домой и нашла долгожданную бандероль, присланную сыном из Огайо. Этой ночью она спала урывками — то и дело вскакивала и проверяла, не сон ли это и не исчезло ли то, что пришло. Наконец она уснула с той вещью под подушкой, словно невеста с кусочком свадебного пирога.

Теперь Марта открыла своим ключом маленькую дверь за углом от главного входа и поднялась по трем ступенькам в длинный коридор, покрашенный зеленой краской и уставленный тележками для белья. Они были доверху набиты свежевystираным и выглаженным постельным бельем. Коридор был полон этим запахом чистоты, который в сознании Марты как-то странно ассоциировался с запахом свежвыпеченного хлеба. Откуда-то доносился слабый отзвук музыки из автомата, но Марта обращала на него не больше внимания, чем на гудение служебных лифтов или звон посуды на кухне.

В середине коридора была дверь с табличкой «ГЛАВНЫЕ ГОРНИЧНЫЕ». Она зашла, повесила пальто и оказалась в большом помещении, где главные — их было всего одиннадцать — пили кофе, решали вопросы снабжения и пытались одолеть бесконечные горы бумаг. Позади этого помещения с огромным столом, доской объявлений во всю стену и вечно переполненными пепельницами находилась раздевалка. Стены ее были выложены зелеными стеклоблоками. Там были скамьи, шкафчики и две длинные штанги с накрепко приваренными вешалками.

Дверь в дальнем конце раздевалки вела в душевую. Она распахнулась, и в облаке горячего пара появилась Дарси Сагамор в пушистом купальном халате. Увидев сияющее лицо Марты, она с радостным смехом бросилась обнимать ее.

— Пришло, да? — воскликнула она. — Ты получила! У тебя на лице написано! Да, сэр, да, мэм!

Марта и не подозревала, что собирается заплакать, — слезы сами навернулись на глаза. Она обняла Дарси, уткнувшись лицом в ее влажные черные волосы.

— Все в порядке, дорогая, — приговаривала Дарси. — Успокойся.

— Просто я так горжусь им, Дарси, — так чертовски горжусь.

— Конечно. Поэтому ты плачешь, и это прекрасно... но я хочу посмотреть, как только ты перестанешь. — Она

усмехнулась. — Хотя нет, поддержи при себе. А то ты в таком состоянии, что можешь мне выколоть глаза.

Итак, с почтительностью, приличествующей святой реликвии (каковой, по мнению Марты, он и был), она извлекла первый роман своего сына из синей холщовой сумки. Она обернула его в папиросную бумагу и прикрыла своим коричневым нейлоновым халатом. Теперь она осторожно сняла бумагу так, чтобы Дарси могла видеть сокровище.

Дарси внимательно осмотрела обложку, на которой были изображены три морских пехотинца — один из них с забинтованной головой, — которые, паля из винтовок, штурмовали высоту. Название пламенно-оранжевыми буквами гласило: «Сияние славы». А внизу страницы: «Роман. Питер Роузволл».

— Ладно, это хорошо, это чудесно, а теперь покажи мне другое! — сказала Дарси тоном женщины, которая спешит покончить с просто интересным и перейти к самому интересному.

Марта кивнула и решительно открыла форзац, где Дарси прочла: «Посвящаю эту книгу моей матери, **МАРТЕ РОУЗВОЛЛ**. Мама, без тебя я бы этого не сделал». Под печатным посвящением была приписка от руки тонким, с наклоном, несколько старомодным почерком: «И это правда. Я люблю тебя, мама! Пит».

— Разве не в этом вся соль? — спросила Дарси, смахивая слезу тыльной стороной ладони.

— Это больше, чем соль, — ответила Марта. Она старательно обернула книгу. — Это правда. — Она улыбнулась, и в этой улыбке старая подруга Дарси Сагамор увидела нечто большее, чем любовь. Она увидела торжество.

Окончив работу в три часа, Марта и Дарси частенько заходили в «Ла патиссери» — кафе при отеле. В редких случаях они заглядывали в «Пятерку» — бар рядом с вестибюлем — выпить чего-нибудь покрепче, и сегодня уж точно был повод для «Пятерки». Дарси усадила подругу за столик с полным блюдом печени, а сама затеяла

разговор с барменом Реем. Марта видела, как он улыбнулся Дарси, кивнул и сложил колечком большой и указательный пальцы на правой руке. Дарси с удовлетворенным видом вернулась за столик. Марта подозрительно взглянула на нее.

— Зачем это все?

— Увидишь.

Через пять минут Рей подошел к ним и поставил на стол серебряное ведерко для шампанского с бутылкой «перье-жуэ» и два фужера со льдом.

— Ну и ну! — произнесла Марта то ли встревоженно, то ли смеясь и с удивлением взглянула на Дарси.

— Тихо, — отрезала та, и Марта замолчала.

Рей открыл бутылку, положил пробку рядом с Дарси и налил немного ей в фужер. Дарси подмигнула Рею.

— Наслаждайтесь, дамы, — сказал Рей и поцеловал Марту в щеку. — И передай мальчику мои поздравления, дорогая. — Он отошел от Марты, которая до сих пор не пришла в себя от изумления.

Дарси наполнила оба фужера и подняла свой: Помедлив, Марта сделала то же самое. Фужеры тихо звякнули.

— За начало карьеры твоего сына, — провозгласила Дарси, и они выпили.

Дарси снова чокнулась с Мартой.

— И за самого мальчика, — добавила она.

Выпили снова, и только третий тост удалось произнести Марте:

— И за материнскую любовь. Аминь, дорогая, — заключила Марта; губы ее улыбались, но не глаза. За первые два тоста она отпивала немножечко шампанского. На этот раз она осушила фужер до дна.

Дарси взяла бутылку шампанского, чтобы должным образом отметить успех Питера Роузволла со своей лучшей подругой, но не только с этой целью. Ее заинтриговали слова Марты: *«Это больше, чем соль, это правда»*. И выражение торжества на ее лице.

Она подождала, пока Марта справится с третьим фужером шампанского, а потом спросила:

— Что ты имела в виду насчет посвящения, Марта?

— Что что?

— Ты сказала, что это не просто соль, это правда.

Марта долго молча смотрела на нее, и Дарси уже решила, что вообще не получит ответа. Потом рассмеялась так печально, что Дарси почувствовала себя задетой. Она понятия не имела, что веселая маленькая Марта Роузволл может быть такой печальной, хотя жизнь у нее и складывалась нелегко. Но эта нотка торжества все же звучала беспокойным контрапунктом.

— Его книга станет бестселлером, и критики будут ее облизывать, как мороженое, — сказала Марта. — Я в это верю, но не потому, что Пит так говорит... хотя он, конечно, это говорит. Я верю, потому что это произошло с *ним*.

— С кем?

— С отцом Питера, — ответила Марта. Она сложила руки на столе и умиротворенно взглянула на Дарси.

— Но... — Дарси раскрыла рот и тут же умолкла.

Джонни Роузволл, конечно, в жизни своей никаких книг не писал. Он вряд ли был способен написать что-нибудь, кроме матюков на заборе. Что же такое Марта говорит...

«Не бери в голову глупостей, — сказала себе Дарси — Ты прекрасно понимаешь, что она говорит: она могла быть замужем за Джонни, когда забеременела, но отцом ребенка был кто-то с более высоким интеллектом».

Но что-то тут не вязалось. Дарси никогда не видела Джонни, но смотрела с десяток его фотографий в альбоме Марты и хорошо знала Пита — настолько хорошо, что в выпускных классах школы и на первых курсах колледжа могла отчасти считать его своим сыном. А физическое сходство между мальчиком, который столько времени проводил у нее на кухне, и мужчиной на снимках...

— Да, Джонни был *биологическим* отцом Пита, — сказала Марта, будто читала ее мысли. — Стоит только посмотреть на его нос и глаза. Но он не был *истинным*... Еще шипучки? Так хорошо идет. — Теперь, когда Марта

выпила, в ее голосе явственно слышался южный акцент — будто игравший в жмурки малыш выползал из укрытия.

Дарси долила почти весь остаток шампанского в фужер Марты. Марта подняла его за ножку, рассматривая жидкость; ей нравилось, как слабый сумеречный свет становится в ней золотым. Потом немного отпила, поставила фужер и снова рассмеялась этим печальным, переливчатым смехом.

— Никак не поймешь, о чем я говорю, да?

— Нет, дорогая.

— Так вот, я тебе расскажу, — решила Марту. — После всех этих лет я должна кому-то открыться — именно теперь, раз уж он издал книгу после стольких лет подготовки. Ясное дело, ему я рассказать не могу. Но, в конце концов, удачливые сыновья никогда не понимают, как их любят матери и на какие жертвы идут, правда?

— Наверно, — согласилась Дарси. — Марта, дорогая, ты подумай, стоит ли тебе это все рассказывать...

— Нет, у них нет ключа, — произнесла Марта, и Дарси поняла, что подруга не слышала ни одного ее слова. Марта Роузволл находилась в своем собственном мире. Когда она снова взглянула на Дарси, в уголках ее рта появилась слабая улыбка, которая Дарси не особенно понравилась.

— Нет ключа, — повторила она. — Если хочешь знать, что на самом деле означает это *посвящение*, лучше спросить мать. А *ты* как думаешь, Дарси?

Но Дарси только покачала головой, не зная, что ответить. Марта кивнула, как будто Дарси целиком согласилась с ней, и начала рассказывать.

Ей не нужно было напоминать основные факты. Женщины работали вместе в «Пале» одиннадцать лет и почти все это время дружили.

Самые основные факты, сказала бы Дарси (по крайней мере, до того дня в «Пятерке»), были следующие: Марта вышла замуж за отнюдь не самого лучшего мужчину, который гораздо больше интересовался выпивкой и нар-

котиками, не говоря уже о случайных юбках, чем женщиной, на которой женился.

Марта находилась в Нью-Йорке всего несколько месяцев до того, как встретила его, — просто ребенок в темном лесу, — и была беременна уже два месяца, когда заметила это. Как бы там ни было на самом деле, не раз говорила она Дарси, все равно она хорошенько подумала, прежде чем пошла за него. Она была ему благодарна за то, что он оставался с ней (даже тогда она прекрасно понимала, сколько мужчин безвозвратно исчезали через пять минут после того, как юное создание произнесло слова «я беременна»), но прекрасно видела его недостатки. Она ясно представляла, что скажут ее мама и папа — особенно папа — о Джонни Роузволле в черной рубашке и скрипучих туфлях на толстой подошве, купленных потому, что точно в таких ходил в каком-то фильме Элвис Пресли.

Этого первого ребенка Марта потеряла на третьем месяце. Еще месяцев через пять она решила составить баланс этого брака — получались в основном убытки. Слишком много возвращений поздно ночью, с вялыми оправданиями, слишком много синяков под глазом. Джонни, говаривала она, любит ее кулаками, когда выпьет.

«Он всегда был красавчиком, — как то сказала она Дарси, — но красивая куча дерьма — это все равно куча дерьма».

Марта уже собиралась укладывать чемоданы, как вдруг снова обнаружила, что беременна. Реакция Джонни была однозначной и жесткой: он двинул ее шваброй в живот, рассчитывая, что будет выкидыш. Две ночи спустя Джонни с парой приятелей, которые разделяли его пристрастие к ярким шмоткам и башмакам со скрипом, пытался ограбить винный магазин на 116-й улице. У хозяина был пистолет под прилавком. Он вынул его. Джонни Роузволл вытащил никелированный браунинг 32-го калибра, взявшийся у него Бог знает откуда. Он навел его на хозяина, нажал курок, и пистолет взорвался. Осколок ствола попал Джонни в правый глаз, убив его на месте.

Марта до седьмого месяца ходила на работу в «Пале» (это, конечно, было задолго до появления там Дарси Сагамор), а потом миссис Пру приказала ей идти домой, пока она не родила где-нибудь в коридоре десятого этажа или в лифте прачечной. «Ты хороший работник и можешь потом вернуться, если захочешь, — сказала ей Роберта Пру, — но сейчас проваливай отсюда, девочка».

Марта так и сделала и через два месяца родила мальчика весом в три с половиной килограмма, которого назвала Питером, а Питер с течением времени написал роман «Сияние славы», который все — включая Книжный клуб месяца и журнал «Юниверсал пикчерз» — считали обреченным на успех и доходы.

Все это Дарси слышала раньше. Остальное — в которое невозможно было поверить — она услышала сегодня в «Пятерке», после шампанского, которому предшествовал сигнальный экземпляр романа Пита в холщовой сумке Марты Роузволл.

— Мы, конечно, жили далеко от центра, — продолжала Марта, рассматривая свой фужер с шампанским и вертя его в пальцах. — На Стэнтон-стрит, выше Стейшн-парка. Я потом бывала там. Там стало хуже, чем было, — намного хуже, но и тогда это не был центр цивилизации.

В те времена на другом конце Стэнтон-стрит, ближе к парку, жила древняя старуха — ее называли Мамаша Делорм, и многие считали ее *ведьмой*. Я сама во все это не верила и однажды спросила свою соседку Октавию Кинсолвинг, как можно верить в такую ерунду, когда летают спутники и изобрели лекарства почти от всех болезней. Тавия была образованная женщина — она училась музыке в Джульярдской школе — и жила в бедном районе только потому, что ей приходилось содержать маму и трех младших братьев. Я думала, что она согласится со мной, но она только засмеялась и покачала головой.

— Ты хочешь сказать, что веришь в *ведьм*? — спросила я.

— Нет, — сказала она, — но в *нее* я верю. Она не такая. Может, на тысячу или миллион женщин, которых

считают ведьмами, есть одна настоящая колдунья. Так вот, Мамаша Делорм — одна из них.

Я только расхохоталась. Те, кому не нужна *ведьма*, могут позволить себе смеяться, так же, как те, кто не нуждается в молитве, смеется над верующими. Тогда я только вышла замуж и еще верила, что смогу исправить Джонни. Ты слушаешь?

Дарси кивнула.

— Потом у меня был выкидыш. Главной его причиной, наверно, был Джонни, хотя тогда я боялась признаться в этом даже самой себе. Он часто бил меня и *все время* пил. Он пропивал деньги, которые я ему давала, а потом еще забирал у меня из кошелька. Когда я ему говорила, что нечего туда лазить, он делал оскорбленное лицо и клялся, что ничего не берет. Это если трезвый. Пьяный он просто смеялся.

Я написала маме домой — мне было больно, и стыдно, и я плакала, когда писала это письмо, но мне нужно было знать, что она скажет. Она мне ответила, что надо сматываться, и немедленно, пока я не попала в больницу или еще хуже. Моя старшая сестра Кассандра (мы ее звали Кисси) пошла еще дальше. Она прислала мне билет на междугородный автобус и написала на нем розовой помадой два слова: «УЕЗЖАЙ СРАЗУ».

Марта отхлебнула глоток шампанского.

— Я не уехала. Мне казалось, что надо сохранять достоинство. Думаю, что это была просто дурацкая гордость. Хотя это все равно. Я осталась. Потом, после того, как потеряла ребенка, я снова забеременела — только сначала я этого не знала. Меня не тошнило по утрам, понимаешь... впрочем, и в первый раз тоже ничего не было.

— Ты не из-за беременности пошла к этой самой Мамаше Делорм? — спросила Дарси. Она тут же предположила, что, может быть, Марта надеялась взять у ведьмы какое-то зелье, чтобы вызвать выкидыш... или решилась на подпольный аборт.

— Нет, — отрезала Марта. — Я пошла, потому что Тавия сказала, что Мамаша точно определит, что за

порошок я нашла у Джонни в кармане. Белый порошок в маленьком флакончике.

— О-о-о, — протянула Дарси.

Марта печально улыбнулась:

— Хочешь знать, как вляпываются в неприятности? — спросила она. — Может, и не хочешь, но я все равно тебе расскажу. Плохо, когда твой муж пьет и не имеет постоянной работы. *Действительно* плохо, когда он пьет, ходит без работы и избивает тебя. Еще хуже, когда ты залазишь к нему в карман в надежде найти доллар и купить туалетной бумаги, а там оказывается флакончик с ложечкой. А хуже всего знаешь что? Когда рассматриваешь этот флакончик и искренне надеешься, что там всего лишь кокаин, а не героин.

— И ты понесла это к Мамаше Делорм?

Марта снисходительно рассмеялась.

— Весь флакончик? Нет, *мэм*. Я видела мало радостей в жизни, но *умереть* мне не хотелось. Если бы он заявился домой и не нашел двухграммового флакончика, он бы обработал меня, как гороховое поле. Я отсыпала чуть-чуть в целлофановую обертку от пачки сигарет. Потом пошла к Тавии, а та послала меня к Мамаше Делорм.

— Как она выглядела?

Марта покачала головой, не будучи в состоянии точно описать подруге, как выглядела мадам Делорм, какие странные полчаса она провела в квартире старухи на четвертом этаже и как выбежала по шаткой лестнице на улицу, боясь, что та гонится за ней. В квартире было темно, пахло свечами, старыми обоями, корицей и прокисшим кремом. На одной стене был портрет Христа, на другой — Нострадамуса.

— Она была плохой монахиней, если когда-нибудь состояла в них, — произнесла наконец Марта. — Понятия не имею, сколько ей было лет: может быть, семьдесят, может, девяносто, а то и сто десять. С одной стороны лица у нее был огромный розовый шрам. Как ожог. Из-за шрама правый глаз у нее свисал, как бы подмигивая. Она

сидела в кресле-качалке и вязала. Когда я вошла, она обратилась ко мне: «Я должна сказать тебе три вещи, деточка. Во-первых, ты мне не веришь. Во-вторых, во флакончике, который ты нашла у мужа в кармане, героин «белый ангел». В-третьих, ты уже три недели носишь в себе мальчика, которого назовешь именем его истинного отца».

Марта огляделась, не сел ли кто поблизости, удовлетворенно отметила, что они все еще одни, и наклонилась к Дарси, которая смотрела на нее с молчаливым восхищением.

— Позже, когда я обдумывала все это, я сказала себе, что насчет первых двух вещей она не сказала ничего, что не под силу обычному эстраднему экстрасенсу — знаешь, которые выступают в белых тюрбанах. Если Тавия Кинсолвинг позвонила старухе, что я иду, то вполне могла сказать, зачем я иду. Видишь, как просто? А для такой женщины, как Мамаша Делорм, очень важны детали — если хочешь, чтобы тебя *считали ведьмой*, надо *вести себя как ведьма*.

— Наверно, так, — сказала Дарси.

— Насчет моей беременности могла быть удачная догадка. Или... некоторые женщины это просто знают.

Дарси кивнула:

— У меня была тетя, которая чертовски здорово определяла, когда женщина беременеет. Иногда она угадывала раньше, чем сама беременная, а иногда даже раньше того дела, от которого становятся... Ну, ты понимаешь.

Марта засмеялась и кивнула.

— Она говорила, что у них запах изменяется, — продолжала Дарси, — новый запах можно учуять в тот же день, когда женщина понесла, если твой нос на это способен.

— Угу, — согласилась Марта. — Я тоже об этом слышала, но в моем случае ничто такое не подходит. Она просто *знала*, и где-то в глубине души, под той частью, которая пыталась убедить меня, что это просто дешевый трюк, я *знала*, что она знает. Возле нее нельзя было не

верить в колдовство — по крайней мере, в *ее* колдовство. Это чувство не уходило, как уходит сон, когда просыпаясь, или вера в доброго факира, когда снимается гипноз.

— Что ты сделала?

— Там был у входа стул со старинной плетеной спинкой, думаю, на мое счастье, потому что, когда она все это сказала, у меня все поплыло перед глазами и подогнулись колени. Я бы все равно села — не окажись там стула, села бы на пол.

Она просто ждала, пока я оклемаюсь, и продолжала вязать. Как будто уже сто раз видела такие сцены. Думаю, так и было.

Когда у меня перестало колотиться сердце, я открыла рот и сказала: «Я собираюсь уйти от мужа».

«Нет, — сказала она, — он от *тебя* уйдет. Ты его проводишь, и все. Держись, женщина. Будет немного денег. Ты думаешь, он сделал ребенка, но это совсем не он».

«Как?» — произнесла я, но это было все, что я *могла* сказать, и я все время повторяла это слово: «как-как-как», будто Джон Ли Хукер на старинной блюзовой пластинке. Даже теперь, через двадцать шесть лет, я помню запах этих старых полусгоревших свечей, и керосина из кухни, и этих выцветших обоев. Как она сидит в старинном синем платье в горошек, который когда-то был белым, но к тому времени приобрел желтоватый оттенок старых газет. Она была такая *маленькая*, но от нее исходило ощущение такой силы, словно яркий-яркий свет...

Марта поднялась, подошла к бару, сказала что-то Рею и вернулась с большим стаканом воды. Она осушила его одним махом.

— Лучше? — спросила Дарси.

— Немного, — Марта пожала плечами, потом улыбнулась. — Не стоит продолжать об этом. Если бы ты там была, ты бы почувствовала. Почувствовала *ее*.

«Как и что я делаю и почему ты вышла за это деревенское дерьмо, сейчас неважно, — сказала мне Ма-

маша Делорм. — Важно то, что ребенку надо найти истинного отца».

Всякий бы понял это так, что я гуляю от собственного мужа, но мне даже не пришло в голову злиться на нее, я была слишком поражена, чтобы злиться. «Что вы имеете в виду? — спросила я. — Джонни — истинный отец ребенка».

Она засопела и махнула на меня рукой (будто говоря «тьфу»): «В этом мужичке ничего истинного нет».

Тут она наклонилась в мою сторону, и я слегка обиделась. В ней было столько *знания*, и не очень приятного.

«Всякого ребенка, которого зачинает женщина, мужчина выстреливает из собственного клюва, девочка, — сказала она. — Это ты знаешь?»

Я считала, что в медицинских книжках про это пишут немного не так, но могла только качать головой вверх-вниз, словно она протянула руки через всю комнату и трясет мою голову, как грушу.

«Именно так, — сказала она, кивая при этом сама. — Так Богом предписано... как качели. Мужчина выстреливает деток из клюва, так что это его детки. Но женщина их вынашивает, и рожает, и воспитывает, так что это и ее детки. Так построен мир, но из каждого правила есть исключения, которые *подтверждают* правило, и вот одно из них. Тот, кто заронил в тебя ребенка, не будет ему истинным отцом, даже если он будет возле него. Он его возненавидит, забьет его до смерти еще в люльке, скорее всего потому, что будет знать, что это не его ребенок. Мужик не всегда это чувствует или видит, но это проявится, когда окажется, что ребенок не похож на него... а этот ребенок будет отличаться от неграмотного засранца Джонни Роузволла, как небо от земли. Так скажи мне, девочка, кто истинный отец ребенка?» И подалась в мою сторону.

Я могла только покачать головой и сказать, что не понимаю о чем она говорит. Но, видимо, что-то во мне — в той части мозга, которая может по-настоящему сообра-

жать только в мечтах, — *понимало*. Может, это я сейчас задним числом так думаю, но, видимо, нет. Кажется, на какое-то мгновение промелькнуло *его* имя.

Я возразила: «Не знаю, что вы от меня хотите — я ничего не знаю ни про истинных отцов, ни про ложных. Я даже не уверена, что беременна, но если и так, ребенок может быть *только* от Джонни, потому что он единственный мужчина, с которым я спала!»

Она откинулась в кресле, потом улыбнулась. Улыбка у нее была, как солнечный свет, и мне стало чуть легче.

«Я не хотела тебя обидеть, дорогая, — сказала она. — Даже в мыслях такого не держала. Дело в том, что у меня бывают видения, иногда очень сильные. Я сейчас заварю нам чай, и ты успокоишься. Тебе понравится. Я по-особому завариваю».

Я хотела ей сказать, что не хочу никакого чаю, но не могла. Мне вроде как не хватало сил открыть рот, и не было сил подняться на ноги.

В ее грязной крохотной кухоньке было темно, как в пещере. Я сидела на стуле у двери и смотрела, как она засыпает заварку в старый заварочный чайничек и ставит большой чайник на газовую плиту. Я там сидела и думала, что не хочу ничего, что она делает по-особому и что исходит из этой закопченной кухоньки. Я думала, что выпью глоток из вежливости и смотаюсь оттуда поскорее, чтобы уже никогда не вернуться.

Но тут она принесла две фарфоровые чашечки, чистенькие, как снег, и поднос с сахаром, и сливками, и свежими булочками. Она разлила чай, и он был крепким и хорошо пахнул. Я как бы проснулась и сама не заметила, как выпила две чашки и съела булочку.

Она тоже выпила чашку и съела булочку, и мы поболтали о более земных делах — какие у нас общие знакомые на улице, из каких мест в Алабаме я происхожу, какие магазины предпочитаю и все такое. Тут я взглянула на часы и увидела, что сижу уже полтора часа. Я поднялась, и тут у меня закружилась голова, и я снова упала на стул.

Дарси уставилась на нее круглыми глазами.

«Вы меня накачали наркотиком», — закричала я и обиделась, но обиженная часть была где-то глубоко внутри меня.

«Девочка, я хочу тебе помочь», — сказала она, — но ты не хочешь рассказать то, что мне необходимо знать, а я-то знаю, что ты не сделаешь того, что должна сделать, даже после того, как расскажешь, пока я тебя не заставлю. Вот я и настроила тебя. Ты чуток подремлешь, и все, но перед этим ты скажешь мне имя истинного отца твоего ребенка».

И вот, сидя на ободранном плетеном стуле и слушая городской шум и грохот за окном, я увидела его так же четко, как вижу тебя, Дарси. Его звали Питер Джеффрис, и был он такой же белый, как я черная, такой же высокий, как я маленькая, такой же образованный, как я невежественная. Мы различались абсолютно всем, чем только мыслимо, за единственным исключением — мы оба происходили из Алабамы, я из Вавилона в болотах на границе с Флоридой, а он из Бирмингема. Он даже не знал, что я существую, — для него я была всего лишь черной женщиной, которая убирает люкс, где он всегда останавливался, на одиннадцатом этаже этого отеля. Что касается меня, мне только и хотелось не попадаться ему на глаза, потому что я слышала его разговоры и видела его дела и прекрасно знала, что это за человек. Дело даже не в том, что он не стал бы пить из стакана, которым пользовался черный, не вымыв его предварительно; этого я навиделась в свое время. Просто в его характере были такие черты, для которых не имеет значения черная кожа у человека или белая. Он принадлежал к племени сукиных сынов, а у этого племени кожа бывает любого цвета.

Знаешь что? Он очень похож на Джонни, вернее, Джонни был бы именно таким, будь он половчее и получи образование, и вложи в него Бог большой талант вместо пустой головы для наркотиков и носа для бабских прелестей.

Я о нем вовсе не думала, лишь бы держаться от него подальше. Но когда Мамаша Делорм склонилась надо мной так низко, что я чуть не задохнулась от запаха корицы, который шел из всех ее пор, его имя вырвалось у меня мгновенно. «Питер Джефферис, — сказала я. — Питер Джефферис, мужчина, который живет в номере 1163, когда не пишет книги у себя в Алабаме. Он истинный отец. Но он же *белый!*»

Она нагнулась еще ниже и сказала: «Нет, милая. Белых мужиков вообще нет. Внутри они все черные. Ты этому не веришь, но это правда. В душе у них всегда полночь, даже среди ясного дня. Но мужчина может зажигать свет ночью, и поэтому то, что выходит из мужчины, чтобы сделать ребенка в женщине, белое. Истинному цвет не важен. Теперь закрой глаза, дорогая, потому что ты устала — ты *так* устала. Ну! Скажи! Ну! Не сопротивляйся! Мамаша Делорм ничего плохого тебе не сделает, детка! Просто кое-что вложит тебе в руку. Ну нет, не смотри, только возьми в руку». И я это взяла — что то квадратное, на ощупь стеклянное или пластиковое.

«Ты все вспомнишь, когда настанет время вспомнить. Теперь спи... Т-с-с... засыпай... тс-с-с...»

— Вот и все, — продолжала Марта. — Следующее, что я помню, — я бежала по этим ступенькам, будто за мной черти гнались. Не помню, *от* чего я убегала, но это неважно, главное, что я убегала. Потом я приходила туда только раз и ее не видела.

Марта замолчала, и они обе напоминали женщин, пробудившихся от одного и того же сна. «Пятерка» начала заполняться — было около пяти, и служащие заходили выпить после работы. Хотя и не высказывая этого вслух, обе испытывали желание уйти куда-нибудь в другое место. Они были не в форменных халатах, но все равно были чужими среди этих мужчин с их разговорами об акциях, облигациях и сертификатах.

— У меня дома запеканка и шесть банок пива, — предложила Марта с внезапной робостью. — Первое

можно подогреть, второе охладить... если хочешь дослушать до конца.

— Дорогая, по-моему, я *должна* дослушать, — произнесла Дарси с нервным смехом.

— А по-моему, я *должна* досказать, — ответила Марта, но она не смеялась. И даже не улыбнулась.

— Я позвоню мужу. Скажу, что приду поздно.

— Позвони, — сказала Марта, и пока Дарси звонила, проверила сумку, чтобы убедиться, что бесценное сокровище еще на месте.

Запеканка — сколько они вдвоем могли одолеть — была съедена, пиво выпито. Марта еще раз спросила Дарси, уверена ли она, что хочет дослушать. Та подтвердила.

— Потому что это не очень приятно. Скажу тебе откровенно. Это хуже, чем в тех журнальчиках, которые холостяки оставляют в номере.

Дарси знала о каких журнальчиках идет речь, но не могла себе представить свою подругу-чистюлю в связи с тем, что там изображалось. Они взяли еще по банке пива, и Марта заговорила снова.

— Я вернулась домой, еще не отойдя от сна, и поскольку не могла вспомнить ничего, что происходило у Мамаши Делорм, приняла самое разумное решение — считать, что все это мне привиделось. Но порошок, который я отсыпала из флакончика Джонни, не был привидением; он так и лежал в кармашке платья, завернутый в целлофан от пачки сигарет. Я только хотела избавиться от него без всяких там ведьм. Я, может, и не часто залазила в карманы Джонни, но он то в мои забирался постоянно, потому что я держала в заначке пару долларов, за которыми он охотился.

Но это было не все, что я нашла в своем кармане, — там было что то еще. Я вынула его, посмотрела и убедилась, что действительно была у нее, хотя и не помнила, что именно там происходило.

Это была маленькая пластмассовая коробочка с прозрачной крышкой. В ней не было ничего, кроме засушен-

ного сморщенного гриба, — хотя, наслушавшись, что говорила Тавия об этой женщине, я бы не удивилась, если бы это оказалась поганка, из тех, что могут причинять по ночам такие ужасные колики, что, кажется, лучше уж сразу умереть, как иногда и происходит.

Я решила зарыть это поглубже на дне комода рядом с нюхательным порошком, но, когда дошло до дела, не смогла. Было такое чувство, что старуха находится рядом в комнате и велит мне не делать этого. Меня даже подмывало заглянуть в зеркало в гостиной, чтобы убедиться, не стоит ли она за спиной.

В конце концов я высыпала порошок в кухонную раковину, а пластиковую коробочку положила в шкафчик над раковиной. Я встала на цыпочки и запихнула ее как можно дальше — под самую стенку. И забыла о ней.

Она замолкла, нервно постукивая пальцами по столу, потом продолжила:

— Наверно, надо больше рассказать тебе о Питере Джефферисе. Роман *моего* Пита о Вьетнаме и о том, что он знает об армии из собственного опыта; книги Питера Джеффериса все были о том, что он сам называл Большой Второй, когда провожал своих пьяных друзей. Первый роман он написал, когда еще служил в армии, и опубликовал в 1946 году. Назывался он «*Сияние неба*».

Дарси долгое время молча смотрела на нее, а затем переспросила:

— Действительно?

— Да. Теперь видишь, куда я клоню. Может, ты лучше поймешь насчет истинных отцов. «*Сияние неба*» — «*Сияние славы*».

— Но если твой Пит читал книгу этого Джеффериса, разве не вероятно, что...

— Конечно, *вероятно*, — сказала Марта, делая рукой тот же жест «тьфу», — но не *произошло*. Я не собираюсь тебя ни в чем убеждать. Ты либо поверишь, когда я закончу, либо нет. Я только хочу тебе немного рассказать об этом человеке.

— Давай, — ободрила ее Дарси.

— Я видела его очень часто с 1957 года, когда начала работать в «Пале», и до 1968-го, когда у него стало плохо с сердцем и печенью. При том, как он пил и вел себя, удивительно, что это не началось гораздо раньше. В 1969 году он приезжал всего раз пять, и я помню, как плохо он выглядел — он никогда не был толстым, но теперь так усох, что был похож на согнутую струну. И все равно пил, несмотря на совершенно желтое лицо. Я слышала, как он кашляет и рвет в ванной, а иногда кричит от боли, и думала про себя: *«Вот и все; он должен увидеть, до чего себя довел; он бросит это»*. Но он так и не бросил. В 1970 году он был только два раза. С ним был мужчина, который за ним ухаживал. И все равно пил, хотя стоило посмотреть на него краем глаза, чтобы понять — это не для него.

Последний раз он появился в феврале 1971 года. С ним был уже другой мужчина; первый, думаю, уже не выдержал. Джефферис был в инвалидном кресле. Когда я заглянула в ванную в его номере, то увидела, что там сушатся прорезиненные подштанники. Когда-то он был красавцем, но те времена давно прошли. В последнее время он выглядел *меченым* — понимаешь, о чем я говорю?

Дарси кивнула. Такие типы иногда попадают на улице с мешком подмышкой, в облезлых пальто.

— Он всегда останавливался в 1163-м — угловом люксе с видом на Крайслер-билдинг, и я всегда убирала у него. Через некоторое время он даже стал звать меня по имени, но это ничего не значило — просто у меня была табличка на груди, а он умел читать, только и всего. Не думаю, чтобы он всерьез замечал меня. До 1960 года он всегда оставлял два доллара на телевизоре, когда уходил. Потом, до 1964 года, оставлял три. Потом дошло до пятерки. Это были неплохие чаевые по тому времени, но он не вознаграждал меня лично, он просто следовал обычаю. Для таких людей очень важно поступать так, как принято. Он давал чаевые точно так же, как пропускал даму вперед; не сомневаюсь, что в детстве он прятал

молочные зубы под подушку — по этой же причине. Разница только в том, что я была убирающая фея, а не фея, которая растит зубы.

Он приезжал договариваться с издателями, иногда с киношниками или телевизионщиками, потом созывал своих друзей — были среди них издатели, были литературные агенты и писатели вроде него, — и устраивал пьянки. Я-то об этом знаю, потому что наутро убирала этот бардак — десятки пустых бутылок (в основном виски «Джек Дэниелс»), миллионы окурков, туалетную бумагу в раковине и унитазе, — все вверх дном. Как-то вывалили в унитаз целое блюдо огромных креветок. Всюду битое стекло, а на диване и на полу храпят упившиеся.

В основном бывало так, но иногда пьянка еще продолжалась, когда я заходила убирать в десять тридцать утра. Он впускал меня, и я пыталась как-то навести порядок. Никаких женщин там не было — это строго запрещалось; они только пили и говорили о войне. Как они попали на войну. Кого они знали на войне. Где они были на войне. Кого убили на войне. То, что они видели на войне, они никогда не рассказывали своим женам (хотя черной горничной, которая присутствовала при их разговорах, они не стеснялись). Иногда — изредка — они играли в покер по крупной, но и делая ставки, и повышая их, и блефуя, они все равно говорили о войне. Пять или шесть игроков с покрасневшими лицами, как могут краснеть лица только у белых мужчин, когда они наклюкаются до чертиков, сидят за столом со стеклянным верхом, расстегнув воротнички и распустив галстуки, а на столе такая куча денег, какую женщина, вроде меня, за всю жизнь не увидит. И как они разговаривали о своей войне! Точно так же, как молодые девицы болтают о своих мужчинах.

Дарси сказала, что ей непонятно, почему администрация не выгоняла Джеффериса, хоть он и знаменитый писатель, — она очень строго относится к таким делам, а в прежние годы, как она слышала, была еще жестче.

— Нет, нет, нет, — слегка улыбнулась Марта. — Ты не поняла. Ты думаешь, что они вели себя, как какая-нибудь рок-группа, которая рвет шторы в клочья и швыряет диваны в окно. Джефферис не был рядовым, как мой Пит; он учился в Вест-Пойнте, пришел на войну лейтенантом, а вернулся майором. Он был *аристократ*, из старинной южной семьи, знаешь, у которых дворец весь увешан картинами, все ездят на лошадях и строят из себя благородных. Он знал четыре способа завязывать галстук и умел правильно наклоняться, когда целовал даме ручку. Он был *светский человек*, говорю тебе.

Рот Марты при этих словах слегка скривился, выражая презрение и брезгливость.

— Он и его приятели иногда действительно шумели, но до настоящего буйства почти не доходило — тут есть разница, хотя ее трудно объяснить, и они никогда не теряли над собой контроль. Если сосед жаловался — а сосед мог быть только один, потому что это угловой номер, — и дежурная по этажу заходила в номер Джеффериса и просила джентльменов вести себя немного потише, они всегда успокаивались. Понимаешь?

— Да.

— И это еще не все. Отель экстракласса *обслуживает* таких людей, как мистер Джефферис. Он охраняет их. Они могут спокойно гулять у себя — с выпивкой, с картами, а то и с наркотиками.

— Он принимал наркотики?

— Не знаю. Под конец их было много, но все с аптечными наклейками. Я к тому веду, что светская жизнь — я говорю о светской жизни в представлении белого джентльмена с Юга — требует соответствующего класса обслуживания. Он с давних времен останавливался в «Пале», и если ты думаешь, что для администрации имело значение то, что он был знаменитым писателем, то это потому, что ты не так давно работаешь в «Пале», как я. То, что он знаменитость, для них играло роль, но очень небольшую. Главное же было то, что он останавливался в отеле с давних времен, и его отец — крупный земле-

владелец из Портервилла — тоже всегда останавливался у них. Те, кто в те времена управлял отелем, верили в традиции. Нынешние тоже *говорят*, что верят в традиции, и поступают так, когда им выгодно, но те *действительно* верили. Когда они узнавали, что мистер Джефферис приезжает Южным экспрессом из Бирмингема, они делали так, чтобы соседний номер оставался пустым, если только отель не был переполнен до отказа. С него не брали плату за пустой соседний номер; они просто старались избавить его от неприятной необходимости просить своих приятелей взять на полтона ниже.

Дарси медленно покачала головой:

— Поразительно.

— Ты не веришь, дорогая?

— Да нет, верю, но все равно поразительно.

Горькая, презрительная усмешка снова появилась на лице Марты Роузволл:

— На самом-то деле этой *светскости* было маловато... этого *обаяния* времен гражданской войны. Но, конечно, он был воспитанный человек, он никогда не орал гадости в окно и не пересказывал друзьям старые анекдоты, которые слышал по телевизору.

Он терпеть не мог черных, как и положено южному джентльмену... но помнишь, я говорила, что он принадлежал к племени сукиных сынов? Если уж Питер Джефферис кого ненавидел, то тут ни при чем дискриминация. Когда убили Джона Кеннеди, Джефферис был здесь и на радостях закатил пьянку. Пришли все его приятели, и на следующее утро она еще продолжалась. Я не могла вынести эти их разговорчики — мол, как было бы здорово, если бы кто-нибудь прикончил братца Кеннеди, который не успокоится, пока не добьется, чтобы каждый белый мальчишка занимался сексом, слушая «Битлов» по стерео, а цветные (так они называли черный народ — «цветные», а я терпеть не могу это сюсюкающее словечко) бегали по улицам, держа в каждой руке по телевизору.

Я еле сдерживалась, чтобы не заорать на него. Я заставляла себя помалкивать, делать свое дело и поскорее

сматываться оттуда; я приказывала себе помнить, что этот человек — истинный отец моего Пита, и что Питу всего три года, и мне нужна эта работа, а я потеряю ее, если раскрою рот.

Тогда один из них сказал: «А после Боба мы доберемся до его сопливого братца с конфеткой в заднице!», а другой добавил: «Прикончим всех братцев — ох, и погуляем тогда!»

«Точно! — закричал Джефферис. — А когда повесим последнюю голову на последнем зубце стены замка, закатым такую пьянку, что придется снять зал Мэдисон-сквер-гарден!»

Мне пришлось уйти. У меня раскалывалась голова, а живот свело судорогой — так я сцепила зубы, чтобы не закричать. Я единственный раз в жизни оставила неубранным номер, но иногда быть черной лучше: они не замечали, что я там, и, разумеется, не заметили, что я ушла.

И снова та же горькая, презрительная усмешка.

— Не представляю, как можно такого человека называть аристократом даже в шутку, — сказала Дарси, — или считать его истинным отцом твоего еще не рожденного ребенка, как бы ни складывались обстоятельства. Мне он кажется просто скотиной.

— Нет! — резко возразила Марта. — Он не был скотиной. Он был человек. В некоторых отношениях — почти во всех — плохой человек, но тем не менее человек. И он *делал* то, что можно без всякой скидки считать настоящим аристократизмом, хотя делал он это исключительно в своих книгах.

— Да ну! — Дарси неодобрительно взглянула на Марту из-под нахмуренных бровей. — Ты читала какую-нибудь из его книг?

— Дорогая, я прочла их все. К тому времени, когда я пришла к Мамаше Делорм с этим белым порошком в декабре 1959 года, у него было написано только три, но две из них я читала. Он ведь писал еще медленнее, чем я читала. — Она хмыкнула. — А читала-то я медленно!

Дарси подозрительно осмотрела книжный шкаф Марты. Там были книги Элис Уокер и Риты Мэй Браун, «Липовые холмы» Глории Нейлор и «Поломанный радиоприемник с желтой спинкой» Ишмаэля Рида, но преобладали романы в мягких обложках и детективы Агаты Кристи.

— Похоже, ты не очень жалуешь книги про войну, Марта.

— Конечно, — ответила та. Она встала и открыла еще пиво. — Я тебе скажу любопытную вещь, Ди: будь он хорошим человеком, я вряд ли прочла хоть одну из его книг. Более того, будь он хорошим человеком, вряд ли бы он хорошо писал.

— О чем ты говоришь, женщина?

— Я не могу объяснить. Просто слушай, ладно?

— Ладно.

— До убийства Кеннеди меня мало волновало, что он за человек. К лету 1958 года я его уже знала. К тому времени я поняла, как плохо он думает о людях — не о своих друзьях, за тех он бы душу отдал, а обо всех прочих. Все только и делают, что гоняются за длинным долларом, говорил он, делают деньги, делают деньги, делают деньги. Похоже было, в его компании считали, что делать деньги — это что-то очень предосудительное, хотя они проигрывали в покер целые кучи этих денег. Так что сами они, я подозреваю, делали их немало, в том числе и он сам.

Под маской лощеного южного джентльмена таилась грязная душа — он считал, что те, кто старается сделать что-то хорошее, круглые идиоты, терпеть не мог черных и евреев и считал, что мы должны сбросить на русских водородную бомбу раньше, чем они это сделают с нами. «А почему бы и нет?» — говорил он. Для него они были «недочеловеками». В это число он включал евреев, черных, итальянцев, индейцев и вообще всех, кто летом отдыхал не в Новой Англии.

Я слушала, как он несет высокопарным тоном всю эту чушь и, естественно, гадала, как он стал знаменитым

писателем... как он вообще мог быть писателем. Я хотела знать, что в нем видят критики, но гораздо больше меня интересовало, что в нем видят простые люди, вроде меня, — те, кто расхватывает его книги, как пирожки. И я решила разобраться сама. Я пошла в библиотеку и взяла его самую первую книгу — *«Сияние неба»*.

Я думала, что это окажется очередной сказкой о новом платье короля, но нет. Книга была о пяти парнях и о том, что с ними было на войне, и что было в это же время с их женами и девушками. Когда я увидела на обложке, что книга про войну, я ужаснулась, потому что решила, что найду там всю ту ерунду, которую они рассказывали друг другу.

— И оказалось не так?

— Я прочитала страниц двадцать и подумала: *«Ничего хорошего. Не так плохо, как я думала, но ведь ничего не происходит»*. Прочитала еще сорок страниц и... увлеклась. Когда я посмотрела на часы, была уже полночь и я одолела двести страниц. Я подумала: *«Пора спать, Марта. Тебе вставать в половине шестого»*. Но я прочла еще тридцать страниц, хотя глаза у меня совсем слипались, а в четверть второго встала почистить зубы.

Марта помолчала, посмотрела на огоньки за темным уже окном; глаза у нее затуманились от воспоминаний, губы плотно сжались. Она тряхнула головой.

— Я не представляла, как может человек, с которым в жизни так скучно разговаривать, писать так, что невозможно отложить книгу, не прочитав до самого конца. Как отвратительный, бездушный человек выписывает такие живые характеры, таких героев, что плачешь, когда они погибают. Когда под конец в *«Сиянии неба»* Ноа сбило такси через месяц после возвращения с войны, я действительно плакала. Я не представляла, как такой грязный циник, как Джефферис, заставляет так переживать из-за того, чего на самом деле вовсе не было — что он сам придумал. И еще было в этой книге что то такое... как

солнечный свет. В ней было много боли и грязи, но была и радость... и любовь...

Дарси поразило, как она смеется.

— Тогда в отеле был швейцар по имени Билли Бек, приятный парень, который заочно учился в Фордхэмском университете. Мы с ним иногда разговаривали...

— Он был из наших?

— Нет, конечно, — Марта снова рассмеялась. — В «Пале» не было черных швейцаров до 1965 года. Черные носильщики, коридорные и сторожа на стоянке были, но не швейцары. Это не соответствовало. Джентльменам, вроде Джеффериса, не понравилось бы.

Как бы там ни было, я спросила Билли, как это человек может так замечательно писать, будучи в жизни последней сволочью. Билл спросил, знаю ли я пузатого диск-жокея с тонким голосом, а я сказала, что не понимаю, о чем это он. Тогда он сказал, что не может ответить на мой вопрос, но вот что его профессор говорил о Томасе Вулфе. Этот профессор сказал, что многие писатели, и Вулф в том числе, сами по себе пустое место, пока не сядут за стол и не возьмут в руки перо. Для этих типов перо — все равно что стол с телефонами для телекомментатора Кларка Кента. Он сказал, что Томас Вулф был... — Она запнулась, потом хмыкнула, — он был как божественный колокольчик. Колокольчик сам по себе висит и висит, но когда подует ветер, издает чудесный звук.

Думаю, это относится и к Питеру Джефферису. Он *был* аристократом, его так воспитали, и он действительно им *был*, только не отдавал себе отчета в том, что в нем было действительно лучшего. Просто Бог вложил в него это, а он расходовал. Можешь мне не верить, но я тебе скажу: прочтя пару его книг, я начала жалеть его.

— *Жалеть?*

— Да. Потому что прекрасные книги писал человек, который был отвратителен, как смертный грех. Он действительно напоминал моего Джонни, только Джонни был счастливее, потому что не мечтал о лучшей жизни,

а Джефферис мечтал. Книги были его мечтами, в них он позволял себе верить в то хорошее, что наяву высмеивал и презирал.

Она предложила Дарси еще пивка. Та отказалась.

— Что ж, захочешь — скажешь. И, наверное, захочешь, потому что сейчас услышишь неаппетитные вещи.

— Еще об этом человеке, — добавила Марта. — Он не был сексуален. По крайней мере, так, как это принято считать.

— Ты хочешь сказать, он был...

— Нет. Он не был гомиком, или голубым, или как это еще сейчас принято называть. Его не влекло к мужчинам, но и к женщинам тоже не влекло. За все время, что я у него убирала, я всего два-три раза находила окурки со следами помады и чувствовала запах духов от подушки. И еще мне попался в ванной карандаш для век — он закатился в угол. Думаю, это были проститутки (от подушек не пахло духами, которые употребляют порядочные женщины), но два-три раза за столько лет — это совсем немного, правда?

— Нет, конечно, — согласилась Дарси, вспоминая, сколько она находила трусов под кроватью, плавающих в унитазах презервативов и накладных ресниц на подушках.

Марта на некоторое время задумалась, потом продолжала:

— Вот что я тебе скажу! Этот человек испытывал влечение к самому себе! Звучит дико, но это факт. И этого добра у него хватало — судя по простыням, которые я меняла.

Дарси кивнула.

— И всегда была баночка кольдкрема в ванной или на тумбочке. Думаю, он им пользовался потом. Чтобы кожа не трескалась.

Обе женщины переглянулись и вдруг истерически захохотали.

— Ты уверена, что было именно так, дорогая? — спросила наконец Дарси.

— Я же сказала — *кольдкрем*, а не *вазелин*, — уточнила Марта, и они смеялись еще минут пять, пока не потекли слезы.

Но на самом деле это было отнюдь не смешно, и Дарси это знала. И когда Марта продолжила, она просто слушала, не в силах поверить ее словам.

— Это было через неделю после того, как я побывала у Мамаши Делорм, а может, и через две, — говорила Марта. — Я не помню. К тому времени я уже убедилась, что беременна — меня не рвало, ничего такого не было, но я это *чувствовала*. Это чувство возникает не там, где ты думаешь. Похоже, десны, и пальцы ног, и переносица докладывают остальному телу, что происходит. Или захочешь отбивную в три часа дня, а потом увидишь ее и удивляешься: мол, что это такое? Ну, ты-то это знаешь. Но я ничего не говорила Джонни — знала, что придется сказать, но боялась.

— Я тебя не осуждаю, — заметила Дарси.

— Я была в спальне у Джеффериса и, пока убирала, думала, как преподнести Джонни новость о ребенке. Джефферис куда-то ушел — может быть, на совещание с издателем. Кровать была двуспальная, смятая с обеих сторон, но это ничего не значило: Джефферис очень беспокойно спал. Иногда я находила простыню затолканной под матрац.

Я сняла покрывало и два одеяла под ним — он всегда был мерзляк и укрывался всем, чем только мог, — и добралась до простыни. Она была в пятнах, отчасти уже высохших.

Я рассматривала ее... не знаю, сколько времени. Я была как под гипнозом. Я ясно видела, как он лежит один после того, как приятели разошлись по домам, и ощущает запах дыма после них и собственного пота. Вот он лежит на спине и вдруг начинает заниматься любовью с мадам Кулак. Я это увидела так же четко, как вижу тебя, Дарси; единственное, чего я не различала, — какие картины он себе при этом представлял... а зная, что он говорил и как вел себя, когда не писал свои книги, я рада, что не различала этого.

Дарси замерла, слушая ее.

— Потом меня охватило это... это чувство. — Она задумалась, потом медленно и решительно повела головой. — Это прозвучало во мне, как *приказ*. Это все равно что захотеть отбивную в три часа дня, или мороженое с солеными огурцами в два часа ночи, или... А тебе что хотелось, Дарси?

— Шкурку от ветчины, — пробубнила Дарси, не разжимая губ, словно они у нее замерзли. — Муж пошел, очень долго искал, притащил мне чуть ли не мешок этих шкурок, и я тут же их *стрескала*.

Марта кивнула и заговорила снова. Дарси стремглав бросилась в уборную, где после краткой заминки извергла все выпитое накануне пиво.

«*Нельзя так распускаться*, — думала она, с трудом нащупывая сливную ручку. — *Не надо думать о похмелие*. — И тут же сразу: — *Как теперь смотреть ей в глаза? Как я собираюсь это делать?*»

Оказалось, ничего сложного в этом нет. Обернувшись, она увидела, что Марта стоит в дверях, с сочувственной улыбкой глядя на нее:

— Все в порядке?

— Да. — Дарси попыталась улыбнуться, и, к ее величайшему удивлению, это получилось. — Я... я просто...

— Знаю, — сказала Марта. — Поверь мне, я знаю. Будешь слушать дальше или с тебя достаточно?

— Продолжай, — решительно сказала Дарси и взяла подругу за руку. — Только в гостиной. Я не могу даже смотреть на холодильник, а тем более открывать дверцу.

— Ладно.

Они уселись на старенькой, но уютной софе в гостиной.

— Так ты *хочешь*, дорогая?

Дарси кивнула.

— Хорошо. — Но Марта еще некоторое время молчала, рассматривая свои руки, сложенные на коленях, обозревая прошлое, как командир подводной лодки исследует враждебные воды через перископ. Наконец она

подняла голову, повернулась лицом к Дарси и продолжила рассказ.

— Остаток дня я доработала, словно во сне. Я как бы находилась под гипнозом. Со мной заговаривали, я отвечала, но все это доносилось до меня как бы сквозь стеклянную стену. Помню, что я думала: *«Да, меня загипнотизировали. Она меня загипнотизировала. Старуха. Дала мне установку, вроде как эстрадный гипнотизер говорит: «Кто-то скажет тебе слово «банан», ты станешь на четвереньки и залаешь по-собачьи», — и бедняга проделает все это, услышав слово «банан» даже через десять лет. Она что-то подсыпала в этот чай, загипнотизировала меня; а потом приказала сделать это. Эту отвратительную вещь».*

Я знала, зачем она это сделала — старуха, которая верила во всякие наговоры и в то, что можно околдовать мужчину, чтобы он влюбился в тебя, если помазать ему пятку каплей твоей менструальной крови, когда он спит, и Бог знает во что еще... Если такая женщина, которая вбила себе в голову чушь насчет истинных отцов, способна гипнотизировать, то она и загипнотизировала такую женщину, как я, заставила меня это делать. Потому что она верила в это. А я же назвала ей имя, правда ведь?

Мне даже не приходило в голову, что я совсем не помню, что со мной было у Мамаши Делорм, пока я не сделала то, что я сделала в спальне Джеффериса. Только той ночью я стала соображать.

Я неплохо преодолела этот день. В смысле, не кричала, не плакала, ничего подобного. Моя сестра Кисси вела себя гораздо хуже, когда пошла в сумерках за водой к старому колодцу, а оттуда вылетела летучая мышь и вцепилась ей в волосы. Просто я себя ощущала как бы за стеклянной стеной и думала, что если это и все, то я с этим справлюсь.

Потом, когда я вернулась домой, меня одолела страшная жажда. Так со мной не было никогда в жизни — у меня в горле словно бушевала песчаная буря. Казалось, я никогда не смогу напиться. И я стала плевать. Плевала, и плевала, и плевала. Потом меня затошнило. Я

побежала в ванную, посмотрела на себя в зеркало и высунула язык — мне казалось, что там будет виден какой-то след того, что я сделала, но, конечно, ничего там не было. Я подумала: *«Вот! Теперь тебе лучше?»*

Но лучше мне не стало. Стало хуже. Я стала на колени над унитазом и сделала то, что сделала сейчас ты, Дарси, только гораздо больше. Я рвала до потери сознания. Я плакала и умоляла Бога простить меня, остановить рвоту прежде, чем я потеряю ребенка, если он действительно есть. Потом помню, что я стояла в его спальне, засунув пальцы в рот, даже не соображая, что я делаю, — говорю тебе, я *смотрела* на себя, как в кино. И вырвала опять.

Миссис Паркер услышала меня, подошла к двери и спросила, все ли в порядке. Это помогло мне взять себя в руки, и к приходу Джонни поздно вечером я уже справилась с самым худшим. Он был пьян и нарывался на драку. Когда я не дала ему денег, он двинул меня в глаз и ушел. Я была почти благодарна ему за то, что он меня ударил, потому что тогда я задумалась над другим.

На следующее утро, когда я зашла в номер Джефффериса, он сидел в гостиной, еще в пижаме и быстро строчил что-то в блокноте. Он всегда возил с собой кучу блокнотов, скрепленных огромной красной резиновой лентой. Когда он в самый последний раз явился в «Пале» без них, я поняла, что он приготовился к смерти. Мне, однако, не было ни капельки его не жаль.

Марта подняла в сторону окна взгляд, в котором не было и следа милосердия или прощения; это был холодный взгляд, свидетельствовавший о полном отсутствии эмоций.

— Видя, что он не ушел, я испытала облегчение, потому что можно было отложить уборку. Он не любил, чтобы горничные крутились, когда он работает, и я решила, что он не разрешит убирать до прихода Ивонны в три часа.

Я сказала: «Я зайду позже, мистер Джеффферис».

«Убирай сейчас, — сказал он. — Только тихонько. У меня зверская головная боль и куча идей. Все вместе меня убивает».

В любое другое время он бы прогнал меня, клянусь. Мне показалось, что я слышу смех той черной старухи.

Я зашла в ванную и начала наводить порядок, убирая использованную туалетную бумагу и кладя новую, заменяя мыло, укладывая новые спички, и все время думала: *«Нельзя загипнотизировать того, кто этого не хочет, старуха. Что бы ты мне ни подсыпала в чай тогда, что бы ты мне ни приказала сделать, даже и много раз, я раскусила тебя — значит, я тебе больше не поддамся».*

Я перешла в спальню и посмотрела на кровать. Я боялась, что она привидится мне тем же, чем кажется темный чулан для ребенка, который боится домового, но увидела просто обыкновенную кровать. Я знала, что не намерена ничего делать, и испытывала облегчение. Итак, я сняла одеяла, и на простыне еще были эти липкие незасохшие пятна, словно он с час назад проснулся в возбужденном состоянии и занялся самообслуживанием.

Я остановилась, чтобы определить, чувствую ли я что-то при этом. Нет. Это просто то, что оставил мужчина, который держал письмо и не нашел почтового ящика, как мы с тобой сто раз видели. Эта старуха — такая же *ведьма*, как и я. Беременна я или нет, в любом случае ребенок от Джонни. Он единственный мужчина, с которым я спала, и что бы я ни нашла на простыне этого белого — или кого угодно другого, — это остается фактом.

День был пасмурный, но, как только я это подумала, вышло солнце, словно Бог вынес свой окончательный приговор по этому делу. Не помню, когда еще я испытывала такое облегчение. Я стояла, вознося молитвы Богу за то, что все наладилось, и во время этой молитвы я слизывала это с простыни — все без остатка — и проглатывала.

Я как бы стояла поодаль и наблюдала за собой со стороны. Часть меня говорила: *«Ты с ума сошла, девочка, делая это, да еще когда он в соседней комнате; он в любой момент может заглянуть сюда по пути в ванную и увидит тебя. Здесь такие толстые ковры, что*

ты не услышишь его шагов. А ведь это значит конец твоей работы в «Пале» — и в любом большом отеле Нью-Йорка. Девушка, которую застали за тем, что ты делаешь, никогда не сможет работать горничной в этом городе, по крайней мере в приличном отеле».

Но мне было все равно. Я это делала, пока не слизала все — или пока какая-то часть меня не была удовлетворена, — а потом просто стояла, разглядывая простыню. Из другой комнаты не доносилось никаких звуков, пока до меня не дошло, что он стоит в дверях у меня за спиной. Я угадывала выражение его лица. Когда я была ребенком, к нам в Бабилон каждый август приезжал бродячий цирк, и там был мужчина — скорее всего, мужчина, — который делал отвратительные дела под шатром. Он залазил в яму, а кто-то дразнил его, а потом бросал в яму живую курицу, и отвратительный тип перегрызал ей горло. Как-то мой старший брат Брэдфорд — он погиб в автокатастрофе под Билокси — сказал, что хочет посмотреть на этого типа. Папа был очень недоволен, но прямо запретить не мог, потому что Брэду было уже девятнадцать — почти мужчина. Он пошел, а когда вернулся, мы с Кисси хотели спросить его, что же он видел, но, заметив выражение его лица, так и не осмелились. Вот такое выражение, казалось мне, я увижу на лице Джеффериса, когда обернусь и увижу его в дверях. Понимаешь, о чем я говорю?

Дарси кивнула.

— Я знала, что он там стоит, — просто знала. Наконец я набралась мужества и повернулась, собираясь просить его, чтобы он не рассказывал главной горничной, — умолять на коленях, если придется, — и никого не увидела. Это был всего лишь мой страх. Я подошла к двери и обнаружила, что он по-прежнему сидит в гостиной и строчит в блокноте еще быстрее, чем раньше. Я заторопилась, сменила постель и освежила комнату, как обычно, но это чувство, будто я за стекляннной стеной, заговорило во мне еще сильнее прежнего.

Я собралась вынести грязное белье обычным путем — в коридор через дверь спальни. Самое первое, чему я

научилась, когда стала работать в отеле, — это то, что ни в коем случае нельзя выносить грязное белье через гостиную люкса. Потом вернулась туда, где он сидел. Я хотела сказать ему, что уберу в гостиной позже, когда он закончит работу. Но увидев, что он делает, я остолбенело уставилась на него, стоя в дверях.

Он бегал по комнате так быстро, что его желтая пижама обкрутилась вокруг ног. Пальцами обеих рук он вцепился себе в волосы и зверски терзал их. Он походил на спятившего математика с карикатуры. Глаза его горели каким-то диким огнем. Сначала я подумала, что он видел то, что я делала, и это привело его в такой ужас, что он тронулся.

Оказалось, что ко мне это не имеет никакого отношения... по крайней мере, он так считал. Это единственный раз, когда он разговаривал со мной на другие темы, кроме как принести бумаги, добавить еще подушку или починить кондиционер. Он говорил со мной, потому что должен был выговориться. С ним что-то случилось — очень важное — и ему надо было выговориться, иначе он спятит.

— У меня голова раскалывается, — сообщил он.

— Очень жаль, мистер Джефферис, — посочувствовала я. — Могу принести аспирин...

— Нет, — ответил он. — Не в том дело. Это идея. Вроде я пошел ловить окуней, а попался тунец. Я же зарабатываю книгами, знаете ли. Художественными.

— Да, сэр, мистер Джефферис, — я читала две ваши книги, и они мне очень понравились.

— Да ну, — удивился он и посмотрел так, будто это я спятила. — Что ж, очень рад, что вы мне это сказали. Я сегодня проснулся, и мне пришла идея.

«Да, сэр, — подумала я про себя, — вам пришла идея, такая свежая и горячая, что вы ею залили всю простыню. Но ее там больше нет, так что можете не беспокоиться». Я едва удержалась, чтобы громко не рассмеяться. Только, Дарси, я думаю, он и этого не заметил бы.

— Я заказал завтрак, — он указал на ресторанный тележку у двери, — и, пока ел, обдумывал эту маленькую идею. Я думал, что может получиться рассказ. Есть такой журнал, знаете ли... «*Нью-Йоркер*»... впрочем, неважно. — Он не собирался объяснять какой-то негритянке, что такое журнал «*Нью-Йоркер*».

Дарси ухмыльнулась.

— Но пока я доел завтрак, она уже тянула на повесть. А потом... когда я начал обсасывать кое-какие мысли... — Он издал пронзительный смешок. — Такие идеи приходят раз в десять лет. А могут и никогда не прийти. Как вы думаете, могут два близнеца — духовных, не физических, — воевать по разные стороны во время второй мировой войны?

— Ну, вряд ли на *Тихом океане*, — пробормотала я. В другой раз вряд ли я осмелилась бы вообще с ним разговаривать, Дарси, — я бы просто стояла, раскрыв рот. Но я все еще чувствовала себя за стеклянной стеной или как после укола новокаина у зубного врача.

Он захохотал, будто это была самая остроумная шутка, и сказал:

— Ха-ха! Да нет, не *там, там* этого не могло быть, а вот в Европе вполне возможно. И они могли бы сойтись лицом к лицу в Арденнах.

— Ну, может быть... — начала я, но тут он опять забежал по гостиной, теребя волосы, отчего они приобрели все более дикий вид.

— Понятно, что звучит, как мелодрама в духе «*Орфей спускается в ад*», — бормотал он, — как дурацкие какие-нибудь «*Под двумя знаменами*» или «*Армадейл*», но сам принцип близнецов... если его рационально объяснить... а я вижу, как... — Он резко обернулся ко мне. — Будет тут драматический эффект?

— Да, сэр, — ответила я. — *Все* любят истории о братьях, которые не знают, что они братья.

— Конечно, любят, — продолжал он. — И вот что я еще скажу, — тут он остановился, и его лицо приняло хитрое выражение. Хитрое-то хитрое, но мне все было

предельно ясно. Походило на то, что он начинает осознавать, что делает глупость, будто человек, который намазал лицо кремом для бритья и поднес к нему электробритву. Он обсуждал с черной горничной свою, может быть, самую блестящую идею — с черной горничной, которая, наверное, считает лучшим в мире романом «Конец ночи». Он забыл, как я сказала, что читала две его книги...

— Или решил, что это уловка с целью выманить побольше чаевых, — пробурчала Дарси.

— Да, это вполне укладывается в его понимание природы человека. Как бы там ни было, это выражение означало, что до него дошло, с кем он разговаривает, только и всего.

— Думаю, мне придется остаться здесь подольше, — сказал он. — Скажите портье, пожалуйста. — Он снова забегал и зацепил ногой ресторанный тележку. — И заберите отсюда эту вонючую штуку, ладно?

— Может, мне позже вернуться и ... — начала я.

— Да, да, да, — ответил он, — позже приходите и делайте что хотите, но сейчас будьте хорошей девочкой и заберите отсюда все это... и сами убирайтесь.

Я так и сделала и испытала самое большое в жизни облегчение, когда за мной закрылась дверь гостиной. Я покатила тележку по коридору. Он брал на завтрак сок и ветчину с вареными яйцами. Я уже далеко отошла, когда заметила на его тарелке еще и гриб, отодвинутый в сторону вместе с последним яйцом и обедком ветчины. Я посмотрела на это, и в голове у меня просветлело. Я вспомнила тот гриб, что она — старуха Делорм — дала мне в пластиковой коробочке. Вспомнила впервые с того дня. Вспомнила, как нашла его в кармане платья и куда положила. Тот, что на тарелке, выглядел точно так же — сморщенный и слегка подсушенный, больше похожий на поганку, такой, что им можно здорово отравиться.

Она пристально посмотрела на Дарси.

— Он его тоже ел. Съел больше половины.

* * *

За столом в тот день дежурил мистер Бакли, и я сказала ему, что мистер Джефферис подумывает остаться еще. Мистер Бакли ответил, что не видит в этом большой проблемы, хотя мистер Джефферис собирался съезжать сегодня после обеда.

Потом я спустилась в кухню, которая обслуживала номера, и поговорила с Беделией Ааронсон — ты, наверно, помнишь ее, — я спросила, не видела ли она тут кого-то постороннего. Беделия ответила, что не понимает, о чем речь, но она никого не видела. Она спросила: «А зачем это тебе, Марти?», а я заявила, что не могу сказать. Она сказала, что никого не было, даже того мужчины из отдела снабжения, который ухаживает за новенькой девушкой.

Я продолжала приставать, и она уступила: «Ну, разве что какая-то старая негритянка».

Я посмотрела ей в глаза и спросила, как выглядела та старуха.

— Ну, — ответила Беделия, — скорее всего, она зашла с улицы в поисках туалета. Такое у нас бывает. Негры иногда не спрашивают, потому что боятся, что обслуга вышвырнет их, даже если они прилично одеты... и, как тебе известно, они так и делают. Как бы там ни было, эта бедная старушка забрела сюда... — Она замолчала и тревожно взглянула на меня: — Что с тобой, Марта? Ты вот-вот упадешь в обморок!

— Я не собираюсь падать в обморок, — сказала я. — Что она здесь делала?

— Просто бродила, присматриваясь к тележкам, будто не понимала, куда попала, — ответила она. — Бедняжка! Ей не меньше восьмидесяти. Вид такой, будто сильный ветер занес ее высоко в небо, как воздушный змей... Марта, пройди сюда и сядь. Ты похожа на портрет Дориана Грея в том фильме.

— Как она выглядела? Скажи!

— Я же тебе сказала — старая. Они для меня все на одно лицо. Эта отличалась только шрамом на лице. Во всю щеку и лоб...

Дальше я не слышала, потому что *действительно* упала в обморок.

Меня отпустили домой раньше, и только дома у меня появилось то же желание плевать и страшная жажда, и, скорее всего, меня вывернуло бы наизнанку, как вчера. Но на этот раз я просто села у окна, смотрела на улицу и разговаривала сама с собой.

То, что она со мной сделала, было не просто гипнозом; теперь я это уже знала. Это было посильнее гипноза. Я еще не была уверена, что признаю колдовство, но *что-то* она со мной действительно сделала, и что бы это ни было, мне придется с этим считаться. Я не могла ни уйти с работы, ни бросить мужа, явно ни на что не годного, тем более что предвиделся ребенок. Я даже не могла просить, чтобы меня перевели на другой этаж. За год-другой до того могла бы, но тогда ходили слухи, что меня сделают помощником главной горничной десятого-двенадцатого этажей, а это означало прибавку к зарплате. Более того, это означало, что меня скорее всего возьмут обратно после родов.

У моей мамы была поговорка: *«Чего не стереть, то придется стерпеть»*. Я подумывала пойти к этой старухе и попросить ее снять чары, но уже понимала, что ничего не выйдет — она вбила себе в голову, что то, что она делает, лучший вариант для меня, а я крепко усвоила одну вещь в этом мире, Дарси, — никогда нельзя надеяться переубедить человека, если он уверен, что помогает тебе.

И вот я сидела, обдумывая все это и глядя на улицу, где сновали люди, и отключилась. Это продолжалось минут пятнадцать, не больше, но, придя в себя, я поняла кое-что еще. Старуха хотела, чтобы я продолжала делать то, что сделала уже дважды, а это было невозможно, если бы Питер Джефферис вернулся в Бирмингем. Поэтому она проникла на кухню и положила тот гриб на его тележку, он поел его, и ему пришла эта идея. Роман действительно вышел потрясающий — он назывался *«Парни в тумане»*. Именно о том, о чем он говорил мне

в тот день — братья-близнецы, один американский солдат, другой немецкий, и они встречаются в Арденнах. Он вышел самым большим тиражом из всех его романов.

Она помолчала и добавила:

— Это я узнала из некролога.

Он оставался еще неделю. Каждый день, когда я входила, он сидел за столом в гостиной и писал в одном из своих желтых блокнотов, даже не переодев пижаму. Каждый день я спрашивала его, не зайти ли мне позже, а он говорил мне, чтобы я убирала в спальне, только тихо. Каждый день я говорила себе, что сегодня больше не буду делать этого, и каждый день *это* было на простыне, еще свежее, и каждый день все молитвы и обещания, которые я давала себе, улетали в окно, и я снова делала это. Здесь даже *не было* борьбы с искушением до пота и дрожи; просто закроешь глаза на минутку — и готово. Да, и каждый день, как только я входила, он хватался за голову. будто не давая ей развалиться. Ну и пару мы составляли! Ему бы мои утренние страдания, мне бы его ночные труды!

— Как это? — спросила Дарси.

— Ночью я действительно мучилась из-за того, что делаю, и плевалась, и пила воду, пару раз даже вырвала.

Миссис Паркер так приставала с вопросами, что я наконец призналась ей, что беременна, но не хочу говорить мужу, пока не будет подтверждения.

Джонни Роузволл был самовлюбленный сукин сын, но думаю, даже он заподозрил бы, что со мной что-то не так, если бы не был слишком занят своим делом — ограблением винного магазина, которое он замышлял с друзьями. Я-то, конечно, об этом не знала; я просто была довольна, что он держится подальше от меня. Хотя это немного облегчало мне жизнь.

А потом я однажды зашла в 1163-й, и Джеффериса там не было. Он собрал вещички и вернулся в Алабаму писать свою книгу и вспоминать о своей войне. О, Дарси, я не могу тебе описать свою радость! Я чувствовала себя, как

Лазарь, вернувшийся к жизни. Этим утром мне показалось, что все еще может кончиться благополучно, как в романе, — я скажу Джонни о ребенке, и он исправится, бросит наркотики и найдет нормальную работу. Он будет хорошим мужем мне и хорошим отцом моему сыну — я уже была уверена, что будет мальчик.

Я зашла в спальню Джеффериса и увидела, что белье, как всегда, перекручено, одеяла, сброшенные в дальний угол кровати, сбились в тугой узел. Я подошла к постели, как во сне, и потянула простыню. Я думала: *«Ладно, если я должна... но это в последний раз».*

Оказалось, что последний раз уже был. На этой простыне не оказалось никаких следов его жизнедеятельности. Какие бы чары старая колдунья ни навела на нас, они кончились. *«И хорошо, — подумала я. — У меня будет ребенок, у него будет книга, и мы оба избавились от ее колдовства. И плевать мне на истинного отца, если Джонни будет хорошим отцом тому, кого я ношу».*

— В тот же вечер я сообщила Джонни, — сказала Марта и сухо добавила: — Он не выразил восторга, как тебе, видимо, известно.

Дарси кивнула.

— Двинул меня шваброй раз пять, а потом, когда я плакала в углу, стоял надо мной и кричал: «Ты что, спятила? Нет у нас никакого ребенка! Совсем сдвинулась баба!» Повернулся и ушел.

Я лежала, думала о первом выкидыше и боялась, что в любую минуту опять начнутся боли и все повторится. Думала, о том, как мама писала мне, чтобы я убиралась отсюда, пока он не отправил меня в больницу, а Кисси прислала автобусный билет и написала помадой: «УЕЗ-ЖАЙ СРАЗУ». И когда я убедилась, что выкидыша не будет, я встала с намерением собрать вещички и утаты-вать к черту — сразу же, пока он не вернулся. Но не успела я открыть шкаф, как опять подумала о Мамаше Делорм. Я вспомнила, что сказала ей, что собираюсь уйти от Джонни, а она мне ответила: «Он *от тебя* уйдет. Ты его проводишь, и все. Держись, женщина. Будет немного

денег. Ты думаешь, он сделал ребенка, но это совсем не он».

Казалось, будто она присутствует здесь и указывает мне, чем заняться и что делать. Я действительно полезла в шкаф, но совсем не за своими вещами. Я порылась и кое-что откопала в том самом проклятом пальто, где раньше нашла пузырек с героином. Это было его любимое пальто, и в нем действительно можно было найти все, что нужно, чтобы понять, кто такой Джонни Роузволл. Оно было очень яркое... дешевое на вид. Я его терпеть не могла. На этот раз наркотики мне не попались. В одном кармане оказалась огромная бритва, в другом — маленький дешевый пистолет. Я достала пистолетик, посмотрела на него, и меня снова охватило то же чувство, что в спальне Джеффериса, — словно я делаю что-то, еще не пробудившись от глубокого сна.

Я прошла в кухню с пистолетом в руке и положила его на полочку над плитой. Потом открыла шкафчик над раковиной и порылась в углу среди специй и чая. Сначала я не могла найти то, что старуха дала мне, и меня охватил неизбывный, до полного оцепенения ужас — я испугалась, как можно пугаться только во сне. Потом нащупала ту самую пластиковую коробочку и вынула ее.

Я открыла ее и достала гриб. Он был противный на ощупь — слишком тяжелый для своих размеров и *теплый*. Будто держишь что-то живое, что еще не совсем умерло. Помнишь, что я делала в спальне у Джеффериса? Так вот, лучше бы я еще двести раз сделала это, чем снова взяла в руки этот гриб.

Я держала его в правой руке, а в левую взяла этот пистолетик 32-го калибра. Потом изо всех сил сжала кулак и почувствовала, как гриб хлупает у меня под пальцами, и раздался звук... я знаю, в это невозможно поверить... но он как бы вскрикнул. Ты можешь поверить?

Дарси медленно покачала головой. Она не знала точно, верит она или нет, но наверняка знала одно: она *не хочет* верить.

— Вот и я не верю. Но звук был очень похожий. И в другое ты не поверишь, но я верю, потому что видела: из него потекла кровь. Из гриба текла кровь. Ручеек стек у меня по пальцам прямо на пистолет. Но кровь исчезла сразу, как только попала на ствол.

Потом я остановилась. Я разжала кулак, ожидая, что там полно крови, но там был только гриб, весь сморщенный, с вмятинами от пальцев. Ни на грибе, ни на моей руке, ни на пистолете никакой крови не было. И едва я подумала, что ничего не сделала, а просто сплю наяву, как эта чертова штука задергалась у меня в руке. Я посмотрела туда, и какое-то мгновение она вообще не показалась грибом — она выглядела как крохотный пеннис, еще живой. Я вспомнила, как у меня по руке текла кровь, когда я сжимала его, и подумала о словах старухи: *«Всякого ребенка, которого зачинает женщина, мужчина выстреливает из собственного клюва, девочка»*. Оно снова задергалось — абсолютно точно, я тебе говорю, — и я взвизгнула и бросила его в мусорное ведро. Тут я услышала, как Джонни топают по лестнице, схватила его пистолет, побежала в спальню и положила обратно в карман пальто. Потом залезла в постель одетая, даже не сняв туфли, и натянула одеяло до подбородка. Он зашел, и видно было, что он настроен поскандальить. В руке у него была выбивалка для ковров. Не знаю, где он ее взял, но ясно было, что он собирается делать.

— Никакого ребенка не будет, — сказал он. — Иди сюда.

— Нет, — ответила я, — ребенка не будет. Тебе уже не нужна эта штука, положи ее. Ты уже позаботился о ребенке, безмозглое дерьмо.

Я знала, что рискую, обзывая его такими словами, но решила, что они заставят его поверить мне, и так и вышло. Вместо того чтобы бить меня, этот здоровенный кретин весь расплылся в ухмылке. Говорю тебе, я никогда его так не презирала, как тогда.

— Вышел? — спросил он.

— Вышел, — сказала я.

— Куда он делся? — спросил он.

— А как ты думаешь? — сказала я. — Наверно, плывет по Ист-ривер.

Он подошел ко мне и попытался поцеловать, Господи прости. *Поцеловать* меня! Я увернулась, и он ударил меня подбородком в темя, но не больно.

— Вот увидишь, мне лучше знать, — сказал он. — Потом будет время и для детей.

Он снова ушел. Следующей ночью он с друзьями пытался ограбить винный магазин, и пистолет взорвался у него в руках и убил его.

— Думаешь, ты заколдовала пистолет, так, что ли? — спросила Дарси.

— Нет, — спокойно произнесла Марта. — *Она* заколдовала... моими руками, так сказать. Она видела, что я сама не справлюсь, вот и *заставила* меня решить эту проблему.

— Но ты же считаешь, что пистолет был заколдован.

— Не просто *считаю*, — тихо возразила Марта.

Дарси пошла в кухню выпить воды. У нее вдруг пересохло во рту.

— Вот и все, в общем, — продолжала Марта, когда та вернулась. — Джонни погиб, а я родила Пита. Только когда я уже не могла работать перед родами, я узнала, сколько у меня друзей. Если бы я знала раньше, может быть, я бы раньше ушла от Джонни... а может быть, и нет. Никто не может предвидеть, что произойдет в этом мире, что бы мы ни думали или говорили.

— Но это еще не все? — спросила Дарси.

— Есть *еще* две вещи, — сказала Марта. — В общем-то мелочи.

«Но не похоже, чтобы она считала их мелочами», — подумала Дарси.

— Я снова пошла к Мамаше Делорм, когда Питу уже было четыре месяца. Я не хотела, но пошла. У меня был конверт с двадцатью долларами. Я не могла себе позволить такой расход, но каким-то образом знала, что это ее деньги. Было темно. Ступеньки казались еще уже, чем в

прошлый раз, и чем выше я поднималась, тем сильнее ощущались ее запахи: полусгоревших свечей, и высохших обоев, и чая, который отдавал корицей.

В последний раз у меня появилось это ощущение, будто я что-то делаю во сне — словно за стеклянной стеной. Я подошла к ее двери и постучала. Ответа не было, и я постучала снова. Опять тишина, я опустилась на колени и просунула конверт под дверь. И ее голос донесся прямо *из-за* двери, будто *она* по ту сторону тоже стала на колени. Я в жизни так не пугалась, как тогда, когда слышала этот сухой старческий голос сквозь щель под дверью, — он шел будто *бы* из могилы.

— Он вырастет хорошим мальчиком, — говорила она. — Как отец. Как *истинный* отец.

— Я вам кое-что принесла, — сказала я. Я едва различала собственный голос.

— Просунь его в щель, милочка, — прошептала она. Я подтолкнула конверт, а она утащила его на свою сторону. Я слышала, как она вскрывает конверт, и осталась ждать. Просто ждать.

— Тут хватит, — прошептала она. — Иди отсюда, деточка, и больше никогда не приходи к Мамаше Делорм, слышишь?

Я вскочила на ноги и побежала прочь что есть духу.

Марта подошла к книжному шкафу и достала книгу в твердом переплете. Дарси была поражена сходством между оформлением этой книги и романа Питера Роузволла. Это было «*Сияние неба*» Питера Джеффериса, и на обложке были нарисованы двое солдат, штурмующих вражеский дот. Один из них держал гранату, другой стрелял из винтовки М-1.

Марта порылась в своей холщовой сумке, достала книгу сына, развернула бумагу, в которую она была обернута, и благоговейно положила рядом с книгой Джеффериса. «*Сияние неба*» — «*Сияние славы*». Сравнение напрашивалось само собой.

— Вот книга того, — сказала Марта.

— Да, — неуверенно произнесла Дарси. — Действительно похожи. А как насчет содержания? Разве они...

Она растерянно запнулась и искоса взглянула на Марту. С облегчением она обнаружила, что Марта улыбается.

— Ты хочешь спросить, не списал ли мой сын книгу этого подонка? — спросила Марта без всякой враждебности.

— Нет! — воскликнула Дарси с излишней горячностью.

— Общего у них только то, что обе книги о войне, — сказала Марта. — Они различаются, как... ну, как различаются черный и белый. Но и в той, и в другой как бы рассеяно... что-то неуловимое. Это тот солнечный свет, о котором я говорила, — это ощущение, что мир гораздо лучше, чем кажется, особенно людям, которые слишком хитры, чтобы быть добрыми.

— А разве не может быть, что твой сын вдохновлялся Питером Джефферисом... он читал его книги в колледже и...

— Конечно, — ответила Марта. — Думаю, что мой Питер читал Джеффериса — скорее всего, это так, хотя бы потому, что подобное тянется к подобному. Но есть кое-что еще, что объяснить потруднее.

Она взяла в руки роман Джеффериса, задумчиво подержала его, а потом взглянула на Дарси.

— Я купила эту книгу примерно через год после рождения сына, — продолжала она. — Тираж еще только печатался, и магазин заказал пробную партию. Когда Джефферис приехал в очередной раз, я набралась смелости и попросила у него автограф. Я думала, он рассердится из-за такой просьбы, но он лишь немного удивился. Смотри сюда.

Она раскрыла форзац *«Сияния неба»*.

Дарси прочла то, что там было напечатано, и у нее все смешалось в голове. *«Посвящаю эту книгу своей матери, АЛТЕЕ ДИКСМОНТ ДЖЕФФЕРИС, лучшей женщине которую я знал»*. А ниже Джефферис написал чернилами, которые уже почти выцвели: *«Марте Роузволл,*

которая убирает мой бардак и никогда не жалуется». Потом роспись и дата: «август 1961».

Слова в рукописном посвящении сперва показались ей оскорбительными... потом жуткими. Но не успела она обдумать это, как Марта раскрыла книгу своего сына, «Сияние славы», тоже на форзаце и положила рядом с книгой Джеффериса. Дарси снова прочла печатный текст: *«Посвящаю эту книгу своей матери МАРТЕ РОУЗ-ВОЛЛ. Мама, без тебя я бы этого не сделал».* И ниже фломастером: *«И это правда. Я люблю тебя, мама! Пит».*

Но она не читала эту надпись — она просто рассматривала ее. Глаза ее перебегали с одной книги на другую, и обратно, с надписи, сделанной в августе 1961 года, на другую, сделанную в апреле 1985-го.

— Видишь? — тихо спросила Марта.

Дарси кивнула. Она видела.

Тонкий, с наклоном, слегка старомодный почерк был совершенно одинаков в обоих случаях... как и тексты посвящений, с небольшими вариациями. Только тон рукописных посвящений различался так же четко, как различаются черный и белый.

КРОССОВКИ

Джон Телл уже с месяц работал в студии Табори, когда впервые увидел кроссовки. Студия находилась в здании, которое когда-то называлось Мьюзик-сити и во времена раннего рок-н-ролла и ритм-энд-блюза конца сороковых пользовалось немалой славой. В те времена вряд ли кто осмелился бы появиться в кроссовках внутри здания. Однако те дни миновали вместе с богатыми продюсерами в отутюженных брюках и туфлях из змеиной кожи. Теперь кроссовки были в Мьюзик-сити чуть ли не форменной обувью, и когда Телл впервые заметил эти, у него не возникло никаких отрицательных эмоций в адрес их владельца. Кроме одной: сменил бы обувь. Эта когда-то была белой, но, судя по виду, было это в незапамятные времена.

Все это пронеслось у него в голове, когда он впервые заметил кроссовки в маленьком помещении, где о соседе столь часто судят по обуви, потому что остального не видят. Эту пару Телл узрел под дверью первой от входа кабинки мужского туалета, где их всего-то было три. Заметил он их по пути к третьей, последней, кабинке. Он вышел несколько минут спустя, вымыл и высушил руки, причесался и направился в студию «Е», где трудился над записью альбома группы хэви-метал, которая называлась «Мертвые ритмы». Сказать, что Телл забыл о кроссовках, было бы преувеличением, поскольку они лишь едва зафиксировались на экране его мозга.

Продюсером «Мертвых ритмов» был Пол Дженнингс. Он не был столь знаменит, как старые короли бибоба в Мьюзик-сити — Телл считал, что рок-музыка не способна породить такое величие, но достаточно известен, и сам

Телл считал его лучшим продюсером рок-н-ролла из ныне действующих — разве что Джимми Джовин мог сравниться с ним.

Телл познакомился с ним на презентации фильма-концерта; можно сказать, заметил его с другого конца зала. Волосы у того уже седели, да и резкие черты красивого лица Дженнингса вытянулись, но это, несомненно, был тот человек, который лет пятнадцать назад записывал легендарные Токийские концерты с участием Боба Дилана, Эрика Клэптона, Джона Леннона и Эла Купера. Не считая Филадельфии Спектора, Дженнингс был единственным продюсером, которого Телл узнал бы не только в лицо, но и по характерному звучанию записей — кристально чистые верха подчеркивались столь сильными партиями ударных, что ключицы сотрясались. Это была та чистота звука Дона Маклина, которая впервые появилась в токийских записях, но если убрать дисканты, то сквозь плотный ритм прослушивался вроде бы Сэнди Нельсон.

Естественная робость Телла уступила восхищению, и он направился туда, где стоял Дженнингс, в данный момент ни с кем не беседуя. Он представился, ожидая, что в ответ получит пожатие двух пальцев и несколько дежурных слов. Вместо этого завязался долгий и интересный для обоих разговор. Они работали в одной сфере и имели общих знакомых, но даже тогда Телл понимал, что не в этом состоит волшебство их первой встречи; Пол Дженнингс оказался одним из очень немногих, с кем он мог свободно разговаривать, а для Джона Телла это было как чудо.

К концу той беседы Дженнингс поинтересовался, не ищет ли он работу.

— А вы видели в нашей профессии кого-нибудь, кто ее не искал бы? — спросил Телл.

Дженнингс рассмеялся и спросил его телефон. Телл дал ему свой номер, не придавая этому большого значения, — всего лишь жест вежливости со стороны собеседника, решил он. Но три дня спустя Дженнингс позвонил и спросил, не хочет ли Телл войти в группу из трех человек для записи первого альбома «Мертвых ритмов».

— Не знаю, можно ли сшить шелковый кошелек из свиного уха, — сказал Дженнингс, — но, коль «Атлантик рекордс» платит, отчего бы и не попробовать? — Телл ответил, что тоже не видит таких причин, и тут же подписал контракт.

Примерно через неделю Телл увидел кроссовки снова. Он отметил только, что это кроссовки того же парня, потому что они были на том же месте — под дверью кабинки номер один. Нечего было и сомневаться, что это те же самые кроссовки — белый (когда-то) верх с въевшейся между рубчиками грязью. Он заметил пропущенное ушко и подумал: *«Ты, наверно, во сне их шнуровал, приятель»*. Затем проследовал к третьей кабинке (которую почему-то считал «своей»). На обратном пути он опять взглянул на кроссовки и заметил странную вещь: на одной из них лежала дохлая муха. Она лежала на закругленном носке левой туфли, той, что с пропущенным ушком, задрав вверх маленькие лапки.

Когда он вернулся в студию «Е», Дженнингс сидел за пультом, обхватив голову руками.

— Все в порядке, Пол?

— Нет.

— В чем дело?

— Во *мне*. *Моей* карьере конец. Я вымотан. Мне восемьдесят шесть. Пора на помойку.

— О чем ты говоришь? — Телл оглянулся в поисках Джорджи Ронклера и нигде его не увидел. Он ничуть не удивился. У Дженнингса периодически бывали депрессии, и Джорджи в этих случаях всегда уходил. Он утверждал, что карма не позволяет ему иметь дело с сильными эмоциями.

— Я плачу даже на открытии универсама, — говорил Джорджи.

— Из свиного уха не сшить шелкового кошелька, — сказал Дженнингс. Он показал кулаком на стеклянную стенку между кабиной звукорежиссера и исполнительской студией. Он походил на нациста, делающего *«хайль Гитлер»*. — Из этих свиней точно не сошьешь.

— Повеселее, — ободрил его Телл, хотя знал, что Дженнингс совершенно прав. «Мертвые ритмы» — четверо скучных скотов и одна скучная сучка — были по-человечески отвратительны и профессионально некомпетентны.

— Сам повеселись, — сказал Дженнингс, показывая ему палец.

— Темперамента не хватает, — сказал Телл.

Дженнингс посмотрел на него и хмыкнул. Потом они оба стали смеяться. А через пять минут увлеченно работали.

Через неделю запись — какова ни была — закончилась. Телл попросил у Дженнингса рекомендацию и копию пленки.

— Ладно, но знай, что ты не имеешь права никому ее играть, пока не выйдет альбом, — сказал Дженнингс.

— Я знаю.

— А зачем она тебе, ей-Богу, не пойму. По сравнению с этими типами «Гуляющие под дулом» звучат, как «Битлы».

— Слушай, Пол, это не было *настолько* уж плохо. А если и было, то сплыло.

Тот улыбнулся:

— Да. Если подвернется работенка, я тебе позвоню.

— Это было бы классно.

Они обменялись рукопожатиями. Телл вышел из здания, когда-то называвшегося Мьюзик-сити, и мысль о кроссовках под дверью первой кабинки мужского туалета больше никогда его не посещала.

Дженнингс, работающий в этой сфере двадцать пять лет, как-то сказал ему, что в записи боба (он никогда не говорил «рок-н-ролл» — только «боп») ты либо супермен, либо дерьмо. В течение двух месяцев после «Мертвых ритмов» Джон Телл был дерьмом. Работы не было. Известно было, чем платить за квартиру. Он забеспокоился и пару раз чуть не позвонил Дженнингсу, но внутренний голос подсказывал, что это было бы ошибкой.

Потом звукорежиссер фильма «*Мастера массовых убийств каратэ*» умер от обширного инфаркта, и Телл шесть недель работал в Брилл-билдинг (это здание на-

зывалось Аллеей жестянок во времена расцвета бродвейских мюзиклов и биг-бэндов), трудясь над завершением звуковой дорожки. Музыка была слишком академичной для широкой публики — она исполнялась на гитарах, но уплатить за квартиру хватило. А на следующий день после премьеры, не успел Телл зайти в квартиру, как зазвонил телефон. Пол Дженнингс интересовался, смотрел ли он последнюю афишу «Биллборда». Телл сказал, что еще нет.

— Она заняла семьдесят первое место, — Дженнингс произнес это одновременно с отвращением, удивлением и восхищением. — *С пулей.*

— Кто? — Но он знал ответ, не успев закрыть рот.

— «Погружаясь в грязь».

Так называлась песня из альбома «Мертвых ритмов», которая шла после *«Бей, пока не сдохнет»*, — единственная, казавшаяся Теллу и Дженнингсу в отдаленной степени пригодной для сингла.

— Ну и дерьмо!

— Да, конечно, но у меня такое ощущение, что она еще попадет в десятку. Видеоклип видел?

— Нет.

— Убожество. В основном Джинджер, их певичка, разыгрывает любовь в каком-то экзотическом южном болоте с типом, который похож на Дональда Трампа в комбине-зоне. Мои интеллектуальные друзья называют такое «зов смешанной культуры». — Дженнингс захохотал так сильно, что Теллу пришлось отставить трубку от уха.

Придя в себя, Дженнингс продолжал:

— Как бы там ни было, это значит, что и весь альбом, видимо, тоже попадет в десятку. Собачье дерьмо — оно и на платиновой тарелке собачье дерьмо, но тем не менее платиновый диск есть платиновый диск, твоя понимать, однако?

— Да уж, — согласился Телл, выдвигая ящик стола, чтобы удостовериться, что кассета с «Мертвыми ритмами», которую он не ставил с тех пор, как получил от Дженнингса в последний день записи, еще на месте.

— Так что ты делаешь? — спросил Дженнингс. — Хочешь снова поработать со мной? Я делаю новый альбом Роджера Далтри. Начну через две недели.

— Господи, конечно, да!

Заплатят хорошо, но дело не в том: после «Мертвых ритмов» и шести недель «*Мастеров массовых убийств каратэ*» работать с бывшим ведущим солистом группы «Ху» — все равно, что войти с мороза в баню. Неизвестно, что он за человек, но *петь*-то он умеет. А с Дженнингсом приятно работать.

— Где?

— На старом месте. Студия Табори в Мьюзик-сити.

— Считай, что я там.

Роджер Далтри не только умел петь, он и в общении оказался вполне сносным парнем. Телл решил, что следующие три-четыре недели будут хорошим временем. У него была работа, он сделал альбом, который вышел на сорок первое место в рейтинге «Биллборда» (а сингл подскочил до семнадцатого и еще рос), и он не беспокоился о плате за квартиру впервые за четыре года с тех пор, как приехал в Нью-Йорк из Пенсильвании.

Стоял июнь, деревья были в полном цвету, девушки снова в коротких юбках, и мир казался неплохим местом. Так чувствовал себя Телл в первый день работы на Пола Дженнингса приблизительно до 1.45 дня. Тогда он пошел в туалет на третьем этаже, увидел те же некогда белые кроссовки под дверью первой кабинки, и вся прелесть жизни безвозвратно исчезла.

«Это не те же. Не могут быть те же».

Тем не менее это были те же. Легче всего было опознать их по пустому ушку, но и прочие признаки сходились. Абсолютно те же — и на том же месте. Телл обнаружил одно-единственное отличие: теперь вокруг них было больше дохлых мух.

Он медленно зашел в третью, «свою», кабинку, спустил штаны и сел. Он совершенно не удивился, обнаружив, что позыв, который привел его сюда, пропал. Тем не менее он посидел еще некоторое время, прислушива-

ясь. Может, шорох газеты. Кашель. Да хоть бы пукнул кто.

Абсолютная тишина.

«Потому что я здесь один, — подумал Телл. — Не считая, впрочем, мертвеца в первой кабине».

Дверь туалета резко хлопнула. Телл чуть не вскрикнул. Кто-то протопал к писсуарам, и когда оттуда донесся плеск, Телл придумал объяснение и успокоился. Это было так просто и так абсурдно... и, несомненно, правильно. Он взглянул на часы. 1.47.

«Кто порядок соблюдает, тот часов не наблюдает», — говаривал его отец. Папаша не был записным остряком, и это высказывание (наряду с *«Чистыми руками и тарелку легче очистить»*) принадлежало к числу его немногих афоризмов. Если педантизм действительно означает счастье, то Телл был счастливым человеком. В туалет он ходил примерно в одно и то же время, и, видимо, так же поступал его приятель в кроссовках, который предпочитал кабинку №1 так же, как Телл кабинку №3.

«Если бы тебе пришлось проходить мимо кабинок, к писсуарам, эта кабинка была бы сто раз пуста или занята другой обувью. В конце концов, не может быть, чтобы труп оставался столько времени незамеченным в мужском туалете...»

Он прикинул, сколько уже прошло с тех пор.

...месяцами — это немыслимо!»

Конечно, немыслимо. Можно поверить, что уборщики не слишком заботятся о чистоте — отсюда дохлые мухи, но пополнять туалетную бумагу они обязаны каждый день или два, так ведь? И даже если не это, труп через какое-то время начинает вонять, не так ли? Конечно, в этом месте не самые приятные запахи — после пузатого парня, который работал в конце коридора в студии «Янус-мьюзик», и вовсе не зайдешь, — но все-таки мертвечина перебила бы все прочие запахи. Она воняла бы намного ярче.

«Ярче? Боже, что за слово. А ты откуда знаешь? Ты никогда не слышал, как пахнет разлагающийся труп».

Конечно, но он был совершенно уверен, что распознал бы этот запах. Логика есть логика, а порядок есть порядок, вот и все. Парень то ли клерк из «Януса», то ли текстовик из «Крапленых карт», что в другом крыле здания. Телл слышал, что там есть тип, который сочиняет для поздравительных открыток примерно такие стишки:

*Растут фиалки с розами здесь в доме,
Ты думала, я сдох, а я не помер,
Прими же поздравления от меня!*

«Наповал», — подумал Телл и хихикнул. Тот тип, что открыл входную дверь настежь, так перепугав Телла, уже мыл руки. Теперь плеск воды на мгновение прервался. Телл представил себе, как вошедший прислушивается, кто это там смеется в закрытых кабинках, и размышляет, то ли это шутка, то ли кто-то рисует похабную картинку, то ли вовсе спятил. В конце концов, в Нью-Йорке полно сумасшедших. То и дело видишь, как они разговаривают сами с собой или смеются без всякого повода... вот как Телл сейчас.

Телл пытался представить себе Парня в кроссовках и не смог.

Вдруг ему расхотелось смеяться, и он понял, что отсюда надо сматываться.

Он не хотел, чтобы тот, кто моет руки, видел его. Присматривался к нему. Хотя бы минуту — этого достаточно, чтобы понять, о чем он думает. Людям, которые смеются, сидя в туалете, доверять нельзя.

Цок-цок — каблуки по старой белой метлахской плитке, *бум!* — резко открывается дверь, *ш-ш-ш* — мягко возвращается на место. Вы можете рвануть дверь изо всей силы, но пневматический шарнир не даст ей громко хлопнуть. Ведь это побеспокоит дежурного по этажу, который спокойно себе курит «Кэмел» и листает свежий журнал «Кррах!»

«Господи, как тут тихо! Почему этот тип не шевелится? Хотя бы чуть-чуть?»

Но здесь лишь молчание — густое, всеохватывающее, как слышалось бы покойнику в гробу, если бы он был в состоянии что-то слышать, и Телл опять почувствовал уверенность, что Парень в кроссовках мертв. К черту логику, он мертв, и мертв уже Бог знает с какого времени: вот он там сидит, а если открыть дверь, увидишь нечто бесформенное, поросшее мхом, руки свисают между колен, увидишь...

Он еле удержался, чтобы не крикнуть: *«Эй, ты, в кроссовках! С тобой все в порядке?»*

Но что, если тот отзовется — не удивленно и не раздраженно, а скрипучим лягушачьим кваканьем? Может, это будет возвращение из мертвых? Может...

Вдруг Телл вскочил, одной рукой спуская воду, а другой застегивая пуговицу на джинсах, и бросился стремглав из туалета, на ходу застегивая змейку на ширинке, понимая, какой у него идиотский вид, но не обращая на это внимания. Однако он не мог удержаться от взгляда в сторону первой кабинки. Грязные, когда-то белые, недошнурованные кроссовки. И дохлые мухи. Совсем немало.

«В моей кабинке никаких дохлых мух не было. И как это за столько времени он не заметил, что плохо зашнуровал кроссовки? Или он их вообще никогда не снимает?»

Телл очень сильно хлопнул дверью на выходе. Дежурный взглянул на него с холодным любопытством, каковое проявлял к простым смертным (в отличие от живых божеств вроде Роджера Далтри).

Телл заторопился в студию Табори.

— Пол?

— Что такое? — отозвался Дженнингс, не отрывая глаз от пульта. Джорджи Ронклер стоял сбоку, внимательно наблюдая за Дженнингсом и грызя заусенец — единственное, что он мог еще грызть, ногти у него не существовали дальше той точки, где кончалось их прилегание к живому мясу и горячим нервным окончаниям. Он держался поближе к двери. Если Дженнингс начнет психовать, Джорджи тихонько выскользнет в нее.

— Слушай, по-моему, что-то такое творится в...

Дженнингс рывкнул:

— Что *еще*?

— Как это что еще?

— Да вот фонограмма ударных. Ее *испоганили*, и не знаю, что тут можно сделать. — Он щелкнул тумблером, и грохот барабанов заполнил студию. — Слышишь?

— Метелки, ты хочешь сказать?

— *Конечно*, метелки! Они за сто метров от основной установки, но они же *привязаны* к ней!

— Да, но...

— Да, но растак их мать. Не выношу такое дерьмо! У меня сорок дорожек, *сорок дорожек, чтобы записать простенькую мелодию, и какой-то кретин-техник...*

Краешком глаза Телл заметил, что Джорджи бочком, вприпляску, выскользнул из студии.

— Но смотри, Пол, если ты поставишь эквалайзер чуть ниже...

— Эквалайзер тут не при чем...

— Заткнись и послушай минуточку, — Телл, который никому другому на земле не смог бы так сказать, чуть стронул рычажок с места. Дженнингс прекратил декламацию и прислушался. Он что-то спросил. Телл ответил. Потом он задал вопрос, на который Телл ответить *не мог*, но Дженнингс ответил сам, и вдруг они открыли целый спектр возможностей в песне «Ответил тебе — ответь мне».

Некоторое время спустя, чувствуя, что буря утихла, тихонечко вполз Джорджи Ронклер.

И Телл совсем забыл о кроссовках.

Вспомнил он о них на следующий вечер. Он сидел дома в туалете, почитывая журнал «Уайз блад», а из колонок в спальне доносилась музыка Вивальди (хотя Телл зарабатывал записью рок-н-ролла, дома у него было всего четыре пластинки с роком — две Брюса Спрингстина и две Джона Фогерти).

Он оторвался от журнала, пораженный простой мыслью. В мозгу у него возник вопрос космической глубины:

«С каких это пор ты справляешь большую нужду вечером, Джон?»

Он не мог ответить, но предположил, что в будущем станет это делать очень часто. По крайней мере одну привычку, похоже, придется изменить.

Пятнадцать минут спустя в гостиной, не глядя в раскрытый на коленях журнал, он понял еще одну вещь: с того дня он не пользовался туалетом на третьем этаже. В десять они ходили через дорогу пить кофе, и он справил нужду в туалете бара, пока Пол и Джорджи сидели за стойкой, попивая кофе, и спорили о перекрытиях. В перерыв он воспользовался туалетом в «Макдональдсе»... а затем, под вечер, на втором этаже, куда он спустился отправить почту, хотя с тем же успехом мог вложить ее в пневмопатрон.

«Избегаешь туалета на третьем этаже? Это ты делал сегодня совершенно безотчетно? Спорим, кроссовки были фирмы «Рибок». Как ребенок, который по пути из школы делает крюк за два квартала, чтобы не пройти мимо местной достопримечательности — дома с привидениями. Избегаешь, как чумы».

— Ну и что? — громко вырвалось у него.

Он не мог точно сформулировать, что именно, но знал, что это было бы слишком даже для Нью-Йорка: быть изгнанным из туалета парой грязных кроссовок.

Телл очень внятно произнес:

— С этим пора кончать.

Но это было в четверг вечером, а в пятницу вечером случилось нечто, прервавшее дружбу между ним и Полом Дженнингсом.

Телл был застенчив и нелегко сходил с людьми. В захолустном пенсильванском городке, когда он заканчивал школу, поворот судьбы выбросил его на сцену с гитарой в руках — роль, на которую он менее всего рассчитывал. Бас-гитарист группы «Сатиновые Сатурны» заболел сальмонеллезом накануне хорошо оплачиваемого выступления. Соло-гитарист, который играл и в школьном оркестре, знал, что Джон Телл владеет и бас- и ритм-ги-

тарой. Это был здоровенный и драчливый парень. Джон Телл был маленький, застенчивый и уязвимый. Гитарист предложил ему выбор: либо играй на инструменте заболевшего басиста, либо я искрошу его о твою задницу. Такой выбор немало способствовал прояснению его отношения к игре перед большим залом.

К концу третьей песни страх пропал. К концу пятой он знал, где его место. Через много лет после своего дебюта Телл услышал историю Билла Уаймена, бас-гитариста «Роллинг стоунз». Уаймен якобы отключился прямо на концерте, который был не в каком-то заштатном клубе, а в огромном зале, упал со сцены и сломал ключицу. Телл полагал, что многие считают эту историю выдумкой, но сам склонен был в это поверить... в конце концов, ему-то было понятно, как такое могло случиться. Бас-гитаристы — невидимки в мире рока. Были, правда, исключения — хотя бы Пол Маккартни, но они только подтверждают правило.

Вероятно, из-за незавидного положения бас-гитаристы в вечном дефиците. Когда через месяц «Сатиновые Сатурны» распались (соло-гитарист и ударник подрались из-за девушки), Телл вступил в группу, созданную ритм-гитаристом «Сатурнов», и так определился его жизненный путь.

Теллу нравилось играть в оркестре. Ты на виду; зришь на всех свысока — не участвуешь в тусовке, а ведешь ее; ты одновременно нигде и всюду. То и дело тебе приходится петь, но никто не требует, чтобы ты держал речь или что-то в этом роде.

Такая жизнь — наполовину студент, наполовину бродячий цыган — продолжалась десять лет. Он был хорошим музыкантом, но не слишком честолюбивым. Постепенно в Нью-Йорке он втянулся в профессиональную звукозапись, начал колдовать с пультом и обнаружил, что жизнь по ту сторону стеклянной перегородки ему нравится все больше. За все это время он подружился только с одним человеком — Полом Дженнингсом. Это произошло очень быстро, и Телл полагал, что виной тому интенсивные перегрузки во время работы. В основном, как он подозревал, сработали два фактора: его неизбежное одиночество

и яркая личность Дженнингса, настолько притягательная, что сопротивляться ей было невозможно. То же было и с Джорджи, заподозрил Телл после того, что произошло в пятницу вечером.

Они с Полом зашли пропустить по стаканчику в бар Мак-Мануса, мирно беседовали о микшировании, о бизнесе, о металлическом роке, как вдруг правая рука Дженнингса оказалась под столом и нежно погладила Телла по причинному месту.

Телл так резко вскочил, что на столе упала свеча и вино выплеснулось из бокала Дженнингса. Официант подошел, поправил свечу, чтобы она не прожгла скатерть, и исчез. Пораженный, Телл уставился на Дженнингса.

— Виноват, — произнес Дженнингс, и он действительно выглядел виноватым... но в то же время невозмутимым.

— Боже мой, Пол! — Это было все, что он мог сказать, и прозвучало это, как приговор.

— Я думал, ты готов, вот и все, — сказал Дженнингс. — Полагаю, мне надо было быть чуть потактичнее.

— Готов? — переспросил Телл. — О чем ты? К чему готов?

— Вступить. Позволить себе вступить.

— Я не голубой, — отрезал Телл, но сердце у него бешено колотилось. Отчасти от гнева, отчасти от страха перед неумолимой уверенностью, которую он рассмотрел в глазах Дженнингса, а больше всего от испуга. То, что сделал Дженнингс, отвратило его навсегда.

— Забудем об этом, ладно? Просто будем считать, что ничего не было. — *«Пока ты не захочешь»* — можно было прочесть в этих неумолимых глазах.

«Да нет, было, — хотелось сказать Теллу, но он промолчал. Голос разума и практичность не позволили ему сказать... не позволили вызвать у Пола Дженнингса опасное короткое замыкание. В конце концов, это хорошая работа... и не только в самой работе дело. Пленка Роджера Далтри в портфеле была бы равноценна двухнедельной зарплате. Надо быть подипломатичнее и прибегать это юношеское возмущение для другого раза. И

вообще, зачем выходить из себя? В конце концов, Дженнингс же его не изнасиловал.

И все это было лишь вершиной айсберга. Главным было вот что: он не раскрыл рта, потому что всегда так делал. Рот не просто закрылся — он захлопнулся, как капкан, как бы сильно ни билось сердце, как бы он ни стискивал зубы и высоко держал голову.

— Ладно, — только и сказал он, — ничего не было.

Той ночью Телл спал плохо, и снились ему нехорошие сны: сначала Дженнингс приставал к нему у Мак-Мануса, потом появились кроссовки под дверью кабинки, только теперь Телл открыл дверь и обнаружил, что за ней сидит Пол Дженнингс. Он умер голым, в состоянии полового возбуждения, которое каким-то образом сохранялось все это время после смерти. Рот Пола раскрылся и издал отчетливый скрип. «Хорошо — я *знал*, что ты готов», — произнес труп, выдыхая зеленоватый гнилой воздух, и Телл проснулся от того, что упал на пол завернутым в одеяло. Было четыре ночи. За окном в промежутках между домами появились первые проблески рассвета. Он оделся и курил одну сигарету за другой, пока не настало время ехать на работу.

Около одиннадцати в субботу — они работали по шесть дней в неделю, чтобы уложиться в отпущенный Далтри срок, — Телл отправился помочиться в туалет на третьем этаже. Он встал у входа, потирая виски, и затем заглянул под кабинку.

Не видно. Отсюда не видно.

*«И не надо! Не обращай внимания. Пописай и прова-
ливай отсюда!»*

Он медленно подошел к одному из писсуаров и расстегнул змейку. Долго не получалось.

На обратном пути он остановился, втянул голову, как собака на старинных пластинках «Голос его хозяина», затем обернулся. Он медленно зашел за угол, остановившись, чтобы заглянуть под дверь первой кабинки. Грязные белые

кроссовки были на месте. Здание, когда-то известное как Мьюзик-сити, было абсолютно пустым, как и полагалось в субботу утром, но кроссовки никуда не делись.

Взгляд Телла сосредоточился на мухе, кружившей возле писсуаров. С какой-то опустошающей жадностью он наблюдал, как муха заползла под дверь кабинки и коснулась грязного носка одной туфли. Там она остановилась и просто свалилась замертво. В большую кучу трупов насекомых вокруг кроссовок. Телл без всякого удивления обнаружил, что там, кроме мух, были еще два паучка и здоровенный таракан, лежавший лапками кверху, словно перевернутая черепаха.

Телл пулей вылетел из туалета, и его возвращение в студию выглядело весьма своеобразно: казалось, не он идет, а здание обтекает его, как горная речка скалу.

«Когда я вернусь, то скажу Полу, что плохо себя чувствую, и уйду домой», — решил он, но не сделал этого. Пол с утра был не в духе, у него ничего не получалось, и Телл знал, что был отчасти (если не целиком) причиной этого настроения. Может ли Пол выгнать его? Неделю назад он рассмеялся бы при этой мысли. Но неделю назад он еще верил в то, во что верил с детства: что друзья — это действительно друзья, а привидения — это выдумка. Теперь он все сильнее сомневался в незыблемости обоих постулатов.

— Блудный сын вернулся, — пробурчал Дженнингс, не оборачиваясь, когда Телл открыл вторую из двух дверей студии — ту, которую называли «герметичной». — Я уж думал, ты умер, Джонни.

— Нет, — ответил Телл, — не я.

Это действительно было привидение, и Телл узнал чье за день до окончания записи Далтри и его работы с Дженнингсом, но до этого много чего случилось. В общем-то все события сливались в одно, знаменуя, словно километровые столбики на Пенсильванском шоссе, продвижение Джона Телла к нервному срыву. Он знал, что к тому идет, но помешать этому не мог. Будто он не сам едет по шоссе, а его везут.

Сначала линия поведения казалась ему ясной: не ходить в тот туалет и избегать всяких мыслей и вопросов о кроссовках. Просто отключить эту тему. Затемнить ее.

Оказалось, что он не смог. Видение кроссовок выплывало перед ним в самые неподходящие моменты и не отпускало. Вот он сидит дома, смотрит новости по Си-Эн-Эн или какую-нибудь дурацкую передачу и вдруг замечает, что думает о мухах или о том, почему уборщик, заменяя туалетную бумагу, ничего не заметил, а потом смотрит на часы и обнаруживает, что прошел целый час. А то и больше.

На какое-то время он почти поверил, что это какой-то дурацкий розыгрыш. Пол, конечно, в нем участвовал, а еще, видимо, этот пузатый из «Януса» — Телл часто замечал, как они оживленно беседуют, а один раз посмотрели в его сторону и захихикали. Не исключается и дежурный по этажу — тот, с пустыми глазами, что курит «Кэмел». Только не Джорджи — тот не смог бы удержать секрет даже под строгим контролем Пола, зато любой другой мог быть замешан. Пару дней Телл подозревал, что даже сам Роджер Далтри неправильно шнуровал свои кроссовки.

Хотя он понимал, что это всего лишь болезненные фантазии, избавиться от них было невозможно. Он мог сколько угодно прогонять такие мысли, настаивать, что не существует никакого заговора против него во главе с Дженнингсом, и разум говорил: *«Да, конечно, это логично»*, а пять часов спустя — а то и всего двадцать минут — живо представлял, как они все сидят в котлетной Десмонда в двух кварталах отсюда: Пол, дежурный, который непрерывно курит и обожает группы, затянутые в кожу и обвешанные металлом, может, даже тощий парнишка из «Крапленых карт», едят креветок и выпивают. И, разумеется, смеются. Смеются над *ним*, а грязные белые кроссовки, которые они надевают по очереди, лежат под столом в рваном коричневом пакете.

Телл *видел* этот коричневый пакет. Вот до чего уже дошло.

Но эта фантазия, которая недолго продержалась, была еще не самым страшным. Самое страшное было вот что:

мужской туалет на третьем этаже попал в *вихрь*. Будто там стоит мощный магнит, а у него в карманах полно железных опилок. Если бы кто-то *сказал* ему нечто подобное, он бы рассмеялся (про себя, если бы это говорилось с серьезным видом), но действительно, проходя мимо туалета по пути в студию или к лифту, он как бы испытывал мощное притяжение. Ощущение было ужасным — будто тебя тащат к раскрытому окну тридцатого этажа или же ты беспомощно, как бы снаружи, наблюдаешь, как сам подносишь пистолет ко рту и играешь курком.

Его подмывало заглянуть туда. Он понимал, что еще раз посмотреть — значит, быть окончательно сбитым с ног, но ничего не поделаешь. Он хотел снова взглянуть.

Всякий раз, попадая в этот вихрь.

Во сне он то и дело открывал дверь той кабинки. Чтобы просто рассмотреть.

Рассмотреть как следует.

И сказать он никому не мог. Понимал, что стало бы лучше, если бы он излил все накопившееся в чье-то ухо — тогда оно приобрело бы форму, выросла бы ручка, за которую можно держать. Дважды он заходил в бар и пытался завязать разговор со случайным соседом. Потому что бар, полагал он, это место для самых недорогих разговоров. По себестоимости.

В первый раз, не успел он открыть рот, как собеседник разразился проповедью на тему о проклятых янки и о Джордже Стайнбреннере. Видимо, Стайнбреннер крепко насолил этому человеку, и отвлечь его от раз и навсегда избранной темы не было никакой возможности. Вскоре Телл прекратил свои попытки.

Во второй раз удалось завязать разговор с парнем, похожим на строительного рабочего. Они поговорили о погоде, затем о бейсболе (но этот тип, слава Богу, не был болельщиком) и перешли к тому, как трудно найти приличную работу в Нью-Йорке. Телл весь вспотел. Он чувствовал себя так, будто выполняет тяжелую физическую работу — например, закатывает тачку с раствором по крутому пандусу, но вроде это неплохо получается.

Парень, похожий на строительного рабочего, пил смирновскую водку. Телл потягивал пиво. Казалось, оно тут же выходит из него потом, но после того, как он взял этому типу пару рюмок, а тот ему пару бокалов, Телл приготовился к исповеди.

— Хочешь послушать о действительно странной вещи? — спросил он.

— Ты чокнутый? — перебил его парень, похожий на строителя. Он повернулся на вращающемся стульчике и уставился на Телла с дружелюбным любопытством. — Мне-то до лампочки, чокнутый ты или нет, но я вкалываю на вибраторе и хотел сказать, что меня это все не колышет. Сразу предупреждаю.

— Я не чокнутый, — возразил Телл.

— М-да. Так что действительно странно?

— Ась?

— Ты сказал, что что-то действительно странно.

— Да нет, это на самом деле не так, — ответил Телл. Потом взглянул на часы и сказал, что ему пора.

За три дня до окончания записи Далтри Телл вышел из студии «Е» помочиться. Теперь с этой целью он ходил на седьмой этаж. Он пробовал туалеты на четвертом, потом на пятом, но они были расположены точно над туалетом третьего этажа, и у него появилось ощущение, что владелец кроссовок безмолвно просачивается сквозь этажи, чтобы наброситься на него. Мужской туалет на седьмом этаже находился в противоположном крыле здания, что решало проблему.

Он миновал стол дежурного по пути к лифту, подмигнул ему и вдруг вместо того, чтобы войти в кабину лифта, оказался в туалете третьего этажа, и дверь с шипением закрылась за ним. Он еще никогда не был так напуган. Отчасти из-за кроссовок, но прежде всего потому, что понял: на три—пять секунд он потерял сознание. Впервые в жизни рассудок у него просто отключился.

Он понятия не имел, сколько простоял там, если бы вдруг позади не открылась дверь, больно ударив его в спину. Это был Пол Дженнингс.

— Извини, Джонни, — сказал он. — Я понятия не имел, что ты тут занимаешься медитацией.

Он прошел мимо, не ожидая ответа (и не получил бы его, как позже осознал Телл, — язык у него просто прилип к небу), и направился к кабинкам. У Телла хватило сил доплестись до первого писсуара и расстегнуть ширинку только затем, чтобы не доставить Дженнингсу слишком много удовольствия своим поспешным бегством. Так много времени прошло с тех пор, как он считал Дженнингса своим другом — чуть ли не единственным другом, по крайней мере в Нью-Йорке. Времена определенно переменялись.

Телл несколько секунд постоял у писсуара, затем спустил воду. Он направился к двери, затем остановился. Он обернулся, прошел два шага на цыпочках и заглянул под дверь первой кабинки. Кроссовки были еще там в окружении горы дохлых мух.

И роскошные туфли Пола Дженнингса тоже.

То, что увидел Телл, казалось двойной экспозицией, видеоэффектом с ложными призраками из старой телепрограммы «Шляпа». Сначала туфли Пола проглядывали сквозь кроссовки; потом кроссовки словно отвердели и стали видны сквозь туфли, будто Пол был привидением. За исключением того, что туфли Пола, даже когда выглядели расплывчатыми, слегка перемещались, тогда как кроссовки остались абсолютно неподвижными, как всегда.

Телл вышел. Впервые за две недели он немного успокоился.

На следующий день он сделал то, что следовало бы сделать сразу: пошел на ленч с Джорджи Ронклером и спросил того, знает ли он какие-нибудь легенды, связанные со зданием, которое когда-то именовалось Мьюзик-сити. Почему он раньше этого не сделал, оставалось для него загадкой. Он знал только, что вчерашнее событие немного прочистило ему мозги, как легкая пощечина или стакан

холодной воды, выплеснутой в лицо. Джорджи мог ничего и не знать, но ведь мог и знать; он работал с Полом не меньше семи лет, причем большей частью в Мьюзик-сити.

— О, ты имеешь в виду привидение? — Джорджи рассмеялся. Они сидели в «Картинсе» — магазинчике-закусочной на Шестой авеню, где в это время было полно народу. Джорджи откусил сэндвич с ветчиной, пожевал, проглотил и потянул крем-соду из двух соломинок, вставленных в бутылку. — Кто тебе об этом говорил, Джонни?

— Кажется, кто-то из уборщиков, — произнес Телл абсолютно равнодушным тоном.

— Ты точно его не видел? — Джорджи подмигнул. Это был максимум того, на что был способен многолетний помощник Пола, чтобы раззадорить собеседника.

— Нет. Конечно, нет. Только кроссовки. Да кучу дохлых мух.

— Да, сейчас это подзабылось, но было время, когда только о нем и говорили — как парень является в это место. Его там и достали, на третьем этаже. В туалете. — Джорджи поднял руки, потрепал себя за розовые щеки, промычал несколько тактов из «Сумеречной зоны» и попытался придать себе многозначительный вид. Это выражение у него не получалось.

— Да, — сказал Телл. — Это я слышал. Но уборщик не рассказывал мне никаких подробностей, а может, и не знал их. Просто засмеялся и ушел.

— Это было до того, как я начал работать с Полом. Он-то мне и рассказал.

— Сам он никогда не видел привидение? — спросил Телл, заранее зная ответ. Вчера Пол сидел внутри привидения. Грубо выражаясь, срал внутри него.

— Нет, он это все высмеивал. — Джорджи отложил сэндвич. — Ты же знаешь, каким он бывает иногда. Немного з-злым. — Если уж ему приходилось говорить что-то хоть немного отрицательное о ком бы то ни было, Джорджи начинал заикаться.

— Я знаю. Но при чем тут Пол? Кем было это привидение? Что с ним случилось?

— Да просто торговец наркотиками, — ответил Джорджи. — Это было в 1972 или 1973 году, когда Пол только начинал, — он сам тогда был всего лишь ассистентом звукоорежиссера. Как раз перед упадком.

Телл кивнул. С 1975 по 1980 год индустрия рока переживала тяжкие времена. Подростки тратили деньги на видео вместо пластинок. Чуть ли не в пятидесятый раз с 1955 года мудрецы предрекали гибель рок-н-ролла. И, как много раз до того, он оказался живучим трупом. Видеоигры вышли из моды; МТВ приелось; из Англии прикатила новая волна звезд; Брюс Спрингстин выпустил альбом «Рожденный в США»; наконец, пошли набирать силу рэп и хип-хоп.

— Перед упадком служащие фирм звукозаписи частенько приносили на работу кокаин в дипломатах перед всякими презентациями, — продолжал Джорджи. — Я тогда записывал концерты и видел, как это делается. Был один тип — он умер в 1978 году, но тебе его имя знакомо, если бы я назвал, — который на каждое выступление приносил банку консервированных оливок. Банка была в красивой обертке с ленточками и прочим. Только вместо сока в ней был кокаин. Он бросал эти оливки себе в стакан. Называл это «м-мартини с порохом».

— Я думаю, — хмыкнул Телл.

— В те времена многие считали, что кокаин — это просто такой витамин, — рассказывал Джорджи. — Говорили, что он не похож на героин и не дает п-похмелья, как джин. А это здание, приятель, было им просто затоплено. Там ходили и колеса, и травка, и гашиш, но больше всего кокаин. А этот тип...

— Как его звали?

Джорджи пожал плечами:

— Не знаю. Пол не говорил, а больше никто и не называл. Он вроде считался одним из тех разносчиков, что снуют в лифтах с кофе, б-булочками и прочим. Только вместо кофе этот деятель разносил наркотики. Он появлялся два-три раза в неделю, поднимался на самый верх и начинал спускаться. У него был переброшен плащ через руку, в которой он держал дипломат из крокодильей кожи.

Даже в самую жару с ним всегда был плащ. Чтобы не видно было манжет. Но, думаю, кое-кто все же видел.

— *Что?*

— М-манжеты, — Джонни закашлялся, выплюнув крошки хлеба и ветчины, и густо покраснел. — Извини, Джонни.

— Ничего. Хочешь крем-соды?

— Да, спасибо, — Джонни засветился признательностью.

Телл подозвал официантку.

— Так, значит, он был рассылным, — произнес он, в основном чтобы вывести Джорджи из замешательства — тот все еще вытирал губы салфеткой.

— Именно так. — Принесли крем-соду, и Джорджи отпил глоток. — Когда он выходил из лифта на девятом этаже, дипломат, прикованный к запястью, был набит наркотиками. Когда он доходил до первого этажа, портфель был набит деньгами.

— Куда там алхимикам, которые превращали свинец в золото, — заметил Телл.

— Да, но в конце концов волшебство кончилось. Однажды он добрался только до третьего этажа. Кто-то ждал его в мужском туалете.

— Зарезал?

— Говорят, кто-то открыл дверь кабинки, где тот сидел, и воткнул ему карандаш в глаз.

Телл представил себе эту картину так же живо, как раньше рваный пакет под столом заговорщиков в ресторане: карандаш «Черный воин», заточенный до немыслимой остроты, рассекает воздух и врежется в ничего не подозревающий зрачок. Лопается глазное яблоко. Он вздрогнул.

Джорджи кивнул:

— Здорово, правда? Но это, наверно, вранье. В этой части, я хочу сказать. Скорее всего, кто-то его, понимаешь, просто прирезал.

— Да.

— Но как бы там ни было, что-то *острое* у него, конечно, должно было быть, — добавил Джорджи.

— Ты думаешь?

— Конечно. Потому что дипломат исчез.

Телл взглянул на Джорджи. Это ему тоже было ясно. Ясно еще до того, как Джорджи договорил.

— Когда пришли фараоны и забрали парня из туалета, его левая рука валялась в р-раковине.

— О-о, — протянул Телл.

Джорджи опустил взгляд к тарелке. Там оставалась половина сэндвича.

— По-моему, я с-сыт, — выдавил он улыбку.

На обратном пути Телл спросил:

— Так что, призрак того парня вроде бы посещает... что, этот туалет? — И вдруг рассмеялся, потому что, какой бы мрачной ни была эта история, было что-то комичное в том, что призрак является в столь невозвышенное место.

Джорджи улыбнулся:

— Ты же знаешь. Сперва говорили именно так. Когда я начинал работать с Полом, ребята утверждали, что *видели* его там. Не *целиком*, а только кроссовки под дверью кабинки.

— Только кроссовки? Чушь какая-то.

— Да. Так они себе это представляли, потому что я слышал это только от ребят, которые знали его живым. Знали, что он ходил в кроссовках.

Телл, который был невинным ребенком в пенсильванском захолустье, когда произошло убийство, кивнул. Они вошли в здание Мьюзик-сити. Проходя через вестибюль к лифту, Джорджи сказал:

— Ты же знаешь, какая сильная текучка в нашей сфере. Сегодня здесь — завтра там. Вряд ли в здании остался кто-нибудь из тех, кто работал тогда, кроме Пола да двух-трех уборщиков, которые никогда не покупали у того парня.

— Думаю, что так.

— Так что вряд ли ты когда-нибудь еще услышишь эту историю, и никто больше не видит его.

Они стояли у лифта.

— Джорджи, почему ты держишься Пола?

Хотя Джорджи опустил голову и его уши покраснели, он, казалось, не удивился столь резкому повороту.

— Как почему? Он заботится обо мне.

«Ты с ним спишь, Джорджи?» Вопрос как-то естественно вытекал из предыдущего, но Телл его не задал. Не *посмел* задать. Потому что боялся, что Джорджи ответит честно.

Телл, которому трудно было даже заговорить с незнакомыми и найти друзей, вдруг обнял Джорджи Ронклера. Джорджи тоже обнял его, не поднимая глаз. Затем они отступили друг от друга, подошел лифт, и запись продолжалась, а следующим вечером в шесть пятнадцать, когда Дженнингс собирал свои бумаги (явно избегая смотреть в сторону Телла), тот вошел в мужской туалет на третьем этаже, чтобы взглянуть на владельца белых кроссовок.

Во время разговора с Джорджем его внезапно осенило... а может, это было прозрение. Вот в чем дело: иногда, чтобы избавиться от преследующего тебя привидения, нужно набраться смелости и взглянуть ему в лицо.

На этот раз не было ни внезапного провала в сознании, ни ощущения страха... только сердце размеренно колотилось. Все чувства у него обострились. Он воспринимал запахи хлорки, розовых дезинфицирующих кубиков в писсуарах, испорченного воздуха. Видел мелкие трещины на окрашенных стенах и крошащуюся краску на трубах. Слышал негромкий стук каблуков, подходя к первой кабинке.

Кроссовки были теперь почти погребены под трупами мух и пауков.

«Сначала были одна-две. Потому что они дохли, когда здесь не было кроссовок, а кроссовок не было, пока я их не увидел».

— Почему я? — задал он вопрос в пустоту.

Кроссовки не двигались, и ответа не было.

— Я тебя не знал, я тебя никогда не видел, я не употребляю то, что ты продавал, и никогда не делал этого. Так почему я?

Одна туфля приподнялась. Раздался словно бумажный шорох от осыпавшихся дохлых мух. Затем туфля — та, недошнурованная — опустилась.

Телл толкнул дверь кабинки. Завизжала петля, как в плохих готических романах. Вот он. *«Таинственный гость, покажись»*, — подумал Телл.

Таинственный гость сидел на унитазе; одна его рука безжизненно свисала с колена. Именно таким он и представлялся Теллу в снах, с единственной разницей: у него была только одна рука. Другая обрывалась пыльной культей, к которой присохло еще несколько дохлых мух. Только сейчас Телл обратил внимание, что никогда не видел на призраке штанов (а ведь спущенные штаны всегда нависают над обувью, и это видно из-под двери кабинки — зрелище то ли беспомощно комическое, то ли беззащитное, то ли все это вместе). Не видел, потому что они были подтянуты, ремень на поясе, ширинка застегнута. Это были клеш. Телл попытался вспомнить, а каком году клеш вышел из моды, и не смог.

Выше пояса на парне была синяя фланелевая рубашка с наклеенной на каждом нагрудном кармане эмблемой мира. Волосы зачесаны вправо на пробор. В проборе тоже виднелись дохлые мухи. С крючка на внутренней стороне двери свисал плащ, о котором говорил Джорджи. И на сгорбленных плечах налипли дохлые мухи.

Раздался режущий звук, похожий на скрип петель. Это сухожилия на шее мертвеца, догадался Телл. Парень поднимал голову. Теперь он взглянул на него, и Телл без всякого удивления обнаружил, что, несмотря на карандаш, торчащий из правой глазницы, это то же лицо, которое он видит каждый день в зеркале, когда бреется. Парень в кроссовках был им, а он был Парнем в кроссовках.

— Я знал, что ты готов, — сказал тот хриплым голосом человека, который давно не пользовался голосовыми связками.

— Я не готов, — возразил Телл. — Продолжай.

— К тому, чтобы узнать правду, — сказал Телл Теллу, и Телл, стоявший в двери кабинки, заметил полоску белого порошка под носом Телла, сидевшего на унитазе. Похоже, он не только торговал, но и сам употреблял. Он зашел сюда понюхать кокаин; кто-то резко распахнул дверь и воткнул

ему карандаш в глаз. Но кто совершил убийство с помощью карандаша? Разве что убийство совершено по...

— О, можешь это называть «по внезапному побуждению», — сказал тот хриплым, бесцветным голосом. — Всемирно известное убийство по внезапному побуждению.

И Телл — тот, что стоял в двери, — понял, как именно это произошло, что бы там ни думал Джорджи. Убийца не заглянул под дверь, а убитый забыл закрыть ее на защелку. Совпадение, которое при других обстоятельствах завершилось бы растерянным «извините» и поспешным отступлением. На этот раз, однако, произошло иначе. На этот раз произошло убийство по внезапному побуждению.

— Я не забыл закрыть защелку, — заметил Парень в кроссовках тем же бесстрастным голосом. — Она была сломана.

Ага, значит, защелка была сломана. Это не имеет значения. А карандаш? Телл был убежден, что убийца держал его в руках, когда рванул дверь, но не в качестве метательного орудия. Он держал его просто так, как держат в руках сигарету, связку ключей, карандаш, — просто чтобы вертеть. Телл решил, что карандаш оказался в глазу парня прежде, чем кто-либо из них двоих осознал это. Затем, видимо, потому, что убийца был одним из потребителей и знал, что находится в дипломате, он закрыл дверь, оставив жертву сидящей на унитазах, вышел из здания и направился... гм, куда же он направился...

— Он направился в хозяйственный магазин за пять кварталов отсюда и купил ножовку, — продолжал Парень в кроссовках тем же бесцветным голосом, и Телл вдруг заметил, что это больше не *его* лицо; это лицо мужчины лет тридцати, скорее всего не коренного американца. Телл был рыжеватым блондином; у этого волосы сначала были того же цвета, но теперь сделались иссиня-черными.

Тут он вспомнил еще кое-что — понял так, как приходит понимание во сне: когда люди сталкиваются с привидениями, они *обязательно* сначала видят в них самих себя. Почему? По той же причине, по какой ныряльщики на большие глубины делают остановки при

подъеме, иначе, если быстро выскочат на поверхность, у них в крови останутся пузырьки азота, которые причинят большие страдания, а то и смерть. Так же постепенны и переходы из *реальности* в мир призраков.

— Меняется восприятие, когда сталкиваешься с необычным, так ведь? — хрипло спросил Телл. — Вот почему у меня в последнее время все не клеилось. Что-то во мне готовилось встретиться... с тобой.

Мертвец пожал плечами. Мухи с сухим шорохом осыпались с плеч.

— Догадайся, Капуста, — у тебя ведь есть своя голова.

— Попробую, — согласился Телл. — Я скажу. Он купил ножовку, продавец завернул ее в пакет, и он вернулся сюда. Он нисколько не волновался. В конце концов, если кто-то уже нашел тебя, он об этом узнает: у двери будет большая толпа. Так он рассуждал. Может, уже и фараоны появились. А если все нормально, он пойдет и отпилит дипломат.

— Он сначала попробовал цепочку, — сказал хриплый голос. — Когда не получилось, он отпилит мне руку.

Они посмотрели друг на друга. Телл вдруг заметил, что видит сиденье унитаза и белые грязные плитки на стене сквозь труп... труп, видимо, превращался в настоящее привидение.

— Теперь понимаешь? — спросил тот Телла. — Почему это был ты?

— Да. Ты собирался что-то рассказать.

— Нет, это все дерьмо, — ответил призрак, а потом ухмыльнулся с таким злорадством, что Телла охватил ужас. — Но знать иногда полезно... если ты, конечно, еще жив. — Он помолчал. — Ты забыл спросить у своего приятеля Джорджи одну важную вещь, Телл. Насчет которой он мог быть не столь откровенным.

— Что? — спросил он без всякой уверенности, что действительно хочет это знать.

— Кто был моим крупнейшим покупателем на третьем этаже в те времена. Кто задолжал мне почти восемь тысяч долларов. Кому я больше не давал в долг. Кто лечился в

наркологической клинике в Род-Айленде и вышел оттуда здоровым через два месяца после моей смерти. Кто сейчас и близко не подходит к белому порошку. Джорджи тогда здесь не было, но все равно он должен знать ответы на все эти вопросы. Потому что он ведь слушает разговоры. Ты замечал, что люди разговаривают в присутствии Джорджи так, будто его и нет?

Телл кивнул.

— И про себя он ведь не заикается. Думаю, что он знает. Он никогда не скажет, Телл, но он, видимо, знает.

Лицо снова начало меняться; теперь из сплошного тумана выплывали угрюмые, резкие черты. Черты Пола Дженнингса.

— Нет, — прошептал Телл.

— Ему досталось больше тридцати штук, — произнес мертвец с лицом Пола. — Он заплатил за лечение... и немало осталось на остальные пороки... которых он не оставил.

И вдруг фигура на унитазах начала испаряться. Мгновение спустя ее уже не было. Телл взглянул на пол и обнаружил, что мухи тоже исчезли.

Больше не было необходимости ходить в туалет. Он вернулся в студию, сказал Полу Дженнингсу, что тот распоследняя сволочь, выдержал достаточную паузу, чтобы насладиться ошеломленным выражением его лица, и хлопнул дверью. Будут другие работы; он достаточно известен в своей среде, чтобы рассчитывать на них. Сознание этого, однако, пришло как откровение — не первое, но лучшее в этот день.

Вернувшись домой, он прошел через гостиную прямо в туалет. Необходимость облегчиться вернулась — и весьма настоятельно, но это как раз хорошо; это проявление нормальной жизни.

— Кто порядок соблюдает, тот часов не наблюдает, — объявил он белым кафельным стенам. Он обернулся, взял последний номер журнала «Роллинг стоунз», оставленный накануне на бачке, раскрыл на странице объявлений и принялся их изучать.

КОНЕЦ СВЕТА

Я собираюсь поведать об окончании войны, вырождении человечества и гибели Мессии — это настоящий эпос, заслуживающий тысяч страниц и не менее полки томов, но вам (если кто-то из вас сможет еще это прочесть) придется обойтись выжимкой. Внутривенная инъекция действует очень быстро. Полагаю, у меня где-то от сорока пяти минут до двух часов, в зависимости от группы крови. По-моему, у меня первая группа, что оставляет мне немного больше времени, но черт побери, если я помню точно. Если же она нулевая, вам придется иметь дело с кучей пустых страниц, мой воображаемый друг.

В любом случае рассчитывайте на худший вариант и сразу принимайтесь за дело.

Я работаю на электрической пишущей машинке — процессор Бобби действует быстрее, но страшно ненадежен, даже с подавителем помех. Я сделал всего один укол; не могу рисковать, чтобы, завершая путь, вдруг обнаружить, что все данные спутались в бесформенную кучу из-за сбоя в цепях или слишком сильного всплеска напряжения в сети, который оказался подавителю не по зубам.

Меня зовут Говард Форной. Я писатель. Мой брат, Роберт Форной, был Мессией. Я его убил четыре часа назад его же собственным открытием. Он это называл Успокоительным. Правильнее было бы: Очень Серьезная Ошибка, но что сделано, того не вернешь, как много веков говорят ирландцы... что доказывает, какие они сволочи.

Дерьмо, не могу себе позволить подобных отступлений.

После того как Бобби умер, я накрыл его одеялом, сел у единственного окна этой развалюхи и часа три смотрел

на лес. Раньше оттуда можно было рассмотреть оранжевые блики от мощных ламп дневного света в Норт-Конуэе, но теперь их нет. Остались только Голубые горы, похожие на темные треугольники из папье-маше, вырезанные детской рукой, да бессмысленные звезды.

Я включил радио, прошелся по четырем диапазонам, обнаружил какого-то чокнутого и отключился. Я сидел и размышлял, как преподнести эту историю. Разум мой скользил по бесконечным сосновым лесам, и все напрасно. Наконец я понял, что надо как-то начать, и сделал себе укол. Дерьмо. Я никогда не мог работать, не поставив себе срока.

А уж сейчас-то я его, черт побери, поставил.

Наши родители не имели оснований ожидать не того, что у них получилось: выдающихся детей. Папа — крупный историк — уже в тридцать лет получил кафедру в Хофстра-колледже. Десять лет спустя он стал одним из шести заместителей директора Национальных архивов в Вашингтоне и мог рассчитывать на дальнейшее продвижение. Он был чертовски хороший мужик — имел все записи Чака Берри и сам неплохо играл на гитаре. Днем бумажки, вечером рок.

Мама с отличием закончила университет Дрю. Стоя в элитарном студенческом союзе «Фи-Бета-Каппа», она иногда надевала чудовищную шляпу — символ принадлежности к нему. Она успешно работала в аудиторской фирме в Вашингтоне, встретила папу, вышла за него замуж и занялась частной практикой, когда забеременела вашим покорным слугой. Я появился на свет в 1980 году. К 1984 году она составляла налоговые декларации папиным приятелям, называя это «маленьким развлечением». К тому времени, как в 1987 году родился Бобби, она вела дела по налогам, капиталовложениям и распоряжению имуществом для дюжины больших шишек. Я могу их назвать, но кого это теперь волнует? Сейчас кто-то из них умер, кто-то впал в маразм.

Думаю, на этих «маленьких развлечениях» она зарабатывала денег больше, чем папа на своем солидном посту, но это не имело никакого значения — они были по-настоящему счастливы вдвоем. Я миллион раз наблюдал, как они ругаются, но драк не видел ни разу. Когда я рос, единственное различие между моей мамой и мамами моих приятелей я усматривал в том, что их мамы читали, гладили, вязали или болтали по телефону, пока полоскалось белье, а моя в это же время считала на карманном калькуляторе и выписывала ряды цифр на больших зеленых листах.

Я не разочаровал эту пару — обладателей визитных карточек с золотым обрезом. В школе я учился только на четверки и пятерки (ни меня, ни брата никогда не собирались отдавать в частную школу, насколько мне известно). Я рано начал сочинять, безо всяких усилий. Первый свой очерк опубликовал в журнале, когда мне было двадцать лет, — о том, как армия Вашингтона зимовала в Вэлли-Фордж. Я сбыл его в авиационный журнал за четыреста пятьдесят долларов. Папа, которого я очень любил, попросил выкупить у меня этот чек. Он выписал мне чек от себя, а тот, что из журнала, повесил в рамке над своим столом. Романтический гений, если угодно. Романтический, играющий блюзы гений, если угодно. Конечно, они с мамой умерли в конце прошлого года, в бреду, писая в штаны, как почти все прочие обитатели нашего большого шарика, но тем не менее я всегда любил их обоих.

Я рос ребенком, какого они имели все основания ожидать, — хороший мальчик, очень способный, талант которого рано созрел в атмосфере любви и доверия, послушный мальчик, любивший и уважавший папочку и мамочку.

Бобби был другим. *Никто*, даже владельцы визиток с золотым обрезом, как наши родители, *никогда* не ожидает такого ребенка, как Бобби. Никогда.

Я научился обходиться без горшка на целых два года раньше Боба, и это единственное, в чем я когда-либо

превзошел его. Но я никогда ему не завидовал; это выглядело, как если бы служитель, много лет подающий шайбы на площадку, завидовал славе Бобби Халла или Филадельфии. В какой-то точке сама возможность сравнения, дающая основания для зависти, исчезает. Я это знаю по себе и могу утверждать с полным основанием: начиная с некоторого момента ты просто отходишь в сторону, прикрывая глаза от вспышек фотокамер.

Бобби читал с двух лет, а в три начал писать короткие очерки («Наша собака», «Поездка в Бостон с мамой»). Он выводил разваливающиеся в разные стороны печатные каракули, как шестилетний, что удивительно само по себе, но главное не это: если не обращать внимания на то, что он еще не умел управлять сокращениями мышц, то по содержанию это выглядело как сочинения способного, хотя и очень наивного пятиклассника. С удивительной скоростью он прогрессировал от простых предложений к сложноподчиненным и сложносочиненным, с загадочной интуицией подставляя дополнительные, определительные и обстоятельственные придаточные. Иногда его синтаксис давал сбои — там не согласуется, здесь определение не к тому слову, — но к пяти годам он успешно преодолел те трудности, с которыми большинство писателей борются всю жизнь.

У него бывали головные боли. Родители опасались серьезного заболевания типа опухоли мозга и повели его к врачу. Тот внимательно его осмотрел, еще внимательнее выслушал и объявил родителям, что у Бобби ничего страшного — просто стресс: он крайне подавлен тем, что выводящая буквы рука не может работать с такой скоростью, как мозг.

— Ваш ребенок пытается вывести почечные камни из головы, — заявил доктор. — Я могу прописать кое-что от головной боли, но думаю, что на самом деле ему нужна пишущая машинка. — И мама с папой дали ему Ай-Би-Эм. Через год на Рождество ему подарили настоящий компьютер «Коммодор-64» с пословным процессором, и головные боли исчезли. Прежде чем продолжить, надо

отметить вот что: он еще три года верил, что этот процессор ему оставил под елочкой Дед Мороз. Теперь я вижу, что еще в одном превзошел Бобби: я перестал верить в Деда Мороза в более раннем возрасте.

Можно еще столько рассказывать об этих детских годах, и, по-моему, кое-что описать все-таки придется, но надо побыстрее и покороче. Срок истекает. Ах да, срок. Когда-то я читал очень смешную вещичку под названием «Унесенные ветром в кратком изложении», где было примерно такое:

«Война? — рассмеялась Скарлетт. — Чепуха!»

Бум! Эшли ушел на войну! Атланта сгорела! Ретт пришел и ушел!

«Чепуха, — произнесла Скарлетт сквозь слезы, — я подумаю об этом завтра, потому что завтра будет другой день».

Тогда, помню, я хохотал от души; теперь, когда мне самому приходится делать нечто подобное, я вижу, что это вовсе не так смешно. Вот, например:

«Ребенок, интеллект которого нельзя измерить никаким тестом? — улыбнулась Индия Форной своему верному мужу Ричарду. — Чепуха! Мы создадим атмосферу, в которой сможет развиваться его интеллект, — не говоря уже о его весьма глупом старшем брате. И мы воспитаем их как нормальных американских мальчиков, потому что они такие и есть, черт возьми!»

Бум! Мальчики Форноев выросли! Говард поступил в Вирджинский университет, закончил его с отличием и стал писателем! Хорошо устроился! Общался с массой женщин и со многими из них спал! Избежал многих модных расстройств — сексуальных и медицинских! Купил стереосистему «Мицубиси»! Писал домой не реже, чем раз в неделю! Создал два романа, которые имели немалый успех! «Чепуха, — сказал Говард, — это то, что мне надо!»

Так продолжалось до того дня, когда неожиданно появился Бобби (как и положено тронутому профессору) с

двумя стеклянными ящиками, в одном из которых было пчелиное гнездо, а в другом — осиное. Бобби в майке, которую носил навыворот, в расцвете своего нечеловеческого интеллекта и веселый, как устрица при высоком приливе.

Такие парни, как мой брат Бобби, рождаются раз в два или три поколения — например, Леонардо да Винчи, Ньютон, Эйнштейн, может быть, еще Эдисон. У них одна общая особенность: словно стрелки компаса, они долгое время бесцельно мечутся, пока не найдут Северный полюс, а найдя, устремляются к нему с сокрушительной силой. Прежде чем это произойдет, эти парни не раз влипают во всякое дерьмо, и Бобби не составлял исключения.

Когда ему было восемь, а мне пятнадцать, он зашел в мою комнату и сообщил, что изобрел самолет. К тому времени я достаточно хорошо знал Бобби, поэтому сказал:

«Чушь» — и вытолкал его взащей. Затем пошел в гараж, где на красной детской коляске покоилось его чудовищное фанерное сооружение. Оно немного напоминало истребитель, только крылья были загнуты вперед, а не назад. В середине он прикрепил болтами седло от игрушечной лошадки. Сбоку торчал рычаг. Мотора не было. Бобби заявил, что это планер. Он хотел, чтобы я столкнул его с Карриган-хилл — самого крутого холма в парке Гранта в Вашингтоне. — Там есть цементированная дорожка, где прогуливаются старички. «Она, — пояснил Бобби, — будет служить взлетной полосой».

— Бобби, — заметил я, — эти крылышки полагается загнуть назад.

— Нет, — возразил он. — Надо именно так. По телеку в «Мире дикой природы» показывали ястребов. Они пикируют на жертву, а при подъеме держат крылья вверх. Там двойной шарнир, видишь? При этом подъемная сила больше.

— Так почему же военные не строят такие самолеты? — спросил я, понятия не имея, что и американские,

и русские военные уже разрабатывают именно такие истребители — с передним наклоном крыла.

Бобби пожал плечами. Он не знал, и его это не волновало.

Мы пошли на Карриган-хилл, он уселся на седло от лошадки и взялся за рычаг.

— Подтолкни меня *хорошенько*, — приказал он. В глазах у него плясали эти дьявольские огоньки, которые я так хорошо знал, — они периодически появлялись у него чуть ли не с колыбели. Но, клянусь Богом, никогда я не подтолкнул бы его по цементированной дорожке, если бы верил, что эта штука действительно полетит.

Но я не верил и потому постарался толкнуть как следует. Он понесся по склону, вопя, словно ковбой, который только что отогнал гурт и теперь направляется в город выпить пивка. Одной старушке пришлось отскочить в сторону, и он чуть не врезался в маразматика, стоявшего опершись на палку. На середине склона он потянул ручку, и я с расширенными от ужаса и восхищения глазами наблюдал, как его фанерный самолетик отделяется от коляски. Сначала он только парил в нескольких сантиметрах над ней, и какое-то время создавалось впечатление, что он сядет обратно. Тут налетел порыв ветра, и аппарат Бобби оторвался от земли, будто привязанный невидимым тросом. Коляска скатилась по дорожке куда-то в кусты. Внезапно Бобби оказался в трех метрах над землей, затем в пяти, а там и в двадцати. С веселыми возгласами он кружил над парком Гранта на самолете с задранными вверх крыльями.

Я бежал за ним, кричал, чтобы он спускался, передо мной с чудовищной ясностью проносились картины, как он сваливается с этого дурацкого седла от лошадки и разбивается о дерево или об одну из многочисленных статуй в парке. Я не представлял себе похороны брата; я на них *присутствовал*.

— Бобби! — орал я. — Спускайся!

— И-и-и-и-и! — вопил в ответ Бобби; голос его едва долетал, но был исполнен восторга. Изумленные шахма-

тисты, метатели колец, читатели, влюбленные и бегуны замирали на месте, задрав головы.

— Бобби, на этой чертовой штуке нет привязного ремня! — взывал я. Впервые, насколько помнится, я употребил нецензурное слово.

— У-у-у-у меня все в по-о-о... — он вопил во весь голос, но я с ужасом сообразил, что ничем не могу ему помочь. Я с причитаниями понесся по Карриган-хилл. Понятия не имею, что я кричал, но охрип так, что на следующий день мог разговаривать только шепотом. Точно помню, что промчался мимо молодого парня в аккуратной тройке, стоявшего возле памятника Элеоноре Рузвельт у подножия холма. Он взглянул на меня и небрежно произнес: «Слушай, друг, у меня крыша поехала после травки».

Помню, как эта странная бесформенная тень парила над зеленой чашей парка, задирая нос кверху, когда пролетала над скамейками, мусорными урнами и вытянутыми лицами зевак. Помню, как я гонялся за ней. Помню, как исказилось лицо матери и как она разрыдалась, когда я сказал ей, что самолет Бобби, который по идее никак не мог летать, перевернуло резким порывом ветра, и Бобби закончил свою короткую, но блестящую карьеру, размазанный вдоль всей Д-стрит.

Конечно, для всего человечества было бы лучше, если бы так и случилось, но увы...

Бобби повернул обратно к Карриган-хилл, небрежно вцепившись в хвост своего самолета, чтобы не свалиться с этой проклятой штуки, и направил ее к маленькому пруду в центре парка Гранта. Он пролетел в трех метрах над ним, затем в двух... а потом прокатился, словно на водных лыжах, по поверхности воды, разогнав за собой сильную струю и пугая невозмутимых жирных уток, которые возмущенно кричали ему вслед, а он весело хохотал. Он остановился на другом конце пруда, точно между двумя скамейками, которые срезали крылья его самолетiku. Он соскочил с седла, стукнулся лбом и громко разревелся.

Вот такой был Бобби.

Не все было столь живописно — думаю даже, больше ничего подобного не случилось... по крайней мере, до Успокоительного. Но я привел эту историю, считая, по крайней мере в данном случае, что крайности служат подтверждением нормы: жизнь с Бобби — это сплошной кавардак. В девять лет он посещал лекции по квантовой физике и курс алгебры повышенной трудности в Джорджтаунском университете. Однажды он своим криком заглушил все радиоприемники и телевизоры на нашей улице и в четырех соседних кварталах: он нашел на чердаке старый переносной телевизор и переделал его в широко-вещательную радиостанцию. Один старый черно-белый «Зенит», семь метров гибкого провода, плечики, подвешенные к коньку крыши, — и presto! В течение двух часов четыре квартала Джорджтауна могли принимать только WBOV., которым оказался мой братец: он читал вслух мои рассказы, отпускал дурацкие шуточки и объяснял, что именно ввиду высокого содержания серы в отварных бобах наш папа так часто пукает в церкви по воскресеньям. «Но в общем-то он держит это в рамках, — успокаивал Бобби аудиторию примерно из тысяч трех слушателей, — приберегая главное до момента, когда надо петь гимны».

Папа, которому это все не особенно понравилось, вынужден был уплатить семьдесят пять долларов штрафа и вычел их из содержания Бобби на следующий год.

Жить с Бобби, о да... слушайте, я плачу. Интересно, это искреннее чувство или просто разрядка? Думаю, все-таки первое — Господь свидетель, как я любил его, но, видимо, надо все-таки поторопиться.

По существу Бобби закончил среднюю школу к десяти годам, но никогда не получил степени бакалавра, не говоря уже о магистре. Это потому, что мощная стрелка компаса в его голове все металась и металась туда-сюда в поисках истинного Северного полюса.

У него был физический период и более короткий, когда он свихнулся на химии... в конце концов, Бобби всегда

был слишком нетерпелив, чтобы долбить математику, связанную с этими областями. Он-то мог ее осилить, но она — и вообще так называемые точные науки — быстро ему наскучивала.

В пятнадцать лет он интересовался археологией — на нашей даче в Норт-Конузе он прочесал подножия Белых гор, воссоздавая историю живших там индейцев по наконецникам стрел, кремням и даже структуре угольков из давно угасших костров в мезолитических пещерах центрального Нью-Хэмпшира.

Но и это прошло, и он занялся историей и антропологией. В шестнадцать лет родители нехотя отпустили Бобби, когда он попросился в антропологическую экспедицию в Южную Америку.

Вернулся он через пять месяцев с первым в жизни настоящим загаром; он стал на три сантиметра выше, на восемь килограммов легче и гораздо спокойнее. Он оставался веселым, но его мальчишеская несдержанность, временами заразительная, временами невыносимая, прошла. Он стал взрослее. И впервые я услышал от него разговоры о политике... о том, какие ужасы творятся на свете. Это было в 2003 году, когда отколовшаяся от ООП группа под названием «Сыны джихада» (для меня это название всегда звучало как-то отвратительно, вроде католической общины где-то в западной Пенсильвании) взорвала в Лондоне струйную бомбу, отравив шестьдесят процентов площади города и сделав остальную непригодной для проживания тех, кто собирался иметь детей (или жить после пятидесяти). В том же году мы пробовали организовать блокаду Филиппин после того, как правительство Седенью приняло «небольшую группу» советников из красного Китая (тысяч в пятнадцать, по данным наших разведывательных спутников), и отступили лишь после того, как стало ясно, что а) китайцы не шутили, утверждая, что заполнят вакуум сразу после нашего ухода, и б) американский народ вовсе не намерен совершать массовое самоубийство из-за Филиппинских островов. Еще в том же году другая группа чокнутых кретинов —

по-моему, албанцев, — пыталась рассеять с воздуха вирус СПИДа над Берлином.

Такие вещи удручали всех, но Бобби — до глубины души.

— Почему люди такие мерзкие сволочи? — спросил он меня однажды. Мы отдыхали в Нью-Хэмпшире, был конец августа, и наши вещи в основном уже находились в ящиках и чемоданах. Домик приобрел печальный, заброшенный вид, как всегда, когда нам предстояло разъехаться в разные места. Мне — в Нью-Йорк, а Бобби — в Уэйко, Техас... вот уж чего не ожидал. Все лето он читал книги по социологии и геологии — как вам такой коктейль? — и сказал, что намерен поставить там пару экспериментов. Он сказал это самым небрежным тоном, но я заметил, как мама внимательно взглянула на него. Ни отец, ни я ничего не подозревали, но, думаю, мама почуяла, что стрелка компаса Бобби перестала рыскать и устремилась в нужном направлении.

— Почему они такие сволочи? — переспросил я. — Я что, должен ответить?

— Лучше пусть *кто-то* ответит, — вымолвил он. — И очень скоро, судя по тому, как идут дела.

— Дела идут как всегда, — заметил я, — и это, видимо, потому, что люди созданы сволочами. Если кто-то должен нести ответственность, так это Господь Бог.

— Ерунда все это. Я не верю. Даже треп насчет двойных X-хромосом оказался ерундой. И не говори мне об экономических неурядицах, конфликтах между имущими и неимущими, потому что это тоже ничего не объясняет.

— Первородный грех, — возразил я. — Работай на меня — я задаю ритм, а ты под него танцуй.

— Ладно, — сказал Бобби, — может быть, и первородный грех. Но каким орудием, большой брат? Об этом ты себя спрашивал?

— Орудием? Каким орудием? Что-то я тебя не понимаю.

— Думаю, это вода, — задумчиво промолвил Бобби.

— Что-что?

— Вода. Что-то, содержащееся в воде.

Он поднял взгляд на меня:

— Или *не* содержащееся.

На следующий день Бобби улетел в Уэйко. С тех пор я его не видел, пока он не ворвался в мою квартиру в надетой наизнанку майке и с двумя стеклянными ящиками. Это было три года спустя.

— Привет, Гови, — сказал он, переступая через порог и по-свойски шлепая меня по спине, будто мы расстались вчера.

— Бобби! — заорал я и заключил его в медвежьи объятия. Мне в грудь уперлись острые углы, и послышалось разгневанное жужжание.

— И я рад тебя видеть, — сказал Бобби, — но лучше пусти. Ты злишь туземцев.

Я поспешно отступил. Бобби поставил на пол огромный бумажный мешок и развязал рюкзак. Затем осторожно вынул из мешка стеклянные ящики. В одном был пчелиный улей, в другом — осиное гнездо. Пчелы уже успокоились и сновали по своим пчелиным делам, но осам все это явно не нравилось.

— Ладно, Бобби, — произнес я, ухмыляясь. Я не мог сдержаться. — Что у тебя на сей раз?

Он расстегнул рюкзак и вынул баночку из-под майонеза, наполовину заполненную прозрачной жидкостью.

— Видишь?

— Да. Похоже на воду. Или это огненная вода?

— И то, и другое, поверь. Взято из артезианской скважины в Ла-Плате — городке в семидесяти километрах восточнее Уэйко, и это концентрат, выделенный из восемнадцати литров воды. У меня там настоящая виñoкурня, Гови, но не думаю, что правительство будет меня преследовать. — Его ухмылка стала шире. — Это все-таки вода, но в то же время самый удивительный самогон из всех знакомых человечеству.

— Никак не усеку, о чем ты.

— Конечно, не сечешь. Но поймешь. Знаешь что, Гови?

— Что?

— Если пришибленный род человеческий сумеет продержаться еще шесть месяцев, спору, что смогу сохранить его навсегда.

Он поднял баночку из-под майонеза, и увеличенный ею глаз Бобби уставился на меня сквозь нее с чрезвычайно торжественным видом.

— Это великая вещь, — отчеканил он. — Лекарство от самой тяжелой болезни, жертвой которой становится гомо сапиенс.

— Рака?

— Ничего подобного, — возразил Бобби. — Войны. Пьяных драк. Убийств из-за угла. Всей этой гадости. Где у тебя ванная, Гови? Зубы вызывают.

Вернувшись оттуда, он не только надел майку правильной стороной наружу, но даже причесался, — правда, тем же своим привычным способом. Бобби просто совал голову под кран, а потом прохаживался по волосам пятерней.

Он осмотрел стеклянные ящики и нашел, что пчелы и осы пришли в норму.

— Не то чтобы осиное гнездо когда-нибудь хоть отдаленно приближалось к тому, что мы называем нормой, Гови. Осы — это коллективисты, подобно пчелам и муравьям, но, в отличие от пчел, которые на практике психически здоровы, и муравьев, у которых в единичных случаях бывают шизоидные сдвиги, осы все поголовно сдвинутые. — Он улыбнулся. — Как и наш добрый старый гомо сапиенс. — Он отодвинул крышку ящика, в котором находился пчелиный улей.

— Вот что, Бобби, — сказал я. Я улыбался, но слишком уж широко. — Задвинь крышку и объясни мне толком, о чем речь. Демонстрацию отложи на потом. Понимаешь, хозяин-то мой лапочка, но его супруга — это здоровенная бабища, которая курит сигары и на пятнадцать килограммов тяжелее меня. Она...

— Дело вот в чем, — продолжал Бобби, будто я ничего и не говорил — привычка, столь же мне знакомая, как Способ Причесывания Пятерней. Он никогда не бывал

невежлив, но очень часто отрешен. А мог ли я остановить его? Нет, черт возьми. Его никак не сдвинешь с места. Думаю, я и тогда подспудно чувствовал, что ничем хорошим это все не кончится, но если я был с Бобби дольше пяти минут, он просто гипнотизировал меня. Он как бы держал мяч и обещал мне, что на этот раз уж *точно*, а я бросался к этому мячу через все поле. — Наверное, ты это уже видел — время от времени бывают фотографии в журналах, а то и по телевизору показывают. Ничего особенного, но *выглядит* эффектно, потому что у людей совершенно бессмысленные предрассудки насчет пчел.

Весь ужас в том, что он был прав, — я это действительно уже видел.

Он сунул руку в щель между ульем и стенкой ящика. Менее чем за пятнадцать секунд на ней появилась копошащаяся черно-желтая перчатка. В памяти мгновенно всплыла картина: я сижу перед телевизором в пижаме, обняв плюшевого мишку, наверное, за полчаса до отхода ко сну (и уж точно за годы до рождения Бобби) и смотрю со смесью ужаса, отвращения и восхищения, как какой-то пчеловод дает пчелам облепить все свое лицо. Сначала они образовали нечто вроде балахона палача, а потом он смахнул их так, что получилась гротескная живая борода.

Бобби вдруг резко вздрогнул, потом усмехнулся.

— Одна ужалила меня, — объяснил он. — Они еще взволнованны после путешествия. Я летел с местной страховщицей из Ла-Платы в Уэйко на ее стареньком «пайпер кабе», оттуда самолетом местной линии — «Эр задница», кажется, — в Новый Орлеан. Чуть ли не сорок пересадок, но, клянусь Богом, спятили они уже здесь, в такси. На Второй авеню до сих пор больше ухабов, чем на Бергенштрассе после капитуляции Берлина.

— Слушай, я тебе все-таки советую вынуть оттуда руку, Бобс, — заметил я. Я напрягся в ожидании того, что какие-нибудь из них вылетят, а потом гоняйся за ними часами по квартире, сбивая одну за другой свернутым в трубку журналом, словно беглецов из старого фильма о

заклученных. Но ни одна не покинула ящика... пока, во всяком случае.

— Да успокойся, Гови. Видел, как пчела прилипает к цветку? Или слышал хотя бы?

— Ты не похож на цветок.

Он рассмеялся:

— Чушь! Думаешь, пчелы знают, как выглядит цветок? Дудки! Они так же представляют, как выглядит цветок, как мы с тобой слышим звуки, издаваемые облаком. Они знают, что я сладкий, потому что я выделяю с потом двуокись сахарозы... наряду с еще тридцатью семью дву-окисями, известными науке.

Он задумчиво помолчал.

— Хотя, должен признаться, я вчера немного подсластил. В самолете съел коробку вишни в шоколаде...

— О Господи, Бобби!

— ... а здесь в такси пару пирожных.

Он запустил в ящик другую руку и принялся осторожно счищать пчел. Я видел, как он снова дернулся, сбрасывая последнюю, после чего доставил мне немалое удовольствие, задвинув крышку ящика. На обеих руках у него появились красные вздутия: одно на чашечке левой ладони, другое — высоко на правой, в том месте, которое хироманты называют «ожерельем судьбы». Он пострадал, но я прекрасно понимал, что он хотел мне продемонстрировать: не менее четырех сотен пчел обследовали его. А ужалили только две.

Он извлек пару пинцетов из кармана джинсов и последовал к моему столу. Сдвинул кучу рукописей возле компьютера «Уонг микро», которым я пользовался тогда, и направил свет настольной лампы туда, где только что лежали бумаги, — водил ею туда-сюда, пока не получилось маленькое четкое пятнышко света на вишневой поверхности стола.

— Что хорошего пишешь, Бу-бу? — небрежно осведомился он, и у меня похолодело в позвоночнике. Когда он в последний раз называл меня Бу-бу? Когда ему было четыре года? Шесть? Не помню, черт побери. Он стара-

тельно обрабатывал левую руку пинцетом. Я увидел, как он вытащил нечто крохотное, похожее на волосок из ноздри, и положил в пепельницу.

— Декорация к «Ярмарке тщеславия», — заметил я. — Бобби, чем ты, черт возьми, сейчас занимаешься?

— Не хочешь вытащить из меня второе? — предложил он, протягивая мне пинцет, правую руку и сопровождая это извиняющейся улыбкой. — Я все думаю, что раз я такой умный, то и ловким должен быть соответственно, но у моей левой руки коэффициент интеллекта не выше шести.

Все тот же Бобби.

Я сел рядом с ним, взял пинцет и вытащил пчелиное жало из красной припухлости рядом с тем, что в его случае следовало называть «ожерельем обреченности», а пока я это проделывал, он объяснял мне разницу между пчелами и осами, разницу между водой в Ла-Плате и водой в Нью-Йорке и как, елки-палки, все будет замечательно с его водой, если я ему немного помогу.

И, разумеется, я понесся за футбольным мячом, который держал мой веселый, ужасно умный братец.

— Пчелы не жалят без крайней необходимости, потому что они после этого умирают, — бесстрастно пояснял Бобби. — Помнишь, в Норт-Конуэе ты мне говорил, что мы убиваем друг друга из-за первородного греха?

— Да. Я и сейчас так считаю.

— Ну что ж, если это действительно так, если есть Бог, который одновременно любит нас настолько, что выдает своего собственного Сына для распятия на кресте, и выгоняет людей под зад из рая только за то, что какая-то сучка надкусила не то яблоко, то проклятие Его вот какое: Он создал нас осами, а не пчелами. Черт, Гови, что ты делаешь?

— Сиди спокойно, — сказал я, — и я его вытащу. Если хочешь пожестиковать, я подожду.

— Ладно, — сказал он и сидел относительно спокойно, пока я вынимал жало. — Пчелы — это камикадзе приро-

ды, Бу-бу. Загляни в этот ящик. Видишь, те две, что ужалили меня, лежат на дне. Жала у них заостренные, вроде рыболовных крючков. Они легко входят. Выпуская жало, они вместе с ним выталкивают свои внутренности.

— Здорово, — удивился я, бросая второе жало в пепельницу. Зазубрин я не видел, но микроскопа-то у меня не было.

— Этим-то они и отличаются.

— Я думаю.

— У ос, напротив, жала гладкие. Они жалят столько раз, сколько хотят. Яд у них кончается после третьего или четвертого укуса, но просто делать дырки они могут сколько угодно... и обычно делают. Особенно настоящие осы. Тот вид, который здесь. Их можно приманить. Такое вещество, называется ноксон. Потом от него вроде тяжкого похмелья, потому что они просыпаются еще злее, чем обычно.

Он грустно посмотрел на меня, и впервые я увидел у него темные мешки под глазами и понял, что мой маленький братик устал больше, чем когда-либо.

— *Вот* почему люди воюют, Бу-бу. Воюют, и воюют, и воюют. У нас гладкие жала. Теперь смотри сюда.

Он встал, прошел к своему рюкзаку, порылся в нем и достал пипетку. Открыв баночку из-под майонеза, он наполнил пипетку своей дистиллированной техасской водой.

Когда он подошел к стеклянному ящичку, где было осиное гнездо, я заметил, что крышка у этого ящичка другая — к ней приделан крохотный пластиковый ползун. Мне не требовалось объяснений: пчелиный ящик он готов был открыть настежь, с осами же рисковать явно не хотел.

Он чуть сдвинул черную нашлепку. Две капельки воды упали в гнездо, на мгновение образовав темное пятнышко, которое тут же исчезло.

— Подождем три минуты, — сказал он.

— Что...

— Не спрашивай. Подождем три минуты.

За это время он прочел мою статью о подделке произведений искусства, хотя я уже успел написать больше двадцати страниц.

— Неплохо, — одобрил он, откладывая рукопись. — Очень неплохо. Но тебе стоило бы почитать о том, как миллионер Джей Гульд украсил салон-вагон своего личного поезда поддельными картинами. Мане — это звучит. — Говоря это, он снимал крышку со стеклянного ящика с осиным гнездом.

— Ради Бога, Бобби, кончай эту комедию! — заорал я.

— Ты все такой же зануда, — рассмеялся Бобби и вынул гнездо, которое было серовато-стального цвета, размером с кегельный шар. Он держал его в руках. Осы вылетали и садились ему на руки, щеки, лоб. Одна подлетела ко мне и села на запястье. Я прихлопнул ее, и она свалилась на ковер. Я разозлился — действительно разозлился. Все мое тело наполнилось адреналином, а глаза чуть не выкатились из орбит.

— Не убивай их, — сказал Бобби. — С тем же успехом можно убивать детей за тот вред, который они тебе причинили. Вот ведь в чем дело. — Он перебрасывал гнездо из одной руки в другую, словно это был теннисный мячик. Он подбросил его в воздух. Я с ужасом наблюдал, как осы носятся по моей гостиной, словно истребители-перехватчики.

Бобби осторожно опустил гнездо в ящик и сел на диван. Он похлопал по подушке, и я опустился на нее, словно загипнотизированный. Осы были повсюду: на ковре, потолке, в шторах. Полдюжины уселись на огромном экране телевизора. Не успел я сесть, как он смахнул пару ос с диванной подушки, на которую я намеревался опуститься. Они мгновенно улетели. Все легко летали, легко ползали, двигались быстро. Никаких признаков опьянения. Пока Бобби говорил, они находили дорогу в свой домик из папье-маше, заползали туда и постепенно все скрылись в нем через дыру в крышке.

— Я не первый заинтересовался Уэйко, — начал Бобби. — Просто это самый большой городок в крохотном

ненасильственном углу самого разбойного штата в Америке. Техасцы любят пострелять друг в друга, Гови, — это у них вроде национального увлечения. Половина мужчин ходит с оружием. В субботу вечером бары в Форт-Уэрте превращаются в тир, где вместо глиняных уток стреляют в живых пьянчуг. В Национальной стрелковой ассоциации там больше членов, чем в методистской церкви. Не то чтобы Техас был единственным местом, где люди стреляют друг в друга, режут горло острой бритвой или бросают детей в печь, когда они слишком громко плачут, но они действительно обожают стрельбу.

— Кроме Уэйко, — уточнил я.

— О, оружие там тоже любят, — продолжал он. — Просто пускают его в ход значительно реже.

Господи! Я только что взглянул на часы и заметил время. Мне казалось, что я пишу минут пятнадцать, а прошло больше часа. Иногда это со мной случается, когда пишу на бешеной скорости, но сейчас я не могу себе позволить вдаваться в детали. Чувствую себя как обычно — в горле не першит, я не подыскиваю лихорадочно слова, а в том, что сочинил, вся орфография и переносы правильные. Но обманывать себя не могу. Надо поторопиться. «Чепуха», — сказала Скарлетт, вот и все.

Атмосферу ненасилия в Уэйко замечали и исследовали раньше, в основном социологи. Бобби сказал, что, когда запустишь в компьютер достаточно данных по Уэйко и соседним регионам — плотность и средний возраст населения, средний доход, средний уровень образования и десятки других показателей, то на выходе получается чудовищная аномалия. Научным трудам юмор не свойствен, тем не менее авторы лучших из пятидесяти с лишним работ, которые Бобби прочел по этому вопросу, иронически предполагали, что, вероятно, там «что-то содержится в воде».

— Я решил, что, видимо, пора принять шутку всерьез, — сказал Бобби. — В конце концов, во многих местах в воде содержится что-то, препятствующее разрушению зубов. Называется фтор.

Он отправился в Уэйко с тремя помощниками: двумя старшекурсниками-социологами и профессором геологии, в том семестре не имевшем нагрузки и жаждавшем приключений. За шесть месяцев Бобби с социологами составили компьютерную программу, которая описывала то, что мой братец назвал единственным на свете миротрясением. В рюкзаке у него лежала измятая распечатка. Он показал мне ее. Я уставился на сорок концентрических кругов. Уэйко занимал восьмой, девятый и десятый круги от края.

— Теперь смотри сюда, — сказал он, подкладывая прозрачную кальку под распечатку. Там тоже были кольца, но с числами внутри. Сороковое кольцо: 471. Тридцать девятое кольцо: 420. Тридцать восьмое: 418. И так далее. В некоторых местах цифры увеличивались вместо того, чтобы уменьшаться, но ненамного.

— Что это?

— Каждое число означает количество насильственных преступлений в данном круге, — пояснил Бобби. — Убийства, изнасилования, избиения, даже злостное хулиганство. Компьютер соотносит это количество с плотностью населения и приводит относительный показатель. — Он указал пальцем на двадцать седьмой круг, где стояло число 204. — В этом районе, например, меньше девятисот жителей. В число включены три-четыре случая супружеской измены, пара пьяных драк, одно издевательство над животным — выживший из ума фермер написал на свинью и выстрелил в нее солью, насколько я помню, — и одно непреднамеренное убийство.

Я заметил, что в центральных кругах числа резко падают: 85, 81, 70, 63, 40, 21, 5. В эпицентре миротрясения Бобби находился городок Ла-Плата. Назвать его маленьким сонным местечком — значило не сказать ничего.

Ла-Плата была отмечена числом нуль.

— Вот она, Бу-бу, — сказал Бобби, наклоняясь вперед и нервно потирая свои длинные руки, — моя кандидатура на звание Сада Эдема. Здесь пятнадцать тысяч жителей, из них двадцать четыре процента — люди смешанной

крови, которых называют индиос. Фабрика мокасин, пара маленьких автомастерских, две-три степные фермы. Это что касается работы. Для развлечений — четыре бара, пара танцулек, где можно услышать музыку на любой вкус, если только ее исполняет Джордж Джонс, два открытых кинотеатра и кегельбан. — Он помолчал и добавил: — Еще есть винокурня. Такого хорошего виски я не встречал нигде за пределами Теннесси.

Короче говоря (а иначе уже не получится), Ла-Плата прямо-таки создана для безмотивного насилия, о котором сообщается в разделе полицейской хроники любой местной газеты. Тем не менее никакого насилия там не было. В течение пяти лет до появления моего брата в Ла-Плате были отмечены всего одно убийство, два разбойных нападения; ни одного изнасилования, ни одного достоверного случая издевательства над детьми. Правда, зафиксированы четыре вооруженных ограбления, но все совершены приезжими... так же, как убийство и одно из разбойных нападений. Местным шерифом был старый пузатый республиканец, очень похожий на актера Родни Дейнджерфилда. Все знали, что он проводит целые дни в местном кафе, то и дело затягивая узел на галстуке и рассказывая, что вот, к примеру, его жена... Брат заметил, что это не просто дурацкий юмор... у бедняги явно начиналась болезнь Альцгеймера. Единственным помощником шерифа был его собственный племянник. Выглядел тот, по словам Бобби, точь-в-точь как дурачок Самплз-младший из комикса «Хи-ха-хо».

— Помести эту парочку в городок где-нибудь в Пенсильвании, во всех отношениях напоминающий Ла-Плату, и от них мокрого места не осталось бы еще пятнадцать лет назад. А в Ла-Плате они спокойно дослужат до самой смерти... которая, скорее всего, произойдет во сне.

— Что ты сделал? — спросил я. — Как ты действовал?

— Ну, первую неделю после того, как мы обработали эту кучу статистического дерьма, просто сидели, обалдело уставившись друг на друга, — продолжал Бобби. — То есть к *чему-то* мы были готовы, но не к такому. Даже

Уэйко не может подготовить к Ла-Плате. — Бобби нервно вскочил, на его лице заиграли желваки.

— Терпеть не могу, когда ты так делаешь, — сказал я. Он усмехнулся:

— Извини, Бу-бу. Потом мы начали геологические исследования, делали анализы воды. Многого я не ожидал: в этом районе у каждого колодец, обычно глубокий, и они регулярно проверяют воду, чтобы убедиться, не пьют ли борную кислоту или нечто в этом роде. Если бы что-то настораживало, это давно уже обнаружили бы. Тогда мы занялись субмолекулярной микроскопией, и обнаружили удивительные вещи.

— Какие удивительные вещи?

— Разрывы в атомных цепочках, субдинамические колебания электрических зарядов и какой-то неизвестный белок. Вода, как ты знаешь, далеко не чистая H_2O — если учесть сульфиды, соли железа и Бог весть что еще, что содержится в водоносных слоях данного региона. А воде Ла-Платы следует присвоить целую кучу обозначений, вроде титулов отставного профессора. — Глаза у него засверкали. — Но самое интересное, Бу-бу, — это белок. Насколько нам известно, такой белок выявлен только в одном месте: в человеческом мозгу.

Ну-ну.

Вот она и пришла, между двумя глотками, — сухость в горле. Пока еще не сильная, но этого достаточно, чтобы прерваться и выпить стакан ледяной воды. У меня осталось, наверное, минут сорок. Господи, а сколько я еще должен рассказать! О том, как они нашли осиные гнезда, где осы не жалят; о том, как Бобби с одним из помощников наблюдали столкновение двух машин, когда водители, оба выпившие, оба примерно двадцати четырех лет (пик агрессивности, по канонам социологии), вышли, пожали друг другу руки, обменялись адресами страховых компаний и направились в ближайший бар отметить это событие.

Бобби говорил несколько часов — гораздо больше, чем сейчас в моем распоряжении. Но суть была проста и заключалась внутри баночки из-под майонеза.

— Мы устроили в Ла-Плате перегонное заведение, — заявил он. — Вот что мы там гоним, Гови, — огненную воду миролюбия. Водоносный слой в этой части Техаса расположен глубоко, но занимает громадную площадь — целое озеро Виктория сидит в пористых осадочных породах над слоем Мохоровичича. Вода оказывает мощное воздействие, но мы смогли выделить еще более активный компонент, который я тебе продемонстрировал на осах. У нас уже есть больше двадцати тысяч литров в стальных баках. К концу года будет шестьдесят. Еще через полгода сто двадцать. Но этого мало. Нам нужно больше, быстрее... и нам необходимо доставить это все.

— Доставить куда? — спросил я.

— Для начала на Борнео.

Я подумал, что либо сошел с ума, либо ослышался. Так и было.

— Смотри, Бу-бу ... то есть Гови. — Он опять рылся в рюкзаке. Достал пачку снятых с воздуха фотографий и показал их мне. — Видишь? — спросил он, пока я рассматривал их. — Видишь, как идеально совершенно? Будто сам Господь Бог вмешался в наши коммерческие передачи грозным рыком: «А теперь слушайте чрезвычайное сообщение! Это ваш последний шанс, кретины! Продолжаем трансляцию «Дней нашей жизни».

— Я тебя не понимаю, — проямлил я. — И понятия не имею, что ты мне показываешь. — Я-то знал: этот остров — не сам Борнео, а небольшой островок к западу от него, называемый Гуландио, с горой посередине и кучей жалких деревушек по ее склонам. Гора была плохо видна из-за облаков. Я хотел сказать, что не знаю, зачем он мне это показывает.

— Гора называется так же, как остров, — пояснил он, — Гуландио. На местном языке это значит «милость», или «судьба», или «рок», как тебе нравится. Но Дьюк Роджерс говорит, что это самая мощная бомба замедленного действия на Земле... и она рванет к октябрю следующего года. Может, и раньше.

* * *

Безумие тут вот в чем: вся история выглядит безумной, только если пытаться изложить ее в бешеном темпе, что я сейчас и делаю. Бобби хотел, чтобы я помог ему достать от шестисот тысяч до полутора миллионов долларов на следующие цели: во-первых, синтезировать от двухсот до трехсот тысяч литров того, что он называл эссенцией; во-вторых, доставить это все по воздуху на Борнео, где был аэродром (на Гуландио мог сесть разве что планер); в-третьих, перевезти груз на остров по имени Судьба, или Рок, или Милость; в-четвертых, грузовиками переправить его к жерлу вулкана, который спал с 1804 года (не считая нескольких легких вспышек в 1938 году), а затем вылить в грязную кальдеру. Дьюк Роджерс был на самом деле Джон Пол Роджерс, профессор геологии. Он утверждал, что Гуландио не просто извергнется — он взорвется, как Кракатау в девятнадцатом веке, и шум будет такой, что струйная бомба, отравившая Лондон, покажется детской хлопушкой.

Обломки от взрыва Кракатау, пояснил мне Бобби, буквально опоясали земной шар; на наблюдавшихся результатах этого события в значительной мере основывалась группа Сагана, когда разрабатывала теорию ядерной зимы. В течение трех месяцев после взрыва восходы и закаты на половине земного шара отличались специфической окраской вследствие пыльных завихрений как в восходящих потоках, так и в течениях Ван Аллена, которые проходят на семьдесят километров ниже слоя Ван Аллена. Глобальные климатические изменения продолжались пять лет, и пальмы нипа, которые до того росли только в восточной Африке и в Микронезии, вдруг появились в Северной и Южной Америке.

— В Северной Америке пальмы нипа вымерли к 1900 году, — уточнил Бобби, — но у экватора они неплохо прижились. Кракатау посеял их там, Гови, так же, как я хочу разлить воду из Ла-Платы по всей земле. Я хочу, чтобы людей поливали дожди лаплатской воды, — а дождей после взрыва Гуландио будет много. Я хочу, чтобы они пили лаплатскую воду, попадающую в их водохранилища. Чтобы они мыли в ней голову, купались в ней,

промывали ею контактные линзы. Чтобы проститутки ею подмывались.

— Бобби, ты спятил, — пробормотал я, зная, что это не так.

Он устало усмехнулся.

— Я не спятил, — ответил он. — Хочешь увидеть тех, кто действительно спятил? Включи Си-Эн-Эн. Там их полно — в цвете.

Но мне не нужно было включать новости (которые один мой приятель называл Органным Катком Страшного Суда), чтобы понять, о чем говорит Бобби. Индия и Пакистан вот-вот начнут войну. И китайцы с афганцами. Одна половина Африки умирает от голода, другая — от СПИДа. Последние пять лет, после того как в Мексике пришли к власти коммунисты, не прекращаются стычки вдоль границы Техаса, а пропускной пункт Тихуана в Калифорнии стали называть Маленьким Берлином, поскольку и там построили стену. Саблями уже не бряцали, а грохотали. В последний день прошлого года комитет «Ученые за ядерную ответственность» переставил свои часы на без пятнадцати секунд двенадцать.

— Бобби, допустим, это можно сделать, и все пойдет по плану, — сказал я. — Скорее всего, ничего не выйдет, но допустим. Ты же не представляешь, какими могут оказаться отдаленные последствия.

Он раскрыл рот, но я замахал руками:

— Не говори ничего — ты действительно не представляешь. У тебя было время, чтобы отыскать это твоё миротрясение и выяснить причину, я признаю. Но ты когда-нибудь слышал о талидомиде? Этом великолепном средстве от прыщей и бессонницы, от которого люди в тридцать лет заболевали раком и умирали от инфаркта? Помнишь эту вакцину от СПИДа в 1997 году?

— Гови...

— Она действительно излечивала от этой болезни, только несчастные подопытные превратились в эпилептиков и все умерли за полтора года.

— Гови...

— Потом еще был...

— Гови...

Я остановился и посмотрел на него.

— Мир, — произнес Бобби и вдруг замолк. Слова застряли у него в горле. Я видел, как он старается сдерживать слезы. — Мир нуждается в героических поступках. Я не знаю ничего об отдаленных последствиях, и изучать их нет времени, потому что никаких далеких перспектив нет. Может, нам удастся излечить это безумие. А может быть...

Он пожал плечами, попытался выдавить улыбку и взглянул на меня горящими глазами, из которых выкатывались две одинокие слезинки.

— Может быть, мы даем героин безнадежному раковому больному. В любом случае я прекращу то, что происходит. Мировая боль прекратится. — Он вытянул руки ладонями вперед так, что я видел следы укусов на них. — Помогите мне, Бу-бу. Пожалуйста, помогите.

И я помог ему.

И мы все прокакали. Можно сказать, обосрались по уши. И знаете, что я вам скажу? Дерьмо все это. Мы убили все растения, но зато сохранили теплицу. Когда-нибудь что-то вырастет снова. Я надеюсь.

— Кто-нибудь это читает?

Мои шестеренки начинает заедать. Впервые за многие годы мне приходится думать о том, что я делаю. Автоматические навыки письма. Надо было поторопиться в самом начале.

Неважно. Теперь слишком поздно что-либо изменить.

Мы, конечно, все это проделали: дистиллировали эссенцию воды, доставили ее на Гуландию, построили примитивный подъемник — гибрид лебедки с фуникулером — на склоне вулкана и вылили более двадцати тысяч двадцатилитровых канистр лаплатской воды — вариант Успокоительного — в мрачное парящее жерло кратера. Все это мы успели за восемь месяцев. Мы израсходовали не шестьсот тысяч долларов и не полтора миллиона; это обошлось более чем в четыре миллиона, что все равно

составляет одну шестнадцатую процента расходов на оборону США в том году. Хотите знать, как их собирали? Я бы сказал, кабы успел, так черепушка ломит, звиняйте. В основном деньги собирал я, если вам это интересно. Где хитро, где поллитрой. Правду говоря, сам не знаю, как мне сумелось. Но мы это сделали, и мир как-то устоял и вулкан... как его там звали я забыл а проверять прежних страниц некогда — рванул в паложеное.

Подождите...

Есть. Немного лучше. Дигиталин. Был у Бобби. Сердце мечется, как бешёное, но можно думать.

Вулкан — мы его называли Гора Милости — рванул точно в предсказанное доком Роджерсом время. Все взлетело высоко-высоко, и на какое-то время все забыли про любые дела и усталились в небо. И чепуха, сказала Скалка!

Все случилось очень быстро — крекс-фекс-пекс, съел кекс, имел секс — и все здоровы. Так вот.

Подожди...

Господи, пожалуйста, дай закончить это.

Я хочу сказать, что все успокоились. Все стали немного думать. Повели себя как осы в боббином гнезде что он мне показал не сильно жалят. Три года прошли как бабье лето. Люди собирались вместе как в песни старово Янгблада который пел давайте молиться все вмести как хотели хиппи знаете как мир и любов и...

Подо...

Большой взрыв. Будто сердце выскакивает через уши. Но я соберусь с силами, соберусь.

Словно бабье лето, вот что я хочу сказать, как три года бабьего лета. Бобби продолжал свои исследования. Ла-Плата. Социологический фон и все такое. Помните тамошнего шерифа? Старого пузатого республиканца, что похож на Родни Янгблада? А Бобби говорил, что у него первые симптомы болезни Родни?

Не он один; оказалось, что в той части Техаса полно таких, как он. С болезнью Альхена, панятно? Три года

мы с Боби сидели там. Сочиняли новую программу. Рисовали новые... крушшки. Я понял что будет и вирнулся сюда. Бобби и его два памошники остовались там. Один застрилился сказал Боби кода паявился тут.

Падажди ишо свол...

Ладно. Последняя попытка. Сердце так калотется, что еле дышшу. Новый график, *последний* график, читался только, когда его накладывали на график миротряссня. Гравик миротресения показывал, что ось насилия сходет нанет када преблежаися к Ла-Плате в центри; гравик болезни Альцхеймера паказывал чем ближе к Ла-Плати тем выше уравень преждивреминава маразма. Там люди очен рано очен глупели.

Следующии три года мы с Бобо очен биреглис, пили толко миниралную воду и носили длинные бруки... так войны нет и када все паглупели мы тоже и я вирнулси суда патамучта он мой брат я не помню как ево зват

Бобби...

Бобби когда мы сегодня пришли сюда плакал и я сказал Бобби я люблю тебя Бобби сказал извени Бубу извени я сделал во фсем мире полно дурней и идеотов а я сказал луччи курвей и патреотов а он плакал и я плакал Бобби я люблю тебя а он сказал сделай мне укол касмической воды и я скозал да и он сказал давай сичас жи и я сказал да думаю я сделал эта но точно ни помню вижду слова но не панимаю что они значат...

У меня есть Бобби ево зовут брат и я думаю я напесал и ето будет книга пасвящена Боби пакойся в мири мельон лет пращай брат, я кончаю пращай боби я тибя люблю ты ни винават я тибя люблю

пращаю... тибя люблю грешнек (за вссь мир)

Бубу Форной

С о д е р ж а н и е

ДЛИННЫЙ ПУТЬ	.7
Перевод В. Вадимова	
«КАДИЛЛАК» ДОЛАНА	.219
ПОСВЯЩЕНИЕ	.277
КРОССОВКИ	.325
КОНЕЦ СВЕТА	.355

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг

**ДЛИННЫЙ
ПУТЬ**

Выпуск 25

Сдано в набор 05.11.94. Подписано в печать 12.02.95 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 24 п.л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.

Издательство Сигма, Львов, а/я 25

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Львовской книжной фабрике "АТЛАС"
290005, г. Львов, ул. Зеленая, 20

СТИВЕН КИНГ

В этом выпуске нашей серии
вы познакомитесь с новым
остросюжетным произведением

Стивена Кинга.

«ДЛИННЫЙ ПУТЬ» —

напряженная хроника
абсолютного шоу:
жизнь оставляется
только победителю.